

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

(ВЫПУСК 4)

Книга 2

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Под общей редакцией
кандидата экономических наук С.С. Чернова

НОВОСИБИРСК

2008

УДК 001(06)
ББК 72я46

Рецензенты: д-р экон. наук, проф. *А.Ю. Рыманов*
канд. экон. наук, доц. *Е.В. Драгунова*
канд. филол. наук, доц. *Л.С. Торопова*

Актуальные вопросы современной науки / Сборник научных трудов / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Выпуск 4. – Кн. 2. – Новосибирск: ЦРНС – Издательство «СИБПРИНТ», 2008. – 293 с.

ISBN 978-5-94301-044-6

В сборнике «Актуальные вопросы современной науки» публикуются результаты исследований магистрантов, аспирантов и молодых и уже состоявшихся ученых по широкому спектру научных направлений. В представленный сборник включены материалы по техническим наукам, филологии и лингвистике, философии, экономике и юриспруденции.

Все материалы изложены в авторской редакции.

УДК 001(06)
ББК 72я46

ISBN 978-5-94301-044-6

© Коллектив авторов

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ 7. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК..... 6

Копылов С.А. Системы автоматического регулирования частоты и мощности на основе зарубежных программно-технических комплексов 7

Косулин И.А. Медицинская информационно-измерительная система определения электрических параметров биоткани в режиме воздействия заданной электрической мощностью..... 15

Соснина Н.А., Корниенко А.В. Деструкция органических загрязнителей в сточных водах ультрафиолетовым облучением..... 21

Чернышов А.В. Проблемы автоматизации подготовки и выпуска документации соответствующей стандартам ЕСКД / ЕСПД..... 32

РАЗДЕЛ 8. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКИ..... 39

Генералова Л.М. Транспозиционные маркеры как способ языковой репрезентации альтернативного осмысления событий 40

Куликова И.М. О некоторых стилевых тенденциях в современной литературе финно-угорских народов Сибири 48

Литвинова А.П. Лингвистические особенности рекламных текстов: перевод и сохранение прагматического компонента 62

Рогожникова И.Н. Прагматическое пространство директивного речевого акта «совет» в свете коммуникативной категории вежливости 72

Прищепчук С.А. Стратегия интенсификации оценки при переводе текстов политического дискурса 79

Ребрина Л.Н. Континуальность и дискретность, проблема границы в языке (на примере лексико-семантической группы глаголов памяти немецкого языка)..... 87

Терских Н.В. Термин как единица специального знания..... 97

РАЗДЕЛ 9. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ 105

Базыкин Д.В. Теория постиндустриального общества в системе социально-философских координат 106

<i>Базыкин Д.В.</i> Трансформация трудовой сферы в современном обществе: Марксистская и постиндустриальная парадигмы	116
<i>Бедова Н.С.</i> Некоторые аспекты культуры XXI века: молодежь как субъект деятельности	127
<i>Горюнов А.В.</i> Другая логика	135
<i>Матюшко А.В.</i> Категория телесности в философском дискурсе.....	147
<i>Тюплина И.А.</i> Развитие представлений о парадигме в философии науки	154
РАЗДЕЛ 10. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ	162
<i>Гришина С.В.</i> Основы методики стратегического анализа.....	163
<i>Класс Е.А.</i> Взаимосвязь стратегического управления затратами с анализом затрат на качество	170
<i>Копченко Ю.Е.</i> Капитальное финансирование деятельности коммерческого банка	177
<i>Мартынова А.П.</i> Методологические подходы и институциональные ограничения оценки эффективности государственных программ.....	184
<i>Меринов А.Ю.</i> Оценка эффективности системы внутреннего контроля.....	211
<i>Охотников О.И.</i> Оценка сильных и слабых сторон деятельности национального проекта «Развитие АПК» на примере региона (Омская область).....	222
<i>Стукова Н.С.</i> Основные проблемы налогового менеджмента на предприятии	228
РАЗДЕЛ 11. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ	236
<i>Васин В.В.</i> К вопросу о характере истины и цели судебного уголовно-процессуального познания по отечественному законодательству.....	237
<i>Васин В.В.</i> О роли суда первой инстанции в доказывании при рассмотрении уголовного дела по существу	252
<i>Кайзер Ю.В.</i> Особенности правового регулирования этапов доказательственной деятельности в гражданском и арбитражном процессе	259

<i>Попова Н.П.</i> Порядок осуществления и организация контроля за поведением условно осужденных по уголовному и уголовно-исполнительному праву России	268
<i>Семышева Т.В.</i> История института ювенальной юстиции в России ..	277
<i>Шишкин В.В.</i> Перспективы реализации президентского плана борьбы с коррупцией	285

Раздел седьмой

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК

СИСТЕМЫ АВТОМАТИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТОТЫ И МОЩНОСТИ НА ОСНОВЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРОГРАММНО- ТЕХНИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ

© Копылов С.А.¹

Казанский государственный энергетический университет,
г. Казань

В статье рассмотрен вопрос внедрения зарубежных программно-технических комплексов на российских теплоэлектростанциях с целью создания систем автоматического регулирования частоты и мощности. Выявлена одна из проблем, проанализированы причины ее возникновения и предлагаемые способы решения.

До не давнего времени большинство систем управления энергоблоками не модернизировалось десятки лет и безнадежно устарели не только морально, но и физически. В настоящий момент на отечественных электростанциях идет процесс внедрения современных АСУ ТП и в частности создание систем автоматического регулирования частоты и мощности (АРЧМ). Внедрение современных технологий и подходов к регулированию в настоящее время ограничивается применением программно-технических комплексов (ПТК), которые составляют верхний и средний уровень систем управления и подлежат модернизации, а нижний – уровень исполнительных механизмов, как правило, остается прежним или же в лучшем случае механизмы заменяются на физически новые, но морально устаревшие. Такая ситуация сложилась из-за очень высокой стоимости современных интеллектуальных регулирующих клапанов с аналоговыми или цифровыми входными сигналами. Внедрение таких регулирующих клапанов практически удваивает стоимость всей АСУ ТП, хотя модернизация верхнего и среднего уровня управления дает значительно больший эффект. В большинстве случаев модернизация только верхнего и среднего уровня систем управления энергоблоками позволяет соответствовать им современным требованиям. Однако такая ситуация не характерная для систем АРЧМ, которые создаются с целью участия энергоблоков в нормированном первичном и автоматическом вторичном регулировании частоты в энергосистеме. Это связано с тем, что к подобным системам стандартом СО-ЦДУ ЕЭС 001-2005 предъявляются очень жесткие требования по надежности и динамическим характеристикам. Для разработки и внедрения систем АРЧМ электростанциями выбираются, как правило, крупные зару-

¹ Инженер ООО «КЭР-Автоматика»

бежные компании и их программно-технические решения. Такая ситуация сложилась ввиду того, что этап либерализации рынка электроэнергии большинство развитых стран (Европа, США, Канада) прошли 10-15 лет назад и к настоящему моменту компании – мировые лидеры в области автоматизации накопили достаточно большой как теоретический так и практический опыт по реализации систем АРЧМ на энергоблоках. Перед отечественными же специалистами такой задачи ранее не ставилось. На сегодняшний день наиболее распространены в России системы: Teleperm, Simatic PCS7 от Siemens, Ovation от Emerson. Однако, при применении зарубежных ПТК, разработка которых изначально подразумевала их совместное использование с интеллектуальными исполнительными механизмами, не редко возникает ряд проблем связанных с особенностями управления механизмами, применяемыми на отечественных электростанциях. Одной из таких проблем является проблема согласования выходного значения регулятора, с входным значением, требующегося для отечественных механизмов (рис. 1). Регулятор современных ПТК ориентирован на вычисление абсолютного положения, которое должен занять клапан, а расчет куда и на сколько он при этом должен переместиться т.е. его относительное положение, производит непосредственно исполнительный механизм за счет сигнала обратной связи о текущем положении клапана. Используемые на практике отечественные механизмы не имеют микропроцессорных средств вычисления и предназначены для работы уже с рассчитанным относительным положением клапана.

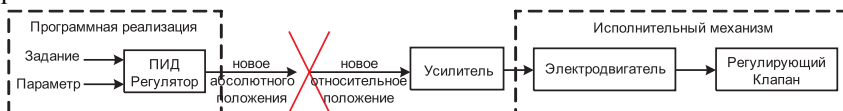

Рис. 1. Несоответствие выходного сигнала регулятора входному сигналу исполнительного механизма

Для понимания причин сложившейся ситуации рассмотрим ниже современную схему управления регулирующими клапанами и схему управления принятую на отечественных электростанциях.

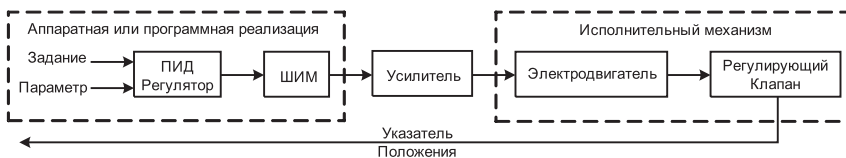

Рис. 2. Типичная отечественная схема управления

Типичная схема регулирования технологических параметров (рис. 2), разработанная несколько десятилетий назад и до сих пор применяющаяся

на отечественных электростанциях выглядит следующим образом: задание и текущее значение регулируемого параметра подаются на вход ПИД-регулятора, который высчитывает их разность и преобразует рассогласование по ПИД-закону в выходной сигнал. Этот сигнал представляет собой величину, на которую должен переместиться регулирующий орган исполнительного механизма для достижения регулируемым параметром необходимого значения. При этом выходная величина регулятора подается на вход широтно-импульсного модулятора, который формирует на своем выходе дискретные импульсы типа «больше/меньше», длина которых зависит от входного значения. Далее импульсы подаются на усилитель или пускатель, который коммутирует силовое напряжение, тем самым, включая двигатель. Время и направление вращения зависят от длины и полярности импульсов. В результате двигатель посредством повторно – кратковременного вращения перемещает регулирующий орган клапана на необходимую величину. Текущее положение клапана измеряется блоком датчика установленного на редукторе исполнительного механизма, преобразуется в унифицированный токовый сигнал и передается в систему управления. Такой сигнал принято называть сигналом «указатель положения» (УП). Он является чисто информационным и непосредственно в регулировании не участвует (за исключением случаев применения жесткой обратной связи).

Приводы и арматура являются важнейшими, базовыми элементами различных технологических систем практически во всех отраслях промышленности. Тем не менее, развитию этих устройств в России уделяется незаслуженно мало внимания [1]. Надо отметить, что большинство исполнительных механизмов эксплуатирующихся на электростанциях были изготовлены еще во времена СССР. В то время наша промышленность выпускала, как правило, исполнительные механизмы постоянной скорости вращения. Это объясняется тем, что такие исполнительные механизмы отличаются простотой исполнения. На данный момент на отечественных электростанциях используются следующие типы механизмов: механизмы электрические прямоходные (МЭП), механизмы электрические многооборотные (МЭМ), механизмы электрические однооборотные (МЭО). Все эти механизма содержат одинаковые основные конструктивные блоки, отличающиеся лишь размерами и взаиморасположением.

Современное развитие запорно-регулирующей арматуры и приводов идет по тому же пути, что и развитие первичных преобразователей – внедрению микропроцессорной техники и увеличению вычислительных способностей. При этом надежность приводов и арматуры в значительной степени определяют уровень промышленной безопасности технических систем. Неосведомленность о текущем состоянии оборудования – источник множества проблем. Известно, что на объектах с использования

большого количества регулирующей арматуры, таких как энергоблоки, выход из строя одного или нескольких устройств может остаться незамеченным, что служит источником значительных потерь в настоящем, и потенциальной причиной серьезной аварии – в будущем. Выход устройства из строя можно предотвратить, зафиксировав лишь первичные причины проявления неполадок в работе. Современное состояние микропроцессорной техники позволяет разрабатывать разнообразную диагностическую, контролируемую и управляющую аппаратуру, которая может быть применена для решения практически всех возникающих при эксплуатации оборудования задач и для предвидения возможных новых задач с целью исключения подавляющего большинства неисправностей этого оборудования и повышения его системных свойств. Таким образом, основная тенденция в области разработки новейших приводов и арматуры сегодня – обеспечить работу оборудования в течение длительных интервалов времени без ремонта или изъятия для обслуживания за счет внедрения микропроцессоров. Хотя базовые конструкции регулирующего клапана остались практически неизменными, технологические достижения привнесли интеллектуальные (smart) функции при его эксплуатации, увеличив производительность и точность регулирования. Современные регулирующие клапаны стали умнее. Разработаны новые конструкции для работы в жестких условиях, используются новые материалы корпуса и органов регулирования для уменьшения шума, но эти виды разработок не являются полностью новыми. Действительно новейшими, конструктивными элементами являются те дополнительные узлы, которые повышают уровень интеллекта регулирующего клапана. И наделяют новыми возможностями в части: «самообучения» и «самонастройки» непосредственно в рабочем процессе, диагностики двигателя и преобразователя, организации обмена данными с различными уровнями систем управления, исходя из требований конкретного технологического процесса [2].

Внедрение микропроцессорной техники в исполнительные механизмы позволяет не только реализовать те возможности по контролю и управлению арматурой, которые ранее были недоступны, но и перенести часть вычислительных задач с уровня контроллеров на уровень исполнительных механизмов. Одной из таких задач является задача вычисления направления и величины перемещения регулирующего органа арматуры при регулировании какого-либо параметра технологического процесса. Если ранее все вычисления проводились регулятором, то в современных системах управления, регулятором рассчитывается лишь значение нового положения, которое должен занять регулирующий орган арматуры, а задача вычисления того, в каком направлении и на сколько передвинуть этот орган реализуется на уровне исполнительных механизмов – позиционером или схемой предусмотренной в электронных блоках управления приводом, за счет использования обратной связи по положению регулирующего органа.

Повышенные скоростные и точностные показатели управления при применении интеллектуальной арматуры во многом достигаются за счет введения дополнительной обратной связи. Таким образом, современная схема регулирования технологических параметров (рис. 3), на которую ориентированы крупные зарубежные компании, выглядит так. Задание и текущее значение регулируемого параметра подаются на вход ПИД-регулятора, который высчитывает их выходной сигнал с ПТК в виде аналогового или цифрового значения, определяющего необходимое абсолютное положение регулирующего органа, подается на позиционер либо напрямую в блок управления приводом. разность и преобразует ее по ПИД-закону.

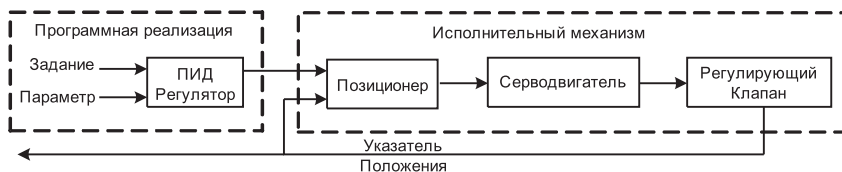

Рис. 3. Современная схема управления

Туда же подается сигнал значения текущего положения клапана (УП). Далее высчитывается рассогласование этих сигналов и в соответствии с ним подается выходной сигнал на серводвигатель, который с высокой скоростью и точностью передвигает регулирующий орган клапана в заданное положение. Точность может достигать 2,5 мкм. Как видно при такой схеме сигнал УП является не только информационным, но и напрямую участвует в регулировании, обеспечивая высокие динамические показатели регулирования.

Наиболее простым решением проблемы несоответствия вида выходного сигнала с регуляторов зарубежных ПТК входному сигналу, необходимому для отечественных механизмов является замена существующих исполнительных механизмов на интеллектуальные. Однако такой подход потребует практически удвоения затрат на внедрение систем АРЧМ, что в условиях ограниченных финансовых возможностей, которыми обладают электростанции, считается неприемлемым. Поэтому для отечественных электростанций больший интерес представляет программная доработка алгоритмов управления регулирующими клапанами и регулирования в целом, заложенных в зарубежных ПТК. Основное достоинство такого подхода состоит в небольших единовременных затратах, по сравнению с закупкой новых механизмов и обучением ремонтно-обслуживающего персонала. Производители ПТК для систем АРЧМ осознают наличия данной проблемы и предлагают свои решения. За исключением некоторых особенностей и нюансов реализации каждого конкретного ПТК сущность всех предложений сводится к следующей схеме (рис. 4). Выход с ПИД-

регулятора, характеризующий новое абсолютное положение клапана подается на сумматор, на который также подается и УП. Сумматор вычисляет разность двух сигналов и далее эта разность подается на специальный блок ШИМ, который выдает дискретные импульсы типа «больше/меньше» пропорциональные подаваемой разности. Выход с ШИМ подается на усилитель и далее на исполнительный механизм, аналогично схеме принятой на отечественных электростанциях.

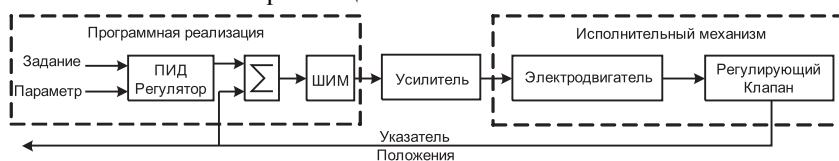

Рис. 4. Предлагаемая схема управления

Фактически функция, выполняемая позиционером или электронным блоком управления по вычислению относительного положения клапана, теперь реализуется на стороне контроллера. Данная схема позволяет с наименьшими затратами адаптировать зарубежные ПТК к отечественным механизмам. Однако в этом случае устойчивость всего процесса управления, а значит надежность и безопасность энергоблоков, а равно и их участие в регулировании частоты в энергосистеме становятся зависимыми от надежности и достоверности сигнала УП. В принятой в настоящее время на отечественных электростанциях схеме регулирования сигнал УП не участвует в регулирование и соответственно к точности и надежности его измерения и передачи не предъявляется больших требований. Опыт практического использования предлагаемого решения показывает, что оно не всегда приносит необходимый результат. Основная причина тому высокая погрешность сигнала УП.

Причин такой ситуации несколько. Основной из них является возникновение различного рода люфтов и зазоров в исполнительных механизмах. Как было рассмотрено ранее во многих приводах используются зубчатые или червячно-зубчатые передачи, т.е. в самом устройстве механизмов уже заложены люфты, а стечением времени они только увеличиваются. У клапанов, управляемых выносными МЭО, очень быстро возникают недопустимо большие люфты в сложной системе тяг рычагов, связывающих привод с клапаном. Наличие в кинематической цепи регулятора большого количества подвижных сопряжений, имеющих малые опорные поверхности и воспринимающих значительные давления переменной величины, приводит к быстрому износу деталей, и следовательно, к увеличению зазоров в их сопряжениях. Односторонние и увеличенные зазоры во всех сопряжениях способствуют возникновению осевого люфта. Режим работы энергоблоков таков, что почти все регулирующие клапаны нахо-

дятся под постоянным действием больших сил сопротивления со стороны тех или иных физических сред (вода, воздух, топливо и т.д.) Большие усилия, необходимые для перемещения регулирующего органа, вызывают интенсивный износ резьбовой втулки, которая служит для преобразования вращательного движения выходного вала электропривода в поступательное перемещение регулирующего органа. Это приводит к образованию люфтов, негативно отражающихся на работе автоматических регуляторов, а во многих случаях к невозможности управления клапанами [3].

Кроме того, проблемой являются наводки от силовых кабелей и механизмов на каналы передачи данных, в результате которых сигнал УП также искажается. В настоящее время очень распространено оснащение дежурного обслуживающего персонала станций рациями. При всех преимуществах такого рода связи она имеет существенный недостаток. Нередки случаи наводок от электромагнитного излучения со стороны раций и сотовых телефонов непосредственно на БСПТ самих исполнительных механизмов. Примером возможных последствий таких действий может служить следующая ситуация имевшая место на одной из ГРЭС (рис. 5, 6).

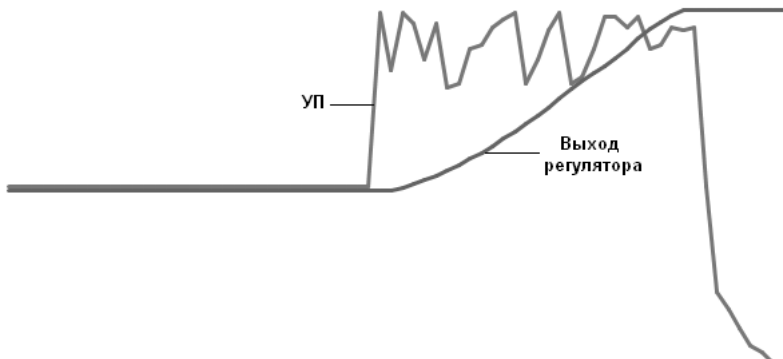

Рис. 5. Тренд значений УП, выхода регулятора

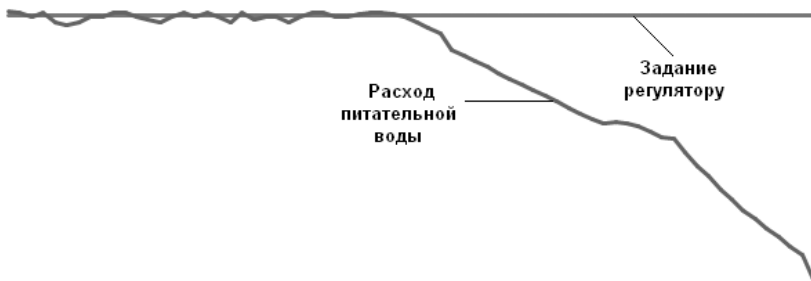

Рис. 6. Тренд значений задания регулятора, расхода воды

Дежурный обходчик совершал плановый обход котлоагрегата. Во время осмотра им регулятора питающего клапана (РПК) на рацию поступил сигнал вызова со щита управления. Активизация радиоканала связи, а следовательно, и электромагнитного излучения, привело к тому, что сигнал УП с РПК был сильно искажен, и система управления определила большое рассогласование между положением клапана, которое он должен занимать в соответствии с расчетами регулятора и текущем положением. Стараясь компенсировать создавшееся рассогласование, регулятор стал выдавать команды на прикрытие РПК. В результате действий регулятора РПК был полностью прикрыт, что явилось причиной срабатывания технологических защит на останов котлоагрегата. Таким образом, наводки от радиоканала на БСПТ находившегося в приводе РПК стали причиной аварийного останова котлоагрегата, а затем и турбины мощностью 200 МВт. В результате станция понесла большие потери, связанные невыполнением заявленных обязательств по поставке электроэнергии, а также с дополнительными расходами по растопке котла и пуску турбины. После разбора происшествия и выявления причин аварийного останова турбины руководством ГРЭС было запрещено персоналу находиться в зоне регулирующих клапанов с включенными рациями и сотовыми телефонами.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день далеко не все зарубежные подходы и технологии управления полностью адаптированы к реалиям российской электроэнергетики. Существует ряд задач по доработке, как аппаратной части, так и алгоритмов управления, и поиск решений подобных проблем является в настоящий момент весьма актуальным.

Список литературы:

1. <http://www.asucontrol.ru/news/2006/june/news-06-18-2006-1.shtml>.
2. Гарганев А.Г., Каркулов А.С. Интеллектуальный электропривод как элемент распределенной АСУ // ИТЕСН-интеллектуальные технологии. – 2006. – № 4.
3. Какузин В.Б. Обзор рынка энергетической арматуры // Арматуростроение. – 2008. – № 1.

МЕДИЦИНСКАЯ ИНФОРМАЦИОННО- ИЗМЕРИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ БИОТКАНИ В РЕЖИМЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ ЗАДАННОЙ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ МОЩНОСТЬЮ

© Косулин И.А.¹

Уфимский государственный авиационный
технический университет,
г. Уфа

В статье описан метод измерения электрических параметров биообъекта в режиме заданной электрической мощности воздействия, кратко рассмотрены принципы построения измерительных генераторов заданной электрической мощности (ИГЗМ). Приведена схема информационно-измерительной системы на основе ИГЗМ и рассмотрены некоторые особенности ее функционирования.

При проведении биологических и медицинских исследований в силу существенной теплозависимости и нелинейности объектов исследования является целесообразным использование режима измерения, обеспечивающего однозначное энергетическое воздействие на объект измерения, в том смысле, что в единицу времени в нем будет рассеиваться заданная электрическая мощность. В этом случае термодинамическое состояние объекта при повторных измерениях будет одинаковым в пределах значения некоторой погрешности, что позволит получать повторяемые и однозначные результаты измерения.

На кафедре Информационно-измерительной техники УГАТУ исследуются методы определения электрических свойств локальных зон кожного покрова человека в режиме воздействия заданной электрической мощностью. Один из подходов при проведении измерений заключается в воздействии на биообъект импульсами электрической мощности определенной длительности, при котором регистрируются ток и падение напряжения на биообъекте, изменение его сопротивления. В интервалах между импульсами мощности определяется электрическое напряжение или ток, генерируемый биологической тканью (рис.1).

Полученные значения этих параметров, а также определенные соотношения между ними, потенциально несут информацию о состоянии организма и могут быть использованы в диагностических целях.

¹ Ассистент кафедры Информационно-измерительной техники, аспирант

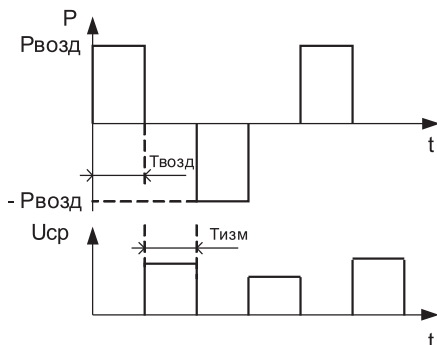

Рис. 1. Временная диаграмма воздействия импульсами электрической мощности и измерения генерируемого биообъектом напряжения ($T_{\text{возд}}$ – период импульса воздействия, $T_{\text{изм}}$ – время измерения)

Для реализации данной методики измерения необходима разработка электронных устройств, обеспечивающих неизменное значение электрической мощности, рассеиваемой в произвольном сопротивлении нагрузки, подключенной к их выходу, с погрешностью, не превышающей заданного значения, получивших название измерительных генераторов заданной электрической мощности (ИГЗМ) [3].

Одним из способов поддержания заданного значения рассеиваемой в нагрузке электрической мощности заключается в воздействии на нее напряжением $U_{\text{возд}}$, значение которого определяется исходя из значения мощности воздействия $P_{\text{возд}}$ и текущего тока нагрузки I_n на основании соотношения

$$U_{\text{возд}} = \frac{P_{\text{возд}}}{I_n}.$$

Неотъемлемой частью ИГЗМ, реализующего такой подход, является узел, осуществляющий операцию деления – делитель. В качестве делителей могут применяться аналоговые интегральные схемы делителей, цифровые схемы, реализованные на основе микросхем логических элементов, специальные схемы включения АЦП и ЦАП, микроконтроллеры, ПЛИС.

В ходе проведенной автором работы был разработан и исследован ИГЗМ с делителем на основе перемножающего цифро-аналогового преобразователя (ЦАП) и операционного усилителя (ОУ), схема которого приведена на рис. 2.

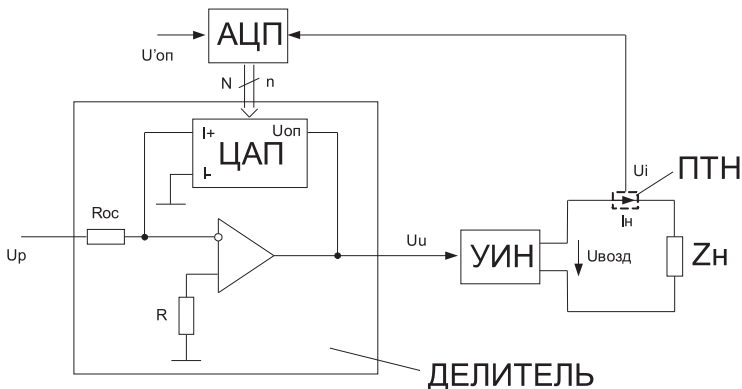

Рис. 2. Схема цифрового ИГЗМ с делителем на ЦАП

Непосредственное воздействие на нагрузку осуществляется электрическим напряжением $U_{\text{возд}}$, формируемым управляемым источником напряжения (УИН), и вызывает протекание в нагрузке тока I_n , значение которого преобразуется в напряжение U_i преобразователем ток-напряжение (ПТН). Напряжение U_i , в свою очередь, преобразуется аналого-цифровым преобразователем (АЦП) в цифровой код N , поступающий на цифровой вход ЦАП. Исходным параметром, определяющим мощность электрического воздействия на нагрузку $P_{\text{возд}}$, является напряжение U_r , подаваемое на инвертирующий вход ОУ схемы делителя. Делитель формирует выходное напряжение U_u , пропорциональное частному от деления U_r на N , и являющееся управляющим для УИН.

Поскольку напряжение U_r соответствует заданному значению рассеиваемой мощности $P_{\text{возд}}$, код N – току нагрузки I_n , то выходное напряжение делителя U_u характеризует необходимое для поддержания $P_{\text{возд}}$ напряжение воздействия на нагрузку.

В данном ИГЗМ при осуществлении операции деления используется дискретное представление значения тока нагрузки, формируемое АЦП, а значения мощности воздействия квантованы, следовательно, ИГЗМ является цифровым [2].

Для рассмотренной схемы цифрового ИГЗМ построена математическая модель, на основании которой можно судить о влиянии параметров узлов ИГЗМ на его быстродействие и метрологические характеристики [4].

Для осуществления описанной выше методики исследования электрических параметров биообъекта с использованием воздействия заданной электрической мощностью необходимо использовать информационно-

БУ также формирует сигнал «запуска» ИГЗМ $U_{упр1}$. В зависимости от типа применяемого ИГЗМ и делителя, на основе которого он построен, $U_{упр1}$ может управлять подачей тактового сигнала в схему ИГЗМ, разрешать преобразование АЦП или ЦАП и др.

Введение БУ в схему ИИС вызвано необходимостью взаимного согласования управляющих сигналов $U_{упр1}$, $U_{упр2}$, $U_{упр3}$ во времени. Структура БУ зависит от конкретной схемы ИИС и может включать формирователи формы и уровней управляющих сигналов, а также определенный набор логических элементов.

Изменение амплитуды импульсов воздействия электрической мощностью обеспечивается блоком выбора мощности воздействия (БВМ). В зависимости от типа используемого ИГЗМ, БВМ формирует напряжение U_p или цифровой код, соответствующие требуемому значению мощности воздействия. В первом случае БВМ может являться управляемым цифровым кодом коммутатором, ко входам которого подключены напряжения $U_{p1}..U_{pn}$, соответствующие значениям мощности из обеспечиваемого схемой диапазона.

Рис. 4. Функциональная схема работы ИИС

Управление функционированием ИИС осуществляется сигналами, формируемыми ПК и поступающими в ИИС через преобразователь интерфейса (ПИФ). ПИФ обеспечивает согласование сигналов схемы (по уровню, формату обмена данными, последовательности появления) с сигналами стандартного для ПК интерфейса (например, LPT или USB). На основании приходящих с ПК команд ПИФ формирует управляющие сигналы для БУ и БВМ. Через ПИФ происходит передача в ПК данных о формируемых ИГЗМ и ИН значениях электрических параметров нагрузки.

В многоканальных вариантах ИИС для обеспечения непрерывности воздействия мощностью и измерения напряжения выходные данные ИГЗМ и ИН можно записывать в блок памяти промежуточного хранения (например, на основе EEPROM) в течение некоторого количества циклов работы ИГЗМ и ИН. Передачу содержащихся в EEPROM данных в ПК можно производить в течение определенных интервалов времени в специальном режиме.

При использовании в ИИС ИГЗМ на основе МК можно использовать встроенную в кристалл МК память, в случае ИГЗМ на ЦАП в схеме необходимо предусмотреть специальную микросхему EEPROM.

Работу ИИС можно рассмотреть по функциональной схеме, представленной на рис. 4.

Теоретически, можно предусмотреть автономный режим работы БУ – режим, при котором он управляет функционированием ИИС после приема от ПК установочных данных (значений амплитуды и периода импульса воздействия). В этом случае будет проще обеспечить многоканальный режим работы ИИС.

Список литературы:

1. Гусев В.Г., Гусев Ю.М. Электроника и микропроцессорная техника. – М.: Высшая школа, 2004.
2. Гусев В.Г., Косулин И.А. Принципы построения измерительных генераторов малой заданной электрической мощности с делителем на основе цифроаналогового преобразователя // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2008. – № 7. – С. 186.
3. Демин А.Ю. Практическое применение измерительных генераторов заданной электрической мощности // Датчики и системы. – 2004. – № 7. – С. 38-40.
4. Косулин И.А. Анализ математической модели измерительного генератора заданной электрической мощности с делителем на цифроаналоговом преобразователе// Естественные и технические науки. – 2008. – № 4. – С. 285.

ДЕСТРУКЦИЯ ОРГАНИЧЕСКИХ ЗАГРЯЗНИТЕЛЕЙ В СТОЧНЫХ ВОДАХ УЛЬТРАФИОЛЕТОВЫМ ОБЛУЧЕНИЕМ

© Соснина Н.А.¹, Корниенко А.В.²

Дальневосточный государственный университет путей сообщения,
г. Хабаровск

В данной работе изучалась фотолитическая деструкция различных классов органических соединений (анионных поверхностно активных веществ (додецилсульфоната натрия) и нефтепродуктов) в водной среде на УФ-облучателе мощностью 20 Вт, работающего в области спектра 185-254 нм. Рассмотрена зависимость эффективности деструкции данных веществ от времени облучения, исходной концентрации, рН. Токсичность продуктов деструкции определялась биотестированием.

К опасным загрязнителям природных вод, оказывающим негативное воздействие на биоценоз водоемов, относятся органические вещества различных классов, которые могут быть хорошо растворимыми в воде, слабо растворимыми и, практически, нерастворимыми, покрывающие водоем либо тонкой пленкой, либо опускающиеся на дно. Органические вещества интенсивно окисляются, что резко снижает содержание кислорода в водоемах. Тонкая пленка, покрывающая водоемы, ослабляет их ультрафиолетовое облучение, затрудняет обмен кислородом между атмосферой и гидросферой, тормозит процесс фотосинтеза. Это ухудшает жизнедеятельность живых организмов, населяющих водоемы, либо приводит к их гибели.

Опускаясь на дно водоемов, токсичные органические вещества попадают в донные отложения и вовлекаются в естественные циклы круговоротов веществ, искажают их, приводя к изменению времени транзита химических элементов, либо усиливают накопительное загрязнение природных экосистем.

Очень распространенным видом органических загрязнителей являются углеводороды различных классов: алканы, циклопарафины, алкены, нафтены, ароматические углеводороды и пр. Они входят в состав всех горюче-смазочных материалов и являются обязательными компонентами сточных вод нефтеперерабатывающих, железнодорожных и автомобильных предприятий. Например: сточные воды с моечных машин локомотивных депо

¹ Доцент, кандидат технических наук

² Преподаватель

и локомотиворемонтных заводов могут содержать нефтепродукты, включая и ароматические углеводороды, до 20000 мг/дм^3 [1].

Особо опасными органическими загрязнителями являются соединения ароматического класса, представляющие собой различные производные бензола или его гомологов. Большинство из них относятся к биологически жестким веществам, биоразлагаемость их в природных условиях не превышает 50 %. На человека они оказывают общетоксикологическое и наркотическое действие, поражая в первую очередь печень и почки.

Еще более токсичными, чем сами ароматические углеводороды, являются их производные: фенолы, нитросоединения (нитробензол, тринитротолуол), ароматические амины (анилин и пр.), галогенпроизводные ароматических соединений, ароматические соединения с конденсированными бензольными ядрами (антрацен, бензопирен и пр.) [2].

Производные ароматических углеводородов используются для получения пластических масс, лекарственных препаратов, парфюмерных и взрывчатых веществ, лакокрасочных материалов, инсектицидов, пенопластов, ингредиентов резины и пр., они входят в состав сточных вод всех перечисленных предприятий.

Некоторые ароматические соединения, склонные к реакциям окисления, конденсации и пр., дают сверх токсичные соединения – диоксины [2, 3]. Диоксины относятся к канцерогенам и воздействуют на организм человека не только в текущий период, но и в цепи поколений.

О количестве диоксинов в объектах окружающей среды и их токсичности можно судить по результатам исследований, проведённым в Швеции. Во всей Балтике (вода, рыбы, зоо- и фитопланктон, донные осадки) содержится около 10 г диоксинов, но это является предельной нормой для населения Швеции на 50 лет [4].

Если незначительные количества перечисленных ароматических соединений попадают в питьевую воду, то помимо токсикологического действия они изменяют органолептические показатели воды – вода приобретает неприятный вкус и запах после хлорирования.

К высокотоксичным органическим соединениям относятся и некоторые поверхностно-активные вещества, в частности алкил (арил) сульфонаты, которые широко применяются как моющие средства [5, 6]. Они используются и на предприятиях железнодорожного транспорта в качестве технических моющих средств для очистки кузовов локомотивов, вагонов, отдельных узлов и деталей дизеля в моечных машинах, а так же на комбинатах обслуживания пассажирских поездов (КОП). Сточные воды КОП (ЛВЧД-8 ст. Хабаровск –I) содержат до 35 мг/л ПАВ (сульфонола) [7].

Предельно допустимые концентрации (ПДК) органических соединений в поверхностных водах зависят от типа вещества и категории конкретного водоема ($0,0001 - 0,5 \text{ мг/дм}^3$). Сложность очистки сточной воды от органических загрязнителей заключается еще и в том, что стоки, как

правило, многокомпонентны. Биохимическое действие всех компонентов на живые организмы предсказать крайне сложно. Эффективность очистки в большинстве случаев, должна приближаться к 100 %, так как водные объекты, куда обычно сбрасывают очищенные стоки, в настоящее время, как правило, содержат загрязнители в количествах, превышающих их уровень самоочищения.

Распространенные методы регенеративной очистки (сорбция, экстракции, реагентная очистка, коагуляционно-флокуляционный метод и пр.) не позволяют снизить концентрации загрязняющих веществ до норм ПДК.

Деструктивные методы глубокой очистки сточных вод предусматривают разрушение остатков органических веществ до нетоксичных компонентов под действие озона (O_3), температурного, реагентного воздействия или электроокисления, а также биоочистки. Чаще всего процессы протекают без образования и утилизации шламов, а продукты окисления не являются токсичными. Хотя именно эта сторона деструктивных методов очистки сточных вод изучена наиболее слабо [8].

Широко применяемая в настоящее время биологическая очистка стоков эффективна только в случае больших их объемов (городские очистные сооружения), требует строгого соблюдения температурного режима и предъявляет особые требования к качеству предварительной очистки воды (на содержание фенолов, нефтепродуктов и пр.).

Фотолиз (УФ-деструкция) – это относительно новый недостаточно изученный метод очистки сточной воды от органических веществ, и сложность происходящих фотохимических процессов требует глубокого исследования состава продуктов фотолиза.

В патенте [9] описано устройство и технология УФ-облучения модельных стоков с азотсодержащей ароматической кислотой С-1-13,99-acidyellow-99. В качестве облучателя применялась вакуумная ультрафиолетовая лампа с выходными параметрами: напряжение 8-25 кВ, частота 60 Гц, мощность 300 Вт, длина волны излучения 172 и 254 нм. Авторы полагают, что при излучении с длиной волны 254 нм в воздушном пространстве между лампой и чехлом установки образуется озон, который растворяется в воде и окисляет органические примеси. За первых 5 мин. облучения содержание в воде трудноразлагаемых органических соединений уменьшилось в 5 раз, а при возрастании времени обработки до 12 мин. – на 2 порядка.

В работах [10, 11] изучались фотохимические превращения в водных растворах галогенсодержащих фенолов. В качестве источника облучения использовались ртутные лампы высокого давления (ДРШ-500, ОКН-11М) и KrCl лазер ($\lambda = 222$ нм, $\tau = 7$ нс, Еимп до 6 мДж, $N = 60$ мВт/см²). Продукты деструкции галогенсодержащих фенолов определялись на спектрофотометре «Spesord M 40». Отмечено, что в сильноокислых и сильноще-

лочных средах в водных растворах 4-хлорфенола протекают обратимые процессы, приводящие к образованию различных форм параклорфенола. В результате фотолиза хлорпроизводные фенола переходят также в токсичные гидрохинон, парабензохинон, хингидрон. При облучении KCl лазером и увеличении плотности мощности накачки фоторазложение молекул фенола усиливается, однако в работе не указываются какие при этом получены продукты деструкции.

На кафедре «Химия и экология» ДВГУПС изучалась принципиальная возможность деструкции остаточного сульфенола в предварительно очищенных сточных водах УФ-облучением [7, 12, 13, 14]. В качестве источника облучения использовался кварцевый облучатель ОКН-11М, $\lambda = 254$ нм, мощностью 20 Вт. Наиболее интенсивно (до 90 %) происходило разрушение сульфенола в щелочных средах при времени обработки воды – 30 мин, и их начальной концентрации 7-8 мг/дм³. В реальных стоках разложилось при тех же условиях 80 % сульфенола. Методом газожидкостной хроматографии установлено, что содержание кетонов, альдегидов, спиртов, жирных кислот в очищенных сточных водах ниже норм ПДК в водоеме, что позволило сделать вывод, фотолиз сульфенола протекает при рассматриваемых условиях до нетоксичных компонентов.

В работе [15] отмечалась эффективность совместного воздействия озонирования и УФ-облучения на усиление последующей биоразлагаемости органических веществ в сточных водах.

В настоящей работе изучалась фотолитическая деструкция различных классов органических соединений (АПАВ и нефтепродуктов) в водной среде на УФ-облучателе мощностью 20 Вт, работающего в области спектра 185-254 нм.

Обработка режимов УФ-деструкции органических соединений проводилась на модельных стоках, которые готовились следующим образом: модельные стоки, содержащие нефтепродукты готовились путем растворения в воде дизельной фракции нефтепродуктов, представляющей смесь парафиновых (до 40 %), нафтеновых (до 55 %), ароматических углеводородов средней молярной массы 110-230 г/моль; модельные стоки, содержащие АПАВ (додецилсульфонат натрия) готовили также весовым методом.

Контроль качества глубокой очистки модельных стоков проводился аналитическим, флюоресцентным методами, методом рН-метрии и биотестированием.

На рис. 1 представлена зависимость эффективности разложения нефтепродуктов и додецилсульфоната натрия в модельных стоках от времени облучения: $C_{НПнач} = 0,989$ мг/дм³ (рН = 5,75), $C_{АПАВнач} = 5,13$ мг/дм³ (рН = 5,36). Облучение производилось в интервале времени 5-30 мин.

С увеличением времени обработки эффективность деструкции органических веществ растет и достигает максимума при 30 мин обработки как

для нефтепродуктов (97-98 %), так и для додецилсульфоната натрия (18,7 %). Нефтепродукты под действием УФ-облучения разлагаются значительно лучше АПАВ и высокая степень их разложения (81,9 %) наблюдается даже при небольшом периоде облучения – 5 мин. Однако, начальная концентрация додецилсульфоната натрия приблизительно в 5 раз превышала концентрацию нефтепродуктов.

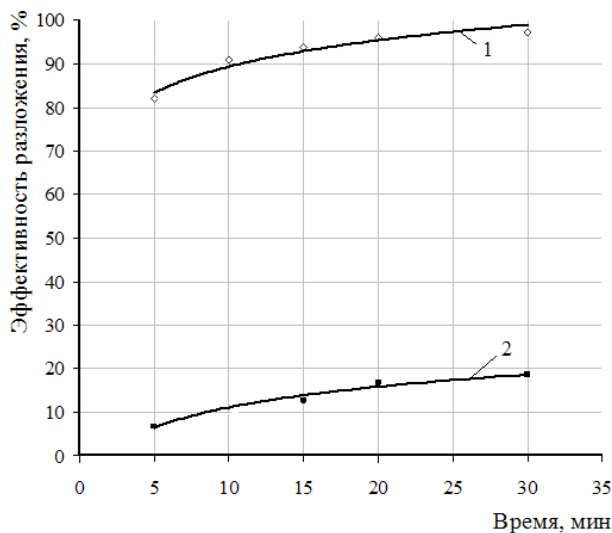

Рис. 1. Влияние времени УФ-обработки на эффективность деструкции органических веществ:
1 – Нефтепродукты ($C_{\text{нач}} = 0,989 \text{ мг/дм}^3$);
2 – АПАВ ($C_{\text{нач}} = 5,13 \text{ мг/дм}^3$).

На рис. 2 представлена зависимость эффективности деструкции НП и АПАВ в модельных стоках от исходной pH раствора в диапазоне от 2,5 до 10,2: $C_{\text{НПнач}} = 0,989 \text{ мг/дм}^3$, $C_{\text{АПАВнач}} = 1,61 \text{ мг/дм}^3$. Время обработки 30 мин.

При одной и той же начальной концентрации нефтепродуктов ($0,989 \text{ мг/дм}^3$) максимальный эффект их разложения при УФ-облучении наблюдается в кислой среде – 98,4 % ($\text{pH}_{\text{нач}} = 2,82$), при этом конечная концентрация нефтепродуктов составляет $0,0159 \text{ мг/дм}^3$. С ростом начальной pH модельных стоков до слабощелочной среды ($\text{pH} = 8,2$) эффективность разложения нефтепродуктов снижается и составляет при всех остальных равных параметрах 85,6 % ($C_{\text{кон}} = 0,142 \text{ мг/дм}^3$). При этом в слабощелочной среде наблюдается максимальное снижение pH водной среды

после УФ-деструкции ($\text{pH}_{\text{конеч}} = 6,4$), т.е. на 1,8 единиц, в то время как в кислой среде этого не наблюдается.

С увеличением pH водной среды от 2,5 до 10,2 эффективность УФ-деструкции додецилсульфоната натрия не превышает 40 % и слабо зависит от величины pH . Однако более полно процесс протекает в кислой среде, при этом конечная pH водной среды не изменяется. В щелочной среде pH после УФ-облучения снижается в среднем на 1,27 единиц по сравнению с начальной, что свидетельствует о некотором накоплении органических кислот в продуктах деструкции. Однако в работе [14] отмечается, что максимальная эффективность разложения АПАВ (сульфонола) наблюдается в щелочной среде (pH 8-9) и при начальной концентрации сульфонола 7-8 мг/дм^3 составляет 90 %. Полученные результаты указывают на то, что на процесс и эффективность УФ-деструкции АПАВ влияет как начальная концентрация веществ, так и состав и структура этого вещества.

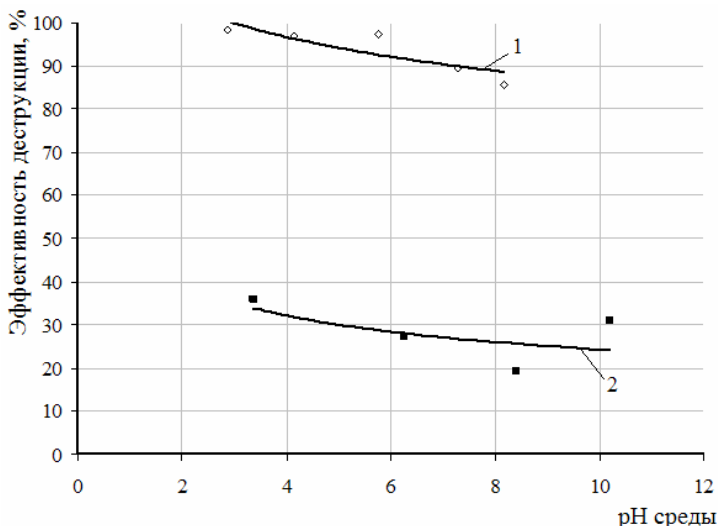

Рис. 2. Влияние pH раствора на эффективность деструкции органических веществ:

1 – Нефтепродукты ($C_{\text{нач}} = 0,989 \text{ мг/дм}^3$);

2 – АПАВ ($C_{\text{нач}} = 1,61 \text{ мг/дм}^3$).

На рис. 3 показана эффективность деструкции додецилсульфоната натрия и нефтепродуктов в зависимости от их исходной концентрации в воде: $C_{\text{НПС нач}} = 0,58 \div 9,8 \text{ мг/дм}^3$ ($\text{pH} = 5,75$), $C_{\text{АПАВ нач}} = 0,475 \div 13,0 \text{ мг/дм}^3$ ($\text{pH}_{\text{нач}} = 8,4 \div 8,5$). Обработка модельных стоков производилась в течение 20 мин.

Как показали исследования степень деструкции додецилсульфоната натрия значительно зависит от исходной концентрации в стоках, что со-

гласуется с данными работы [14], и происходит интенсивнее при низких исходных концентрациях додецилсульфоната натрия ($0,5\text{--}2\text{ мг/дм}^3$). Эффективность достигает 70 %, тогда как при высоких начальных концентрациях АПАВ ($12\text{--}13\text{ мг/дм}^3$) – не превышает 15–20 %. Однако, степень деструкции АПАВ при равных параметрах процесса, значительно ниже по сравнению с нефтепродуктами.

Разложение нефтепродуктов при одном и том же времени обработки (20 мин) практически не зависит от исходной концентрации нефтепродуктов, взятой в интервале $0,5\text{--}9,8\text{ мг/дм}^3$ и составляет $\approx 95\%$ (рис. 3). Остаточное содержание углеводородов снижается в среднем в 25 раз по сравнению с начальным и достигает $0,024\text{ мг/дм}^3$, что ниже ПДК в водоемах рыбохозяйственного водопользования ($0,05\text{ мг/дм}^3$). Это позволяет сделать вывод, что наиболее приемлемым является применение ультрафиолетового метода облучения для низкоконцентрированных нефтесодержащих стоков, т.е. на стадии глубокой доочистки, перед сбросом стоков в водоем.

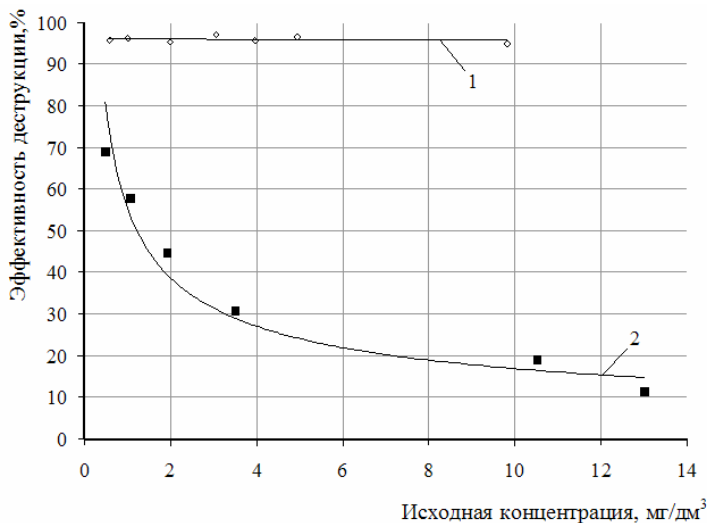

Рис. 3. Влияние исходной концентрации органических веществ на эффективность их деструкции:

1 – Нефтепродукты ($pH_{нач} = 5,75$);

2 – АПАВ ($pH_{нач} = 8,4\div 8,5$).

В ходе работы также отмечено, что турбулентное движение жидкости (интенсивное перемешивание) снижает эффективность УФ-облучения в среднем в 2 раза при прочих равных параметрах процесса по сравнению с ламинарным движением.

Определение степени токсичности продуктов УФ-деструкции нефтепродуктов проведено методом биотестирования (рис. 4).

Материалом в токсикологических экспериментах служили инфузории *Stylonicchia mytilus*. Три пробы характеризовались: 1 – нейтральная среда (контрольная проба); 2 – раствор с содержанием нефтепродуктов $2,47 \text{ мг/дм}^3$; 3 – тот же раствор, содержащий продукты УФ-деструкции с остаточным содержанием НП $0,034 \text{ мг/дм}^3$. Наблюдение велось в течение 12 дней.

Выявлено значительное ухудшение роста численности ифузорий, живущих в пробе, содержащей нефтепродукты концентрацией $2,47 \text{ мг/дм}^3$ и улучшение прироста популяции в пробе, после УФ-облучения по сравнению с контролем (проба 1). При этом остальные показатели (поведение и количество сокращений сократительной вакуоли) сохранились неизменными. Это свидетельствует, что продукты УФ деструкции нефтепродуктов не являюся токсичными.

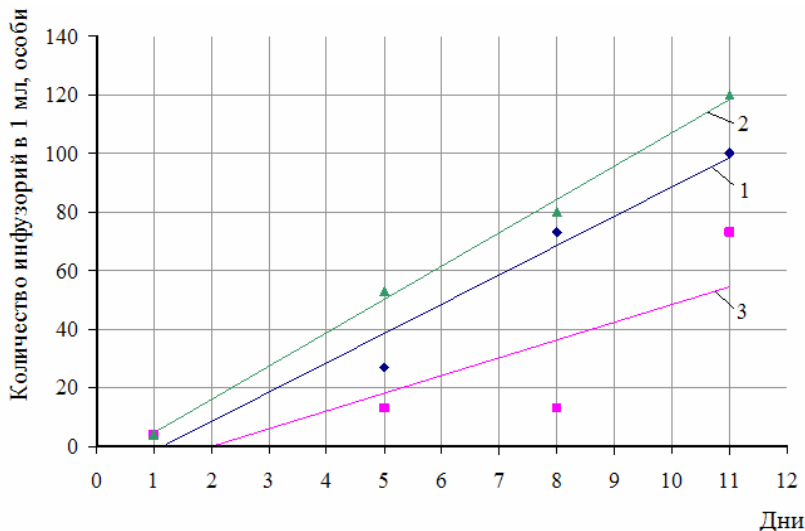

Рис. 4. Динамика численности инфузорий *Stylonicchia mytilus* во время биотестирования:

- 1 – нейтральная среда (контрольная проба);
- 2 – раствор с содержанием нефтепродуктов $2,47 \text{ мг/дм}^3$;
- 3 – тот же раствор, содержащий продукты УФ-деструкции с остаточным содержанием НП $0,034 \text{ мг/дм}^3$.

По данным литературных источников [8, 14], результаты газожидкостной хроматографии показали незначительное увеличение в стоках после УФ-деструкции сульфанола метилового спирта ($C = 0,174 \text{ мг/дм}^3$) и

жирных карбоновых кислот ($C \approx 0,45 \text{ мг/дм}^3$), что не превышает норм ПДК по этим веществам в санитарно-бытовом водоеме.

ВЫВОДЫ

1. Степень деструкции АПАВ УФ-облучением значительно зависит от их исходной концентрации в стоках и химического состава вещества, но не превышает 70 %. Деструкция происходит интенсивнее при низких исходных концентрациях ($0,5\text{--}2 \text{ мг/дм}^3$).

2. Эффективность разрушения нефтепродуктов при УФ облучении не зависит от их начальной концентрации в исследуемом диапазоне ($0,5\text{--}9,8 \text{ мг/дм}^3$), и достигает 95 % при времени обработки – 30 мин. Высокая степень разложения нефтепродуктов (81,9 %) наблюдается уже при небольшом времени обработки – 5 мин.

3. Отмечено, что увеличение pH среды от 2,5 до 10,2 незначительно влияет на процесс и эффективность деструкции додецилсульфоната натрия, однако, более полно протекает в кислой среде. Максимальная деструкция нефтепродуктов наблюдается в кислой среде ($\text{pH} = 2,82$) и составляет 95–98 %.

4. В ходе биотестирования выявлено улучшение прироста популяции инфузорий *Stylonichia mytilus* в пробе после УФ-облучения нефтепродуктов по сравнению с контролем. При этом остальные показатели (поведение и количество сокращений сократительной вакуоли) сохранились неизменными – это свидетельствует, что продукты УФ-деструкции нефтепродуктов не содержат токсичных веществ.

5. На основании проведенных исследований определен режим УФ деструкции нефтепродуктов и анионных поверхностно-активных веществ (додецилсульфонат натрия) в сточных водах, содержащих: $C_{\text{начНП}} = 5\div 10 \text{ мг/дм}^3$ и $C_{\text{начАПАВ}} = 0,5\div 2 \text{ мг/дм}^3$. Параметры облучателя: мощность – 20 Вт, область спектра – 185–254 нм, pH стоков 5,5–6, температура начальная 20–25 °С, время обработки 30 мин, ламинарное движение жидкости. Исследования, проведенные по данному режиму, показали следующие результаты: эффективность деструкции додецилсульфоната натрия составляет 45–69 %, остаточное содержание $0,15\text{--}1,05 \text{ мг/дм}^3$, эффективность деструкции нефтепродуктов составляет примерно 96 %, остаточное содержание – $0,02 \text{ мг/дм}^3$.

Список литературы:

1. Соснина, Н.А. Экологический контроль состояния сточных вод локомотивного депо ст. Вяземская [Текст] / Н.А. Соснина, А.А. Кленчев, С.В. Паршин, А.А. Стародубцев // Проблемы железнодорожного транспорта: Межвузовский сборник научных трудов. – Хабаровск; ДВГУПС, 1997. – С. 135–139.

2. Артеменко, А.И. Органическая химия: учебник для строительных специальностей вузов [Текст] / А.И. Артеменко. – М.: Высшая школа, 2000. – 560 с.
3. Николайкин, Н.И. Экология [Текст] / Н.И. Николайкин, Н.Е. Николайкина, О.П. Мелехова. – М.: Дрофа, 2003. – 620 с.
4. Скурлатов, Ю.И. Введение в экологическую химию [Текст] / Ю.И. Скурлатов, Г.Г. Дука, А. Мизити. – М.: Высшая школа, 1994. – 400 с.
5. Фомина, Г.С. Вода: контроль химической, бактериальной и радиационной безопасности по международным стандартам: Энциклопедический справочник [Текст] / Под ред. Г.С. Фомина. – М.: Госкомстандарт, 2000. – 750 с.
6. Абромзон, А.А. Поверхностно-активные вещества: свойства и применение [Текст] / А.А. Абромзон. – 2-е изд., перераб. и допол.. – Л.: Химия, 1981. – 304 с.
7. Терехова, Е.Л. Интенсификация очистки сточных вод от поверхностно-активных веществ [Текст] : дис. ... канд. тех. наук: 05.23.04. / Терехова Екатерина Львовна; МПК РФ, ДВГУПС – Хабаровск, 2004. – 175 с.
8. Богдановский, Г.А. Химическая экология [Текст] / Г.А. Богдановский: Учебное пособие по направлению «Экология и природопользование». – М.: МГУ, 1994. – 236 с.
9. Пат.2142915 Российской Федерации, МПК 6С 02 F 1/32. Способ обработки водных сред, содержащих органические примеси [Текст] / Н.К. Зайцев, Д.В. Красный, Г.М. Зимина. – № 99113308; Заявл. 30.06.99; Опубл. 20.12.99; Бюлл. № 35.
10. Вичутинская, Е.В. Фотохимические превращения в водной среде [Текст] / Е.В. Вичутинская, Р.И. Первунина, И.В. Семенова // Химическая физика, 1997, Т.16. – № 4. – С. 25.
11. Boul, P. Phototransformation of halogenoaromatics in aqueous solution / P. Boul, K. Othmen, C. Richard // Inter. J. of Photoenergy. – 1999. – № 1. – p. 49.
12. Соснина, Н.А. Фотолитическая деструкция синтетических моющих средств в стоках предприятий железнодорожного транспорта [Текст] / Н.А. Соснина, Е.Л. Терехова, Л.И. Хомик // Труды 43-й Всероссийской научно-практической конференции. – Хабаровск: ДВГУПС, 2003. – Т. 3. – С. 166-169.
13. Терехова, Е.Л. Изучение возможности применения фотолитиза для глубокой доочистки стоков, содержащих АПАВ [Текст] / Е.Л. Терехова, Л.И. Хомик, Н.Е.Турлова, И.О. Мамаева // Научно-техническое и экономическое сотрудничество стран АТР в XXI веке: Труды 3-й Международной научной конференции. – Хабаровск: ДВГУПС, 2003. – С. 123-125.
14. Соснина, Н.А. Деструкция поверхностно-активных веществ в сточных водах ультрафиолетовым облучением [Текст] / Н.А. Соснина,

Е.Л. Терехова // Транспорт. Наука, техника, управление. Научный информационный сборник. – М.: ВИНТИ, 2004. – № 10. – С. 43.

15. Алексеев, С.Е. Применение озонирования для интенсификации процессов очистки природных и сточных вод [Электронный ресурс] / Доклад кафедры «Водоотведения». – М.: МГСУ. – Режим доступа: <http://www.rus-ozone-assoc.ru>.

ПРОБЛЕМЫ АВТОМАТИЗАЦИИ ПОДГОТОВКИ И ВЫПУСКА ДОКУМЕНТАЦИИ, СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ СТАНДАРТАМ ЕСКД / ЕСПД

© Чернышов А.В.¹

Московский государственный университет леса,
г. Мытищи Московской области

Рассмотрены проблемы, возникающие при разработке, выпуске и корректировке конструкторской и программной документации, выполненной в соответствии с требованиями стандартов ЕСКД / ЕСПД. Показано решение рассмотренных проблем с применением макропакета для системы TeX.

На сегодняшний день в связи с подъёмом отечественной экономики, в том числе и в сфере разработки и постановки на производство наукоёмкой продукции, снова становится актуальной задача разработки и выпуска конструкторской и программной документации в соответствии со стандартами ЕСКД / ЕСПД [1, 2]. Формальные требования стандартов к формам и содержанию документов не очень сложны, но требуют определённых усилий для их соблюдения при выпуске документации с применением ЭВМ.

Надо признать, что на сегодняшний день, в связи с засильем на отечественном рынке прикладного ПО общего назначения иностранной разработки, ориентированного в первую очередь на поддержку иностранных стандартов, выполнить требования отечественных стандартов без значительных усилий по «доводке» имеющегося ПО весьма проблематично.

Ещё одной проблемой является очень слабая подготовка современных разрабатывающих документацию инженеров в области компьютерных технологий. Часть из этих инженеров имеет солидный возраст, привыкла работать по «бумажной» технологии и просто не способна изменить стиль своего мышления при подготовке документации на ЭВМ – компьютер используется ими просто как пишущая машинка. Другая часть – это вчерашние студенты, заучившие вслед за рекламой, что современный компьютер не требует каких-либо усилий для освоения работы с ним. Как следствие, они в большинстве своём также используют компьютер только как пишущую машинку и игнорируют мощные возможности по автоматизации решения своих задач. А, вернее сказать, просто не знают об этих возможностях, а если и слышали о том, что современные компьютерные программы позволяют автоматизировать какие-либо операции, то не представляют,

¹ Доцент кафедры Вычислительной техники, кандидат технических наук, доцент

как это можно сделать. Желание же изучить возможности конкретных программ, с которыми они постоянно работают, (а при выпуске документации перечень используемых программ обычно невелик), как правило, полностью отсутствует.

В результате получается замкнутый круг. Вместо ускорения и упрощения выпуска документации применение компьютера только усложняет и удлиняет процесс. При этом для реализации процесса требуются «квалифицированные» люди, способные работать на компьютере.

Например, автору неоднократно приходилось наблюдать на различных предприятиях, как выполняется выпуск спецификации. Спецификация – это основной документ, выпускаемый для любого изделия. Он представляет собой расчерченную по определённым правилам таблицу, в графы которой построчно вписываются названия всех других документов, выпускаемых для обеспечения выпуска изделия, а также сборочных единиц, деталей и материалов.

Как правило, для точного выполнения требований ГОСТ для подготовки спецификации на компьютере используют чертёжную программу AutoCAD. В этой программе чертят таблицу спецификации и вносят в графы необходимый текст. При этом получают следующие проблемы. Во-первых, выполнить эту работу может только квалифицированный пользователь, знакомый с правилами работы в программе AutoCAD. Во-вторых, получившаяся спецификация представляет собой чертёж (рисунок), текст в котором не может быть обработан (сформатирован, передвинут) сам по себе, так как является просто частью рисунка. Следовательно, при коррекции спецификации требуется объём работы, аналогичный коррекции бумажной спецификации, только выполнен он должен быть на компьютере, что (как показывает практика) может потребовать времени едва ли не больше, чем коррекция бумажного документа. В-третьих, с течением времени версии программы AutoCAD меняются (и происходит это очень быстро!). В результате невозможно гарантировать однозначность воспроизведения документа, выполненного всего два-три года назад.

Примерно те же самые проблемы можно указать применительно к любому распространённому сегодня для выпуска документации программному продукту, включая печально известный Micrisoft Office.

Между тем, современное ПО, причём свободно распространяемое и существующее в неизменном виде уже много лет, позволяет не только упростить процесс выпуска документации с точки зрения её оформления, но и реализовать истинную автоматизацию процесса её подготовки.

Прежде всего рассмотрим проблемы, возникающие при подготовке документации:

1. Вся выпускаемая документация должна выполняться на листах стандартизованного формата. Для ЕСКД на листах должна быть на-

- несена рамка с основной надписью. Для ЕСПД рамка не требуется, но размер и расположение текстового поля на каждой странице описан стандартом и должен соблюдаться.
2. На каждом листе в определённом стандартом месте должны быть указаны десятичный номер документа и номер страницы.
 3. Все разделы документа, включая рисунки, таблицы и даже параграфы, должны быть пронумерованы с требуемым уровнем вложенности.
 4. В тексте документа могут присутствовать ссылки на его же главы, подглавы, параграфы, рисунки, таблицы.
 5. При копировании готовой части документа в другой документ (что является важным достижением современных компьютерных технологий) вся нумерация, включая ссылки в тексте, должна быть согласована с нумерацией нового документа.

На сегодняшний день для решения перечисленных проблем используются следующие подходы.

Первая проблема (соблюдение размеров, определённых стандартами) может быть сегодня решена в большинстве офисных и чертёжных программ. Но если в чертёжных программах работа с размерами является базовым свойством, то в офисных программах выдерживание точных размеров требует значительных усилий – хотя поддержка работы с размерами в эти программы включена, в реальности гарантировать точность воспроизведения заданных размеров невозможно.

Решение второй проблемы, наоборот, неплохо поддаётся автоматизации в современных офисных пакетах, но весьма проблематично в чертёжных программах. Поэтому, если требуется, например, в программе AutoCAD выпустить спецификацию на нескольких страницах (очень распространённая задача), то в большинстве случаев номера страниц проставляются вручную (десятичный номер тоже проставляется вручную, но его можно легко скопировать в нужные места, так как он не изменяется).

Третья проблема никак не поддаётся автоматизации в чертёжных программах. В программах же офисных автоматизация процесса нумерации разделов вроде бы заложена. Но «доведение» имеющихся возможностей до требований отечественных стандартов весьма проблематично. Даже если где-то эта задача и решена, должного распространения это решение не получило. В большинстве организаций вся нумерация разделов документов выполняется вручную.

Четвёртая проблема сильно связана с третьей. Автоматизация решения предполагает использование некоторого механизма задания «обобщённой» ссылки на точку в документе, при котором ссылка сама «превращается» в нужный номер. Готового решения для современного ПО не существует. Реализация такой функции собственными силами каждого предприятия, применительно к офисным программам, весьма проблематична,

а для чертёжных программ практически невозможна. Поэтому на практике вся простановка ссылок в документах также выполняется вручную.

Пятая проблема не может быть решена никакими современными программными средствами без необходимости специализированного программирования, так как её решение требует наличия в программном комплексе подготовки документации некоторого механизма, совмещающего решение третьей и четвёртой проблемы на обобщённом уровне, позволяющем задавать в документе только признаки нумерации необходимой степени вложенности и ссылки на них, заменяемые на реальные номера лишь при сборке всего документа.

При выпуске комплектов документации существует ещё одна проблема, решение которой желательно автоматизировать. Это проблема исключения ошибок при подготовке комплекта.

Например, при выпуске комплекта программной документации по ЕСПД часто требуется выпустить следующие документы: спецификация, текст программы, удостоверяющий лист, формуляр, ведомость эксплуатационных документов, опись папки. Дополнительно к этим документам могут быть выпущены и другие документы, требующиеся для эксплуатации программы. Но перечисленные документы отличаются формализмом оформления. Этот формализм заключается в следующем:

- все документы должны иметь одинаковый заголовок, к которому дописывается лишь вид документа;
- все документы должны иметь десятичный номер, отличающийся лишь кодом вида документа;
- документы «Текст программы» и «Удостоверяющий лист» (при сдаче текста программы на электронном носителе) имеют стандартный шаблон, в котором необходимо лишь правильно указать название, десятичный номер и автора программы;
- все перечисленные документы должны быть записаны в спецификацию в стандартном порядке со своими названиями и десятичными номерами.

Возможность задания названия и десятичного номера комплекта документов лишь в одном месте с автоматическим переносом их в другие документы с необходимой стандартной модификацией значительно упростило бы процесс создания комплекта документов и исключило бы досадные ошибки, допускаемые разработчиками документов при ручном способе их оформления.

Далее описан программный комплекс, позволяющий создавать документацию в стандартах ЕСКД / ЕСПД с автоматизированным решением описанных выше проблем.

Комплекс строится на базе системы вёрстки TeX [3]. Система не является текстовым редактором, а представляет собой язык разметки тексто-

вых документов с возможностью задания макроопределений. Язык реализован транслятором. Результатом трансляции является файл, содержащий отформатированный документ в так называемом устройстве-независимом формате (device independent). С помощью специализированных программ-драйверов этот файл может быть однозначно воспроизведён на различных по качеству устройствах вывода (экране компьютера, принтере и т.д.). В состав системы обычно входит несколько наиболее востребованных драйверов вывода.

Одной из важнейших особенностей языка TeX является его стабильность. Система существует уже более 20 лет. И за это время язык практически не менялся, что позволяет без каких-либо проблем воспроизводить документы, созданные за всё это время. С другой стороны, система имеет мощную поддержку довольно обширного мирового сообщества пользователей. И в этом смысле система продолжает быть современной и востребованной.

Другими важными особенностями системы являются:

1. непревзойдённое качество вёрстки математических формул и обозначений;
2. возможность явного указания размеров в стандартных единицах измерения и очень точное их выдерживание при воспроизведении документов;
3. наличие большого количества макропакетов готовых решений и возможность разработки собственных макропакетов;
4. свобода распространения и применения – не требуется никаких лицензионных отчислений ни для распространения, ни для использования системы.

Реализация комплекса автоматизированного выпуска документации сводится к разработке необходимых макропакетов.

При реализации комплекса учтены особенности систем документации и выделены текстовые и табличные документы.

К табличным документам отнесены спецификации, различные ведомости, описи. Особенностью их реализации является форматирование документа как таблицы. При этом разработчику конечного документа достаточно описать в файле тип документа (загрузив соответствующий макропакет), поля основной надписи и содержимое полей таблицы с указанием границ, но не заботясь о разбиении содержимого полей на строки для правильного заполнения колонок – эта работа (механическая, но и наиболее трудоёмкая) будет выполнена TeX'ом автоматически.

Остальные документы отнесены к текстовым и формируются по правилам вёрстки стандартных текстов.

Для реализации системы автоматической нумерации элементов документа с возможностью вставки ссылок из тела документа на конкретные

его элементы реализован специальный набор макрокоманд. Макрокоманды делятся на две группы:

- иерархической нумерации;
- организации ссылок.

Первая группа позволяет создавать части документа, которые имеют чётко организованную структуру, но не привязаны к конкретным номерам глав, подглав и т.д. С помощью команд этой группы часть документа может быть подготовлена независимо от остального документа (даже независимым разработчиком), а затем вставлена в общий документ, и её элементы получают номера без необходимости ручной доработки. Для простановки номеров используются следующие макрокоманды:

- $\backslash \text{PnI}$ – номер первого уровня вложенности;
- $\backslash \text{PnII}$ – номер второго уровня вложенности и. т.д.

Имеются команды до шестого уровня вложенности, что вполне достаточно для создания промышленной документации.

Кроме этого, имеются макрокоманды $\backslash \text{Tnum}$, $\backslash \text{Rnum}$ и $\backslash \text{Fnum}$, предназначенные для нумерации соответственно таблиц, рисунков и формул. Каждая из команд может работать в одном из двух режимов – одинарной или двойной нумерации. Режимы переключаются независимо для каждой из команд отдельными макрокомандами.

Для всех команд предусмотрен специальный режим формирования номеров, используемый при вёрстке приложений (все номера должны начинаться с буквы П). Этот режим включается вызовом всего одной макрокоманды, которая должна быть введена в документ непосредственно перед первым приложением.

Вторая группа обеспечивает обобщённый механизм расстановки меток и ссылок в документе. Каждая метка определяется своим логическим именем, и на это имя может быть сделана ссылка из любой части документа. Такая система не только упрощает указание ссылок в документе, но и позволяет контролировать целостность ссылок, так как при трансляции документа легко обнаружить ссылки, которые ни на что не ссылаются.

Вся система ссылок обеспечивается всего двумя макрокомандами:

- $\backslash \text{SetMark}\{\text{имя}\}\{\text{ссылочный номер}\}$ – поставить метку (сама метка в итоговом документе невидима);
- $\backslash \text{ToMark}\{\text{имя}\}$ – сослаться на метку по имени.

В качестве ссылочного номера может использоваться любая макрокоманда задания номера ($\backslash \text{PnI}$, $\backslash \text{Rnum}$ и т.п.).

С использованием описанной системы создания документации удастся решить и проблему автоматизации выпуска комплектов документации. Не составляет труда задать название документа, его десятичный номер и другие необходимые атрибуты в отдельном файле как обычные макрокоманды TeX'a, и включить чтение этого файла в начале каждого документа,

описав в необходимых местах документа вызовы соответствующих макрокоманд.

Система была опробована и внедрена в одной из лабораторий ОКБ МЭИ. Благодаря использованию описанной системы, были значительно сокращены временные затраты на разработку и корректировку текстовой и табличной документации. Особенное удобство связано с простотой перестановки частей и разделов документов при корректировке существующих документов и разработке новых на базе готовых размеченных частей.

Ещё одной положительной стороной разработанной системы подготовки документации явилась возможность автоматизированной генерации отдельных документов внешними программами, способными записывать на выходе файл с текстовыми строками. Если имеется возможность сформировать эти строки как команды системы, то в результате будет получен готовый документ (такой, например, как спецификация) или его полуфабрикат, который потребует минимальной смысловой доработки со стороны разработчика.

Эта идея была подтверждена практическими разработками, но широко применения они пока не нашли.

Список литературы:

1. ГОСТ 2.105-95. Единая система конструкторской документации: Общие требования к текстовым документам. – Введ. 1996-07-01: Взамен ГОСТ 2.105-79, ГОСТ 2.906-71. – М.: Издательство стандартов, 1996. – 34 с. – (Межгосударственный стандарт).
2. Единая система программной документации: [Сборник]: ГОСТ 19.001-77, ГОСТ 19.005-85, ГОСТ 19.101-77 – ГОСТ 19.103-77, ГОСТ 19.104-78 – ГОСТ 19.106-78, – Переизд. Сент. 1993 г. с изм. 1. – М.: Изд-во стандартов, 1994. – 157 с. – (Гос. стандарты СССР).
3. Кнут Д. Е. Всё про TeX: Пер. с англ. М. В. Лисиной. – Протвино: АО RDTex, 1993. – 592 с.

Раздел восьмой

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКИ

ТРАНСПОЗИЦИОННЫЕ МАРКЕРЫ КАК СПОСОБ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АЛЬТЕРНАТИВНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ СОБЫТИЙ

© Генералова Л.М.¹

Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград

Данная статья посвящена анализу языковых средств, используемых носителями немецкого языка для обозначения альтернативной концептуализации событий.

Проблемы определения понятия «семантический предикат», соотношения его формальной и содержательной сторон, типологии семантических предикатов являются объектом пристального внимания лингвистов с античных времен. Число работ, посвященных данным проблемам, поистине необозримо. Хотя теоретические концепции, касающиеся классификации семантических предикатов и претерпели существенные изменения в течение своей многовековой истории, все же приходится констатировать, что и по сей день в этом вопросе имеется еще много противоречивого и нерешенного. Особенно наглядно это проявляется на новом этапе развития современной лингвистики, когда язык перестал исследоваться как система оппозиций, изучаемая «в себе и для себя», а задачей лингвистики становится изучение когнитивной природы естественного языка.

Несмотря на многообразие существующих классификаций семантических предикатов, все попытки описания их типологии представляются нам сомнительными, поскольку они отрицают существование общей для всех языков системы универсальных соотносительных понятий. Анализ существующих концепций показал, что во многих языковедческих работах отсутствует четкое определение самого понятия семантический предикат, в результате чего типология семантических предикатов подменяется обычной классификацией глаголов по их обобщенным лексическим значениям (данный подход просматривается в работах Т.В. Булыгиной (1982), Л.М. Васильева (1990), Ф. Данеша (1971), Т.А. Кильдебекова (1985), Х. Леманна (1992), Ю.С. Степанова (1981), Й. Франсуа (1994), У. Чейфа (1975) и других). Многие лингвисты понимают под предикатом глагол или другое слово с некоторыми глагольными свойствами, т.е. сказуемое, группу сказуемого, рему. Существующие классификации достаточно разнообразны как по использованию набора дифференциальных признаков для разграничения семантических предикатов, так и по их количеству.

¹ Старший преподаватель, кандидат филологических наук

Однако, как показывает анализ существующих теорий семантических предикатов, главной и типичной ошибкой многих исследователей является, прежде всего, неразличение процессов категоризации и концептуализации, смешение этих двух уровней репрезентации ситуативного знания, отсутствие четкого уровня локализации семантических предикатов, что, в свою очередь, ведет к отождествлению предикатов не только с классами глаголов, но и с их онтологически обусловленными сигнификативными разновидностями в рамках конкретного языкового сознания.

Как показало наше исследование, один и тот же глагол, или класс глаголов по онтологии, может соотноситься с разными типами семантических предикатов, которые интерпретируют называемые им события то как действие, то как состояние, то как свойство или процесс. Возможность подобного рода альтернативного осмысления одного и того же события внеязыковой действительности убедительно доказывает, что при семантических предикатах мы имеем дело с особыми ментальными категориями концептуального плана, которые полностью исключают их отождествление с соответствующими классами глаголов. Именно возможность альтернативного осмысления одного и того же события наглядно подтверждает концептуальный статус семантического предиката. Таким образом, мы предлагаем использовать термин семантический предикат для обозначения способа концептуального осмысления единой онтологической ситуации (сцены). В качестве признаков, используемых для составления классификации семантических предикатов как концептуальных категорий, абстрагированных от онтологии, мы предлагаем использовать признаки, сформулированные О.Н. Селиверстовой в ее монографии. К таким признакам относятся: локализованность / нелокализованность семантического предиката на оси времени, статичность / динамичность, тип семантического субъекта при предикате [Селиверстова, 1982].

Как рассудочная категория более высокого уровня абстракции, семантический предикат не имеет никакого отношения к онтологии ситуации и фиксирует не конкретные предметы мысли, а категории рассудка, под которые они подводятся. Их использование порождает альтернативные способы осмысления одной и той же внеязыковой ситуации, когда одно и то же событие может мыслиться в разных семантических ипостасях.

Проведенное нами исследование показало, что при формировании предметно-логической схемы ситуации говорящий по-своему отбирает и группирует элементы этой ситуации, что позволяет ему по-разному описывать одно и то же событие экстралингвистической действительности. Различная интерпретация исходного события будет зависеть от важных составляющих концептуализации – избирательности говорящего, его целевой установки, иначе говоря, от выбранной им семантической перспективы. Анализ языковых средств, используемых носителями немецкого

языка для перехода от одной концептуализации события к другой, показал, что немаловажное значение в концептуализации события играют различные транспозиционные преобразования, благодаря которым происходит обогащение языка. Поскольку любое транспозиционное преобразование носит, как правило, количественный характер, постольку признаком смены концептуализации исходного события является появление в структуре предложения каких – либо дополнительных маркеров, указывающих на конкретный характер фреймового отражения ситуации.

Все многообразие используемых носителями немецкого языка транспозиционных структур, отражающих специфику концептуализации события, мы попытаемся показать на примере способов перехода от предиката действия к другим типам семантических предикатов. Предикат действия выбран нами в качестве исходного не случайно. Как показало наше исследование, это наиболее распространенный способ концептуализации события, характерный для отражения всех сфер жизнедеятельности индивида.

Немецкий язык располагает целой системой способов для переконцептуализации данного события в процесс, где самым распространенным маркером неакциональной интерпретации события является элемент *sich* (более 40 % всех проанализированных примеров).

В традиционной немецкой грамматике этот маркер принято было рассматривать как показатель возвратности глаголов, которые подразделялись, соответственно, на формально-рефлексивные, где местоимение *sich* является неотъемлемой составной частью глагола (например, *sich befinden*, *sich beeilen*), собственно-возвратные глаголы, при которых *sich* как возвратное местоимение употребляется свободно и может быть заменено через другой не идентичный с субъектом объект (например, *sich kämmen*, *sich waschen* и др.), и взаимно-возвратные. Проведенное Волоховой В.В. исследование показало, что постулирование особого класса возвратных глаголов в немецком языке полностью противоречит языковым фактам, потому что при так называемых собственно-возвратных и взаимно-возвратных глаголах *sich* как анафорическое возвратное местоимение является валентностно обусловленным актантом при акциональном глаголе и входит не в структуру глагола, а в структуру всего предложения в целом, замещая позицию дополнения. На основании этого возвратность в данном случае является свойством предложения, а не глагола [Волохова В.В., 2005]. Сопоставление высказываний с *sich* и без *sich* (*Ich wasche das Kind* и *Ich wasche mich*) показывает, что в данных примерах значение глагола с *sich* идентично значению глагола без *sich*. Что касается псевдо-рефлексивных глаголов, то здесь местоимение *sich* уже не является анафорическим местоимением, а выполняет функцию словообразовательную или формообразующую, при этом местоимение *sich* маркирует не кореферентность, а неакциональное прочтение события. Сравним:

Ich lasse mich von der Mutter kämmen (Link: 1994, s. 91),

Я позволил матери причесать меня

где событие концептуализировано как действие со значением каузативной рефлексивности и

Neue Quellen öffneten sich den Auftraggebern des Herrn von Oe., ein nicht endender Fluß von Informationen setzte ein (Rücker: 1988, s. 32).

Новые перспективы открылись перед заказчиками господина Ое., появился нескончаемый поток информации,

где глагол действия *öffnen* благодаря элементу *sich* получает неакциональное-процессуальное осмысление.

Данный транспозитор особенно характерен для переконцептуализации ситуации физического действия в процесс, где в качестве субъекта выступают силы природы (22 %):

An solchem Novembertag bedeckte der dichte Schnee den ganzen Garten (Link: 1994, s. 71) – действие.

В один из таких ноябрьских дней весь сад покрыл плотный снег.

In dieser Zeit bedeckte sich unsere Gegend mit tiefem Schnee (Rücker: 1988, s.281) – процесс.

В это время наша местность покрылась глубоким снегом.

Реже данная модификация встречается у глаголов, обозначающих процесс изменения положения в пространстве как неодушевленных предметов, так и человека и других живых существ (8 %):

Sie legte sie ins Bett, deckte sie zu, schob ihr noch ein Heizkissen unter die Füße... (Link: 1994, s. 389) – действие.

Она уложила ее в постель, укрыла и положила под ноги электрогрелку.

Stefanie trank den Zitronensaft, aber dann, legte sie sich in ihre Kissen zurück... (Link: 1994, s. 86) – процесс.

Стефани выпила лимонный сок, а затем снова улеглась в кровать.

Наше исследование показало, что сочетание элемента *sich* с акциональным глаголом в немецком языке позволяет говорящему вербализовать событие не только через предикат процесса, но и через предикаты состояния и свойства (11 %). При этом для различения правильной интерпретации концептуализации события, большую роль будут играть не только различные конкретизаторы, сигнализирующие об его отношении к оси времени, но и конфигурация семантических ролей, которая у каждого предиката своя. Рассмотрим все многообразие средств, используемых для переконцептуализации события на примере глагола *fühlen*:

In diesem Moment fühlte sie dem Kind den Puls am Hals (Rücker: 1988, s. 31) – действие.

В этот момент она пощупала пульс на шее у ребенка.

Aber von diesem Drama fühlte sie sich doch tief betroffen (Link: 1994, s. 30) – состояние.

От этой драмы она чувствовала себя глубоко несчастной.

Если предикат действия в этих примерах сопровождается наличием таких семантических ролей как Агенса и Объектив, то состояние представлено семантическими ролями Экспериенцера и Стимула, которые позволяют отобразить ситуацию в статике, когда субъект состояния пассивен. Конкретизатор *«aber von diesem Drama»* указывает на то, что состояние локализовано на оси времени, наступило вследствие какой-либо причины и длится в течение некоторого времени.

В следующем примере исходное событие концептуализировано как предикат свойство, о чем свидетельствует наличие такого конкретизатора, как *immer*, являющегося доказательством интерпретации события как не-локализованного на оси времени:

Sie waren vielleicht die einzigen Menschen, unter denen sie sich immer sicher fühlte (Link: 1994, s. 9).

Пожалуй, они были единственными людьми, среди которых она всегда чувствовала себя уверенно.

Вторым по степени распространенности средством, служащим для перевода события, мыслимого как предикат действия, в предикат процесса являются конструкции с фазовыми глаголами *anfangen*, *beginnen*, *aufhören* и т.д. (35 %), которые несут в себе семантику процессуальности и представляют событие как процесс, и иначе мыслиться не могут:

In der Klinik fragte sie die Ärzte, ob Anton eine Heilung erwarten könne (Link: 1994, s. 193) – действие.

В клинике она спрашивала врачей, может ли Антон надеяться на выздоровление.

«Was?» begann sie zu fragen, hielt aber inne (Link: 1994, s. 337) – процесс.

«Что?», начала она спрашивать, но тут же остановилась.

Самым универсальным способом концептуализации события как процесса в немецком языке является словосочетание *werden* + *прилагательное*, где глагол сохраняет свое лексическое значение «становиться» (16 %). Это словосочетание интерпретируется как средство выражения предиката процесса на том основании, что субъект в нем характеризуется страдательностью и пассивностью, а также отсутствием агентивных качеств, что является характерной особенностью предиката процесса.

Данная структура используется чаще всего при концептуализации событий социальной сферы (изменения социального статуса, карьерного роста, профессиональных навыков), менее всего данный транспозитор используется при концептуализации ситуаций физической деятельности и практически отсутствует при концептуализации событий физиологической сферы:

Nach einer Viertelstunde wurde mein Begleiter nervös (Rücker: 1988, s. 85).

Спустя четверть часа мой проводник занервничал.

Кроме вышеперечисленных транспозиционных преобразований, используемых носителями немецкого языка для концептуализации события как процесс, немецкий язык имеет также свою систему средств, позволяющих переводить событие, мыслимое изначально как предикат действия, в предикат состояния. Наиболее частым способом, используемым для такой переконцептуализации события, является конструкция *sein* + Partizip II, именуемая в традиционной грамматике как *Stativ* (более 60 %). Данная конструкция обозначает всегда состояние, наступившее в результате совершенного действия над каким-либо объектом:

Herr von Oe. richtete seinen Blick auf eine schöne Frau, die sich zu diesen jungen Leuten gesellte (Rücker: 1988, s. 141) – действие.

Gосподин Oe. бросил взгляд на красивую женщину, которая присоединилась к этим молодым людям.

Alle Begierden unseres Helden waren in jener Zeit nun einmal auf zwei Gegenstände gerichtet, auf die Düsseldorf Gerda und das sibirische Gold (Rücker: 1988, s. 46) – состояние.

Все желания нашего героя были в то время направлены на два объекта, на Дюссельдорфскую Герду и сибирское золото.

Вышеупомянутая конструкция, как известно, может содержать помимо глагола *sein*, такие распространенные глаголы как *stehen, liegen, hängen, sitzen, bleiben*:

Der Mann steht unten, an die Mauer gelehnt, und versucht sich eine Zigarette anzuzünden (Link: 1994, s. 14).

Внизу, прислонившись к стене стоял мужчина и пытался прикурить сигарету.

Что же касается возможностей переконцептуализации исходного события через предикат свойства, то, как показало наше исследование, в структуру с предикатом свойства может быть преобразовано высказывание с любым исходным реляционным предикатом, и предикат действия в этом случае не является исключением. Долгое время традиционно считалось, что основу любой детерминирующей структуры составляет одновалентный глагол, в то время как реляционную структуру формирует многовалентный (или многоместный) глагол [см. работы Schmidt 1970, Москальская 1981]. Как справедливо отмечает Кураков В.И., ошибочность разграничения детерминирующих и реляционных структур на основе валентности глагола происходит из-за необоснованной подмены субъектно-предикатной интерпретации предложения с позиций логики аргументно-предикатной, разработанной в рамках вербоцентрической теории предложения [Кураков В.И., 2002]. Возможность интерпретации высказывания с многоместным предикатом и как реляционной, и как детерминирующей структуры заложена в самой трактовке суждения и предложения (как его формы) в логике как двусоставных образований, которые состоят из логи-

ческого субъекта и логического предиката, при этом под «предикатом» понимается все то, что «говорится о логическом субъекте». На стадии семантизации именно «то, что говорится о логическом субъекте» подводится либо под предикат свойства, либо под один из типов реляционных предикатов. Практика показывает, что любое высказывание, независимо от того, к какой лексико-семантической группе относится лежащий в его основе глагол, может быть переведен из разряда реляционной в детерминирующую структуру. Для перевода события из любого типа предиката в предикат свойства, достаточно будет ввести в структуру предложения дейктический указатель, подтверждающий нелокализованность события на оси времени (*immer, täglich, nie oft, überall, manchmal*), а также оценочные элементы (*leicht, gut, schlecht*):

Er hatte die ganze letzte Woche in seiner Hütte in den Bergen verbracht und wäre gern noch länger geblieben (Link: 1994, s. 104) – действие.

Он провел всю последнюю неделю в своей хижине в горах и с удовольствием остался бы там еще.

Clarissa verbrachte immer ihren Urlaub in den Bergen (Link: 1994, s. 106) – свойство.

Кларисса всегда проводила свой отпуск в горах.

Как видно из приведенных примеров, способность глаголов, которые изначально имеют акциональное значение, сочетаться с вышеперечисленными операторами, позволяет нам мыслить исходные события уже не как действия, а как свойство.

Таковы основные маркеры альтернативной концептуализации события через систему семантических предикатов в современном немецком языке. Помимо этого в качестве дополнительных показателей концептуализации события могут быть использованы параллельно к основным такие маркеры как внутренняя флексия (аблаут) при образовании основных форм глагола, а также вспомогательные глаголы в аналитических формах прошедшего времени. Выбор носителями немецкого языка различных транспозиторов для указания на альтернативную концептуализацию исходного события обусловлен при этом определенным семантическим прочтением последнего и зависит от принадлежности отражаемой сцены к той или иной сфере жизнедеятельности индивида.

Список литературы:

1. Булыгина Т.В. К построению типологии семантических предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / Отв. ред. О.Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1982.
2. Васильев Л.В. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высш. Шк., 1990.

3. Волохова В.В. Семантико-синтаксическая характеристика возвратных структур немецкого предложения. Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. – Волгоград, 2005. – 21 с.
4. Кильдебекова Т.А. Глаголы действия в современном русском языке. – Саратов, 1985.
5. Кураков В.И. Семантическая перспектива и ее значение для становления и интерпретации языковых явлений. Предложение и Слово: Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2002. – С. 233-237.
6. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. – М., 1981.
7. Селиверстова О.Н. Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982.
8. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения. – М., 1981.
9. Чейф У.Л. Значение и структура языка. – М., 1975.
10. Danes F. Pokus o strukturni analizu slovesnych vyznamu // Slovo a slovesnost. – 1971. – С. 3.
11. Francois J. A conceptual classification of verb predication with cognitive plausibility // Kognitive Semantik: Ergebnisse, Probleme, Perspektiven / Hrgs. von M. Schwarz. – Tübingen: Narr, 1994. – S. 99-117.
12. Lehmann Ch. Deutsche Prädikatklassen in typologischer Sicht // Deutsche Syntax: Ansichten und Aussichten / Hrsg. von L. Hoffmann. – Berlin, New York: de Gruyter, 1992. – S. 155-185.
13. Schmidt F. Symbolische Syntax. Haale (Saale), 1970.
14. Charlotte Link «Die Stunde der Erben». 1994. Blanvalet-Verlag, München.
15. Günter Rücker «Erzählungen eines Stiefsohns». Prosa – Essay 1988. Verlag Philipp Recklam jun. Leipzig.

О НЕКОТОРЫХ СТИЛЕВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ СИБИРИ

© Куликова И.М.¹

Сургутский государственный университет,
г.Сургут

В статье отмечены некоторые тенденции в развитии литератур ханты и манси Западной Сибири за последние полвека. Анализируется смена мировоззренческих концепций, тип героя, стилистические приемы. Рассмотрение ведется в контексте с финно-угорскими литературами Поволжья с привлечением отдельных примеров из этнических литератур Северной Америки.

В XX столетии в мировой культуре наметился устойчивый интерес к основам национально-народного миропонимания, стремление осмыслить уникальность своей культуры, сохранить ее самобытность. Данные тенденции нашли отражение в художественной литературе, представляющей в этом отношении полноценный материал, который вбирает в себя факторы различного порядка – от субкультурных до глобальных, от этнических до цивилизационных, от индивидуальных до общечеловеческих.

Процесс интеграции отдельных этнических культур в единую мировую культуру на основе развития экономических связей и средств коммуникации, обозначаемый понятием глобализации, приводит к стремительному расширению культурных контактов и обмена, заимствованию культурных ценностей. Итогом столь резкого возрастания количества прямых контактов между социальными группами и индивидами, представляющими разные культуры, является стирание граней между «своим» и «чужим». С другой стороны, это обусловило культивирование интереса к этнической самобытности, поиск исторических корней, стремление к возрождению и консервации традиционных культур.

Тенденция к глобальному исчезновению самобытных черт в культурах нашей страны проявилась в 60-70-е гг. XX столетия. Первыми об угрозе потери национальной специфики заговорили русские писатели (В. Белов, В. Шукшин, В. Распутин и др.), затем – представители других национальных литератур (Ю. Туулик, И. Друцэ, О. Гончар, Г. Матевосян, А. Айлисли и т.д.). Этнические культуры финно-угорских и других, так называемых «малых», народов России также выдвигают писателей и художников, творчество которых ориентировано на сохранение традиционных пред-

¹ Доцент кафедры Философии

ставлений, – Ю. Шесталова, Е. Айпина, Г. Юшкова, Е. Рочева, С. Попова, А. Ванеева, А. Попова, А. Ельцова, М. Федотова, С. Орлова, А. Неркаги и других.

Безусловно, развитие этих культур шло и продолжает идти разными темпами, с преобладанием в них различных тенденций. Вместе с тем существование их в пределах общего культурного пространства России, культурно-генетическое родство, культурно-исторические связи (например, коми с хантами и манси), а следовательно, сходство мировоззренческих и эстетических установок обусловили и моменты сближения этих культур. Бассель Н., оспоривший выделение Домокошем П. в литературах финно-угров семи типологических подгрупп, считает, что в отдельные группы должны быть сведены, с одной стороны, – литературы коми и народов Поволжья, а также карельская как «младописьменные» литературы, и с другой стороны – литературы народов Зауралья и саамская как «новописьменные» литературы [1, С. 142]. При этом венгерскую, финскую и эстонскую культуры исследователь рассматривает как пример высокоразвитых систем европейского типа.

Правильность положений Н.Басселя подтверждается характером развития культур этих народов. До 60-х гг. литература и изобразительное искусство финно-угорских народов Предуралья и Поволжья по форме и содержанию представляли собой достаточно целостное явление, основанное на традициях реалистического направления. Тематика и стилистика работ отражали идеалы эпохи, провозгласившей в качестве основных ценностей героизм и трудовые подвиги. Литературы финно-угорских народов Зауралья (хантыйская, мансийская, а также близкая им в идейно-тематическом и стилистическом отношении ненецкая) находились в процессе становления и развивались очень медленно, с большими паузами. В 60-70-е годы все финно-угорские культуры начали динамично развиваться. При этом более интенсивно развивались литературы и в целом культуры Предуралья и Поволжья (коми, марийская, удмуртская, мордовская). Однако известность приобретают представители западносибирских литератур. Венгерский исследователь П. Домокош [13, С. 94] увидел причину этого в свежести архаичного мировосприятия писателей, в их обращении к древнейшим пластам фольклора.

Национальная специфика профессионального творчества финно-угров, и прежде всего в области литературы, определяется их генетической связью с устным творчеством, с фольклором, сохранившим архетипические основы народных представлений. На фольклоризм как основную стилевую черту современной литературы коми указывает В.Н. Демин [5]. Эта связь с народным творчеством, опора на него, ориентация на его систему ценностей сохранит свою значимость и в тех произведениях последних

лет, которые нередко исследователями будут связываться с новейшими тенденциями художественного развития.

Развитие финно-угорских культур в 60-е – перв. пол. 70-х гг. шло преимущественно в русле романтического метода. Это особенно характерно для литератур Зауралья. В произведениях здесь можно выделить стилистические особенности романтизма: экзотика Севера, необычные герои, экстремальные ситуации, поэтическая сторона народных легенд и сказок, поэтизация природы, особенностей быта и естественной, органичной жизни простого человека, лирико-камерные, интимные сюжеты. Подобная ситуация складывалась и в более развитых литературах. Так, исследователь Т.Л. Кузнецова отмечает наличие романтической доминанты в произведениях коми писателей [59, С. 119]. Бочаров С.А., анализируя изобразительное искусство коми этого периода, также приходит к выводу о наличии в нем романтических тенденций и пафоса романтики [3, С. 224]. Колчева Э.М. и Шкалина Г.Е. называют в качестве характерных тенденций развития марийской культуры 60-х гг. т.н. этнографический реализм и романтические веяния [13, С. 73].

Романтические тенденции заметно проявились в творчестве Ю. Шесталова, стихах и поэмах Р. Ругина, рассказах Е. Айпина и др. Так, романтический пафос преобразования древней тайги пронизывает произведения Ю. Шесталова. В этот период писатель утверждают возможность гармонии «нового» и «древнего» («Когда качало меня солнце», «Тайна Сорни-най», «Синий ветер каслания», «Языческая поэма»); его герои способны соединить новое («чужое») с традиционным («своим»). Подтверждение правильности и необходимости изменения мира, естественности и объективности прихода нового уклада жизни автор нередко ищет в древних легендах. Древняя сказка необходима писателю и для того, чтобы понять, определить своё место в современном меняющемся мире, чтобы лучше понять нравственные, социальные проблемы времени. В поэме Р. Ругина «Огнедышащий край» воспеты люди, преображающие суровую землю, разведывающие огромные подземные хранилища природных богатств. Поэзию труда на буровой в будничной обстановке тасяного Севера передает и Е. Айпин в рассказе «Старшой» (опубликован в сборнике «Вам, романтики!»). Найти гармонию между «новым» (техническим прогрессом) и «старым» (природой) писатель стремится и в своей первой повести «В ожидании первого снега», опубликованной в конце 70-х гг. В душе главного героя поэтизация буровой и геологов-первооткрывателей побеждает чувство ностальгии по прежнему укладу жизни, тесно связанному с природой; старшее поколение тоже примиряется со случившимся.

Романтические тенденции в творчестве этнических писателей ярче всего проявляются в разработке темы природы, мир которой у них опозитивирован, физически осязуем. Природа у них стоит в центре мира, человек является органичной частью природы. Поэтизация мира природы, естест-

венности и свободы человека в ней стала лейтмотивом творчества П. Салтыкова (сб. «Туесок с морошкой»), Р. Ругина (сб. «Туесок песен»), Г. Лазарева (сб. «Рассказы у костра»), М. Шульгина (ст. «Благодарность», «Тайга»), А. Тарханова (сб. «Тропа язычника»), Е. Айпина (пов. «Звезда Утренней Зари», «В ожидании первого снега») и др. Здесь много общего у разных поэтов в системе образов, стилистической манере, в особенностях образной ткани стихов, в характере олицетворений, сравнений, метафор. «Ветры пахнут сосновой корой, Каждый ствол, словно солнечный луч. Световой забавляясь игрой, Кедр касается кроною туч», – пишет М. Шульгин в стихотворении «Тайга». Природоцентрична, по определению Е. Каргаполова, поэзия А. Тарханова [7, С. 51]. Святое дерево для поэта – кедр: «Я у кедров беру себе силы, Отпускаю туман в высоту». Он слышит голос кедра, понимает его: «Голос кедров мудрых, древних Стал тревогою стиха».

Творческая позиция писателей Севера имеет свою особенность. В. Санги пишет: «Истинный северный человек во все времена обращался к природе как к равному, как к собеседнику, другу, как к соучастнику человеческой повседневности» [12, С. 243]. Отсюда идет «экологическая нравственность» их произведений, призывающих понимать природу и беречь ее как бесценный дар. «Бери богатства осторожно с края», – советовал предок, который «никогда кедровой шишки ради живой зеленой ветки не ломал» (Р. Ругин). Именно этот наказ предков художники стремятся сохранить для будущих поколений: «И лишь одно меня тревожит И летом, и зимой: Мой правнук будущий – он сможет Услышать голос мой?» (Р. Ругин, «Зов предков»).

В 70-80-е годы в литературе и искусстве проявляются новые тенденции, связанные со стремлением к более глубокому, философскому осмыслению действительности. Так, тема познания, восприятия человеком мира и себя через прошлое, традиции, этнические корни, через связь с природой занимает здесь едва ли не главное место.

Проблема взаимоотношений человека с природой приобретает нравственно-философский аспект (сборник Р. Ругина «Многодумная Обь»; новелла «Боли земли» в книге Е. Айпина «У гаснущего очага»; «Языческая поэма» Ю. Шесталова; «Родовой знак» Г. Юшкова и др.). Осмысление ее теперь тесно связывается с проблемой исторической памяти, «памятью земли», которая заложена в человеке предшествующими поколениями, и рассматривается с точки зрения нравственного долга личности перед биологическим опытом земли и перед будущими поколениями. Хотя писатели уже отошли от мира, в котором человек ощущает себя частью природы, они продолжают остро чувствовать «кровную связь» с землей, их породившей. И разрыв с природой, отрыв от родной земли рассматривается здесь как начало катастрофы и гибели мира. Герой Е. Айпина рассуждает:

«Все взаимосвязано. Все держится на одном корне, и корень этот уходит в Землю ... И замахнувшийся на корень прежде всего замахивается на себя и на человечество»; «Не станет Земли – не станет жизни» («У гаснущего очага»). Не случайно автор заканчивает именно этим рассказом свою повесть: истоки бед он видит в небрежном отношении к земле, являющейся основой всего живого. Такой угол зрения характерен и для финно-угорских литераторов Поволжья: «... тело человека – это земля, жилы на руках и ногах – это реки и ручьи» (Г. Юшков, «Родовой знак»); «Нарушена гармония в природе, нарушена гармония человеческого рода» (А. Некрасов, «Быть человеком»).

В основе концепции мира и человека у писателей Севера – противостояние двух миропорядков: дисгармония современной цивилизации и гармония природного миропорядка. Причём дисгармония мира приобретает такие размеры, что это может обернуться гибелью традиционного уклада. Именно в природе прежде всего видят поэты и писатели «порядок и порядочность», надежду на разумное устройство мира. Ю. Шесталов в своих книгах обращается к мифологии народа манси, чьи верования тесно связаны с природой, и высказывает веру в способность людей сохранить извечное единство с ней (легенда о единстве богов, природы, людей в «Языческой поэме», миф о Мирсуснэхуме). Писатель верит, что разум человека сумеет сберечь природу (миф о прощении человека, наказанного гибелью природы).

Мифологические сюжеты и мотивы, легенды, отражающие историю народа, своеобразие мировидения и национальной психологии и одновременно тесно сопряженные с настоящим, органично вплетаются в художественную ткань произведений и начинают играть особую стилистическую роль. Смело обращается к древним мансийским преданиям Ю. Шесталов. Особенно много их в романтической прозе писателя («Когда качало меня солнце» и др.) и «Языческой поэме». Чаще миф у писателя связывается с глобальной проблемой взаимоотношений человека и природы (миф о потопе и легенды о наказании людей за истребление природы в книге «Когда качало меня солнце» и др.). Огромное влияние мифология и мансийский эпос оказали на поэзию А.Тарханова – в первую очередь собранные М. Плотниковым (Янгал-Маа) и переработанные С. Клычковым (Мадур Ваза-Победитель) сказания.

Миф дает возможность художникам философски осмыслить время, человека, мир. «Чтобы человек сохранил свою душу, невозможно без легенд, преданий, древних сказаний», – подтверждает Е. Айпин. В его творчестве роль легенд и сказаний постоянно возрастает (пов. «Я слушаю Землю», «В тени старого кедра»). К глубинным основам народного мироощущения, опираясь на мифологию, фольклор, идут коми писатели Г. Юшков, А. Попов («Холм чуди»), Г. Федоров («Олень с серебряными ногами») и др. Ненецкая писательница А. Неркаги (близкая и территориально, и художест-

венно, и мировоззренчески к хантам и манси) переосмысливает миф о голубых великанах в «Илире» и сюжет библейской мифологии в «Молчащем», обыгрывает легенды собственного сочинения – о Золотом Слове Правды и о Белом Ягеле в «Белом ягеле». Тяготение к стилистике древних сказаний, их образности, переходы в сознании героев от реальности к легенде переводит повествование в обобщенно-философский план. Миф здесь трактуется не как «дела давно минувших дней», а как явление достаточно жизнестойкое и современное. Значительна роль в этом отношении образов стариков, тесно связанных с народной мудростью и являющихся связующим звеном в цепи поколений («Сначала была сказка», «Когда начало меня солнце» Ю. Шесталова, новелла «Шаманы и Сказители» Е. Айпина и др.).

Повышенное внимание писателей к этническому своеобразию своего народа, стремление к обособлению национальной культуры, мифологии, истории от других можно рассматривать как способ ощутить себя частью целого, найти психологическую поддержку в традиционных эмоционально-ценностных константах (дом, семья, отец, мифология, природа, язык и др.), доказать свою «равноправность» в пределах мультикультурного пространства. Писатели подчёркивают живучесть этнических стереотипов, корнящихся в сфере быденного сознания.

С 80-х в этнических литературах Западной Сибири настойчиво варьируется мотив невозможности слияния патриархальных традиций и цивилизации, обреченности этнических ценностей в современном мире. Ю. Шесталов в своих новых работах и выступлениях с горечью констатирует реальную возможность исчезновения самобытных культур. Айпин Е. дает откровенно символическое название своей книге – «У гаснущего очага». Писатель пересматривает концепции своих прежних произведений и на их основе создает новые, существенно переработав их содержание и усилив трагическое звучание старых тем. Эволюция взглядов писателя подробно проанализирована в недавно вышедшем исследовании Е. Роговера и С. Нестеровой [10], отмечалась она и в работах О. Лагуновой. Так, например, из лирической повести «Я слушаю Землю» выросло драматическое повествование «У гаснущего очага», из повести «Звезда Утренней Зари» – роман «Ханты» о трагической судьбе охотника ханты, столкнувшегося с цивилизацией.

Сохранение традиционных ценностей становится серьезной проблемой в современном мире. Воздействие доминантной культуры на «малые» народы, процесс формирования образа мира этносов в условиях фактического монолингвизма (русского, английского или другого) и реже – билингвизма приводит к снижению уровня самоидентификации среди индивидов и целых этнических групп. В этих условиях наиболее естественным становится стремление сохранить этническую самоидентичность. Пред-

ставители многих коренных народов сегодня сохраняют биэтническую идентичность, то есть различные способы поддержания связей с двумя культурами – доминантной и исконной. Это нашло отражение в творчестве этнических писателей России – Ю. Рытхэу, Ю. Шесталова, А. Неркаги, Е. Айпина, В. Санги, Г. Кэптукэ, Г. Юшкова, Е. Рочева и др. В этнических литературах США и Канады можно назвать имена таких писателей, как Д. Гилб, Н. Скотт Момадей, Лесли М. Силко, Д. Уэлч, Л. Эрдрик и др. Здесь можно выделить четыре типа героев. Первый тип – герой, находящийся «внутри» своей этнической культуры, укорененный в традиции, сохраняющий этническую картину мира и родной язык, не признающий «чужих» ценностей; как правило, это представитель старшего поколения, покинутый своими детьми. Такому персонажу обязательно противопоставлен герой, полностью ассимилированный, целиком отринувший ценности исконной культуры и признавший ориентиры «чужого мира», «Чужого Дома». Этому персонажу (преимущественно представителю молодого поколения) в этнических литературах уделяется чрезвычайно мало внимания.

Нечасто в этих литературах появляется герой, в сознании которого происходит гармоничное (как правило, в результате внутренней борьбы) совмещение двух культур, признание ценностей доминантной культуры без ущерба для ценностей собственной культуры (явление, которое в американской культурантропологии определяется термином аккультурация). Такой герой больше характерен для американских литератур, есть такие персонажи в раннем творчестве Ю. Шесталова («Тайна Сорни-най») и Е. Айпина («В ожидании первого снега»). Таковым предстает и лирический герой А. Тарханова, в душе которого переплетены два начала – языческое и православное («Христианин я и язычник, Меня крестили в Иртыше. И по судьбе своеобразной Две веры у меня в душе»). Язычество – глубинное начало его души, православие, как справедливо подмечает Е.П. Каргаполов [7, С. 50], как бы наслаивается на язычество и преодолевает его. Чувства лирического героя связаны с природой, со своими этническими корнями; разум его принадлежит городу, где скрещиваются разные веры и культуры. Эти два начала у героя А. Тарханова сочетаются довольно естественно.

Гораздо более интересен авторам персонаж, ассимилированный частично. Такой индивид чаще рассматривается как маргинал, существующий внутри «другой» культуры, но не приемлющий ее ценностей в целом, как человек, не овладевающий в должной мере нормами и ценностями ни одной из культур. Для такого персонажа характерны двойственность сознания, внутриличностные конфликты, балансирование между двумя образами жизни, состояние постоянного выбора – принять мир цивилизации или возвратиться в мир родной культуры. В целом подобный герой пред-

стает как «человек границы», личность, существующая между культур, времен, языков.

Поиск героями своей идентичности является многоуровневым, многофазовым процессом.. Тема столкновения «чужой» и «своей» культур в душе человека решается на примере локальных событий, последствия которых можно интерпретировать бесконечно (вернется – останется, временно – постоянно, отбросит – оставит «чужое», в какой степени и т.п.). Мотив возвращения нередко становится основным сюжетообразующим элементом: получив письмо о смерти (болезни) матери (отца), герой (героиня) едет в родной дом. Герой постоянно находится в пути – реальном или вымышленном – по дороге «в память, в прошлое». Небольшие сюжеты – «путешествия в память» переносят героев в воспоминания о «Своем» Доме, отце, матери («Тайна Сорни-най» Ю. Шесталова и др.). По материалам детских воспоминаний написана книга Е. Айпина «У гаснущего очага». Возникающий в книге символический образ пристани-начала подчеркивает авторскую мысль, что у человека должен быть «Свой» Дом (родная земля, дом, родные, близкие), в который всегда можно вернуться («Пристань»). Произведению Е. Айпина по своему идейно-художественному звучанию близка книга Н. Скотта Момадея «Путь к Горе Дождей». Поэтизация образа «Своего» Дома заметна в произведениях Е. Айпина «Звезда Утренней Зари» и Момадея «Дом, из рассвета сотворенный». Лирический герой А. Тарханова постоянно возвращается к истокам, к корням – через воспоминания о доме, отце, родной природе либо совершает реальную поездку в родные места, набирается сил у природы. Однако он вновь возвращается в город с его особым духом и образом жизни. А затем все повторяется заново – и так может длиться бесконечно.

В целом бизтничность становится понятием, через которое раскрывается связанность, целостность мира в обычном, бытийном восприятии, возможность гармоничного соединения разных систем ценностей, разных представлений в новых социально-культурных условиях существования, создавая возможность для ухода части носителей этноса в мир цивилизации и включения «материнской» культуры в культуру «нового отечества», и одновременно – для возвращения героев-маргиналов, вносящих в свою этническую культуру элементы «чужой» ментальности, органически сочетая (или стремясь соединить) их в пределах общего пространства.

В решении данной проблемы показательна и эволюция творчества А. Неркаги. В повести «Анико из рода Ного», акцентирующей внимание на неизбежности разрушения того, что оберегалось веками и что становится чужим для тех, кому предназначалось, все же звучит и более оптимистичный мотив, связанный с образами молодых ненцев. Восстановление гармонии мира возможно лишь оставаясь «внутри» своего мира – такой вариант разрешения проблемы предлагает А. Неркаги в «Белом яге-

ле». Молодой герой, сначала бросившей своего отца и ушедшей в мир цивилизации, приходит к решению остаться верным идеалам сородичей: герой женится на безымянной девушке (символическое воплощение родового начала), а его бывшая возлюбленная физически бесследно исчезает из мира (символическое воплощение судьбы ненца в «чреве цивилизации»). Эта повесть ненецкой писательницы перекликается с романом Лесли М. Силко «Церемония», в котором показан магический обряд исцеления, восстановления гармонии мира внутри своей культуры. В романе «Молчащий» писательница даёт картину гибели традиционной культуры.

Гибель цивилизации описана во многих произведениях современной прозы («Прощание с Матёрой» и «Пожар» В. Распутина, «Плаха» и «Тавро Кассандры» Ч. Айтматова и др.). Трагедийное освещение эта тема получает в антологии коренных народов Севера «Последнее пришествие» (1998) – по названию повести эвенкийского писателя А. Латкина о самоубийстве целой семьи эвенков. Рассказ Е. Айпина «Конец рода Лагермов» разворачивается вокруг сюжета, повествующего о конце одной из хантыйских семей, корни которой были подрублены злом, ворвавшимся в ее жизнь вместе с цивилизацией. В романе А. Неркаги «Молчащий», который критики называют Апокалипсисом современности, писательница даёт трагическое видение гибели мира, в котором традиционная культура отказывается от вековых традиций, но не становится цивилизацией. Повествование в «Молчащем» развёртывается в обобщённо-символическом ключе, а потому важную роль здесь играют образы-символы: Игральище как базовая традиционная культурная реалья, воплощающая идею гармонии мира и общества, и Скопище (первоначальное название романа) как орудие современного распада и умирания жизни. Символичен и образ Молчащего, необходимость которого остро ощущается в мире всеобщего грехопадения, в мире, где Правда стала ложью.

К 90-м годам в связи с новыми экономическими и политическими реалиями этнические культуры оказываются в ситуации «двойного кризиса»: распад традиционных культур под натиском научно-технических, социально-экономических и собственно культурных преобразований, и последовавший затем распад системы ценностей прежней (советской) культуры. В этой ситуации в этнических литературах актуализируются две тенденции. Одна из них связана с усилением публицистической струи, обусловленной тем, что авторы начинают обращаться в произведениях к трагическим социально-политическим событиям прошлого, откровенно выражая собственную позицию и оценку через систему образов, диалоги и монологи персонажей, используя иные стилистические приемы. Так, в хантыйской литературе появляются книги Т. Молдановой «В гнездышке одиноком» и Е. Айпина «Божья мать в кровавых снегах». Исследователи Е. Роговер и С. Нестерова, отмечая переклички обоих произведений, показывают тот новый ракурс в освещении темы и те стиливые особенности,

которые характерны для романа Е. Айпина. В частности, они отмечают «острую публицистичность, пронизавшую всю его книгу» [10, С. 111]. Кроме того, ощущая недостаточность рамок художественного текста для выражения собственного понимания истории и современности, эти писатели начинают активную общественно-публицистическую деятельность.

Во-вторых, культуры начинают вырабатывать защитный механизм. В частности, они «музеифицируют» себя, как бы выводя свои артефакты, нормы, образцы и образы из непосредственного потока реальности, где они уже не могут существовать как таковые [6, С. 210]. В свое время В.И. Белов создал книгу очерков по народной эстетике «Лад», в которой фиксировались исчезающие стороны народного быта, ремесел и пр. – образец «музефикаторства», понимаемого в прямом смысле. Астафьев В.П. создал книгу «художественных воспоминаний» о своем детстве – «Последний поклон», которая может быть рассмотрена как пример музефикаторства, понимаемого метафорически. В пространстве между этими книгами находится и повествование Е. Айпина «У гаснущего очага». Необходимо упомянуть и о большом числе сборников фольклора, описаний орнамента, народных праздников и пр., выполненных представителями этнической интеллигенции (Т.А. Молданова, Е.П. Лапина, М.К. Волдина, Л.Л. Тарагупта и др.) в эти годы. Для культуры этого периода характерна небывалая «музефикаторская» – в прямом смысле слова – активность, выразившаяся в рехком увеличении числа музеев, музефикации целых культурных ландшафтов, реставрации старых городов, систематическом накоплении и выставлении составных частей культуры, возрождении народных обрядов и праздников, создании документальных фильмов, в которых фиксируются исчезающие стороны традиционной культуры и быта, и т.п. Проводятся кинофестивали («Дух огня»), ориентированные если не на возрождение традиционных культур, то хотя бы на их сохранение, «консервацию», придавая им своеобразный «музейный статус».

С другой стороны, поиски новых художественных решений приводят к «вовлечению в мир искусства артефактов и практик, генетически ему чуждых, – консервированных архаических форм, сохранившихся в традиционных культурах или субкультурных нишах (фольклор), которые получают новые функции, «музеифицируются» и интерпретируются в системе его понятий и ценностей» [2, С. 278]. Первобытные архетипы, образы и мотивы фольклора, переработанные элементы традиционного народного искусства, дополненные новыми формами искусства XX в., породили новое направление – этнофутуризм, наиболее ярко проявившийся в финно-угорских литературах и изобразительном искусстве Поволжья (Р. Миннекузин, М. Федотов, А. Ельцов, И. Федосова и др.). Литературный этнофутуризм рассматривается как инвариант постмодернизма, специфической, доминантной, смыслополагающей чертой которого является диалог

фольклора (точнее архаической мифологии) с мировым постмодернизмом (и шире – мировой культурой). По мнению В.Л. Шибанова, здесь происходит либо совмещение древнейших национальных традиций с современным мироощущением народа, либо выражение современного состояния через традиционные формы архаической культуры [13, С. 98]. Фиксируя этнические стереотипы, художественные архетипы и мифологемы, писатели формируют определённую модель идентичности. Вместе с тем авторское сознание преобразует эти мифологемы и архетипы, что выводит их за рамки стереотипов, придавая им новую степень мифологизации. По мнению Б.М. Бернштейна, такая «ретроспективная глобализация» – явление объективное и неизбежное.

Этнофутуризм в культуре и искусстве финно-угорских народов заявил о себе на рубеже 80-90х гг. В 1989 г. эстонский литератор М. Синиярв впервые употребил этот термин для характеристики новаторских тенденций в художественной культуре финно-угров. Идеологической основой нового течения стало утверждение ценности самовыражения каждого народа, что актуализировало проблемы национальной и культурной идентификации. Теоретиками его в Поволжском регионе считаются Н. Розенберг и В. Шибанов.

Этнофутуризм зародился в среде литераторов и журналистов, а затем расширил границы своего влияния на художников, музыкантов, ученых. В.Л. Шибанов начинает отсчет этнофутуризма с конца 80-х гг., когда в этнических литературах появляются произведения в русле стилистики постмодернизма. До этого, считает исследователь, можно говорить лишь о «неомифологии», трактуемой им как широкое обращение в творчестве к национальному фольклору и мифологии. По утверждению Н.И. Вороновой, неомифологическое сознание как проявление архаического в современном сознании – одно из главных направлений культурной ментальности XX в., начиная с символизма и кончая постмодернизмом [4. С. 83]. Суть его заключается в актуализации интереса к архаической мифологии, сохраняющей архетипы, мифоструктуры, которые живут в «генетической памяти» культуры и постоянно «подпитываются», дополняются современным мифотворчеством. В этом смысле этнофутуризм можно рассматривать как один из вариантов трансформации архаического сознания в современной культуре.

Связь этнофутуризма с постмодернизмом спорна, несмотря на то, что базовые этнокультурные ценности актуализированы в этом течении в формах современного искусства, авангардного в том числе. Но есть и существенные отличия. Искусство этнофутуризма – выражение не столько личного, сколько коллективного переживания [8, С. 72]. По образному выражению Н. Розенберг, это своего рода «авторизованный перевод» культуры родного этноса [13, С. 32], когда прошлое продолжает жить в настоящем в «образах культуры».

Главной идеей этнофутуризма стала попытка выявления современного мировоззренческого комплекса, характерного для этнической культуры в контексте взаимосвязей с русской и мировой культурой как наиболее адекватного времени выражения интеллектуального и эмоционального восприятия абсурдной постперестроечной эпохи, отмечает В. Шибанов [13, С. 12]. Кроме того, возникновение этнофутуризма исследователь связывает с растворенностью финно-угорского мира в славянском и тюркском мирах, приведшее к тому, что чувство маргинальности выходит на первый план в мироощущении народов Поволжья.

Анализируя удмуртскую поэзию 90-х гг., В.Л. Шибанов выделяет три ее ключевых признака: «мир как хаос», «шизопарциссический» тип героя, «осколочное мышление». Важное место начинают занимать здесь эксперимент и ирония. Пространственно-временная организация произведений постепенно смещается из деревенской среды (традиционно рассматривающейся как космос, как упорядоченность) в сферу городской цивилизации (понимаемой как антимир, хаос, отсутствие гармонии, абсурд). Существенную стилистическую функцию выполняют здесь образы-символы (знаки): пепелище, ровная пустошь, обгоревшее место, кладбище, могила, чужбина, темная ночь, страна дураков. Пустота, одиночество, выпадение из пространства общения мотивирует желание субъекта уничтожить в себе «чужое». Так, лирический герой М. Федотова («Вось») покидает мир насилия и хаоса ради мира космоса, который он созерцает в образах духов, демонов и богов, воплощающих древнее мировосприятие. Лишь безвозвратный уход в архаическое прошлое становится единственной формой нейтрализации избыточной субъективности для этого героя, переживающего свою вневременность (оторван от прошлого, не приемлет настоящее, лишен будущего) и, следовательно, внебытийность. Это близко романтизму, но все же здесь романтизм нового порядка – этнофутуризм, считает В.Л. Шибанов [13, С. 96].

Колчева Э.М. и Шкалина Г.Е., исследовавшие этнофутуризм в контексте современной духовной культуры народа мари, также считают, что свое реальное воплощение новое течение получило в синтезе специфически национального и общемирового опыта в искусстве и литературе. В качестве примера ими дается анализ стилистических особенностей картины марийского художника Ю. Таныгина «Возрождение»: архаическая трактовка фигуры (золотисто-бронзовая, напоминающая древний амулет); движение рук человека, соединяющего расколовшийся и обрушивающийся в бездну мир; сверкающий жезл в его правой руке, тянущаяся к стандарту с намерением в виде крылатого яйца левая рука; сильные цветовые сочетания, преобладание контраста желтого с синим; большой формат картины. Автор стремится не просто к сохранению духовной культуры

своего народа в музейном варианте, но и к самопознанию своих национальных основ средствами современного искусства [13, С. 71].

В хантыйской и мансийской, а также ненецкой, литературах этнофутуризм не проявил себя столь явно, как в литературах европейских. С позиций эстетики данного течения можно, пожалуй, рассматривать лишь новое, еще не оконченное произведение Ю. Шесталова «Откровение Крылатого Пастора», жанр которого определен автором как роман-камлание, и, отчасти, «Молчащего» А. Неркаги.

В целом можно согласиться с мнением исследователей, что современная культура финно-угорских народов пытается выявить различные способы и пути сохранения и перенесения в будущее этнически-мифологической самобытности в условиях глобализации и господства постмодернизма, выявить возможность гармоничного синтеза традиционных представлений и универсальных ценностей. Она находится в постоянном поиске наиболее адекватных времени форм отражения своего менталитета, своей этнокультурной идентичности на основе не простого переосмысления уходящей корнями в мифологию культурной традиции, а на отражении современного миропонимания, в центре которого оказывается всё неустойчивое и становящееся.

Список литературы:

1. Бассель Н. Проблемы и категории особой финно-угорской межлитературной общности // Проблемы особых межлитературных общностей. – М., 1993.
2. Бернштейн Б.М. Три стрелы глобализации искусства // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: Материалы Междунар.науч.конф. – СПб., 2001.
3. Бочаров С.А. Традиции как основа новаторства (к вопросу о тенденциях в изобразительном искусстве Коми рубежа XX-XXI веков) // Семиозис и культура: сб.науч.ст. – Сыктывкар, 2005.
4. Воронова Н.И. Проблема архаических элементов сознания в современной науке и культуре // Интерпретация культурных смыслов: Культурологические исследования – 05. – СПб., 2005.
5. Демин В.Н. Национальный стиль и стилевые течения современной коми литературы. – Сыктывкар, 1985. – С. 6-8.
6. Калугина Т.П. Культура – «музеефикатор»: метафора и реальность // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века: Материалы Международной научной конференции. – СПб., 2001.
7. Каргаполов Е.П. Тропа язычника: Об языческих мотивах в творчестве Андрея Тарханова // «Я вижу мир иным...»: О творчестве писателей и поэтов / Сб. н. ст. Ред.-сост. М.М. Рябий. – Ханты-Мансийск, 2001.

8. Колчева Э.М., Шкалина Г.Е. Этнофутуризм в контексте современной духовной культуры народа мари. // Феномен этнического и глобализация культуры народов Поволжья и Приуралья. – Ижевск, 2004.

9. Кузнецова Т.Л. Осмысливая пережитое... // Арт (Лад). – 2000. – №2. – С. 119-121.

10. Роговер Е., Нестерова С.Творчество Еремея Айпина. – Ханты-Мансийск, 2007.

11. Розенберг Н.А. Прорубить окно в Азию. – Ижевск; СПб, 2001.

12.Санги В. От исторических преданий до исторических романов: О литературе народов Севера // Дружба народов. – 1981. – №4.

13. Феномен этнического и глобализация культуры народов Поволжья и Приуралья // Материалы «круглого стола». – Ижевск, 2004.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ: ПЕРЕВОД И СОХРАНЕНИЕ ПРАГМАТИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА

© Литвинова А.П.¹

Ставропольский государственный университет,
г. Ставрополь

Язык рекламы характеризуется рядом специфических особенностей, выявлению которых и посвящена данная работа. Рассматриваемая тема представляется актуальной, так как в связи с развитием международных отношений, возникла необходимость и в расширении переводческой деятельности. Внимание к вопросам языка вообще и рекламного языка в частности способно повысить коммуникативную ценность рекламы. Именно динамичность, необходимость постоянного совершенствования языка рекламы дает основания для углубленного исследования этой части речевой активности.

В наши дни реклама является неотъемлемым элементом существования того или иного продукта, или услуги. Она в значительной степени определяет наш образ и стиль жизни. Обращение к рекламе естественно для человека, так было испокон веков. Прообраз современных объявлений о потерях и находках существовал ещё в Древнем Египте: археологам нередко попадаются папирусы, сулящие вознаграждение за возврат хозяину беглых рабов. На стенах домов древнеримского города Помпеи обнаружены политические призывы и лозунги, подобные тем, которые мы видим на улицах: «Голосуйте за...! Он истинный друг народа». В Греции рекламные надписи выбивали на камнях, гравировали на металле и костях, вырезали на дереве. В Древнем Риме рекламные объявления помещались на специально выстроенных побеленных стенах недалеко от жилых домов.

Слово «реклама» латинского происхождения (*reclamare* – «кричать») и имеет множество определений в современной литературе. Согласно одному из них «реклама – это информация, распространяемая в любой форме, с помощью любых средств о физическом или юридическом лице, товарах, идеях и начинаниях. Она предназначена для неопределённого круга лиц и призвана формировать или поддерживать интерес к этим лицам, товарам, идеям и начинаниям и способствовать реализации товаров, идей и начинаний» [1, С. 14].

Прежде чем перейти к прагматике и лингвистической характеристике рекламных текстов необходимо разобраться в самой структуре текста, его

¹ Студентка 5-го курса факультета романо-германских языков

типе. Многие известные переводоведы не выделяют рекламный текст, как отдельный тип. Так, например, А.В. Федоров на основе стилистических критериев рассматривает следующие группы текстов:

- художественные;
- публицистические;
- газетно-информационные;
- документальные;
- специально-научные [2].

Согласно данной классификации тексты с рекламным содержанием можно отнести как к публицистическому типу, так и к газетно-информационному или даже документальному, в зависимости от контекста самого сообщения.

Каде О. считает, что количество существующих типов текстов определяется их содержанием, назначением и формой. Уже многообразие различных по своему характеру сообщений, как он утверждает, заставляет сделать вывод, что не может быть единой схемы или модели перевода для всех типов текста. Проводя наиболее характерное разграничение между прагматическими, то есть специфическими по своему предмету текстами, с одной стороны, и литературными (художественной прозой и поэзией), с другой стороны, О. Каде считает возможным рассмотрение различных классификаций, так как многие из них отражают неполную картину, и в той или иной степени затрагивают только некоторые типы текстов, оставляя остальные без внимания [3].

Виноградов В.С. приводит немного другую классификацию типов текста. Он выделяет шесть функционально-стилистических групп:

1. Разговорные тексты, которые В.С. Виноградов в свою очередь подразделяет на разговорно-бытовые и разговорно-деловые. Они выполняют функцию общения и могут существовать как в письменной, так и в устной форме;
2. Официально-деловые тексты, подразумевающие под собой государственные, дипломатические, политические, коммерческие, юридические, имеют письменную и устную формы, их основной задачей является сообщение какой-либо информации, регулирование и регламентация;
3. Общественно-информативные тексты содержат различную информацию СМИ. Функция – информирование реципиента, и воздействие на него вплоть до манипуляции сознанием. Устная и письменная формы;
4. Научные тексты. Сюда можно отнести собственно научные тексты, специальные, научно-популярные. Характерной чертой данной группы является последовательное, логичное, и доказательное из-

ложение объективного научного знания. Реализуются как в устной, так и в письменной форме;

5. Художественные тексты. К ним можно отнести художественную литературу, критику, публицистику. Функциональными элементами данной группы являются способность воздействия на получателя сообщения и предоставление ему возможности художественно-эстетического познания мира;
6. Религиозно-направленные тексты – это и апокрифы, и проповеди, и жития святых, и теология [4].

Согласно данной классификации, тексты рекламного содержания можно отнести к третьей группе, так как ранее мы уже определили рекламный текст, как элемент формирования или поддержания интереса к лицам, товарам, идеям и начинаниям, способствующий их реализации. Здесь, необходимо несколько слов сказать об аффективном компоненте рекламного воздействия, который определяет эмоциональное отношение к объекту рекламной информации: относится ли к нему субъект с симпатией, антипатией, нейтрально или противоречиво. Эмоциями называют такие психические процессы, в которых человек непосредственно и лично переживает свое отношение к тем или иным явлениям окружающей действительности или в которых получают свое субъективное отражение различные состояния организма человека. Эти факторы необходимо учитывать и переводчику. Считается, что многочисленные человеческие эмоции могут быть описаны несколькими базовыми составляющими, такими как: любовь, радость, удивление, печаль, страх. Они выражаются во множестве индивидуальных особенностей человека. Эти элементы оказывают сильное воздействие на эмоциональную память и яркость воспринимаемых впечатлений, и ни в коем случае не должны быть утеряны в процессе декодирования информации с ИЯ на ПЯ.

Как известно, у людей, помимо зрительной, очень устойчивой является эмоциональная память, которая работает по принципу: приятно – неприятно, понравилось – не понравилось. Рекламные материалы неизбежно навешают неосознаваемые эмоциональные образы. В соответствии с психосемантическими шкалами, эмоциональный образ организации может быть описан как новый или старый, быстрый или медленный, свежий или черствый, свой или чужой. Память на эмоциональные образы и эмоциональные состояния – одна из самых прочнейших. Установлено, что эмоциональная память, в отличие от других видов памяти, намного сильнее воздействует на принятие решения, то есть на покупательское поведение человека. Специалисты считают, что симпатия к товару пропорциональна симпатии к рекламной информации, то есть от качества работы переводчика фактически зависит конкурентоспособность того или иного товара.

Реклама – это текст, ориентированный на обращение. Для рекламных текстов характерно то, что с ними всегда связано намерение, определенная

цель, определенный экстралингвистический эффект. Именно этот эффект и является главным. Поэтому при переводе необходимо, прежде всего сохранять четкое обращение к слушателю или читателю. Языковое оформление определенного содержания в текстах, ориентированных на обращение, должно быть подчинено определенным специфическим экстралингвистическим целеустановкам речи. У реципиента должна быть вызвана определенная реакция, иногда он должен быть побужден к конкретному действию. Здесь происходит как бы обособление языковой функции обращения, теоретически присутствующей в любом языковом высказывании. Рекламный текст может быть чистым обращением, не передающим собственно информации, и не планирующим эстетического воздействия. В рекламных текстах содержание и форма однозначно определяются главной целью – возбудить интерес к покупке.

Подобно тому, как в текстах, ориентированных на содержание, главным требованием является инвариантность содержания, а в текстах, ориентированных на форму, необходимо обеспечивать сохранение аналогии формы и эстетического воздействия, верность оригиналу в текстах, ориентированных на обращение, прежде всего, заключается в достижении намеченного автором эффекта, в сохранении заложенного в тексте обращения. Рекламный текст должен возбудить у слушателя или читателя желание приобрести рекламируемый товар, однако на различные языковые общности одни и те же рекламные символы воздействуют по-разному. Например, апельсиновый сок можно рекламировать так: «Концентрированная мощь южного солнца». В жарких южных странах подобный дословный перевод в плане ожидаемого эффекта оказался бы бессмысленным. В этом случае необходимым и неизбежным является «ассимилирующий перевод» (Термин Эрнста Мериан-Генаста).

Как и все в нашей жизни, реклама также претерпевает всевозможные изменения. Из средства оказания давления на потребителя рекламные тексты постепенно превращаются в хорошо продуманное средство маркетинговой коммуникации, которое эффективно исполняет роль языка общения между производителем и потребителем. К тому же растет важность правильного перевода рекламных текстов, особенно сейчас, когда на российский рынок поступает множество различных, и ранее неизвестные широкому кругу потребителей, товаров из-за рубежа. У каждого из них уже есть богатая история и сформированный имидж. Сопоставительный анализ существующей литературы, относительно рассматриваемого вопроса, позволяет утверждать, что при переводческой работе с рекламными текстами специфические лингвистические характеристики, а главное – особая коммуникативная направленность рекламных сообщений, учитываются не в полной мере. Язык рекламы характеризуется рядом особенностей, к числу которых относятся:

- специфический подбор лексики, характеризующейся наличием нескольких значений;
- слова часто стилистически окрашенные, что привлекает внимание воспринимающего текст;
- употребление лексики не в прямом значении для усиления образности;
- многочисленное употребление идиоматических структур для создания образности.

Идиомы помогают создавать образ, что является центральным средством воздействия на реципиента. По способам воздействия рекламное сообщение также может быть рациональным и эмоциональным.

Рациональная (предметная) реклама информирует, обращаясь к разуму потенциального покупателя. Она приводит аргументы, чтобы убедить его, свои доводы облачает в словесную форму, использует чертеж или рисунок для того, чтобы усилить впечатление от сказанного словами.

Эмоциональная (ассоциативная) реклама вызывает воспоминания. Она наводит на мысль, обращается к чувствам, эмоциям, подсознанию, воздействует через ассоциацию идей и представлений. Ее самое эффективное средство – рисунок, цвет и звук. Одни рекламы являются только рациональными или эмоциональными. Однако огромное количество рекламных сообщений представляет собой комбинацию этих двух видов.

При восприятии рекламного текста основное – это реакция на образ, который и останется в памяти воспринимающего рекламу. Также реклама делится на «жесткую» и «мягкую».

«Жесткая» реклама очень близка по своему духу к мерам стимулирования сбыта и частично их сопровождает. Как и они, такая реклама имеет краткосрочные цели: воздействовать на объект таким образом, чтобы привлечь его к сиюминутной покупке с помощью «кричащих», рассчитанных на внешний эффект, объявлений.

«Мягкая» реклама имеет целью не только сообщить о товаре и его марке, но и создать вокруг этого товара благоприятную атмосферу, окружая его некоторым ореолом. Чаще всего – это эмоциональная реклама, играющая на символических, глубинных мотивах. Она постепенно изменяет настрой потенциального покупателя в пользу какого-либо товара, формируя внутреннюю готовность к покупке. Важно создать этот образ, максимально используя всевозможные средства языка и идиоматические выражения. Основной целью языка рекламы является возможность произвести впечатление, оставить о тексте яркий эмоциональный след. Именно образность и импрессивность, присущие рекламе, являются ее основой. Образность создается за счет семантики слов, от того с какими эмоциями они связаны. Одним из самых сильных чувств является страх, и за счет лекси-

ческих усилителей (например: awfully, terribly) создается высокая импрессионность фразы.

Практика перевода знает немало случаев, когда при сравнении перевода с подлинником обнаруживались какие-либо изменения. Сегодняшние реалии заставляют нас более внимательно относиться к переводу рекламных текстов, также и с точки зрения их психологического влияния на массовую аудиторию. Тексты рекламного объявления должны содержать четкие фактические данные, они должны быть исчерпывающе изложены и поняты. При переводе рекламных текстов переводчик должен учитывать: цель текста, характер потребителя, языковые качества текста оригинала, культурные и индивидуальные возможности языка в культурном аспекте потребителя и многое другое. Перевод текстов рекламы может определяться как близкий к «адекватному». Такой тип перевода вызван его практической необходимостью. Данный подход требует хорошего знания переводчиком предмета, о котором идет речь в оригинале, что хотел сказать автор рекламного текста, то есть коммуникативное намерение рекламного текста. Перевод рекламного текста при изменении словесной формы должен быть, вместе с тем, точно передан по смыслу.

Что касается грамматической организации рекламных текстов, она представляет собой удивительное своеобразие на фоне нескончаемой однородности. Относительно порядка слов следует подчеркнуть употребление инверсии и пассивных конструкций:

- Detroit Edison is pleased to be ... [5, С. 86].
- If you are interested [6, С. 135].

Отрицательные формы используются значительно реже, так как они создают негативное впечатление о товаре или услуге, чего рекламный текст должен избегать, создавая положительный образ:

- Looks good Tastes good Does you good.
- It is an ideal choice...[7, С. 15].

Для определения особенностей рекламных текстов их необходимо разделить на несколько групп: печатная реклама (в газетах и журналах), телевизионная, реклама на радио и в сети Internet. Данная классификация позволяет сосредоточить внимание на свойствах рекламного текста, естественно, отражая те его особенности, которые обусловлены специальными характеристиками того или иного средства массовой информации.

Так, реклама на телевидении – это, прежде всего, запоминающийся видео сюжет или яркий визуальный образ, который сопровождается минимальным количеством слов. Часто это рекламный слоган или фраза. Change the script (английский вариант рекламы «Пепси»). Не давайте насморку водить себя за нос!

Слоган должен быть максимально простым. В русскоязычной среде чаще всего успешно существуют те неприводимые слоганы, которые со-

держат слова из минимального словарного запаса иностранных слов рядового ученика средней школы. Этим фактором во многом обусловлено успешное внедрение на российском рынке таких иноязычных непереводимых слоганов, как:

- Nike – Just do it.
- Sony – It's a Sony.
- Panasonic – ...from Panasonic.
- Absolut – Absolut Moscow, Absolut autumn, Absolut spring.

Существование иноязычного рекламного слогана в русскоязычной среде на языке оригинала тоже имеет право на существование. Практики перевода рекламы говорят, что английские слоганы в русскоязычной среде требуют определенных условий. Первое условие обязывает целевую аудиторию кампании владеть английским языком. Второе – присутствие английского текста в слогане оправдано, так как подчеркивает его иностранное происхождение – «импортность» рекламируемого продукта. Третье условие – слоган должен быть чрезвычайно лаконичен, чтобы хорошо воспринимался и запоминался потребителем, для которого этот язык пусть и знакомый, но все же не родной. В связи с этим необходимо анализировать и коннотативные аспекты текста, и рассматривать текст в экстралингвистическом контексте.

В рекламе на радио важно чтобы в тексте использовалось всё богатство оттенков человеческого голоса и аудио эффектов. Текст рекламы, прочитанный по радио оказывает сильнейший эффект на потребителя. Исследования, проведенные в Северо-западном университете США, показывают, что людей легче убедить в достоинствах нового товара, если делать это словами. Он им нравится больше, и они готовы купить его, нежели в случаях, когда словесные обращения сопровождаются картинками. Исходя из этих данных, можно сделать вывод, что ничем не подкрепленное словесное сообщение способно создавать у людей гораздо более сильное положительное чувство к товару. Психологи утверждают, что этот эффект обусловлен физиологическими особенностями восприятия. Ухо человека реагирует быстрее, чем глаз. Неоднократные проверки показывают, что мозг способен воспринять произнесенное слово за 140 миллисекунд, а на понимание печатного слова требуется 180 миллисекунд. Психологи полагают, что разница в 40 миллисекунд тратится мозгом на то, чтобы перевести зрительное изображение в звуковую форму, которую мозг может воспринять. Мы не только слышим быстрее, чем видим; наше слуховое восприятие длится дольше, чем зрительное. Зрительный образ – картина или печатные слова – затухает менее, чем за 1 секунду, если наш мозг не предпринимает специальных усилий для запоминания сути увиденного. Слуховое же восприятие длится в 45 раз дольше. Следовательно, слушать сообщение – более эффективно, чем читать. Во-первых, произнесенное

слово дольше хранится в мозгу, позволяя лучше следить за мыслью. Вторых, тембр человеческого голоса сообщает словам эмоциональность, недостижимую никаким изображением.

Существуют и специализированные средства выразительности, часто используемые в рекламе. Добросклонская Т.Г. в своей работе «Вопросы изучения медиа текстов» пишет: «Имея своей целью интенсивное концентрированное воздействие, реклама использует богатый спектр средств выразительности на всех языковых уровнях» [8, С. 64]. Это действительно так. Аллегория, метафора, сравнение, параллелизм, различные виды повторов, аллитерация, ономатопея, концентрация императивных форм глагола и коннотативных прилагательных – все это широко представлено в рекламных текстах.

К наиболее значимым признакам рекламного текста на морфосинтаксическом уровне можно отнести частое употребление императивных форм глагола, что значительно усиливает динамичность рекламного обращения, например: английские – see, buy, fly; русские – звони, заходи, покупай. Фактически же абсолютное большинство рекламных текстов представляют собой метафоры. Метафора как прием способна простирается от отдельного штриха в описании характера до размеров целого произведения. В художественных произведениях метафоры обладают сложным пересечением мотивов. При переводе необходимо учитывать значимость подобных приемов. Наиболее часто встречается метафора, при переводе которой от переводчика требуется большой творческий потенциал.

Семанτικο-коммуникативной задачей текста рекламы является призыв к действию, что обуславливает преимущественное употребление глагола по сравнению с другими частями речи. Глагол – единственная часть речи, имеющая форму императива – Drink Cola, Buy popcorn [9, С. 74]. Глаголы составляют около 50 % слов в рекламном тексте. Также используется конструкция побуждения к совместному действию – let – Let's make things better (слоган компании Philips). Важно семантически правильно использовать глагол с наиболее точным значением для того, чтобы оставить яркое впечатление о сказанном:

- While mums and dads will enjoy the chance to unwind and soak up the sun.
- To unwind – to begin to relax after a period of work or tension.
- To soak up – to absorb something into the senses or the mind.

Употребление именно глаголов to unwind, to soak up создает образ отдыха после тяжелой работы и расслабления под солнечными лучами, символизирующими радость, положительные эмоции. Использование глаголов с наречиями частотности – always, already усиливает положительную динамику образа – Always dream of having your own swimming pool? [10, С. 85].

Ни в коем случае нельзя забывать об адекватности и прагматическом аспекте перевода. Главное требование к переводу – это адекватность, то есть точная передача формы и содержания подлинника равноценными средствами. Адекватный перевод вызывает у иноязычного получателя реакцию, соответствующую коммуникативной установке отправителя.

При переводе, помимо учета денотативного и коннотативного компонентов содержания, следует учитывать также прагматический компонент, который представляет собой отношение между языковым выражением и участниками коммуникации – отправителем и получателем информации. В процессе перевода осуществляется прагматическая адаптация исходного текста, то есть внесение определенных поправок на социально-культурные, психологические и иные различия между получателями оригинального и переведенного текстов. Наряду с сопоставлением различных языковых систем, в процессе перевода происходит сопоставление разных культур. Прагматический фактор является одним из наиболее важных факторов, определяющих не только способ реализации процесса перевода, но и сам объем передаваемой в переводе информации. Речь идет о противоречии между двумя тенденциями: экспликацией и импликацией информации. Учет этих тенденций имеет принципиальное значение для понимания сущности прагматической адаптации. Строя сообщение, отправитель всегда стоит перед выбором, какая информация должна быть словесно выражена в тексте, а какая может лишь подразумеваться, так как она должна быть известна получателю. Этот выбор реализуется по-разному в зависимости от того, является ли получатель носителем ИЯ или ПЯ. То, что является само собой разумеющимся и не нуждается в словесном выражении для носителя исходного языка, нередко требует особого упоминания при декодировании сообщения носителем языка перевода, и наоборот.

Реклама в современном бизнесе является одним из наиболее действенных средств коммуникации. Следовательно, любой рекламный текст следует при переводе рассматривать, прежде всего, с точки зрения его коммуникативной ценности. Сила воздействия, экспрессия, способность вызвать строго определенную ответную реакцию у реципиента будут признаками правильной передачи текста на переводящем языке. Переводчику рекламы следует рассматривать любой текст такого рода не как цель, а как средство коммуникации между производителем и потенциальным потребителем. Выявление характерных особенностей языка рекламы, понимание их воздействия на рациональную и эмоциональную сферы сознания реципиента и затем устранение языкового и культурного барьера между коммуникантами – вот этапы процесса эквивалентного перевода рекламных текстов. В данном случае перед специалистом стоит нелегкая задача – прогнозирование лингвистической реакции рядового потребителя рекламы на текст сообщения на ПЯ. Этот прогноз опирается на знание переводчиком особенностей национальной психологии, различий в культурно-

исторических традициях, знание реалий, знание исходного и переводящего языков.

Процесс перевода творческий, а процесс перевода рекламы – вдвойне. Но переводчикам не стоит слишком увлекаться и забывать, что: прав Дейл Карнеги: «читателя интересует он сам. В рекламе, например, его интересует не товар и не фирма, его создавшая, а решение его проблем. Настоящий рекламист это понимает, а псевдорекламист убежден, что реклама – это поле для его «самовыражения» [11, С. 231].

Таким образом, внимание к вопросам языка вообще и рекламного языка в частности поможет повысить коммуникативную ценность рекламы. Только тот перевод, который выполнен с учетом всех лингвистических особенностей, с соблюдением прагматических компонентов и коннотативных элементов, способен донести до реципиента именно ту смысловую нагрузку, которая содержалась в тексте оригинала, а, в свою очередь, динамичность постоянного совершенствования языка рекламных текстов требует углубленного продолжения исследований этой области речевой активности.

Список литературы:

1. Серёгина Т.К., Титкова Л.М.. Реклама в бизнесе: Учеб. пособие. Под общ. ред. Дашкова. – М.: 1995. – 112 с.
2. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). Изд. 4, перераб. и доп. – М.: ВШ, 1983. – 303 с.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС, 2001. – 424 с.
4. Виноградов В.С. Введение в переводоведение. Общие и лексические вопросы. – М.: Изд-во ИОСО РАО, 2001. – 224 с.
5. Hollett Vicki. Business Opportunities. – Oxford University Press, 1997. – 192 p.
6. Tullis Graham, Trappe Toney. New Insights Into Business. Student's Book. – Pearson Education Limited, 2000. – 176 p.
7. Harding Keith, Henderson Paul. High Season. – Oxford University Press, 1997. – 176 p.
8. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиа текстов. – М.: 2000. – 320 с.
9. Evans David. Powerhouse.– Pearson Education Limited, 2001. – 160 p.
10. Tullis Graham, Trappe Toney. New Insights Into Business. Work Book. – Pearson Education Limited, 2000. – 84 p.
11. Лилова А. Введение в общую теорию перевода. – М.: 1985. – 255 с.

ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ДИРЕКТИВНОГО РЕЧЕВОГО АКТА «СОВЕТ» В СВЕТЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ

© Рогожникова И.Н.¹

Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград

В настоящей статье рассматриваются факторы, обуславливающие речевое варьирование плана выражения директивного речевого акта «совет» через призму коммуникативной категории вежливости.

Вежливость является примером лексических универсалий, т.е. «универсальных концептов, лексикализированных во всех языках мира» [Вежицкая, 1999: 653]. На уровне вербального действия вежливость соответствует социальным правилам и конвенциям отдельного культурного сообщества, тогда как тип действия она универсальна.

Вежливость является в современном немецком языке актуальной ценностью. Она позитивно коннотированна, т.к. стоит в ряду положительных характеристик человека и социально значимых атрибутов общественной жизни [Уманец, 2004]. Стандарт вежливого поведения в немецком культурном сообществе определяется такими ценностными доминантами как коммуникативная компетенция, основанная на хорошем воспитании, готовность помочь, уважительность, дружелюбность, корректность, которая заключается в сдержанности и тактичности.

Исходя из концепции П. Браун и Е. Левинсон вежливость разделяют на положительную и отрицательную. Положительная вежливость «замешана» на идеале солидарности, отрицательная – на императиве уважения личности [Brown, Levinson, 1987]. В разграничении понятий «вежливость» и «уважение» важную роль играет понятие статусной оценки [Карасик, 2002]. Вежливость представляет собой способ выражения уважения к другому человеку, хотя и не сводится только к выражению уважения.

Побудительный мотив позитивной вежливости – желание выразить симпатию к человеку, заинтересованность в хороших отношениях с ним, засвидетельствовать принадлежность к одной и той же группе. Негативная вежливость – результат альтернативных устремлений: подчеркнуть независимость личности, удостоверить недопустимость вторжения в личную сферу индивида. Развивая тему позитивной и негативной вежливости на основе речевого поведения носителей разных языков, Р. Ратмайр добавля-

¹ Старший преподаватель кафедры Немецкой филологии, кандидат филологических наук

ет к вышесказанному: позитивная вежливость, то есть то, что обозначается русским словом вежливость, произрастает на ниве целого комплекса укорененных в русской культуре родственных ценностей, таких как забота, сердечность, поддержка, доверие, откровенность. Все они, вкупе с установкой на кооперативное общение, потребность в участии, делают привычными для русского человека расспросы о самочувствии партнера по общению, причинах его расстроенного вида, внимание к жалобам собеседника. Напротив, негативная вежливость, распространенная, по выводам Р. Ратмайр, в англо- и немецкоязычных культурах, предполагает обратные реакции: обойти молчанием замеченный вами расстроенный вид коллеги, не докучать окружающим личными проблемами [Ратмайр, 2003]. Ратмайр Р. вводит в связи с этим в оборот два новых термина: «вежливость солидарности» и «вежливость сохранения дистанции».

Ларина Т.В., анализирующая вежливость в межкультурном аспекте на материале английского и русского языков, использует в качестве синонимов позитивной и негативной вежливости термины «стратегия сближения» и «стратегия отдаления».

Стратегия сближения – это средства, которые сокращают дистанцию между партнерами по коммуникации. Она характерна для таких «приятных» речевых актов, как уместные обращения, приветствия, прощания, благодарности, поздравления, пожелания.

Стратегия отдаления нацелена на создание коммуникативных барьеров, на то, чтобы показать наличие дистанции между собеседниками и таким образом продемонстрировать взаимное уважение. Стратегия отдаления характерна для таких речевых актов, где затрагиваются интересы адресата: просьба, совет и др. [Ларина, 2003].

Стратегия негативной вежливости реализуется через использование косвенных речевых актов, формулирование высказываний в смягчающей модальной упаковке и т.д. [Тюрина, 2006].

Сложилась уже устойчивая тенденция, идущая от Дж.Р. Серля, считать косвенным такой речевой акт, при котором говорящий имеет в виду нечто большее, чем то, что он говорит: «в косвенных речевых актах говорящий передает слушающему большее содержание, чем то, которое он реально сообщает, и он делает это, опираясь на общие фоновые знания, как языковые, так и неязыковые, а также на общие способности разумного рассуждения, подразумеваемые им у слушающего» [Серль, 1986]. Под косвенными РА понимаются те случаи, когда один иллокутивный акт осуществляется опосредованно, путем осуществления другого [Серль, 1986; Meyer-Nermann, 1976].

Герасимова О.И., Иосифова В.Г. придерживаются следующего определения косвенного речевого акта: «косвенный речевой акт имеет место, если иллокутивная цель выражается не соответствующей ей языковой

формой» [Герасимова, 1985; Иосифова, 2005]. Первичная интенция в косвенных речевых актах носит имплицитный характер и перекрывается эксплицитным выражением по форме речевого акта. Со стороны адресата требуются дополнительные усилия, чтобы понять эту завуалированную интенцию.

По мнению А.А. Чухно, косвенным значением следует считать неявное стремление осуществить воздействие наиболее эффективным образом. При этом прямой смысл данного уровня связан с потребностью обосновать важность выраженного директивного мотива, а косвенный направлен на стимуляцию его правильного восприятия адресатом [Чухно, 2005]. Все вышерассмотренные определения косвенного речевого акта дополняют друг друга.

Косвенные директивные речевые акты (ДРА), выступая в качестве конвенционального средства смягчения директивной силы высказывания, широко представлены в диалогическом дискурсе немецкого языка.

Модальные глаголы обнаруживают достаточно высокую степень продуктивности при вербализации ДРА в немецком языке. Проиллюстрируем на примере ДРА с модальными глаголами, как реализуется стратегия негативной вежливости в ДРА совета.

Речевой акт совета представляет собой ДРА, иллокутивная цель которого заключается в побуждении к выполнению необлигаторного, но, по мнению говорящего, бенефактивного для адресата действия (речевого, ментального, физического) либо изменению состояния. Его особенность заключается в том, что бенефактивность, с точки зрения говорящего, преддицируемого действия не всегда очевидна для адресата. Поэтому приоритетность советуемого лица должна быть статусно, позиционально либо ситуативно обусловлена. Это дает основание каузировать действия адресата, принимая на себя ответственность за благополучный исход предикации. Но решение об исполнении действия адресат принимает сам.

ДРА совета основывается на пресуппозициях, свойственных как всем ДРА, так и характерных только для него. Давая совет, говорящий полагает / уверен, что адресат, находясь в ситуации выбора решения относительно своего будущего действия, сомневается в его целесообразности либо не знает способов разрешения затруднения. Напротив, говорящий знает адекватное решение проблемы и готов принять на себя ответственность за последствия каузации [Шеловских, 1995: 133-134].

Речевое варьирование плана выражения ДРА совета обусловлено национальной традицией, вариативностью параметров прагматического контекста, прагматическим диапазоном форм. Остановимся сначала подробнее на национальной традиции «советования».

Согласно исходной гипотезе, которая нуждается еще в более детальном подкреплении фактическим материалом, в немецкой культурной традиции в отличие от русской совет реже дается инициативно, без предварительной

просьбы о нем собеседника, что считалось бы вмешательством в личную автономию собеседника, а при его реализации используются более косвенные тактики, такие как возможности выполнения адресатом данного действия без акцентирования необходимости его для адресата, что характерно также для англо-американской культуры [Эвансон, Цурикова, 1995: 144]. Немецкий коммуникативный стиль характеризуется как рациональный, в то время как русский – как интуитивный, отмеченный такими качествами, как общительность, контактность, искренность [Куликова, 2004: 70]. С точки зрения носителя русского языка полезность для адресата предписываемого действия как бы дает говорящему право быть настойчивым и «прямым» в предписании этого действия. Очевидно, именно этим объясняется существующая в русской речевой культуре тенденция давать советы, когда о них не просят, а также частое использование императива и модальных предикатов «надо», «нужно», эквивалентных по значению модальному глаголу *müssen* в немецком. Ратмайр Р. отмечает, что особенность ДРА в русском языке заключается в следующем: «По сравнению со многими западноевропейскими языками в русском языке для употребления императива в ДРА существует меньше прагматических ограничений. Эта особенность, может быть, объясняется высоким статусом откровенности в русском языке и в русской культуре [Rathmayr, 1994: 278].

Но ставить вопрос о том, какая нация более вежлива, русские или немцы, не совсем корректно с точки зрения межкультурной этики. Негативная оценка чужой вежливости связана с проблемой так называемого когнитивного диссонанса, т.е. непонимания и неадекватного вербального и невербального поведения в виду несовпадения концептов в разных лингвокультурах [Уманец, 2004: 34].

Речевое варьирование плана выражения ДРА совета обусловлено также вариативностью параметров прагматического контекста. Дифференциальные признаки ДРА определяются действием факторов, отражающих существенные признаки директивной ситуации – прагматическим контекстом, т.е. совокупностью специфических прагматических признаков приоритетности, облигаторности и бенефактивности.

Дальнейшая детализация прагматического признака «приоритетность говорящего» позволяет выделить варианты институционального и неинституционального советов. Отмечается, что вежливость личного дискурса, и в его рамках неинституционального совета, будет иметь минимальные вербальные затраты на организацию речевого акта и будет менее ритуализирована и менее формальна.

В то время как вежливость в рамках институционального общения – это своего рода суперстратегия организации речевого поведения, и ее цель – регламентация вербальных и невербальных действий говорящего и адресата в различных социальных ситуациях [Уманец, 2004]. Далее приво-

дятся примеры, наглядно иллюстрирующие отличия между советами в разных типах дискурса:

Der Arzt sagte: «Sie müssen ihr jede Aufregung ersparen» (Richter, Hanna, 183)

Du solltest so einen Quatsch nicht lesen (Peters, Reise, 15)

Если коммуникация в рамках институционального дискурса: между врачом и родственниками больной девушки проходит на «Вы», то в рамках неинституционального дискурса нормой является общение на «ты», отличаться будут соответственно и сами темы общения, выбор лексики.

Совет, как подтип ДРА, характеризуется, в том числе и тем, что говорящий высказывает свое мнение относительно того, как следует вести себя адресату, предоставляя адресату полную свободу в выборе стратегий поведения:

Aber eigentlich, Pat – solltest du nicht lieber ein bißchen sparen? (Remarque, DK, 115).

Адресант, формулируя свое высказывание в виде вопроса, вежливо побуждает слушающего к экономии средств. Косвенные ДРА со структурой вопросительного высказывания служат прагматическим средством смягченного воздействия на адресата – говорящий не решается открыто говорить о своих намерениях, осуществление которых может затруднить собеседника. Они закономерны в диалогических ситуациях, в которых адресат не зависит от воли говорящего [Чухно, 2007].

Стратегия негативной вежливости реализуется также через формулирование высказываний в смягченной модальной упаковке. Так, интенсивность высказывания, содержащего модальный глагол *sollen*, зачастую смягчается за счет использования «вежливого» конъюнктива, придающего высказыванию еще более осязаемый оттенок осторожности, деликатности [Милосердова, 1989: 151].

Как показывает анализ научной литературы, глаголу *sollen* в форме *Präteritum Konjunktiv* предписывается значение «совет», но совет есть прагматическое значение высказывания. Форма *sollte*, хотя и является наиболее частотной при выражении ДРА совет, не может считаться иллюкутивным индикатором, показателем иллюкутивной силы предложения [Рогожникова, 2006]. Совет может быть выражен и с помощью других модальных глаголов в сочетании с инфинитивом в составе ДРА, а именно, с помощью модальных глаголов *dürfen*, *können*, *lassen*, *müssen*:

Du darfst dich nicht weigern, auch kleine Rollen ... zu spielen (Zinner, Fini, 148).

«Du könntest auf die Hotelfachschule gehen», sagte Herr Kleeberg (Bieler, Maria, 228).

Und laß dir die Haare neu färben (Zinner, Fini, 307).

Du mußt ein bißchen abnehmen, dann kannst du auch besser rennen (Pressler, Bitterschokolade, 48).

В высказываниях с *müssen* иллокутивная сила максимальна. Воздействующий потенциал заключается в обосновании необходимости проделать рекомендуемое действие. Ослабление категоричности в ДРА совета связывается говорящей личностью с высказываниями, модальный план которых передает возможность осуществления искомого действия.

В настоящей статье мы остановились подробно на факторах обуславливающих речевое варьирование плана выражения ДРА «совет», что позволило нам проследить реализацию стратегии негативной вежливости на примере данного ДРА. Отмечается, что адресанту приходится прибегать к разным тактикам, чтобы смягчить категоричность и без того невежливого директивного речевого акта «совет». Так, в коммуникативной компетенции говорящего применительно к интенции совета уже есть представление о том, что предсказуемое действие следует вербализовать вежливым образом, чтобы избежать давления на собеседника и добиться кооперативного сотрудничества для достижения коммуникативной цели.

Список литературы:

1. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. – С.29.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999.
3. Герасимова О.И. О типах значений косвенных высказываний // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. Сб. науч. трудов. – Калинин, 1985.
4. Иосифова В.Г. Употребительность в естественном диалоге прямых и косвенных речевых актов, выражающих побуждение. На материале устной речи жителей г. Калуги, к проблемам изучения языка города: Дисс. ... канд. филол. наук. – Калуга, 2005.
5. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.
6. Куликова Л.В. Тип культуры и национальный стиль // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2004. – № 2. – С. 62-70.
7. Ларина Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. Моногр. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – 315 с.
8. Милосердова Е.В. Семантика и прагматика модальности. – Тамбов, 1989.
9. Ратмайр Р. Прагматика извинения: Пер. с немецкого. – М.: Языки славянской культуры, 2003.
10. Реукова Н.В. Лексико-грамматические средства выражения вежливости в современном немецком языке. Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2005.

11. Рогожникова И.Н. Семантическая структура немецких модальных глаголов в составе директивных речевых актов. Дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006.
12. Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Сборник. Пер. с англ. Сост. и вступ. ст. Кобозевой И.М. и Демьянкова В.З. Общ. ред. Городецкого Б.Ю. – М.: Прогресс, 1986. – С. 195-223.
13. Тахтарова С.С., Ренц Т.Г. Национальная специфика директивных актов // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. Вып. 2. Междун. сб. науч. трудов. ПГЛУ. – Москва-Пятигорск, 2005. – С. 450-457.
14. Тюрина С.Ю. Принцип вежливости в теории и практике межкультурной коммуникации] // INTER-CULTUR@L-NET : междунар. науч.-практ. (электрон.) журн. / Владимир. фил. Нижегор. гос. лингв. ун-та им. Н.А. Добролюбова. – Владимир, 2006. – Вып. 5. – Библиогр.: 9 назв. – URL: http://vfnglu.wladimir.ru/Rus/NetMag/v5/v5_ar05.htm.
15. Уманец Л.В. Вербальная репрезентация вежливости в сфере делового общения (на материале современного немецкого языка). Дисс. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2004.
16. Чухно А.А. Косвенные директивы и реакции на них: фактор адресата (на материале английской диалогической речи). Автореф. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2007.
17. Шеловских Т.И. Прагматическое пространство суггестивов // Коммуникативные и прагматические компоненты в лингвистическом исследовании: Сб. статей. – Воронеж, 1995. – С. 133-140.
18. Эвансон В., Цурикова Л.В. Коммуникативная функция совета в английском языке // Коммуникативные и прагматические компоненты в лингвистическом исследовании: Сб. статей. – Воронеж, 1995. – С. 140-145.
19. Brown P., Levinson S. Politeness. Some universals in language usage. Cambridge: CUP, 1987.
20. Meyer-Hermann R. Direkter und indirekter Sprechakt // Deutsche Sprache. Zeitschrift für Theorie, Praxis, Dokumentation, 1976. – S. 1 – 19.
21. Rathmayr R. Pragmatische und sprachliche konzeptualisierte Charakteristika russischer direkter Sprechakte // In: Slavistische Linguistik 1993 / Hrsg. v. H.R. Mehlig. – München: Verlag Otto Sagner, 1994 / Slavistische Beiträge, Bd. 319. – S. 251-278.
22. Bieler M. Maria Morzeck oder das Kaninchen bin ich. Roman. – München: Biederstein Verlag, 1969.
23. Peters E. Reise nach Casablanca. Roman. – Frankfurt a/M; Berlin: Ullstein, 1987.
24. Pressler M. Bitterschokolade. Roman. – Weinheim: Beltz Verlag, 1986.
25. Remarque E.M. Drei Kameraden. – Germany: Ullstein, 1981.
26. Richter G. Hanna und Jörg. – Leipzig: Paul List Verlag, 1967.
27. Zinner H. Fini. Ahnen und Erben. – Berlin: Buchverlag Der Morgen, 1973.

СТРАТЕГИЯ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ОЦЕНКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

© Прищепчук С.А.¹

Северо-Кавказский государственный технический университет,
г. Ставрополь

В статье рассматриваются функционально-прагматические особенности оценочной лексики политического дискурса, а также специфика ее воспроизведения при реализации стратегии интенсификации в переводе.

Любое высказывание, относящееся к пространству политического дискурса, имеет ряд прагмаориентированных основополагающих признаков. Одним из таких признаков является общая подчиненность структуры речи цели коммуникации, интенции говорящего. Политический дискурс характеризуется особенно высокой степенью прагматической направленности составляющих его речевых произведений. Мотив их создания обусловлен желанием повлиять на действия рецепторов, вызвать с их стороны определенную реакцию [Юдина 2001: 23-24].

Воздействие на адресата сообщения может оказываться особым речевым формулированием, нацеленным на внедрение в сознание другой личности определенных оценок, мнений, отношений. Это обусловлено возможностью вариативного отражения объективной действительности языковыми средствами. Всякий выбор номинации – это уже субъективно-оценочный акт [Рядчикова 2005: 292].

Для обеспечения эффекта воздействия задействуется широкий спектр лингвистических оценочных средств. К эмоционально- и интеллектуально-оценочным языковым средствам относятся наречия, выражающие отношение говорящего к предмету речи и заменяющие комментарий (*obviously, really, clearly, совершенно ясно, очевидно, действительно*), коннотативные синонимы, нивелирующие позитивную оценку (*так называемый, пресловутый*), оценочная лексика, обладающая сильным воздействующим потенциалом (*патриотизм, демократия, лучший, эффективный*) [Желтухина 2003: 104]. Потенциальной воздействующей силой также обладают все риторические фигуры, тропы, средства образности [Чернявская 2006: 30].

Интенсификации оценочного признака способствуют относительные местоимения и наречия (*очень, весьма, самый*), а также средства семанти-

¹ Ассистент кафедры Лингвистики и межкультурной коммуникации

ческой гиперболизации позитивной и негативной оценки (*колоссальный, максимально возможный*). Кроме того, в русском языке гиперболизация оценки достигается за счет использования лексем с кальками – иноязычными предикатами (*супер-, ультра-, экстра-, мега-* и т.д.).

Необходимо подчеркнуть, что персуазивное (воздействующее) значение лексических единиц реализуется только в условиях контекста, объединенного коммуникативной интенцией убедить, побудить адресата к принятию какого-либо решения или к какому-либо действию. Взятые вне контекста, языковые средства обладают только персуазивным потенциалом, который может раскрыться в соответствии с коммуникативной интенцией отправителя сообщения [Чернявская 2006: 33].

Следует отметить, что при воспроизведении прагматики оценки перед переводчиком стоит ряд задач стратегического и тактического плана:

1. Задача обеспечения относительного соответствия эффекта воздействия, которая соотносится с отношением «текст – рецептор». Одна из тактических задач, решаемых переводчиком в целях выполнения этой задачи – это обеспечение соответствующей каждому конкретному случаю степени близости оценочного содержания. Отмечается тот факт, что в ряде случаев для достижения относительного равенства воздействующего эффекта необходимо несколько «смягчить» или «усилить» эмоциональную оценочность, объективизировать или субъективизировать оценочность перевода по сравнению с оригиналом. При этом «если прагматико-стилистические фильтры не требуют модификации оценочного содержания при переводе, данная задача выполняется достижением максимально возможной степени близости оценочного содержания» [Ефименко 1989: 67].

2. Задача достижения максимально возможной близости оценочного содержания включает три аспекта, находящихся в отношениях иерархической подчиненности:

- воспроизведение оценочного содержания (текстовой оценочности);
- воспроизведение оценочного смысла (оценочности высказывания);
- воспроизведение оценочных значений составляющих высказывание единиц.

Необходимо учитывать, что степень возможной близости оценочного содержания оригинала и перевода на всех вышеперечисленных уровнях является относительным понятием, зависящим от ряда факторов. При этом для наиболее точного определения оценочных характеристик лексических единиц (ЛЕ) в конкретном тексте необходимо учитывать одновременно общезыковую ситуацию в ИЯ и ПЯ, прагматический аспект высказывания и собственно прагматические характеристики оценочных ЛЕ.

Как отмечает Е.И. Шейгал, подвижность оценочного признака и динамичность градуальной шкалы обуславливают широкий спектр возможно-

стей его варьирования [Шейгал 1990: 51]. Варьирование происходит в соответствии с прагматическим аспектом всего высказывания, то есть отношениями между речевым произведением и участниками коммуникации [Ланчиков 1989: 97]. Эти отношения определяются не только прагматическим значением ЛЕ, но и фактической стороной информации, передаваемой в сообщении, социальным статусом и психологическими особенностями коммуникантов, степенью их непосредственной заинтересованности в сообщаемом. Учет этих факторов оказывает влияние на выбор языковых средств при переводе и на степень воздействия на рецептора ПТ.

Сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода позволил выявить базовые стратегии перевода оценочной лексики: 1) стратегия интенсификации оценки; 2) стратегия деинтенсификации; 3) стратегия сохранения интенсивности оценки в переводе. В данной статье рассматривается стратегия интенсификации оценочного признака и способы ее реализации.

Интенсификация как оценочности ЛЕ, так и оценочности высказывания в целом в русско-английском переводе может достигаться различными способами.

1. Интенсификация оценочного значения может достигаться с помощью антонимического перевода, позволяющего конкретизировать в переводе значение исходной ЛЕ:

*Во-первых, люди оказались в **непростой** жизненной ситуации.*

*For a start, these people have found themselves in a **very difficult** situation today.*

В данном контексте Д.А. Медведев дает оценку положению в Южной Осетии после событий 8-13 августа 2008г. Замена исходного прилагательного *непростой* на *difficult* + интенсификатор *very* позволяет эксплицитно выразить реальное положение дел, тем самым усилив интенсивность выражаемой оценки.

2. Модуляция. Замена лексической единицы ИЯ на лексическую единицу, значение которой логически выводится из исходной, с изменением причинно-следственных отношений между ними является эффективным средством интенсификации оценочного признака, выражаемого исходной ЛЕ.

Необходимо отметить, что усилению интенсивности оценочного признака способствует прием модуляции, изменяющий вектор отношений в направлении «причина → следствие», что становится очевидным при анализе следующего контекста:

*А если это так, то это означает, что баланс будет абсолютно нарушен, и что у одной из сторон **возникнет ощущение полной безопасности**, а значит, это развязывает ей руки не только в локальных, а, возможно, уже и в глобальных конфликтах.*

The balance of powers will be absolutely destroyed and one of the parties will benefit from the feeling of complete security. This means that its hands will be free not only in local but eventually also in global conflicts.

В данном случае речь идет о попытках США разместить системы ПРО в ряде европейских стран, что крайне негативно оценивается российской стороной. В рассматриваемом контексте четко прослеживается позиция автора, развертываемая с помощью оценочной лексики и логической аргументации в следующем направлении: «нарушение баланса (размещение ПРО на территории Европейских стран) → нейтрализация возможности вмешаться со стороны других государств → способность проводить собственную политику по отношению к другим странам любыми возможными способами». При этом терминал положительного значения ЛЕ *безопасность* нейтрализуется в контексте всего высказывания, а сама ЛЕ приобретает негативную окраску в результате контекстуального взаимовлияния.

В тексте оригинала речь идет только о «возникновении ощущения собственной безопасности», тогда как в переводе эксплицируется подразумеваемая возможность извлечения выгоды из ситуации, при этом ЛЕ *возникать* в переводе заменяется на ЛЕ *benefit*. Использование такого преобразования логических причинно-следственных отношений становится возможным благодаря лингвистическому и ситуативному контексту и позволяет увеличить интенсивность оценочности высказывания в целом и эксплицировать негативную оценочность.

3. Конкретизация. Выбор эквивалента с более узким значением является средством усиления оценки. К примерам использования приема конкретизации также можно отнести замену общеоценочных прилагательных *плохо / хорошо* частнооценочным:

*Что касается министров, которые вновь назначены: это Набиуллина и Министр здравоохранения и социального развития Голикова, – то они специалисты **очень хорошие**, они не новички в тех сферах, в которых работают.*

*As for the newly appointed ministers, [Economic Development and Trade Minister] Nabiullina and Healthcare and Social Development Minister Golikova, they are **excellent** specialists and are not new to the fields in which they are working.*

В данном случае интенсивность оценки, выражаемой прилагательным *хорошо*, достигается за счет использования наречия-интенсификатора *очень*. В переводе интенсивность оценки усиливается благодаря замене структуры 'интенсификатор + прилагательное' на аффективное прилагательное *excellent*, которое не столько описывает положение вещей, сколько подчеркивает субъективную позицию субъекта. В данном случае эмотивный аспект значения (ориентированность на субъект) выступает на первый план.

4. В следующем примере русскому глаголу, содержащему в своем значении отрицательный оценочный компонент, соответствует английский глагол, также содержащий в своей семантической структуре оценочный компонент со знаком (–):

Больше того – отдельные нормы, да, по сути – чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере навязывается другим государствам.

*One state and, of course, first and foremost the United States, has overstepped its national borders in every way. This is visible in the economic, political, cultural and educational policies it **imposes** on other nations.*

В данном случае интенсификация оценочности ЛЕ и высказывания в целом достигается изменением грамматической формы оценочной ЛЕ. Использование отрицательно-оценочного глагола *навязываться* в форме страдательного залога позволяет смягчить категоричность оценки и избежать прямой номинации объекта оценки. В тексте перевода соответствие *impose* употреблено переводчиком в форме действительного залога. В этом случае напрямую указывается субъект действия, получившего негативную оценку в высказывании.

5. К средствам интенсификации оценки также можно отнести замену при переводе лексической единицы-эвфемизма эмоционально-оценочным соответствием. Например:

*И, находясь здесь, в Германии, не могу не упомянуть и о **кризисном** состоянии Договора об обычных вооруженных силах в Европе.*

*And here in Germany I cannot help but mention the **pitiable** condition of the Treaty on Conventional Armed Forces in Europe.*

Необходимо отметить, что существенное влияние на язык политики конца XX века оказали идеи так называемой политкорректности. Ярко выраженная прагматичность политической коммуникации заставила ее участников более осторожно подходить к употреблению как пейоративной, так и мелиоративной лексики. Номинативное варьирование в таком случае связано с изменением прагматического фокуса и реализуется через родственные, но диаметрально противоположные явления эвфемизации и дисфемизации [Павлова 2003: 61].

Таким образом, прилагательное *кризисный*, выражающее рациональную оценку, является примером эвфемистичного определения настоящей ситуации, касающейся Договора о вооруженных силах в Европе, тем самым выражая его оценку с позиций рациональности.

В переводе использовано эмоционально-оценочное соответствие, которое эксплицитно выражает негативную оценку. Данный тезис подтверждается анализом словарных дефиниций прилагательного *pitiable*: словарь дает следующие определения – *exciting or deserving pity or contempt*; в сло-

vape Longman Dictionary of English Language and Culture указаны два значения – 1) *causing or deserving pity*; 2) *not deserving respect or serious consideration*. При этом значение 2) дается с пометкой ‘*derog.*’, что свидетельствует о том, что ЛЕ *pitiable* является эксплицитным средством выражения эмоциональной оценки.

Другим примером смягчающего эвфемизма является употребление прилагательного *малоприятный* в следующем контексте:

*Я не очень понял, что Вы имели в виду, когда спросили об опыте наших военных в Чечне. Опыт **малоприятный**, но большой.* (Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности / 10.02.2007).

*I did not exactly understand what you meant when you asked about our servicemen's experience in Chechnya. Their experience is **not pleasant**, but it is extensive.*

Необходимо отметить, что слова, обозначающие неполноту действия или слабую степень свойства, употребляются не в своем обычном значении, а имплицитно обозначать не только временное, но и полное прекращение действия, деятельности. Именно это значение переводчик эксплицитировал с помощью соответствия, в семантической структуре которого компонент эмоциональной отрицательной оценки выражен более явно.

6. В ряде случаев интенсификация оценки достигается путем использования в переводе соответствия с более выраженной степенью оценочности:

*Но вовсе это не означает вмешательство во внутренние дела других стран, тем более, – **навязывания** этим государствам **того**, как они должны жить и развиваться.* Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности / 10.02.2007.

*But this does not mean interfering in the internal affairs of other countries, and especially not **imposing a regime** that determines how these states should live and develop.*

В тексте оригинала негативная оценка эксплицитно выражена с помощью глагола *навязывать*, а объект действия – местоимением + придаточное определительное. Сохранив структуру оценочного высказывания, переводчик заменил местоимение существительным-прагмемой *regime*, отрицательная оценочность которой обусловлена социальными стереотипами. Режим – это особый способ правления, осуществления власти, при котором меньшинство управляет большинством, против интересов большинства и, следовательно, противоречащий демократическим нормам. Такая отрицательно-оценочная лексика вызывает сильные негативные эмоции и, значит, формируют восприятие рецептора в нужном отправителю сообщения направлении. Данная ЛЕ используется в качестве отрицательно-оценочного ярлыка, номинирующего политическую ситуацию в ряде стран (например, *occupation regime*, *Saddam Hussein's regime*). Таким

образом, подобная замена эксплицитно выражает отношение субъекта к оцениваемому явлению, усиливая тем самым негативную оценочность всего высказывания.

Другим примером использования в переводе оценочной ЛЕ, эксплицитно номинирующей объект оценки, является следующий контекст:

Сегодня ситуация изменилась. И мы хотим сотрудничать с транзитными государствами, но, еще раз подчеркну, на ясных и общих для всех принципах взаимодействия, общих для всех, лишенных какой бы то ни было политической или другой конъюнктуры.

*The situation today is different. We want to cooperate with the transit countries, but stress that we want to do so on the basis of clear principles of cooperation that apply to all without exception and that are devoid of any **political or opportunist considerations**.*

Общая оценочность данного высказывания формируется путем противопоставления позитивно-оценочного первого выражения отрицательной оценочности второго, тем самым, усиливая его негативное значение. В переводе отрицательная оценочность приобретает еще большую категоричность: при переводе фразы *политической или другой конъюнктуры* переводчик использовал соответствие *political or opportunist* (досл. *приспособленческий*) *considerations*, тем самым эксплицитно выразив, какой именно конъюнктуры должно быть лишено взаимодействие между странами-транзитерами российского газа.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что при переводе оценочных ЛЕ политического дискурса инвариантом оценочного значения является ориентированность оценки (знак + / -). Вариантными элементами – интенсивность оценки, ее категоричность и степень субъективности. Выбор переводческой стратегии обусловлен прагматическими факторами.

Проведенный выше сопоставительный анализ оценочных лексических единиц и их соответствий в ПТ показал, что наибольшие трудности при изучении данного вопроса вызывают критерии идентификации оценочности, ее интенсивности и субъективности. С целью верификации результатов планируется проведение психолингвистического эксперимента (анкетирования) с применением элементов методики субъективного шкалирования.

Список литературы:

1. Ефименко, А.М. О передаче прагматики оценки в публицистическом переводе // Коммуникативный инвариант перевода в текстах различных жанров: сб. науч. тр. – М., 1989. – Вып. 343. – С. 64-74.
2. Желтухина, М.Р. Язык СМИ: информирование и/или воздействие? // Методы современной коммуникации / под ред. В.Н. Переверзева. – М., 2003. – Вып. I. – С. 101-115.

3. Ланчиков, В.К. Субстандартная лексика в прессе: проблема оценочности // Семантика перевода: сб. научн. тр. – М., 1989. – Вып. 331. – С. 96-101.
4. Павлова, Е.К. Некоторые особенности номинации в языке политики США начала третьего тысячелетия // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – М., 2003. – № 4. – С. 60-67.
5. Рядчикова, Е.Н. Речевое воздействие как вид манипуляции // Личность в пространстве языка и культуры: юбилейный сб. – М., Краснодар: КубГУ, 2005. – С. 290-300.
6. Чернявская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.
7. Шейгал, Е.И. Контекстуальное варьирование градуальных семантических признаков // Коммуникативные аспекты значения: межвуз. сб. науч. раб. – Волгоград, 1990. – С. 49-55.
8. Юдина, Т.В. Теория общественно-политической речи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – 160 с.

КОНТИНУАЛЬНОСТЬ И ДИСКРЕТНОСТЬ, ПРОБЛЕМА ГРАНИЦЫ В ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ ПАМЯТИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

© Ребрина Л.Н.¹

Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград

В данной статье семантическому анализу подвергается ЛСГ глаголов памяти в немецком языке для иллюстрации реализации системного подхода при исследовании словарного состава и явлений континуальности и дискретности лексико-семантической системы языка.

Современная лингвистика обращается к все более объемным конституентам лексико-семантической системы (ЛСС) языка: лексико-семантические группы (ЛСГ), тематические группы, лексико-семантические поля (ЛСП). Исследование лексики как функционирующей системы имеет долгую традицию и предполагает выделение единиц языка и определение их границ, основанные на принципах и аспектах, обуславливаемых целями и задачами исследования, установление их взаимосвязей и описание возможностей развития, обновления. ЛСС языка представляет собой иерархию перекрещивающихся и взаимодействующих подсистем, объединяющих лексические единицы на основании определённых парадигматических и синтагматических связей и отношений между ними, самая сложная и подвижная по своей организации и структуре, открытая, тесно связанная с внешними, экстралингвистическими факторами [Быкова, Пылаева, 2005: 8].

Морковкин В.В. делит единицы лексической системы на простые и непростые, а последние в свою очередь – на составные и совмещенные единицы (Морковкин, 2001 www). Простые единицы выполняют системообразующую функцию, а непростые единицы не участвуют в порождении лексической системы и характеризуются системофиксирующими свойствами. Согласно И.В. Сентенберг, иерархия основных типов лексико-семантических парадигм выглядит следующим образом: I – ЛСП; II – ЛСГ; III – тематические ряды; IV – многозначные слова, синонимические ряды, антонимические ряды, конверсивы [Сентенберг, 1984].

Наиболее эффективной, с нашей точки зрения, моделью для изучения функционирования ЛСС, прекрасным инструментом для реализации сис-

¹ Старший преподаватель кафедры Немецкой филологии, защита кандидатской диссертации – октябрь 2007 года

темного подхода являются ЛСГ, поскольку в них сконцентрированы все системные отношения; их границы обозримы; соотносясь с внеязыковой действительностью, отражённой в языке, они способны отражать языковую картину мира. Мы понимаем под ЛСГ структурный компонент соответствующего ЛСП, входящий в его состав в качестве подсистемы, объединяющей слова одной части речи на основе интегрирующего компонента лексического значения слов группы и предполагающей зонную организацию (ядро, ближняя и дальняя периферия). Границы ЛСГ определяются по грамматическим признакам (единицы ЛСГ – это единицы одной части речи), а также по тематическим и семантическим признакам (единицы ЛСГ – вычленяются на основе общности денотата и объединяются по интегрирующему компоненту лексического значения конститuentов). Единицей ЛСГ является лексико-семантический вариант слова (ЛСВ), под которым мы понимаем слово в одном из его лексических значений, как оно описывается в толковых словарях, совокупность которых образует семантическую структуру многозначного слова. Нас интересует ЛСГ глаголов памяти в немецком языке.

Конститuentы ЛСГ глаголов памяти объединяются на основании интегрирующего компонента значения – категориальной семы 'осуществление операции с фрагментами прошлого опыта в активном поле сознания'. В ходе исследования было проанализировано 4300 отобранных методом сплошной выборки минимальных контекстов из произведений современной немецкоязычной художественной литературы.

В ЛСС языка как открытой, развивающейся, подвижной системе нет резких границ, поэтому при определении состава ЛСГ, распределении ее конститuentов между ее ядром и периферией лингвисты часто опираются на здравый смысл, критерии удобства и целесообразности. Черных Н.В. сравнивает понятие границы ЛСП с понятием границы в математике (множество точек, принадлежащее одновременно и внутреннему, и внешнему пространству) и определяет границу ЛСП как «сумму семантических «фильтров», переход сквозь которые, ... переводит одно ЛСП в другое» [Черных, 2003: 4-15].

Проанализировав контексты, содержащие описание операций памяти, мы отобрали более 160 глагольных единиц, которые употребляются в немецком языке для репрезентации соответствующих ситуаций. Мы использовали комплексную методику определения состава ЛСГ, заключающуюся в анализе словарных статей и соотнесении между собой таких статистических характеристик ЛСВ глаголов как индекс значения ЛСВ (W), средняя частота употребления для данной ЛСГ (Fcp.), частота употребления конкретного конститuenta (F), а также функциональная нагрузка ЛСВ глагола (Q).

Величина индекса значения учитывает разную значимость ЛСВ глагола в семантической структуре (СС) многозначного глагола и поможет нам

предварительно определить состав исследуемой ЛСГ и конstituенты ядра, ближней и дальней периферии ЛСГ. Величину индекса значения мы вычисляли по формуле: $W = ((n+1) - r) : n$, где W – величина индекса значения, n – количество рубрик толкования, r – ранг компонента (номер рубрики в толковом словаре). W может колебаться в пределах от 0 до 1. ЛСВ глагола, который указывается в дефиниции толкового словаря первым, получает наибольшую величину индекса значения – «1», величина индекса значения остальных ЛСВ зависит от номера рубрики в толковом словаре и количества рубрик (ЛСВ). В состав исследуемой ЛСГ войдут конstituенты с $1 \leq W \leq 0,3$, в состав ядра ЛСГ или подгрупп – с $1 \leq W \leq 0,6$, в состав периферии ЛСГ или подгрупп – с $0,6 \leq W \leq 0,3$. Например, по данным словаря «Duden. Universalwörterbuch» (DUW 2001) интересующий нас ЛСВ глагола *sich (Dat.) merken* имеет значение «*im Gedächtnis behalten*», которое приводится под рубрикой № 2 среди трёх рубрик, значит W этого ЛСВ будет равна: $W = ((n+1)-r):n$, т.е. $W = ((3+1)-2):3 = 2:3 = 0,66$. Для получения объективных результатов необходимо использовать несколько словарей и найти среднее арифметическое всех величин индекса значения.

Уже по результатам анализа словарных статей и вычисления среднего W мы исключили половину отобранных ЛСВ из состава ЛСГ глаголов памяти. Эта процедура дает лишь предварительные, нуждающиеся в корректировке результаты. Так, например, глагол *wiedererinnern* имеет максимальный W – 1, но в отобранных минимальных контекстах встречается очень редко, что не может не иметь значения для отнесения конstituента к составу ЛСГ или распределению конstituентов между ядром и периферией. Далее мы используем статистические величины частоты употребления и функциональной нагрузки каждого ЛСВ глаголов.

Мы вычисляли величину средней частоты употребления для данной ЛСГ или подгруппы ($F_{ср.}$) и сравнивали её с частотой употребления конкретного конstituента (F). Величину $F_{ср.}$ для исследуемой ЛСГ мы определяли по формуле « $F_{ср.} = V:N$ », где N – число всех употреблений всех конstituентов данной ЛСГ, а V – число конstituентов ЛСГ или подгруппы ЛСГ (Носенко 1981). К ядру мы будем относить все единицы с $F \geq F_{ср.}$, к ближней периферии – с $F < F_{ср.}$, к дальней периферии – конstituенты с F значительно ниже $F_{ср.}$.

Под функциональной нагрузкой мы понимаем степень участия конstituента ЛСГ в процессе построения высказываний в тексте по сравнению с другими единицами ЛСГ или ее подгруппы, имеющими сходную функцию, т.е. среднюю долю употреблений данного ЛСВ глагола от общего числа употреблений конstituентов исследуемой ЛСГ или подгруппы: $Q = 100F : V$, где F – частота употребления конкретного конstituента, V – общее количество употреблений конstituентов ЛСГ или подгруппы.

ЛСВ, имеющие одновременно самые низкие W, F и Q, а также все ЛСВ с F=«0» мы исключим из нашего рассмотрения. После соотнесения описанных статистических величин мы включили в состав исследуемой ЛСГ более 50 конституентов. Единицы с индексом значения более или равным 0,6, частотой употребления выше средней и высокой функциональной нагрузкой мы отнесли к ядру, ЛСВ хотя бы с одной низкой статистической характеристикой – к ближней периферии, а к дальней периферии – ЛСВ глаголов с индексом значения менее 0,6 но более 0,3, минимальными частотой употребления и функциональной нагрузкой. Использование данной комплексной методики помогает ограничить состав данной лексической подсистемы и представить ее конституенты исчислимыми, что делает возможным их последующий лингвистический анализ, наблюдение и обобщение языковых фактов.

С другой стороны чрезмерное увлечение инвентаризацией единиц ЛСС языка может привести к тому, что его подсистемы будут рассматриваться изолировано друг от друга и игнорироваться их взаимосвязь и возможности развития, пополнения. ЛСГ глаголов памяти представляет собой открытую, развивающуюся, подвижную подсистему, пересекающуюся с другими ЛСГ глаголов, обуславливая непрерывность ЛСС языка. О том, что данная подсистема лексических средств открытая, свидетельствует тот факт, что в отобранных нами минимальных контекстах нами было выявлено более 100 глаголов, которые могут замещать глаголы памяти, выступая их функциональными эквивалентами, что свидетельствует о наличии потенциальных возможностей обновления ЛСГ. Среди данных ЛСВ глаголов есть единицы, которые, относясь к тому же денотату, регулярно используются для описания операций памяти и имеют довольно высокую частоту употребления, и такие, которые редко выполняют данную функцию и не имеют регулярные связи с исследуемой ЛСГ. Регулярность употребления глаголов других ЛСГ в функции глаголов памяти мы оценивали исходя из частоты употребления данных глаголов и их функциональной нагрузки в данном подмножестве единиц.

Например, глаголы *antrainieren* (прививать тренировкой), *löschen* (погасить), *auskramen* (откопать, вытащить на свет), *nacherleben* (переживать заново что-либо в воспоминаниях), *studieren* (изучать), *haften bleiben* (сохраняться, прикрепляться), *animieren* (оживлять картинки), *schmecken* (*schmecken nach etw.* – напоминать что-либо по вкусу), *stinken* (*stinken nach etw.* – напоминать что-либо по неприятному запаху), *anklingen*, (напоминать что-либо по звучанию), *mahnen*² (казаться похожим, напоминать что-либо), *verschwitzen* (забыть что-либо «в запарке»), *sich zurückbesinnen* (уноситься мыслями в прошлое), *vergessen*³ (забываться, вести себя неподобающим образом), *nachmalen* (рисовать по памяти), *nachsagen* (пересказывать, повторять по памяти), *warnen* (предостерегать, предупреждать, т.е., напоминать об опасности), *versöhnen* (прощать, т.е. забывать, не пом-

нить зла), *gleichen* (быть одинаковым, напоминать), *richen* (*richen nach etw.* – напоминать по запаху), *sich anhören* (напоминать что-либо по звучанию) *sprechen* (говорить), *abspeichern* (сохранять (данные)), *zurückschauen* (оглядываться назад, вспоминать прошлое), *zurückversetzen* (уносить(ся) в прошлое), *anmahnen*² (увещевать, наставлять, поучать кого-либо) редко выступают в качестве функциональных эквивалентов глаголов памяти и не имеют регулярных связей с ЛСГ глаголов памяти.

Частота употребления следующих глаголов в функции глаголов памяти выше средней: *erwähnen*, *erzählen*, *andeuten*, *verweisen*, *beschwören*, *bedenken*, *kennen*, *sich vorstellen*, *hören*, *aussehen*, *klingen*, *speichern*, *fixieren*, *festhalten*, *finden*, *suchen*, *vermissen*, *vergeben*, *verzeihen*, *auftauchen*, *ausblenden*, *auslöschen*, *aufleben*.

Наш материал показывает, что в качестве функциональных эквивалентов исследуемых глаголов регулярно употребляются глаголы знания, восприятия и говорения, что в свою очередь также подтверждает положение, учитывающее взаимосвязь различных видов психической деятельности, не существующих обособлено, отдельно друг от друга, а разделяющихся искусственно в ходе анализа для достижения поставленных целей, что обуславливает условность такого разграничения. Взаимосвязь разных видов психической деятельности находит свое отражение в языке [Залевская, 1999: 35].

Глаголы других ЛСГ, выступая в качестве функциональных эквивалентов исследуемых глаголов, обозначают различные характеристики операций памяти и отражают их структуру (некую модель, описывающую операцию памяти как определенную типовую ситуацию), содержащую в качестве базовых составляющих следующие компоненты: субъект, процесс и объект. Глаголы других ЛСГ могут регулярно замещать глаголы памяти благодаря наличию в их семантике компонентов значения, указывающих на владение, утрату, приобретение, воскрешение, возвращение, хранение, сохранение, движение, поиск, представление или переживание чего-либо, установление тождества. В контекстах, в которых перечисленные глаголы выступают в качестве функциональных эквивалентов глаголов памяти, операция памяти может также предполагаться как фоновая предшествующая ситуация, мотивирующая базовую ситуацию, или как последующая фоновая ситуация, мотивируемая базовой ситуацией, на основе содержания которой глагол причисляется к какой-либо другой ЛСГ глаголов.

Васильев Л.М. связывает глаголы мышления, знания и глаголы памяти в русском языке с областью мысли, поскольку они имеют общую основу, а именно отношение к умственной деятельности. Различия между этими глаголами заключаются в том, что они описывают разные аспекты этого отношения [Васильев, 1981; Апресян, 2001; Вежибicka, 1986]. Глаголы знания и глаголы памяти имеют общую основу, а именно, отношение к

умственной деятельности. Глагол знания *kennen* может употребляться для репрезентации операции хранения информации в памяти или воспоминания-узнавания. Например: „*Kennst du den Weg noch?*» *fragte Schrella?* [Böll, 1989a: 930].

Падучева Е.В. отмечает, что глаголы говорения в русском языке часто употребляются в качестве ментальных глаголов [Падучева, 1988]. Проведённый нами анализ фактического материала позволяет экстраполировать эти наблюдения также и на глаголы памяти и говорения в немецком языке. Глаголы говорения действительно имеют тесную связь с глаголами памяти в немецком языке и регулярно выступают в качестве их функциональных эквивалентов. Глагол *erzählen* имеет значение «*schriftlich od. mündlich auf anschauliche Weise darstellen, berichten, mitteilen*» (DBW) и благодаря значению «представлять что-либо в устной или письменной форме» также может использоваться для описания операции воспоминания и последующей передачи содержания воспоминания (если объект речевой деятельности характеризуется соотнесенностью с прошлым). Следующий пример иллюстрирует наш вывод: ... *und als er anfang, von der Schule zu erzählen, wurde sein Gesicht um einen Schein heller; mich aber ergriff Langweile* ... [Böll, 1953: 17]. Глаголы *erwähnen* и *erzählen* могут описывать операцию произвольного, не внезапного воспоминания, инициируемого одушевлённым, единичным или множественным субъектом, и направленного на неодушевлённый или одушевлённый, неспецифичный объект воспоминания. При благоприятных контекстуальных условиях (нейтрализация определённых дифференциальных сем) эти глаголы могут функционировать в предложениях в качестве функционального эквивалента глагола *erinnern*¹. Глагол *andeuten* может описывать ситуации, когда некто пытается напомнить другому лицу о чём-либо, не говоря об этом прямо, т.е. намекая. Например: ... *die Gegner schienen Granaten zu wechseln wie Bälle, die nicht ernst gemeint waren, nur andeuten sollten, dass noch Krieg war* ... [Böll, 1989b: 775].

Память, опираясь на восприятие, преобразует его результаты в феномены сознания, в некие образы, картины, и человек может хранить воспоминания о ком-то или о чём-то, что он видел или слышал, как некий образ, след. Для описания операций образной памяти, воспроизведения визуального или звукового ряда, а также запаха или тактильных, вкусовых ощущений при воспоминании наряду с глаголами памяти могут использоваться глаголы восприятия и ощущения, воображения, например: *sich* (Dat.) *vorstellen*, *hören*. Например, «*aussehen*» может описывать операцию каузации воспоминания, когда некто или нечто выглядит как некое лицо или объект из прошлого: ... *es sah nach dem Wort aus, das Brielachs Mutter zum Bäcker gesagt hatte*... [Böll, 1987: 280].

Глаголы поисковой группы могут также выступать в качестве функциональных эквивалентов глаголов памяти, описывая операции воспоминания.

нения: *finden* – для описания операции воспоминания, стремящейся к своему пределу, *suchen* – для описания характеризующейся длительностью операции воспоминания, не предполагающей предела в своем протекании. На существующую связь между этими ЛСГ в русском языке указывает В.В. Туровский [Туровский, 1991]. Глаголы эмоционального отношения *vergeben* («*verzeihen*» – DUW, DBW, Whg) и *verzeihen* («*erlittenes Unrecht o. A. dem Urheber vergeben*» – DUW; «*etw. vergeben, entschuldigen*» – Whg) могут описывать ситуацию, когда некто забывает, не помнит зло, причинённое ему другим лицом, т.е. операцию утраты информации из памяти, при которой объект операции памяти имеет специфичный характер и отрицательно оценивается субъектом операции памяти.

При описании семантики глаголов памяти мы распределяли глаголы памяти по подгруппам в зависимости от того, какая дифференциальная сема реализует в СС ЛСВ интегральную сему 'продвижение фрагментов прошлого опыта в пространстве памяти'. Мы, т.о., исходили из того, что глаголы памяти описывают операции памяти именно как продвижение единиц в пространстве памяти в определённом направлении. Глагол движения *auftauchen* имеет значение «*unerwartet, plötzlich in Erscheinung treten, sichtbar werden unerwartet, plötzlich auftreten, da sein*» (DBW) и описывает внезапное продвижение с глубины на поверхность (воды), внезапное появление. Благодаря компонентам значения, указывающим на быстрое, внезапное передвижение, передвижение по вертикали, с глубины на поверхность этот глагол может также выступать функциональным эквивалентом глаголов памяти, описывающих операцию внезапного, произвольного воспоминания (ср. *einfallen*). Например: ... *aus der Stille tauchten Worte auf, fielen in ihn hinein, Worte, die ihn beunruhigten* [Böll, 1987: 220].

Глаголы уничтожения *ausblenden* со значением «*(Ton, Bild) durch Ausschalten aus einer Sendung, einem Film herausnehmen, sich aus einer Sendung ausschalten*» (DUW), *auslöschen* со значением «*wegwischen, tilgen geh.; aus dem Bewusstsein tilgen*» (DBW) указывают на уничтожение, стирание, утрату чего-либо и могут описывать операцию произвольного забывания, выступая функциональными эквивалентами глаголов памяти *verdrängen*, *vergessen*²: *Ich schalte und gebe Gas, als wäre die Geschichte mit Tempo auszulöschen ...* [Frisch, 1975: 231].

Для репрезентации операции хранения информации в памяти употребляется глагол *kennen*. Операцию сохранения информации в памяти могут описывать *speichern*, *fixieren*, *festhalten*. Глаголы *vergeben*, *verzeihen*, *ausblenden*, *auslöschen* описывают операцию «утрата информации из памяти». Операцию каузации воспоминания описывают *andeuten*, *verweisen*, *aussehen*, *klingen*. Для описания операции воспоминания употребляются *aufleben*, *hören*, *auftauchen*, *sich vorstellen*, *erwähnen*, *erzählen*, *beschwören*, *bedenken*, *vermissen*, *finden*, *suchen*.

Мы описали глаголы других ЛСГ, имеющие регулярные связи с ЛСГ глаголов памяти. Функциональные эквиваленты замещают глаголы памяти в контекстах благодаря существующим связям между соответствующими психическими процессами и наличию в их семантике компонентов значения, указывающих на владение, хранение, воспроизведение или установление тождества.

Приведем еще несколько доказательств в пользу подвижности исследуемой подсистемы глагольных единиц и континуальности ЛСС языка. В результате семантических процессов у глаголов других ЛСВ могут формироваться новые значения, становиться с течением времени системными, часто употребляемыми, и соответствующие новые ЛСВ могут входить в состав ЛСГ глаголов памяти (например, глаголы *behalten*, *einbrennen*, *sehen*, *denken*, *einfallen* и т.д.). С другой стороны, некоторые ЛСВ глаголов, входившие ранее в состав данной ЛСГ, с течением времени устаревают и выходят из употребления, например ЛСВ *anmahnen*² – со значением «*jmdn. ermähnen (veralt.)*», т.е. «*eindringlich an eine Pflicht, an ein bestimmtes Verhalten erinnern*» (DUW). В связи с развитием и проникновением во все сферы жизнедеятельности человека информационных, компьютерных технологий память интерпретируется как поисковая система, обладающая «ёмкостью» и «пропускной способностью». И для репрезентации операции запоминания используются глаголы, которые раньше описывали только сохранение данных на электронном носителе – *abspeichern*: *Geduldig schaute sie zu, wie die Vögel sich dem Schwarm anschlossen und ihn verließen und speicherte die Muster im Kopfab* [Berlitz, 1979: 48].

Обновление состава данной ЛСГ может происходить также за счет эмоционально-окрашенных, экспрессивных единиц, принадлежащих по своему прямому значению к другим ЛСГ. Например, глагол *einhämmern* (означает буквально вбивать, забивать молотком) имеет лексико-семантический вариант со значением «*jmdm. etw. durch fortwährende Wiederholung einprägen*» (Whg.) – постоянно повторяя, вдалбливать кому-либо что-либо в голову: *Ich sang mit. Auch mir war jede Strophe eingehämmert* [Grass, 1995: 310]. Глагол «*verschwitzen*», имеющий значение «пропотеть, испачкать что-либо потом» употребляется в разговорной речи для описания ситуации, когда кто-либо забыл о чем-либо «в запарке». Новообразования также играют свою роль в развитии лексической подсистемы. В молодежном жаргоне употребляется глагол «*verdackeln*», означающий «забыть по глупости»: *Du verdackelst aber alles auch – У тебя тоже ничего не держится в голове*. Глагол образован от существительного «*der Dackel*» – «такса», которая в стереотипном представлении немцев известна своей несообразительностью, бестолковостью [Ehmann, 2005: 148]. Данные языковые явления часто ограничены определенной сферой функционирования языка, могут быть временными и исчезнуть из словаря, или же стать часто употребляемыми и обрести системные свойства. ЛСГ явля-

ется эффективным инструментом для реализации системного подхода при исследовании словарного состава и для иллюстрации явлений континуальности и дискретности ЛСС языка.

Список литературы:

1. Апресян, Ю.Д. Системообразующие смыслы 'знать' и 'считать' в русском языке // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1 – С. 5-26.
2. Быкова, Г.В., Пылаева, О.Б. Сфера природного в национально-языковой специфике русского и эвенкийского языков. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005.
3. Васильев, Л.М. Семантика русского глагола: Глаголы речи, звучания и поведения: Учебное пособие. – Уфа: Башк. ун-т, 1981.
4. Вежбицка, А. Восприятие: семантика абстрактного словаря // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 18. – М., 1986.
5. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Российский гос. гуманитарн. ун-т., 1999.
6. Морковкин, В.В. О словарной лексикологии. Лингвистика // Русский язык за рубежом. – № 02. – 2001. Св-во о регистрации № 77–4627 БСМП. [Электронные ресурсы]: portal@gramota.ru, <http://learning-russian.gramota.ru/journalC.html>.
7. Носенко, И.А. Начала статистики для лингвистов. – М., 1981.
8. Падучева Е.В. Выводима ли способность подчинять косвенный вопрос из семантики слова? // Логический анализ языка. Знание и мнение – М., 1988. – С. 33–46.
9. Сентенберг, И.В. Лексическая семантика английского глагола. – М., 1984.
10. Туровский, В.В. Память в наивной картине мира: забыть, вспомнить, помнить // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 91-95.
11. Черных, Н.В. Семантическая ёмкость слова в рамках теории семантического поля (на материале поэзии М.И. Цветаевой): – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – Ростов-на-Дону, 2003.

Источники примеров:

1. Berlitz, C. Das Philadelphia Experiment – Wien/Hamburg: Paul Zsolnay Verlag Gesellschaft m. b. H., 1979.
2. Böll, H. Und sagte kein einziges Wort. Roman – Köln: Lamuv Verlag, Kiepenheuer & Witsch, 1953.
3. Böll, H. Romane und Erzählungen II. Haus ohne Hüter – Köln: Lamuv Verlag, Kiepenheuer & Witsch. С. 215–522, 1987.

4. Böll, H. Romane und Erzählungen II. Billard um halb zehn – Köln: Lamuv Verlag, Kiepenheuer & Witsch. С. 886-1173, 1989a.
5. Böll, H. Romane und Erzählungen I. Wo warst du Adam? – Köln: Lamuv Verlag, Kiepenheuer & Witsch, 1989b.
6. Ehmann, H. Das voll korrekte Lexikon der Jugendsprache – München: Verlag C.H. Beck oHG, 2005.
7. Frisch, M. Mein Name sei Gantenbein – Suhrkamp Verlag, 1975.
8. Grass G. Ein weites Feld – Göttingen: Steidl Verlag, 1995.

Лексикографические источники:

1. DUW – Duden. Deutsches Universalwörterbuch: 3., neubearb. und erweit. Aufl. – Mannheim: Dudenverlag, 2001.
2. DBW – Duden. Das Bedeutungswörterbuch. B. 10 – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Meyers Lexikonverlag, 1985. – 790 с.
3. Whg. – Wahrig. Deutsches Wörterbuch / Wahrig G. – Burfeind, R. – Gütersloh / München: Bertelsmann-Lexikon-Verlag, 2000. – 1451 с.

ТЕРМИН КАК ЕДИНИЦА СПЕЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

© Терских Н.В.¹

Сибирский Федеральный Университет,
г. Красноярск

Одним из центральных вопросов теоретического терминоведения является проблема определения статуса термина. Настоящая работа лежит в области прикладных проблем лингвистики и исследует природу и структуру терминов.

Человеческое знание о мире возможно во многом только благодаря его выраженности в языке в форме понятий, определений, словесных формулировок законов, принципов и собственно терминов. Для получения как можно более полного знания необходимо максимизировать полноту, четкость и краткость его представления в языке. Эвристическая роль языкового представления знания во многом зависит от способа или формы его материализации. Одним из основных способов языкового выражения специальных знаний являются термины, которые создаются, чтобы обеспечивать возможность общения и обмена информацией в процессе профессионально-научной деятельности и оптимизировать развитие человеческого познания.

Термин выступает как основной элемент механизма передачи и накопления специального знания. И прежде чем подробнее рассмотреть данный механизм, необходимо заострить внимание на феномене термина. Понятие «термин» довольно многогранно и требует отдельного рассмотрения хотя бы уже в силу наличия бесчисленного множества попыток дать определение термину.

Существует определение, в котором автор стремится дать максимальное количество признаков термина [3, С. 32]: «Термин – это специальное слово или словесный комплекс, соотносящиеся с понятием определенной организованной области познания (науки, техники), вступающие в системные отношения с другими словами и словесными комплексами и образующие с ними в каждом отдельном случае и в определенное время замкнутую систему, отличающуюся высокой информативностью, точностью и экспрессивной нейтральностью». Реформатский А.А. определяет термины «как однозначные слова, лишённые экспрессивности» [6, С. 51]. Глушко М.М. констатирует, что «термин – это слово или словосочетание для выражения понятий и обозначения предметов, обладающее, благодаря наличию у него строгой и точной дефиниции, четкими семантическими

¹ Доцент кафедры Иностранных языков-3, кандидат педагогических наук

границами и поэтому однозначное в пределах соответствующей классификационной системы» [2, С. 33].

Более полным нам представляется определение термина, данное О.С. Ахмановой [1, С. 58]: «Термин – это слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов».

Во всех этих с первого взгляда различных определениях присутствует ряд *общих черт*:

Во-первых, это форма термина – термин выступает в форме слова или словосочетания;

Во-вторых, это принадлежность к определенной подязыковой среде, специально созданной для решения специфических языковых задач определенной предметной области;

В-третьих, это свойство термина выражать специальные понятия.

Однако некоторые из этих черт приводят к возникновению определенного рода противоречий в относительно четкой структуре понятия термина. В основе противоречия лежит форма существования термина – слово или словосочетание. Является ли термин специальным словом, самостоятельной единицей языка со своими собственными свойствами, качествами, системой отношений с другими единицами, или же это общеупотребительное слово естественного языка, употребляемое определенной группой индивидов в специальном значении для реализации определенных языковых задач предметной области, в которой данный термин применяется? Мнения ученых по данному вопросу разделились.

Так, по мнению В.А. Ступина «термин» – это «слово», и слово обычное, а не специальное или особое, которое фиксирует знание в определенном языковом коллективе, что присуще любому значимому слову естественного языка. Следовательно, все слова являются в определенной степени терминами в системе языка, что приводит к противоречию, когда речь идет о специальных свойствах тех и других [7, С. 74]. Вывод, к которому приходит В.А. Ступин позиционирует термин как относительный элемент какой-либо терминологии, терминологического аппарата, где он выполняет специфически терминологическую функцию, и, с другой стороны, как абсолютный элемент языка, словесно фиксирующий знание с опорой на семантику конкретного естественного языка [7, С. 74].

Данный вывод, по нашему мнению, не снимает всех противоречий, так как в системе естественного языка термин будет терять часть своих специальных функций и восприниматься носителем языка как общеупотребительное слово в одном из своих значений, в противоположность строго определенному (и единственному) значению термина в системе лексики данной предметной области. Здесь мы склонны разделить точку зрения В.М. Лейчика и С.Д. Шелова, согласно которой термины фигурируют как

таковые именно в специальной лексике языков, а не в лексике того или иного естественного языка в целом [4, С. 10].

Таким образом, «термин», по В.М. Лейчику, «это лексическая единица» (а не слово или словосочетание) «определенного языка для специальных целей, обозначающая общее, конкретное или абстрактное, понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [4, С. 12]. Исходя из данного определения, можно сделать вывод о том, что среди основных функций термина, а именно, фиксация знания, передача знания, открытие нового знания, оперирование понятиями, приоритетной будет считаться именно последняя, так как через обозначение понятия происходит управление им, а когнитивный образ, ассоциирующийся с термином, переходит в иное качество – становится мыслью, будучи зафиксированным соответствующим термином.

Специфика терминов как особого лексического разряда слов состоит в том, что они создаются в процессе производственной и научной деятельности и поэтому функционируют лишь среди людей, обладающих соответствующими научными и производственными реалиями, то есть макроконтекстом. Поэтому в отличие от обычных слов, однозначность которых в речевой коммуникации обеспечивается ситуацией или лингвистическим контекстом, однозначность термина регламентируется экстралингвистическим макроконтекстом или лингвистическим микроконтекстом.

Термин не нуждается в контексте, как обычное слово, так он 1) член определенной терминологии, что и выступает вместо контекста; 2) может употребляться изолированно, например в текстах реестров или заказов в технике, 3) для чего и должен быть однозначным не вообще в языке, а в пределах данной терминологии. [5, С. 73].

В пределах лексической системы языка термины проявляют те же свойства, что и другие слова, то есть им свойственна и антонимия, и идиоматика. Например, термин «valve» в машиноведении обозначает «клапан», в радиотехнике «электронная лампа», в гидравлике «затвор»; термин «power» в физике означает «мощность», «энергия», в математике – «степень», в оптике – «сила увеличения линзы».

Один и тот же термин может входить в разные терминологии данного языка, что представляет собой межнаучную терминологическую омонимию, например:

- assimilation 1) в этнографии, 2) в фонетике.
- reaction 1) в химии, 2) в филологии, 3) в политике;
- reduction 1) в философии, 2) в юриспруденции, 3) в фонетике;

Особенности структуры терминов.

Термины-словосочетания, выражающие единые целостные понятия, обладают разной степенью смысловой разложимости. Их можно отнести к числу лексических словосочетаний, характерной особенностью которых

является то, что место одного из компонентов заполняется не любым словом соответствующей категории, а лишь некоторыми, образующими определенную семантическую группу.

Такие многокомпонентные термины, по утверждению лингвистов, относятся к двум типам:

- неразложимые термины словосочетания;
- разложимые термины словосочетания.

В английской научно-технической терминологии имеется большое количество терминов, состоящих из нескольких компонентов. Например:

- dynamic pulse storage unit (память вычислительной машины на динамических триггерах);
- read-write head for magnetic tape unit (универсальная головка запоминающего устройства вычислительной машины на магнитной ленте).

Устойчивые терминологические словосочетания гораздо легче поддаются переводу, чем сложные слова-термины, так как в них все компоненты грамматически оформлены, что облегчает раскрытие смысловых связей между ними.

В терминах-словосочетаниях грамматическое оформление может выразиться:

- суффиксами (selective communication, tailless plane);
- предлогами (system of equations, system of axes);
- окончаниями (controlled system, three wheeled bicycle).

Термины-словосочетания создаются путем добавления к термину, обозначающему родовое понятие, конкретизирующих признаков с целью получить видовые понятия, непосредственно связанные с исходным. Такие термины фактически представляют собой свернутые определения, подводящие данное понятие под более общее и одновременно указывающие его специфический признак. Таким образом образуются своеобразные терминологические гнезда, охватывающие многочисленные разновидности обозначаемого явления.

Например, английский термин *impedance*, определяемый как «полное сопротивление в цепи переменного тока» (импеданс), используется как основа для ряда терминов, уточняющих характер сопротивления или участка цепи, в котором оно существует: blocked impedance, biasing impedance, vector impedance, driving-point

Прежде всего следует определить, к какой лексико-смысловой категории относятся компоненты сложного слова, т.е. что именно они обозначают: предметы, действия, свойства и т.д. Сложное слово-термин, оба компонента которого обозначают предметы (т.е. машины, механизмы, приборы и т.д.), переводится по-разному, в зависимости от того, в каком соотношении находятся между собой данные предметы.

Если второй предмет – часть первого, то русский эквивалент имеет вид: существительное ед.ч., им.падежа + существительное ед.ч. род. падежа.

Например:

- wheat consumption (потребление пшеницы);
- control system (система контроля).

Если первый предмет – часть второго, то первый компонент переводится при помощи прилагательного, т.к. он определяет качественную особенность второго предмета, отличающую его от других подобных предметов.

Например:

- semiconductor device (полупроводниковый прибор);
- laboratory research (лабораторное исследование);
- gas turbine (газовая турбина).

Если же первый компонент сложного слова обозначает предмет, а второй – его свойство, т.е. существенную характеристику предмета – вес, площадь, толщину, скорость, давление и т.д., то русский эквивалент второго компонента получает форму именительного падежа, а эквивалент первого компонента – существительное в родительном падеже.

Например:

- engine weight (вес двигателя);
- plate thickness (толщина листа).

При анализе сложного слова вида «предмет + свойство» нужно обратить внимание на то, относится ли понятие, выраженное вторым компонентом (т.е. свойство), к предмету, обозначенному первым компонентом. Если первый компонент сложного слова – термина обозначает предмет, а второй – действие, происходящее с этим предметом, то русский эквивалент второго компонента будет иметь форму именительного падежа, а эквивалент первого компонента – форму родительного падежа.

Например:

- air pressure (давление воздуха);
- tyre pressure (давление газа в шине) и т.д.

Особую трудность при переводе представляют *многокомпонентные* сложные слова. Прежде всего нужно раскрыть значение основного компонента. Большую роль при этом, естественно, играет контекст. Затем в составе многокомпонентного сложного слова-термина следует найти внутренние термины, если они имеются, с относящимися к ним словами. В приведенных ниже примерах иллюстрируется последовательность перевода многокомпонентных терминов.

1. control-surface cable adjustment access
access – люк

adjustment access – люк для регулировки

control-surface cable – трос руля управления

Значение всего термина – люк для регулировки тросами руля управления.

2. cockpit canopy manual operating handle

handle – рукоятка

operating handle – рукоятка управления

manual operating handle – рукоятка ручного управления

cockpit canopy – фонарь кабины (летчика)

Значение всего термина – рукоятка ручного управления фонарем кабины летчика.

3. radio wave speed measurement

measurement – измерение

speed measurement – измерение скорости

radio wave – радиоволна

Значение всего термина – измерение скорости радиоволны.

Для образования терминов при помощи *суффиксов и префиксов* характерен выбор из числа словообразовательных элементов тех, которые оказываются приемлемыми для построения терминов. Специфическим для специальной терминологии является стремление к закреплению за некоторыми суффиксами определенных терминологических значений.

Это особенно характерно для химической терминологии, где наиболее полно изучена специализация суффиксов. В английском языке образуются:

- названия основных органических соединений и галогенов – при помощи суффикса *-ine* [en] (amine, fluorine);
- названия неосновных органических соединений – при помощи суффикса *-in* [in] (salicin);
- названия углеводов ацетиленового ряда – при помощи суффикса *-yne* [i:n] (propyne).

Более или менее четкая специализация аффиксов проведена в биологической и медицинской терминологии, т.е. там, где термины построены, в основном, из латинских и греческих корней. Например:

- суффикс *-us* [s] для существительных в единственном числе, и суффикс *-i* [ai] – для существительных во множественном числе: alveolus – alveoli (альвеола – альвеолы);
- суффикс *-um* [m], для существительных в единственном числе и суффикс *-a* – для существительных во множественном числе: cranium – crania (череп – черепа).

Английские префиксы *dis-*, *en-* широко применяются при образовании биологических терминов. Например:

- disafforest (вырубать леса), disbranch (обрезать ветки);

- dislodge (выгонять зверя из берлоги), enfeeble (ослаблять);
- engraft (делать прививку), enrich (удобрять почву) и др.

В терминологии других отраслей систематической специализации значений суффиксов почти совсем не ведется. Поэтому здесь суффиксы имеют более широкое значение, указывая на категорию, к которой относится терминируемое понятие.

Так, например, при помощи суффиксов *-er*, *-or*, *-ist* образуются существительные, обозначающие работника-специалиста: *driver*, *designer*, *operator*, *physicist*, *philologist*; а также машины, станки, инструменты, приборы: *drier*, *cutter*, *computer*.

Существительные с конкретным предметным значением образуются при помощи суффиксов *-ing*, *-ment*: *heating*, *leavings*, *mounting*, *movement*, *development*.

Существительные с отвлеченным значением образуются при помощи суффиксов, которые выражают свойства и качества: *-ness* (*business*); *-ty* (*safety*); *hood* (*likelihood*)

Для научно-технической терминологии характерно использование ряда суффиксов и префиксов, малопродуктивных, непродуктивных и совсем отсутствующих в общепринятом языке. Так, в системе терминообразования английского языка широко применяются следующие малопродуктивные суффиксы: *-ment* (*treatment*, *filament*); *-ance*, *-ence* (*inductance*, *divergence*).

Таким образом, термины, являясь единицами какого-либо конкретного естественного или искусственного языка, обладающими в результате стихийно сложившейся или особой сознательной коллективной договоренности специальным терминологическим значением, которое может быть выражено либо в словесной форме, либо в том или ином формализованном виде и достаточно точно и полно отражает основные, существенные на данном уровне развития науки и техники признаки соответствующего понятия, могут представлять собой по структуре *различные типы*:

1. Многокомпонентные термины-словосочетания, выражающие единые целостные понятия, обладающие разной степенью смысловой разложимости.
2. Термин – сложное слово представляет собой чаще всего сочетание двух или больше основ имен существительных.
3. Однословные термины, которые являются неоднородными по количеству словообразовательных компонентов.

Список литературы:

1. Ахманова О.В., Тер-Мкртчян С.А. Научное определение как лингвистическая семиотическая проблема // Проблематика определений терминов в словарях разных типов. – Л., 1976. – С. 57-63.

2. Глушко М.М. и др. Функциональный стиль общественного языка и методы его исследования. – М., 1974. – С. 31-34.
3. Даниленко В.П. Терминология современного языка науки // Терминоведение и терминография в индоевропейских языках. – Владивосток, 1987. – С. 32-35.
4. Лейчик В.М., Шелов С.Д. Соизмеримость научных теорий и анализ терминологических определений // Научно-техническая информация. Сер. 2. – 1991. – № 8. – С. 9-15.
5. Лотте Д.С. Образование системы научно-технических терминов // Основы построения научно-технической терминологии. – М., 1961. – С. 72-74.
6. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология? // Вопросы терминологии. – М., 1961. – С. 49-51.
7. Ступин В.А. Терминологическая структура // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики. Ч. II. – М., 1971. – С. 74-77.

Раздел девятый

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

ТЕОРИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ КООРДИНАТ

© Базыкин Д.В.¹

Пермский государственный университет,
г. Пермь

Статья посвящена выяснению социально-философского статуса одной из значительных теорий XX века – теории постиндустриального общества, в частности, рассмотрены отношение данной теории к существующим историософским концепциям.

На сегодняшний день теория постиндустриального общества (Д. Белл, Э. Тоффлер, Ж. Фурастье, М. Кастельс и др.) – одна из влиятельных концепций, как в западных, так и в отечественных общественных науках, многие положения которой нашли распространение в экономической и политической науках, социологии, культурологии и социальной философии.

Однако, как устойчивая оценка статуса постиндустриализма в системе наук об обществе, так и адекватная целостная интерпретация ее социально-философских оснований до сих пор не сложились.

В советский науке постиндустриальная концепция была встречена весьма критически и трактовалась как позиция технологического детерминизма и антимарксизма. Возрождение интереса к постиндустриальной проблематике в российском общественном сознании происходит в 1990-е гг., когда в рамках различных направлений и подходов (от промарксистского до цивилизационного) базовые гипотезы постиндустриализма получают новое осмысление.

По одним оценкам постиндустриальная теория признается в качестве одной из наиболее академически респектабельных. Так, В. Иноземцев отмечает, что постиндустриализм является едва ли не единственной адекватной социальной метатеорией, которая сегодня в полной мере воспринята западной социологической традицией и в полной мере находит свое подтверждение в общественной практике [1].

Другие теоретики, напротив, делают акцент на дискуссионность ее теоретических и методологических положений [2-6]. Третья группа ученых скептически настроена в отношении научной и методологической состоятельности рассматриваемой теории [7-9], указывая на принадлежность постиндустриализма к разряду футурологии и в известной степени

¹ Аспирант кафедры Философии

художественно-публицистическому творчеству. Те исследователи, которые все же признают за ним академическое содержание, критикуют сторонников постиндустриальной теории за преимущественно социологический, эмпирический уровень анализа с его ограниченным теоретическим горизонтом¹.

На наш взгляд, особо досконального изучения требует социально-философское рассмотрение постиндустриальной теории. В ней следует выделить два уровня: эмпирический уровень феноменологического описания и объяснения, базирующийся на методах статистического и экономического анализа современных тенденций (динамика занятости в секторах хозяйства), и собственно социально-философский срез в форме «осевой методологии».

Несмотря на то обстоятельство, что разработчики постиндустриализма высказываются по целому ряду проблем в сфере частно-научного общественного знания (экономика, политология, социология), как представляется, постиндустриализм необходимо отнести к числу междисциплинарных, комплексных с акцентом на социальную философию. Концептуальное ядро постиндустриализма, по нашему мнению составляет «осевая» методологическая парадигма, которая задает структуру теоретических построений постиндустриалистов.

Следует отметить, что проблема демаркации социально-философского и частного знания об обществе является до сих пор неразрешенной. По мнению К. Момдзяна, современная социальная философия переживает кризис фрагментации, который выразился в разбросе мнений о концептуальном статусе теоретического обществензнания, о его предметных задачах, о парадигмальных основаниях анализа общества [11, С. 80]. И все же попытаемся очертить границы социально-философского исследовательского поля. Как известно, философия занимается отражением всеобщих сторон действительности, в то время как для частных наук свойственен более локальный разрез выводов и глубина теоретического обобщения. В отличие от частных дисциплин, социальная философия ориентирована на выяснение природы предельных, наиболее существенных, фундаментальных, то субстанциональных факторов существования и развития социума. Тем самым познавательную задачу социально-философского уровня обобщения можно определить как «объяснение родовой сущности и качественной специфики общества как социальной формы движения материи» [12]. Тогда системный анализ общества предполагает два взаимосвязанных аспекта его рассмотрения: интегральный, который ориентирован на поиск устойчивых субординационных и координационных зависимостей

¹ Араб-Оглы Э.А. рассматривает постиндустриализм не иначе как «суррогат общесоциологической теории» [10].

между «частями» общества, и субстанциальный, который предполагает анализ всеобщего в отдельных компонентах общества, учитывает морфогенез его частей, возникающих не случайно, а в результате саморазвития целого [11, С. 77].

Исторически первоначальной в социальной философии позицией в понимании движущих сил общественного развития была идеалистическая трактовка человеческой истории (философы Просвещения, Г.В.Ф. Гегель, сторонники цивилизационного подхода, немецкая историческая школа). Различные идеалистические историософские концепции связывали общественный прогресс с развитием преимущественно духовных, культурных факторов (совершенствование разума, ценностных установок, научного знания). К разновидностям идеалистического понимания истории обычно также относят концепции географического, биологического, демографического, психологического, информационного детерминизма.

Противоположная линия в наиболее законченном виде оформилась в материалистическом понимании истории, разработанном К. Марксом и Ф. Энгельсом. Позиция социального детерминизма означает, прежде всего, признание определяющей роли материального общественного бытия (экономической деятельности в Марксовом понимании экономики) по отношению к общественному сознанию. Важным составным моментом этой концепции является понимание материального труда как определяющего экономические отношения и базирующиеся на них идеологические отношения, духовную культуру.

В середине XX века в западной социально-философской картине мира происходит определенный мировоззренческий сдвиг. Основными его причинами стали процессы индустриализации, развертывания НТР, а также соревнование двух мировых хозяйственных систем. В отличие от доминантной культуроцентрической традиции XIX века, выраженной главным образом в цивилизационном подходе к обществу, теории до середины XX века (модернизации, технологического детерминизма, индустриального общества) эволюционировали в сторону признания экономики в качестве ведущего объяснительного фактора общественного развития.

Одним из результатов этого теоретического сдвига стало признание единства и стадийности исторического развития различных стран и континентов, представленное в модернизационных концепциях (С. Блэк, М. Леви, Д. Эптер, У. Росту и др.), оказавших значительное влияние на становление постиндустриальной методологии. Теория модернизации выделяет два этапа в истории общества: традиционное и современное (современное) и является так же, как и формационная теория, линейно прогрессивной.

Как и цивилизационный подход, модернизационное направление основано на анализе особенного и уникального в историческом процессе: национально-страновых вариантов трансформационных процессов. Тем не

менее, коренным ее отличием от последнего подхода является признание направленности и стадийности исторического процесса, в то время как цивилизационному подходу свойственен определенный антиисторизм, отрицание прогресса. В то время как приверженцы цивилизационного подхода игнорируют общее в общественно-исторических изменениях, видят в них только уникальное.

В середине 1950-ых гг. из модернизационного направления особо выделяется концепции девелопментализма, связанные с принятием центральной роли экономики в общественно-исторического развития, что особенно зримо проявилось в теории «стадий экономического роста» американского социолога У. Ростоу, которую, к примеру, Ю. Семенов оценивает как экономический детерминизм [13]. На наш взгляд, рассматривая историческое развитие на примере США сквозь призму прежде всего промышленного (экономического) развития, автором осуществляется переход от цивилизационной традиции в объяснении общественно-исторического прогресса на позиции, во многом близкие материалистическому пониманию истории.

Но в целом, на наш взгляд, модернизационная концепция представляет собой плюралистическую позицию, полагая, что процесс модернизации обусловлен рядом различного рода (эндогенных и экзогенных) социальных изменений: природно-климатических, демографических, управленческих, технологических, экономических, инноваций и конфликтов, которые осуществлялся в форме ряда связанных процессов.

Альтернативной стратегией анализа последствий НТР в социальной философии этого периода, утвердившаяся впоследствии в качестве доминантой историософской идеологии, стала группа концепций, объединенных под знаменем технократического детерминизма. Ключевой для данных концепций является тема индустриализма с идеей «линейного социального прогресса» – представление о главенствующей роли техники и технологии в жизни общества. Автор теории «единого индустриального общества» Р. Арон в своем определении современного ему общества указывает на общество, высоко развитое в первую очередь в части технической оснащенности.

Концепции индустриализма были укоренены в социологические теории «промышленного общества» XIX в. (О. Конт, Дж.Ст. Милль, К.А. Сен-Симон). Теории индустриального общества принято подразделять на две антагонистические линии. В рамках лагеря технологического эвдемонизма (Р. Арон, Ж. Фурастье, Зб. Бжезинский) роль техники оценивалась положительно, оптимистически; считалось, что прогресс в технике, и технологии автоматически, устраняет социальные противоречия, классовую борьбу, неравномерное распределение богатства, культуры.

Сторонники технологического алармизма (Ж. Эллюль, Г. Маркузе, Р. Фолк, Д. Медоуз, Дж. Форрестер) на первый план выдвигали негативные последствия научно-технического прогресса: усиление социально-экономических противоречий, рост насилия на личность, дегуманизацию общественной жизни, пагубное воздействие на окружающую среду и т.д.. на наш взгляд, технологический детерминизм, берущий в качестве центрального фактора общественного развития технику как вещественный элемент (а, значит, материальный) производительных сил – несомненный шаг вперед по сравнению с культуроцентризмом.

В дальнейшем взаимодействие и полемика двух ветвей технократического направления между собой привела к формированию теорий «нео» – и «посттехнократического толка».

Описывая нарождающуюся социальную действительность, основатели постиндустриальной теории перечисляют в качестве базовых гипотез от пяти до одиннадцати признаков нового социального порядка, не называя какого-либо одного центрального из них. Как представляется, в качестве основных положений необходимо выделить следующие:

1. Экономическая деятельность смещается от производства товаров к производству услуг. Сфера услуг выделяется как новая крупнейшая сфера экономической деятельности, состоящая в воздействии на человека, а не на природу. При этом три области этой сферы наука, – образование, здравоохранение и искусство – не являются рыночными. Эту особенность указанных сфер в принципиальной форме раскрыв еще К. Маркс.
2. Коренное изменение роли науки и инноваций, теоретического знания и информации, становящихся новым ресурсом (источником) развития в обществе, ориентированном на будущее. В этих условиях происходит соединение науки, технологии и экономики, что находит свое выражение в феномене НИР (research & development), а также необходимости контроля и оценки технологий, технологического прогнозирования в таком типе общества. В постиндустриальную эпоху наука окончательно превращается в непосредственную производительную силу.
3. Становление новой социальной структуры, ключевые позиции в которой займет интеллектуальная элита.

Тем самым постиндустриализм представляет собой версию современного этапа развития общества, претерпевающего глубокие технологические, экономические и культурные изменения, многие существенные стороны которых схвачены этой теорией.

Необходимо констатировать, что многие из зафиксированных данной теорией тенденций, в частности: мысль о превращении науки в непосредственную производительную силу общества, вырождении товарного производства, наступлении эпохи, когда главной ценностью общественного

развития становится формирование всесторонне развитой личности, впервые высказал К. Маркс. Теория постиндустриального общества тем самым фактически зафиксировала происходящие в реальности трансформации, предсказанные еще К. Марксом, а значит, дает новые убедительные аргументы в пользу материалистического понимания истории. На наш взгляд, две фундаментальные социально-философские концепции: материалистическая теория общества и теория постиндустриального общества базируются во многом на сходных постулатах и соотносятся как социально-философские метатеории.

Основатель постиндустриальной доктрины Д. Белл не считает себя «технологическим детерминистом». Классическая теория постиндустриализма, по его мнению, основывается на концепции общества как совокупности трех сфер: *технико-экономической системы, политического строя и культуры*. «Разумеется, — пишет американский Белл, — технико-экономическая система оказывает воздействие на другие сферы общества, но она не определяет их. Политика относительно автономна, а культура — исторична» [14, С. XCIX].

Впрочем, социально-философская модель постиндустриального общества разрабатывается в русле не только критики позиций одностороннего технократизма, но и марксизма. Поэтому сопоставление материалистического понимания истории и осевой парадигмы постиндустриализма является весьма актуальной.

В работе «Грядущее постиндустриальное общество» Белл отдает дань марксистскому наследию, именуя себя постмарксистом. В предисловии к русскому изданию 1999 г. Белл даже пишет «... Многое в марксистском анализе социальных и производственных структур сохранило свое значение и вошло в современные теории... Я бы скорее назвал себя постмарксистом в том смысле, что я воспринял достаточно много марксистских представлений о социуме» [14, С. XCI].

Как полагает В.Л. Иноземцев «постиндустриальная концепция может и должна рассматриваться как лояльная марксизму теория, в целом ряде аспектов продолжающая и развивающая традиции осмысления социальной жизни с последовательно материалистических позиций» [15].

И все же американский социолог не разделяет марксистскую концепцию общества, которая в его понимании есть «экономический детерминизм», суть которого Белл не разъясняет. Ученый различает в обществе три части: социальную структуру политическую систему и сферу культуры. Первая включает экономику, технологию и систему занятости. Политический строй регулирует распределение власти и разрешает конфликты между отдельными лицами и группами. Культура есть «царство экспрессивного символизма и выразительности». Осевым принципом социальной структуры современного западного общества является экономизация —

способ выделения ресурсов в соответствии с принципом наименьших затрат, заменяемости, оптимизации, максимизации и т.д.

Осевой принцип политической системы – участие, «подчас мобилизуемое или контролируемое, подчас исходящее снизу». Осевой принцип культуры – «воплощение и совершенствование собственной личности».

Именно методология «осевого анализа», по мнению Белла, позволяет «избежать одностороннего детерминизма, как экономического, так и технологического, в объяснении общественных перемен. Однако, рассматривая три сферы общества как «осевые линии» анализа, Белл однако признает, что влияние технико-экономической сферы «на другие стороны жизни огромно».

Следует согласиться с позицией В.В. Орлова и Т.С. Васильевой, что «Беллом отвергается причинность, но акцентируется внимание на значимости. Таким образом, можно создать и принцип дополнительности в социальной теории» [14, С. 15]. Осевой принцип социальной структуры – «центральное место теоретических знаний как источника нововведений и формулирования политики» [14, С. 18]. Однако нельзя считать, что вызванные новым уровнем знаний изменения в социальной структуре «определяют соответствующие перемены в политике или культуре» [14, С. 16]. Эти изменения скорее «ставят вопросы» перед остальными элементами общества, а реальные изменения в политике и культуре зависят от выбора людей.

Постиндустриальное общество «складывается вокруг знаний, что, в свою очередь, *порождает* новые общественные отношения и новые структуры, которые должны управляться политическими методами» [14, С. 25].

Новый этап, «новая волна» разработки теории постиндустриализма представлена в трудах М. Кастельса, которые содержит ряд существенных корректив концепции, предложенной его предшественниками.

И Д. Белл, и М. Кастельс под технологией подразумевают «использование научного знания для специфического способа делания вещей», но патриарх постиндустриализма незаконно редуцирует высокую технологию к чисто интеллектуальной деятельности. Если Белл уверен в существовании «интеллектуальной технологии», эквивалентом которой является наука, то «информационная технология (парадигма)» М. Кастельса не только символическая конструкция, но и материальный инструмент, который опирается на материальный фундамент [16].

В характеристику информационной технологии, Кастельс включает материальные средства, выделяет в качестве из результата не только идеальный, но и материальный продукт. Информационная технология – это сходящаяся совокупность технологий в микроэлектронике, создании вычислительной техники (машин и программного обеспечения), телекоммуникации / вещании, оптико-электронной промышленности, генной ин-

женерии [17, С. 50]. Поэтому основой развития являются отношения между трудом и материей в процессе трудовой деятельности (где технология – специфическая форма этого отношения), которое включает использование средств производства для воздействия на материю на основе энергии, знаний и информации. Информация же – это не более чем сырье. М. Кастельс, отмечает, что новое (информациональное) общество «организует свою производственную систему вокруг принципов максимализации основанной на знании производительности через развитие и распространение информационных технологий».

Кастельс М. подчеркивает свою приверженность методологическому плюрализму: «Я не разделяю традиционного взгляда на общество, состоящее из наложенных друг на друга слоев, с технологией и экономикой в «подвале», властью в «мезонине» и культуре в «пентхаусе» [17, С. 48]. Кастельс критикует технологический детерминизм, рассматривая развитие техники и технологии (овеществленное знание) как самостоятельный процесс, который не определяется социальной жизнью. Дилемма технологического детерминизма представляется Кастельсу ложной, «поскольку технология *есть* общество, и общество не может быть понято и описано без его технологических инструментов» [17, С. 29]. Согласно взгляду М. Кастельса, технология является ресурсным потенциалом развития общества, предоставляющим разные варианты социальных изменений, а общество, в свою очередь, оказывается свободным в принятии решений, выборе направления движения. «Конечно, технология не предопределяет развитие общества. Но и общество не предписывает курс технологических изменений, ибо в процессе научных открытий, технологической инновации и ее социальных применений вмешиваются многие факторы, включая индивидуальную изобретательность и предпринимательский дух, так что конечный результат зависит от сложной структуры их взаимодействий» [17, С. 26].

Как справедливо отмечают В.В. Орлов, Т.С. Васильева, постиндустриальная «осевая парадигма», обладающая имплицитными логикой, методологией, но лишенная глубокой философской основы остается на том уровне анализа, который не позволил описать ряд важнейших феноменов современного общества, не смог раскрыть глубокую детерминирующую роль труда [4, С. 206].

Отвергая социальный детерминизм Маркса, Белл, как и Кастельс, совершенно явно упрощает материалистическое понимание истории, свойственную последнему трактовку детерминизма, причинности вообще, социального детерминизма в частности [4, С. 206].

Рассматривая проблему детерминации общественного сознания в ее принципиальной теоретической форме, классики марксизма подчеркнули один из важнейших элементов социального детерминизма – активность

общественного сознания, его обратное влияние на материальное бытие [18].

С позиций марксизма общественное бытие, материальный труд лишь *в конечном счете* определяет общественное сознание, духовную культуру. В ближайшем плане, как известно, с позиций марксизма первичным, определяющим фактором человеческих действий могут быть идейные побудительные мотивы, идеи (которые становятся «материальной силой»).

Марксова концепция и методология социального детерминизма имеет несравненно более основательный и содержательный характер, чем постиндустриальная «осевая методология». Коренная особенность последней заключается в том, что она не доходит до субстанции общественной жизни. Вместе с тем, как нам представляется, фактически «осевой» подход Белла, как и близкая к нему методология Кастельса, фактически приближаются к Марксову социальному детерминизму, не делая, впрочем, решающего теоретического шага к нему. Главное различие социального детерминизма и «осевой» методологии связано с тем, что последней, концепции постиндустриального общества в целом, присуще идеалистическое понимание общества, выраженное в фактически проведенной идее решающей роли знания в развитии постиндустриального общества, знании как главном ресурсе и продукте этого общества.

Список литературы:

1. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. – М., 1997.
2. Трансформации в современной цивилизации: постиндустриальное и постэкономическое общество. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2000. – № 7.
3. Орлов В.В. Постиндустриальное общество и Россия // Философия и общество. – 2003. – № 3.
4. Орлов В.В., Васильева Т.С. // Философия экономики. – Пермь. – 2005. – № 2.
5. Князев Ю. Как определить современное общество: постиндустриальное, информационное, общество знаний, научно-инновационное? // Общество и экономика. – 2006. – № 10.
6. Яковец Ю. Формирование постиндустриальной парадигмы: истоки и перспективы // Вопросы философии. – 1997. – № 1.
7. Леваш И.Я. Постиндустриализм: проблема адекватности концепта // Общественные науки и современность. – 2001. – №3.
8. Муранивский Т.В. Развитие недоразвитости. Зачем псевдонаучные западные теории подхватываются в России? // Экономическая газета. – 1999. – №33-34.

9. Ермолаев С. Разруха в академических головах. Почему капиталистическое общество не может быть постиндустриальным [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.scepsis.ru.

10. Араб-Оглы Э.А. В лабиринте пророчеств. – М., 1986.

11. Момджян К.Х. О ситуации в современном теоретическом общественном вознании или кризис фрагментации и как с ним бороться // Личность. Культура. Общество. – 2002. – Том IV. – Вып. 3-4.

12. Момджян К.Х. Концептуальная природа исторического материализма. – М., 1983. – С. 192.

13. Семенов Ю.И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). – С. 146.

14. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М., 1999.

15. Иноземцев В.Л. Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. – М., 1990. – С. 31-35.

16. Castells M. Materials for an exploratory theory of network society // British Journal of Sociology. – 2000. – № 51. – P. 5-24.

17. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000.

18. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 39. – С. 175.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРУДОВОЙ СФЕРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: МАРКСИСТСКАЯ И ПОСТИНДУСТРИАЛЬНАЯ ПАРАДИГМЫ

© Базыкин Д.В.¹

Пермский государственный университет,
г. Пермь

В статье дан анализ интерпретации трансформаций трудовой сферы в современном обществе с точки зрения двух крупнейших социально-философских теорий – марксистской и постиндустриальной парадигм.

Труд начал рассматриваться в качестве важного фактора общественно-го развития в работах классиков политэкономии. Смит А., Петти У., Рикардо Д. заложив труд в качестве источника стоимости, создали фундамент *политэкономической* «трудовой парадигмы». Впервые выделив труд как экономический феномен, они вместе с тем также положили начало движению научной мысли к материалистическому пониманию истории, разработанному К. Марксом и Ф. Энгельсом

В свою очередь, крупнейшим открытием К. Маркса стало понимание материального труда в качестве субстанции, фундаментальной доминанты истории и его двойственного характера (абстрактный и конкретный труд). Маркс рассматривал материальный труд с одной стороны, как «целесообразную деятельность» человека, а с другой – как процесс взаимодействия человека с веществом природы, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой и противостоит веществу природы как сила природы» [1, Т. 23. С. 188-189.].

Глубокий философский смысл Марксового понятия труда заложен в идее труда как изменения природы (присоединения к силам человека сил природы) и вместе с тем – изменения человеком своей собственной природы. Фокусом *философской* «трудовой парадигмы» К. Маркса поэтому является концепция социального детерминизма – видение роли материального труда в обществе как основной субстанциональной детерминанты общественного развития, поскольку труд рассматривается им как важнейшая сущностная сила человека.

В это же время в социальной философии в качестве оппозиции трудовой парадигме выдвигаются цивилизационные концепции общественного развития (О. Шпенглер, Дж. Тойнби и др.), центральным пунктом которых

¹ Аспирант кафедры Философии

стало понимание духовных факторов (культуры, религии) в качестве ведущих. Параллельно в политэкономии широко распространяется маржиналистская теория стоимости, отрицающая труд в качестве основы стоимости. Данные подходы в общественном знании оказали большое значение на дискуссию относительно рефлексии движущих факторов общественного развития на протяжении всего последующего столетия.

Тем не менее, в социологическом знании категория труда стала одной из ключевых категорий многих теоретических построений (Г. Зиммель, В. Зомбарт, М. Вебер, Э. Дюркгейм), в итоге чего складывается *социологическая* трудовая парадигма, [2] на платформе которой получила разработку позитивистская теория «индустриального общества» (А. Сен-Симон, О. Конт). Труд ставится в центр анализа (и рассматривается одновременно и как экономическая, и как культурная категория) [3] и выступает как базисный (но не детерминирующий) социообразующий фактор промышленного капиталистического общества, а сфера хозяйства (экономика) объявляется сферой, объясняющей все остальные социальные процессы и формы [2].

В известной мере эти философская, политэкономическая и социологическая «трудовые парадигмы» поддаются сопоставлению и в значительной мере развивались в тесном взаимодействии, их траектории расходятся лишь начиная со второй половины XX века.

На рубеже XIX-XX века на Западе формируется технократическая теория индустриального общества, придающая большое внимание анализу роли техники в общественной жизни (Т. Веблен) Она получает новое развитие в 1940-60-е годы в категории «развитое индустриальное общество» (Р. Арон, Дж. Гэлбрейт) на новом витке технологической революции, автоматизации производства и труда. Интерес исследователей обращается к исследованию процессов взаимодействия техники и труда (тейлоризм, школа психологических отношений).

Развитое индустриальное общество – синоним технического, научного, бюрократически-рационализованного общества, ориентированного на экономический рост и функциональную эффективность, это общество, в котором промышленное производство играет определяющую роль. Поэтому социологическая «трудовая парадигма» как «такой порядок, при котором все прочие измерения жизни более или менее непосредственно соотнесены с производительной деятельностью; образование – это подготовка к профессии, свободное время – отдых для возобновления труда, отставка – заслуженная награда за трудовую жизнь» [4] сохраняется и в этих теориях.

Однако в данных построениях были достаточно ярко выражены акценты на технократизм в частности, представление *о снижении роли живого труда* в результате передаче основных производственных функций, в том

числе управляющей и творческой функций машине («стальным воротничкам»).

В качестве центральной причины общественного развития ими принимается усовершенствование техники – то есть вещественных элементов производительных сил. Поэтому технологический детерминизм можно расценить в социально-философском ракурсе как существенный шаг вперед от идеалистического к материалистическому пониманию общественного развития.

Дальнейшая эволюция технократизма в научной ментальности имела результатом в формировании, начиная с 1970-ых гг., ряда постиндустриальных концепций. На новой волне изучения социальных последствий НТР интересы ученых фокусируются на *идеальных факторах* – науке и информации, творчестве (данные позиции можно обозначить как наукоцентризм и инфоцентризм).

Теоретики постиндустриализма, констатируя наступление «общества изобилия» отмечали, что поскольку деятельность по производству средств к жизни (продиктованная внешними побудительными мотивами) становится неактуальной, а сфера производственной деятельности перестала играть определяющую и доминантную роль, которую она играла ранее; центр тяжести социальной деятельности смещается в сферу услуг, науки, управления, культуры – сферу собственно социального. Поэтому по ряду оценок их позиции с философской точки зрения приближаются к идеалистическим интерпретациям общественного развития.

Отказ от «трудовой парадигмы» в социологии и провозглашение тезиса о «конце трудового общества» [5] был обусловлен тремя фундаментальными изменениями [6]:

1. изменением роли и значения пролетариата¹, который «сходит с исторической арены» и в связи с прогрессирующим ростом удельного веса «средний класс» («белых воротничков»);
2. ослабление конфликта между классами в силу размывания классово-вой идентичности, снижения внутриклассовой сплоченности из-за распространения социального равенства и последовательного осуществления трех типов гражданских прав: юридических, политических и социальных;
3. изменение отношения к труду (кризис трудовой этики), точнее, формирование «новой трудовой этики», ориентирующей человека на «постматериалистические ценности», на творчество, на неотчужденный труд, а не только на доход, получаемый за труд.

¹ Исследования рабочего класса вплоть до 80-х годов XX в. занимали в социологии видное место. В «дебатах о классе» участвовали самые известные социологи современности – Д. Белл, Р. Дарендорф, А. Турен, А. Горц, О.Тоффлер, С. Лэш, Дж. Урри и др.

С точки зрения постиндустриалистов-классиков¹, производство, сфера труда уже не считается фактором, полностью определяющим общественное устройство. Впервые конец темы труда обозначил Д. Белл, который утверждал, что «тема труда как таковая не является центральной, она не имеет уже социологического и культурного значения. Тема труда остается в экономике» [7], а с другой стороны сама экономика утрачивает детерминирующие позиции в общественном процессе. Поэтому позицию постиндустриализма в отношении труда необходимо обозначить как «посттрудовую парадигму».

С позиций Белла отныне труд также перестает быть источником добавленной стоимости, которым во все большей степени становится информация.

Реконструируя подход постиндустриализма, следует отметить, что представления о трансформации основ человеческой деятельности имплицитно занимают одно из центральных мест у исследователей постиндустриального общества². Фактически постиндустриалисты зафиксировали изменения в содержании и характере труда. В своей оптимистической картине будущего, исходя из данных статистики в структуре занятости, они отмечали, что «белые воротнички» (работники управленческо-интеллектуального труда) все более замещают труд «синих воротничков» (физический), а сам труд становится повсеместно более сложным, индивидуализирующимся, интеллектуализирующимся, автономным, и в то же время и массово творческим (утрачивая монотонность и рутинность), более целостным, менее неотчуждаемым.

По мнению Э. Тоффлера в будущем обществе третьей волны произойдет стирание границ между трудовой деятельностью и досугом, производством и потреблением, что выражается в феномене «прозыомеризма». Люди также направляют значительную часть своего личного свободного времени на участие в некоммерческих организациях (добровольный труд).

Отмеченные проблемы изменения социальной структуры и трудовой сферы под воздействием НТР поднимались и в отечественной социальной философии. Однако позиция советских авторов весьма близка установкам социологической «посттрудовой парадигмы». Толкование трудовой дея-

¹В дальнейшем в русле постиндустриализма получили развитие концепты экономики знаний, виртуальной, символической экономик, коммуникационного обществ. К примеру, концепции информационного общества в качестве движущей силы развития рассматривают интеллектуальное производство, производство информационного, а не материального продукта. Белл Д. характеризует современные общественные отношения как игру человека с человеком. Многие исследователи заявляют, что информационные технологии нацелены на преобразование не окружающей среды, а человеческого сознания.

²Новый тип труда в западном и отечественном общественном сознании обретает название либо «управленческого», либо «информационного», и понимается как преимущественно умственный.

тельности, положенное в основу советской концепции НТР (1960-1980-е гг.), способствовало утверждению в историческом материализме идеи о вытеснении физического труда умственным.

В частности, И. Чангли утверждала, что труд будущего – по преимуществу труд по производству знаний, что в современном обществе производственная «деятельность сводится к абстракции» [8]. Такую позицию можно расценить как тезис о дематериализации производства [9]. Здесь необходимо возразить: наоборот, НТП ведет не к элиминации труда, а к коренному изменению его содержания и характера.

На этой же ниве в лоне советской трудовой парадигмы формируется деятельностный подход, заменивший категорию труда на категорию деятельности.

Эту линию продолжили современные российские интерпретаторы постиндустриализма в лице В.Л. Иноземцева, А.В. Бузгалина, А.И. Колганова, Ю. Осипова заявившие, что *труд замещается (отрицается) «безудержной экспансией» творчества*, деятельностью в креатосфере, то есть духовной деятельностью.

Данные взгляды опираются на неверно проинтерпретированное наследие К. Маркса, который якобы предрекал в коммунистическом обществе неизбежную элиминацию труда и связывал конец производства с его полной автоматизацией (состояние «по ту сторону материального производства»)¹. «Уничтожение труда – горькая пилюля, которую наши марксисты при чтении «Немецкой идеологии» и «Святого семейства» вынуждены глотать множество раз» [11].

Определенный парадигмальный сдвиг постиндустриализма наметился в работах М. Кастельса и выразился в признании труда, а не собственно знаний и информации как фактора прогресса. Ученый, отмечая важную роль информации на протяжении всей истории человечества, в заявительной форме отдает труду место сердцевины социальной структуры, универсального инструментального средства воздействия человека на предметную реальность. Однако новый тип труда труд рассматривается М. Кастельсом скорее как умственный. Автор указывает на тот факт, что «автоматизация, которая достигла своего полного значения только с развертыванием информационной технологии, драматически увеличивали важность вклада *человеческого мозга* в трудовой процесс [12, С. 234].

Постиндустриалисты второй волны отмечают, что в условиях глобальной экономики происходит сужение сферы классической (полной) занято-

¹К примеру, Г. Маркузе писал: «Развитое индустриальное общество приближается к такой стадии, когда ... автоматизация производства (включая необходимые услуги) сделает возможным удовлетворение первостепенных потребностей и одновременное превращение времени, затрачиваемого на работу, в маргинальное время жизни. ... За счет этого технология стала бы субъектом свободной игры способностей... Такое состояние предвосхищено понятием К. Маркса «упразднение труда» [10].

сти, в частности, ее *флексибилитация* и *дестандартизация*, когда широкое распространение получают гибкие и изменчивые формы занятости, которые по сравнению с прежними временами могут быть названы нестандартными или нетрадиционными.

В рамках данного направления исследований большое внимание уделяется анализу и описанию становления новых «плюралистических» форм трудовых отношений, таких, как: неполный рабочий день, гибкий график, контракт на ограниченный срок, временная работа, самозанятость (фрилансинг), телеработа (удаленная, дистанционная занятость), портфельная занятость, *неформальная (теневая занятость)*.

Кастельс М. указывает на факт произошедшего запуска фундаментального процесса *дезагрегации (сегментации) труда*. Рабочие (безотносительно их квалификации) стали более уязвимы для организации, став «подтянутыми» индивидами. Дуализм также проявляется в том, что капитал носит глобальный характер, а труд – локальный; он теряет свою коллективную самобытность, становится все более индивидуализированным, растворяется [13].

Исследователь отмечает, что жизнь глобального капитала все меньше зависит от конкретного труда и все больше от накопленного объема труда как такового (совокупности труда), которой управляет небольшой мозговой центр и говорит о становлении «биполярной» рабочей силы и дуалистического общества, на одном полюсе которого находятся управленческие специалисты, кадровое ядро («аналитики символов»), а на другом – располагаемая (мобильная) рабочая сила (в ожидании), которая может быть заменена автоматизацией или изменить свою территориальную «приписку» в зависимости от рыночного спроса и трудовых затрат [12, С. 262].

Бек У. отмечает тенденции персонификации услуг труда¹ [19] (опирающихся не только на профессиональные навыки, но и индивидуальные знания и способности) и договоров найма в современных условиях, что приводит к индивидуализации трудовых отношений. Под непрерывным давлением со стороны капитала труд потерял институциональную защиту в лице государства и профсоюзов.

Концепт «гибкость» – главная характеристика современного работника применительно к рынку труда в рамках постиндустриальной теории – означает не конец вообще труда, конец классических форм трудовой дея-

¹Индивидуализацию найма можно проследить на изменении значения характеристик наемного работника. Раньше при его найме решающими были квалификация, опыт, стаж. Теперь «наняемость», «пригодность», «продаваемость» рабочей силы связывается с другими качествами: более востребованными являются компетенция и перформанс, означающие индивидуальные характеристики рабочего – знания, умения, навыки, эффективность их использования.

тельности. Бауман З. отмечает, что гибкость в работе означает переход к работе по сиюминутным контрактам, либо к работе без всяких оговоренных гарантий [14, С. 30]. Занятость становится краткосрочной, лишается четких перспектив, превращается в эпизодическую. Появляется такой термин как «работник напрокат». Занятия на всю жизнь уступают место случайной работе, а люди, еще вчера полагавшие, что карьера им гарантирована, обнаруживают, что их квалификация превратилась вдруг в бесполезные знания [14, С. 32]. Таким образом, трудовая жизнь наполняется *неопределенностью*, имеющей совершенно иные формы. Согласно последним исследованиям молодого американца со средним уровнем образования в течение его трудовой жизни ожидает, по меньшей мере, перемен рабочих мест [15].

В отличие от классиков постиндустриализма, теоретики постмодернизма более пессимистично настроены в оценке трудовых отношений современности, которые тему «конца трудового общества» заменяют концептом «безработного общества» [15].

Бек У. считает, что «новые формы занятости», которые выдаются в официальных статистиках за «полную занятость» стоит скорее отнести к формам, комбинирующих безработицу и занятость [16]. Исследователь подчеркивает, что нестабильность рынка труда давно стала символом нашего времени, означая гибель целого мира традиционных ценностей, гибель общества, центром которого служит экономическая занятость. Капитализм упраздняет работу. Безработица уже не является уделом маргинальных судеб, она грозит потенциально всем – а, следовательно, и демократии как образу нашей жизни [16].

С середины 1970-х гг. в большинстве развитых стран идет переход от полной занятости к массовой безработице, которая в условиях индивидуализации обрушивается на человека как личная судьба. Ни одна квалификационная или профессиональная группа отныне не дает гарантий от безработицы [17].

Как констатирует ряд ученых, сегодня все более очевиден тот факт, что прогноз некоторых экономистов и социологов об исчезновении под воздействием автоматизации и новых технологий наемного труда в его прежнем виде не подтвердился. Труд остается главным фундаментом и организующим началом общества, основным способом социализации человека. В то же время существенные изменения претерпели рынок труда и сам труд.

Если в период «славного тридцатилетия» труд как товар был отчасти выведен из-под власти рыночной логики (заметно снизилась зависимость занятости рабочих со стажем от конъюнктуры рынка труда, а в Японии даже утвердился пожизненный наем рабочих), имела место частичная «декоммерциализация» труда. В условиях глобализации же происходит «рекоммерциализация» труда – рынок труда становится все более гибким,

неустойчивым, стихийным, а стоимость труда как товара падает, риск потерять работу возрастает практически для всех.

«Мы должны наконец сказать начистоту: к полной занятости возврата нет», – отмечает У. Бек. Американский исследователь Дж. Рифкин связывает изменения в трудовой сфере не с организационными, а с технологическими причинами. Он утверждает: «Новые технологии означают наступление эры производства, в котом почти нет работающих...»¹. При этом ликвидация рабочих мест, по его мнению, коснется не только неквалифицированной рабочей силы: «за последние 10 лет в США были ликвидированы три миллиона рабочих мест для «белых воротничков» – работников сферы услуг и управления, [19] – пишет автор. А ведь это сектор экономики, который, согласно Д. Беллу, должен был неотвратно стать доминирующим в западных странах. «В скором времени безработица достигнет 40 %», – заключает Дж. Рифкин [19].

Многие исследователи также придерживаются взгляда, что в социальной структуре развитых стран уже оформилась новая демографическая группа, получившая название «приходящие в упадок средние».

Заканчивая обзор «посттрудовой парадигмы» постиндустриализма, следует отметить, что ее сторонники обращают внимание лишь на узкие моменты труда (преимущественно изменения связанные с профессиональной стратификацией и появлением новых форм занятости: самозанятости, телеработы и. т.д), не затрагивают фундаментальных вопросов труда, а лишь интересуются проблематикой занятости и нового характера труда как функции технологических изменений.

Поэтому, как справедливо отмечает В.В. Орлов, *базовым уровнем*, на котором строится постиндустриальная теория, является *технология и труд*, рассматриваемый лишь в его профессиональном плане [20, С. 204]. Тем самым, «постиндустриалисты исходят из социологической, малосодержательной трактовки труда» [20, С. 108], в значительной мере из *технико-организационного его ракурса*.

По мнению В.С. Афанасьева постиндустриалисты сводят изменения в характере труда лишь к *переменам в конкретной форме труда*, полностью игнорируя как социально-экономическое содержание труда на различных этапах общественного развития, так и его изменение при переходе от одного типа к другому» [21]. По мнению отечественного ученого, Д. Белл «совершенно неосновательно исключает отношение человека к природе из рамок трудовой и обыденной жизни» [21].

¹На сегодняшний день 30 млн. европейцев ищут работу. Лишь 18 млн. из них зарегистрированы как безработные. В среднем уровень безработицы в развитых странах колеблется возле отметки 10-13% [18].

Мартынчук О.И. предлагает, что на постиндустриальном этапе развития общества складывается новая форма труда, имеющая *общественный характер*. Процесс формирования общественной формы труда, внутренне противоречив и складывается из противостояния противоположных тенденций: интегративных – универсализации (переход от социально-разделенного к всеобщему типу труда) и креативизации труда (переход от репродуктивного к творческому труду) с одной стороны, и дезинтегративных (возможность отчуждения нового типа труда). Однако автор считает, что складывание всеобщего характера труда – является все же доминирующей тенденцией [22].

На наш взгляд постиндустриализм попытался зафиксировать и объяснить данные трансформации, но не смог это сделать по причине акцентирования внимание преимущественно на их социологических моментах. Социологическая же трудовая парадигма отличается от философской тем, что она не доходит до понимания детерминирующей роли труда. Следует констатировать ограниченный характер понимания сущности такой фундаментальной категории, как труд современными теоретиками, которые либо абсолютизируют противопоставление физического и умственного труда¹ (а если быть точнее, отождествляют физический труд с материальным), акцентируют внимание прежде всего на конкретные элементы труда, игнорируя всеобщие, наиболее сущностные его черты.

Постиндустриализм отталкивается от всех предшествующих «трудовых парадигм», имплицитно оставляя трансформации трудовой сферы в качестве ключевых происходящего цивилизационного сдвига, при этом, не доходя до фундаментального уровня, на котором только и можно исследовать архитектурные сдвиги, происходящие в современной социальной реальности – формирования новой формы труда, труда, несомненно, материального – всеобщего (онаученного) труда.

Понятие всеобщего труда опирается на Марксову философскую концепцию человека как высшей формы материи, «венца природы», микрокосма, несущего в себе в обобщенном и сокращенном виде бесконечное содержание мира. Впервые оно было выдвинуто Марксом в «Экономических рукописях 1861-1863 гг.». Термин «всеобщий труд» имеет не вполне заверченный вид и употребляется Марксом в нескольких значениях. В ряде случаев в «Капитале» – это «труд всех», охватывающий все общество. Иногда Маркс подразумевает под ним общественный труд; и, наконец, вводит собственно понятие всеобщего труда, обладающее двумя признаками: 1) дан его общественный характер, 2) он имеет научный характер, то есть вместе с тем есть всеобщий труд, напряжение человека не как определенным образом дрессированной силы природы, а как субъекта, который выступает в процессе производства не в чисто природной, естествен-

¹Главное в материальном труде – способность приводить в действие природные силы.

но выросшей форме, а в качестве деятельности, управляющей всеми силами природы» [1, Т. 21. С.833].

Всеобщий труд имеет ярко выраженный общественный характер, преобладающее значение в таком труде имеет общая универсальная способность к труду.

В противоположность концепту «конца трудового общества», марксистская трудовая парадигма с концептом всеобщего труда предполагает, что материальный труд не исчезает, а, напротив, остается определяющим фактором преобразования природы и человеческого бытия. И, мало того, превращается во все более могущественный фактор развития человека и преобразования природы. Это выражается как в колоссальных масштабах природных областей, вовлекаемых «пламенем труда», вплоть до планеты в целом и последовательности других космических структур, так и в глубине переработки природы. Тем самым в современном обществе роль труда *выросла, а не снижается*, как это полагают сторонники технократизма и теорий постиндустриального общества, поскольку труд становится управляющим фактором производства. Поэтому представляется справедливым и конструктивным присоединиться к точке зрения В.В. Орлова в том отношении, что философская «трудовая парадигма» в социально-философском анализе современного (как, впрочем, и любого) типа общества не только актуальна, но и будет иметь характер стержневой при исследовании современных социальных процессов, поскольку она объясняет в качестве глубинной стороной происходящих в производстве изменений постепенное *формирование всеобщего труда с его специфическими формами* (наука, образование, услуги), предсказанное впервые К. Марксом.

Список литературы:

1. Маркс К, Энгельс Ф. Соч. 2 изд.
2. Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях. – М., 2004.
3. Зиммель Г. Философия труда // Избранное. Том 2. – М., 1996.
4. Dahrendorf R. Fragmente eines neuen Liberalismus. – Stuttgart, 1987. – S. 176.
5. Offe C. Disorganized capitalism: contemporary transformation of work a politics. Cambridge; L., 1985. P. 132.
6. Полякова Н.Л. Труд в социологической теории // Вестник Московского университета. Сер.18. Социология и политология. – 2004. – № 2.
7. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. – N. Y., 1973. – P. 164.
8. Чангли И.Н. Труд: социальные аспекты теории и методологии исследования. – М., 1973.

9. Корякин В.В. К вопросу о человеческой сущности труда в постиндустриальном обществе // *Личность. Культура. Общество.* – 2007. – № 2. – С. 221-229.
10. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества. – М., 1994. – С. 21-22.
11. Платонов С. После коммунизма [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://kiev-vortex.narod.ru/goal/after_communism.htm
12. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000.
13. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология.* – М., 1999. – С.496-487.
14. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М., 2002.
15. Нехода Е.В. Трансформация труда и социально-трудовых отношений в условиях перехода к постиндустриальному обществу // *Электронный научный журнал «Современные технологии бизнеса».* – 2006. – № 1.
16. Бек У. Безработный капитализм.
17. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М., 2000. – С. 82.
18. Бехтель М. Будущее труда Размышления, взгляды, перспективы [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://embassy.debis.ru/ru/library/inter-nationes/arbeitszukunft>
19. Извеков Н. Предупреждение об опасности (Обзор книги Дж. Рифкина «Конец работе: сокращение рабочей силы в глобальном масштабе и начало послерыночной эры») // *Обозреватель-Observer.* – 1997. – № 3-4.
20. Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики. – Пермь, 2005.
21. Афанасьев В.С. Буржуазная экономическая мысль 30-80-х годов XX века. – М., 1986. С.329-330.
22. Мартычук Ю.Н. Противоречия и интегративные тенденции развития общественной формы труда в процессе постиндустриализации. Дисс ... соиск. канд. эк. наук. – Кемерово, 2006.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ XXI ВЕКА: МОЛОДЕЖЬ КАК СУБЪЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© Бедова Н.С.¹

Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск

В статье рассматривается современное состояние российского общества и роль молодежи как субъекта деятельности в формировании и продуцировании культуры XXI века. Анализируются специфические черты данного субъекта в разномасштабных срезах современной культуры.

Современное состояние российского общества приводит к необходимости осознания глубочайших оснований человеческого бытия, места и роли человека в мире. Такое осознание мы получаем при анализе социокультурных процессов XXI века, где молодёжь выступает не только объектом, но и субъектом деятельности. Особенно наглядно это проявляется в продуцировании ею художественной культуры. Также это явление становится очевидным в материальной и духовной культуре. В связи с этим, возникает потребность рассмотреть связь между такими явлениями, как «культура», «искусство», «молодёжь».

Практический характер проблем культуры обуславливает интерес к ней не только теоретиков, но и представителей политических партий и общественных организаций. Именно в культуре сосредоточены коренные человеческие проблемы. Процесс становления современного российского общества предполагает дальнейшее развитие культуры, умножение духовного богатства общества, создание предпосылок и условий для всестороннего развития каждой личности, не смотря на то, что эти процессы носят нестабильный характер.

Поскольку именно молодёжь является потенциалом общества, постольку внимание к ее проблемам является одной из главных задач социума, которое прогнозирует свое развитие на будущее. Если говорить о проблемах молодёжного движения России сегодня, то главной задачей, несомненно, является открытие для молодых, инициативных, талантливых людей самых широких перспектив во всех направлениях экономического и научно-технического прогресса, социального творчества, духовного развития.

¹ Доцент кафедры «Информационные технологии в креативных и культурных индустриях», кандидат философских наук, доцент

В пространстве развития любого государства социальная проблема «общество и молодёжь» имеет наиболее древнюю и устойчивую историю, а значит является неизменно актуальной и злободневной. И здесь ярко проявляется диалектическая закономерность, где происходит столкновение (порой весьма жесткое) отжившего старого и зарождающегося нового.

«Беспроблемный» показ действительности всегда служит плохую службу, образовывается разрыв между словом и делом, порождающий общественную пассивность, неверие в провозглашённые лозунги. Понятно, что в такой ситуации падает доверие к тому, к чему призывают, о чем говорится с трибун. Как правильно когда-то заметил профессор И.С. Кон, что проблемами молодёжи мы часто называем то, что таковым на самом деле не является. Приятнее проецировать свои собственные проблемы на молодёжь, но она есть только некоторая часть социального «мы».

Для того, чтобы в наше время заниматься проблемами молодёжи, надо в корне изменить подход к изучению этой социально-демографической группы. На наш взгляд, основной ошибкой является, то, что молодёжь часто рассматривается только как объект деятельности общества по формированию у нее ценностей, идеалов.

Необходимо рассматривать молодёжь как субъект деятельности, так как, являясь связующим звеном между прошлой и будущей культурой, молодёжь еще и создает культуру, может быть даже более активно, чем любая другая часть общества, «ибо если молодости пристало действовать и творить, так позднейшим возрастам – размышлять и сообщать мысли» [2, С. 139].

В связи с этим, особого внимания требует рассмотрение тяготение молодёжи к искусству, в котором молодые люди ищут образные модели необходимых им ценностей. Именно в это время начинается приобщение к молодёжной художественной субкультуре, которая уже выделилась как специфический, относительно самостоятельный слой художественной культуры. Тем более важно и интересно рассмотреть данную проблему теперь, в XXI веке, в период постиндустриального общества, когда молодёжь особенно активно проявляется как субъект художественного творчества и восприятия.

Рассматривая специфические черты молодёжи как субъекта деятельности, необходимо исходить из того, что одним из главных качеств субъекта является «активность». Здесь это понятие нужно рассматривать как порождение материальной и духовной энергии, в какой бы конкретной форме она ни выражалась, объект же предстаёт как предмет приложения активности. Но между активностью и пассивностью существует промежуточное качество – «реактивность», выражающее способность некоторых объектов, не обладающих способностью к самопроизвольным, инициативным действиям, всё же реагировать на внешние воздействия... Человек выступает в определённых ситуациях как пассивный объект действия других

людей – субъектов, в некоторых иных ситуациях ему свойственна реактивность. Но, всё-таки, главным качеством субъекта является потребность в самой активности.

При этом активность имеет сознательный характер, что является второй характеристической особенностью субъекта. Осознанная активность, опосредуемая целеполаганием и самосознанием, должна осуществляться свободно. Свободная деятельность – высшее, наиболее последовательное воплощение активности. Именно в период молодости человек осознаёт себя отличным от окружающего мира и поэтому появляется стремление проявить себя в активной деятельности.

Молодёжь имеет отношение ко всем «смысловым масштабам культуры». На первом «смысловом масштабе» молодёжь, являясь социально-демографической группой, обладающей задачами по освоению предшествующей культуры, выступает как часть совокупного субъекта – человеческого общества. Здесь следует отметить, что выделение данной социальной группы произошло относительно недавно (в рамках истории человеческого общества) [1, С. 236]. На протяжении многих веков ребенок вступал в мир взрослых очень рано. «Но возрасту – до шестнадцати лет ребенок, после этого (сила) тела, органы, цвет возрастают, и до семидесяти лет длится зрелый возраст» [7, С. 53].

В XVIII-XIX веках дети привилегированных классов в Европе обучались в закрытых заведениях, где очень мало могли проявить себя как субъекты деятельности, а дети бедняков, по-существу не имели периода молодости. Таким образом, молодёжь не могла являться активным субъектом, выступая в большей степени как объект деятельности общества. Социальные процессы, происходящие в обществе в XX веке привели к тому, что молодёжь стала активной силой. Научно-техническая революция стала таким процессом, одним из признаков которого можно выделить резкое увеличение количества и усложнение информации. Для ее овладения требовалось психологическое качество – жажда познания нового, отказ от каких-то устаревших способов деятельности. Природная способность молодёжи наиболее быстро, полно и положительно реагировать на новое, усваивать и создавать его имеет силу объективного закона. Отсюда и вытекает стремление осмыслить себя как особую социальную группу общества, так как осмысление себя как члена общества происходит через осмысление себя как представителя группы. «Сплачивающая» роль возрастных характеристик молодости еще более усиливается, если она гармонирует с какими-то тенденциями общекультурного развития.

В бурные динамичные эпохи такие условия создаются. Совершенно очевидно, что современная эпоха может быть охарактеризована именно так. Если говорить о молодёжи как о части человеческого общества, то здесь особенно ярко выступает то, что она является и объектом и субъек-

том. Процесс культурной преемственности имеет двусторонний характер: молодое поколение, чтобы нормально жить, развивается, удовлетворять свои потребности, должно прилагать усилия для овладения культурным богатством общества; старшее поколение должно делиться своим опытом с молодежью, посвящать значительную часть своей энергии делу воспитания и образования. Главная задача воспитателя – пробудить в молодежи желание понять свою эпоху, найти свое место в ней. А для этого нужно овладеть всем богатством предшествующей культуры, так как современную эпоху можно по-настоящему оценить только в свете тысячелетий.

Более того, в наше время молодежь проявляет свою активность не только как звено в цепи передачи культуры прошлого. Молодежь участвует в деятельности по сохранению существующей человеческой культуры и той, которая должна быть создана и передана последующим поколениям. Причем, мы должны отметить, что и в этой деятельности молодежь ищет новые формы и способы.

Следующий «смысловой масштаб культуры» – это культура конкретно-социума. На этом уровне необходимо рассмотреть молодежь как часть социума. Именно здесь формируются адекватные конкретному социуму исторические типы общественного сознания. Именно общество накладывает решающую печать на структурные, содержательные и иные характеристики сознания, присущего различным «групповым» объектам. Что, в свою очередь, приводит к специфике видов деятельности. Здесь молодежь выступает тоже и как субъект, и как объект культурной деятельности. На этом уровне в очень большой степени необходимо дифференцированное рассмотрение молодежи, т.к. конкретно-исторический подход определяет необходимость рассматривать молодежь не просто как возрастную группу, имеющую сходные антропологические особенности и психологические свойства. Сущность молодежи в ее социальных чертах и признаках, обусловленных исторически определенным характером общественных отношений.

В связи с вышесказанным, можно сделать вывод, что только во взаимном слиянии социально-психологических и возрастных особенностей следует рассматривать молодежь как субъект культурной деятельности.

Специфика данной группы заключается в том, что именно в этот период завершается процесс активного формирования социальной зрелости личности, и молодое поколение вступает в социально-экономическую, общественно-политическую и культурную жизнь в качестве субъекта общественных отношений. Если взглянуть на молодежь как на часть общества, то обращает на себя внимание следующая важная особенность: молодежь как наиболее динамичная, социально-подвижная часть общества, весьма наглядно свидетельствует о происходящих общественных изменениях. Ее социально-экономическое положение, характер труда и занятости, уровень образования и культуры, интересы и духовные ценности, целеустремлен-

ность и образ жизни – все эти стороны отражают возможности общественного строя, направленность его развития. Таким образом, молодежь – это своего рода «зеркало», происходящих общественных изменений, наглядное воплощение не только возможностей, но и противоречий общественного строя.

Процессы, происходящие в нашем обществе, особенно на переломе тысячелетий, показали, что молодежь достаточно активно проявляет себя как субъект деятельности и в экономике, и в политике, и в искусстве. Но, молодежь остро переживает медленный ход и непоследовательность происходящих изменений в социуме, что вызывает подчас разочарование и апатию, а иногда агрессию.

В наше время становятся все более интенсивными контакты между людьми, расширяются всесторонние информационные связи, осуществляется мощное взаимовлияние различных образов жизни, способов решения социальных и культурных проблем. Молодежь в этих коммуникативных сферах порой очень остро реагирует на противоречия общества: потребительские настроения, наркомания, проституция, игровой бизнес и т.д.

В постиндустриальную эпоху стала очевидна тенденция построения в России общества потребления и материального изобилия, которое уже создано и функционирует в других странах. Предметами рынка становятся буквально все – от спички до моральных ценностей. Когда элементарные потребности удовлетворены, начинается изобретение потребностей, причем остановится в этом случае невозможно. Существенную роль в этом играют СМИ.

Поскольку молодежь активно реагирует на рекламу в ней определенные структуры разглядели самый привлекательный рынок сбыта. Но та же молодежь болезненнее всего реагирует на издержки модели потребления, на невозможность жить так, как предлагает реклама. В силу этого, она особенно остро ощущает социальную несправедливость. Это приводит к тому, что молодежь начинает увлекаться различными моральными, социальными и экономическими теориями и религиями.

На «третьем смысловом масштабе» культуры (культуры социальной группы) молодежь выступает как относительно самостоятельный субъект культурной деятельности, хотя нельзя не сказать, что в рамках этой группы есть неоднородность:

Проследив этапы становления групп молодежи как субъектов деятельности, мы должны опять напомнить о непосредственной связи этого процесса с социальной жизнью нашего общества.

Раскрепощение, демократизация общества сделали возможным легальное существование многих молодежных течений, в том числе неформальных. Пестрота, разнонаправленность этих течений пугает до сих пор многих, хотя неразумно ждать и требовать от молодежи идейной выдер-

жанности, когда ее нет и среди людей сформированных социально и психологически.

В «неформальных» группах собирается наиболее социально-активная часть молодежи. По социальному смыслу деятельности их можно разделить на позитивно направленные, нейтральные и реакционные:

- музыкальные фанаты (одни из наиболее многочисленных) – одновременно с появлением нового направления в молодежной музыке появляются новые группы. Среди них, в основном, молодые люди от 13 до 18 лет;
- футбольные фанаты (тоже достаточно крупная группа) – часто отличающиеся агрессивным поведением в обществе;
- ветераны современных военных конфликтов, у которых в силу особенностей их службы, сильнее развито чувство долга, честности и справедливости. Хотя полученный ими трагический опыт порождает некоторые негативные качества, подчас приводящие к антиобщественному поведению;
- группы националистической направленности – «нац-болы», «скинхэды», характеризующиеся откровенно асоциальным поведением, часто криминального характера, но базирующимся на собственной идеологии;
- философско-мистические группы (на наш взгляд, не совсем верное определение этих групп) состоят из: «хиппи», которые в наше время перешли в «ролевики» (ранее проповедовавших социальную пассивность), а теперь перешедших к активной социальной деятельности); и «экологистов» – защитников окружающей среды; защитников памятников старины, занимающихся их восстановлением и реставрацией (два последних направления самые открытые как по возрасту, так и по составу участников);
- общественно-политические клубы, а иногда молодежные отделения мощных политических партий. Они имеют самую сложную структуру, они пытаются самостоятельно, изучая труды классиков общественной мысли, построить новую модель общества, найти пути его развития (возраст от 20-25 до 35 лет, а иногда и старше, образование – высшее и незаконченное высшее).

Более того, «формальные» группы молодежи тоже претерпели определенные изменения. Стирание социально-классовых различий, с одной стороны, и развитие «элитарно-бюрократической суперсистемы», с другой, привели к тому, что молодежь расслоилась на три группы. Первая – дети высокопоставленных чиновников и олигархов, которые имеют максимум материальных благ, обучаются в «престижных» вузах и т.д. Вторая – дети среднего «класса», интеллигенции, со средним же уровнем материального благополучия, но, в большинстве своем, самая думающая и ищущая часть

молодежи. Третья – низший «класс», дети работников неквалифицированного труда и сферы обслуживания, часто с высоким уровнем материального благополучия, но с очень примитивными интересами и потребностями, чаще всего учащиеся и выпускники ПТУ.

Необходимо отметить, что все изложенное выше не претендует на абсолютную истину и требует очень внимательного изучения социологами и психологами. Такие исследования сейчас ведутся достаточно активно.

И последним «смысловым масштабом» в пирамидальном разрезе культуры является культура личности. Проблема «личность и общество» является одной из «вечных» проблем философского знания (начиная с учений Платона и Аристотеля).

Специфика молодежи как субъекта деятельности состоит в следующем: в процессе социализации молодежь не только воспринимает ту информацию о мире, которую ей предлагает старшее поколение, но более активно сама вырабатывает эту информацию, так как старшее поколение уже в какой-то степени утрачивает новизну восприятия современного мира и менее способно оценить прошлое с новых позиций. Поэтому молодежи более свойственен творческий характер деятельности, активное отношение к окружающему миру.

«Молодежная мода», «молодежный стиль» – это явления широко распространенные в мире. И как отражение этих тенденций возникла концепция «молодежной культуры», СМИ пропагандируют «молодежный стиль» в моде, способах развлечений, поведении для всех возрастов, а экономика во многом ориентируется на этот стиль. Эти явления в молодежной среде часто вызывают резко отрицательную реакцию у взрослого поколения. При этом не принимается во внимание тот факт, что стремление к самовыражению – это нормальное явление. Молодежь направляет свою энергию на самовыражение в образе жизни (предпочтения в форме проведения свободного времени, стиль в одежде, прическах, музыкальных пристрастиях)

Наше время требует формирования таких людей, желание которых стать личностью сочеталось с осознанием большой ответственности, которую этот «титул» налагает на человека. Личность – это человек, который не играет выбранную им роль, не является ни в каком смысле «лицедеем». Социальная роль (скажем, роль революционера, исследователя, художника, учителя, отца) принимается им абсолютно всерьез; он возлагает ее на себя как миссию, как крест, – свободно, но с готовностью нести всю полноту связанной с этой ролью ответственности.

Список литературы:

1. Ариес Филипп. Возрасты жизни. – М., 1977.
2. Гете И.В. Западно-Восточный диван. – М., 1988.

3. Левичева В. Ф. Молодежный Вавилон. – М., 1989.
4. Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. – М., 2000.
5. Плаксий С.И. Молодежные группы и объединения: причины возникновения и особенности деятельности. – М., 1988.
6. Суртаев В. Я. Молодежная культура. – СПб., 1999.
7. «Чжуд-ши» – памятник средневековой тибетской культуры – Пер. с тиб. – Новосибирск, 1988.

ДРУГАЯ ЛОГИКА

© Горюнов А.В.¹

Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск

Исследование поддерживается грантом РГНФ

(№ 07-03-21304 а/В)

В статье анализируется проблема логического отрицания и противоречия. Автор предлагает новую интерпретацию логического отрицания как последовательно конструктивной процедуры, порождающей конструктивный объект. Из этого положения выводится ряд неожиданных следствий: предлагается оригинальная классификация логических систем с отрицанием; расширяются и уточняются представления о некоторых логических законах; пересматриваются понятия «интуиционистская формальная система», «паранепротиворечивая логика» и т.д. В заключении выдвигается гипотеза о различии авторитарной логики и плюралистической логики не только для формально-логических систем, но и для имманентной логики любых систем рассуждений.

(1)

Начнём с примера. Все мы хорошо знаем, что «избрание» главы государства в современном мире возможно двумя способами. Первый способ – референдум о доверии. Здесь, как правило, вопрос формулируется следующим образом: желаете ли Вы, уважаемый избиратель, чтобы действующий глава государства оставался на своём посту до такого-то года? Второй способ – президентские выборы, где во втором туре, если таковой понадобится, избирателю предлагается задача: кого из двух претендентов Вы хотите видеть главой государства – N или M?

Теперь допустим, нам нужно выразить две эти ситуации на языке логики высказываний. Казалось бы, здесь нет особых различий – в обоих случаях мы имеем два альтернативных варианта. Но не всё так просто. В первом случае второй вариант является фиктивным, или, лучше сказать, чисто негативным. Мы можем либо поддержать N, либо не поддержать его. Но из последнего здесь автоматически не следует никакого M, или L, или P. Поэтому выбор здесь иллюзорен: может быть или N или вообще ничего – не-N. Во втором же случае мы, действительно, выбираем – выбираем из двух конструктивных, «положительных» вариантов – N и M.

И здесь оказывается, что на языке символической логики мы можем легко и непринуждённо представить только первую из указанных ситуаций.

¹ Старший преподаватель кафедры Философии

Обозначим голосование в пользу единственного «кандидата» через любую переменную, скажем, A , голосование же против него через отрицание этой же переменной, т.е. $\neg A$. В качестве универсального класса значений, $A + \neg A$, мы возьмём число действительных бюллетеней, т.е. условно исключим все «испорченные» и «невостребованные» бланки. Тогда при увеличении числового значения A , числовое значение $\neg A$ будет уменьшаться, и наоборот.

Со второй ситуацией всё намного сложнее. Казалось бы, мы можем применить ту же самую схему. Тогда обозначим голосование в пользу N через A , и голосование в пользу M через $\neg A$. Дело, однако, в том, что $\neg A$ не тождественно M , т.к. обозначает «всё, кроме A ». Поэтому в $\neg A$ будут входить M , L , P и др. Иными словами, сюда относятся и голосование в пользу M , и испорченные бюллетени, и бюллетени, не использованные из-за неявки части избирателей.

Попробуем обойтись без отрицания. Обозначим голосование в пользу N через A , а голосование в пользу M через, скажем, B . Дело, однако, в том, что в рамках любого исчисления значения A и B не являются взаимозависимыми. Поэтому, например, при увеличении значения A значение B будет вести себя произвольным образом. Только использование переменной без отрицания и *той же переменной* с отрицанием позволяет «связать» значения этих формул между собой. А теперь представим себе, что мы захотели формализовать на языке символической логики первый тур президентских выборов, где имеет место более чем два кандидата. В этом случае мы столкнёмся с ещё большими трудностями.

Причиной этих трудностей, судя по всему, является господствующая ещё и поныне *интерпретация* логического отрицания. Эту интерпретацию мы будем условно называть *негативной*. Несмотря на тавтологичность выражения «негативное отрицание», нам необходимо использовать хоть какой-то термин. В порядке самоиронии, можно заявить по примеру М.Хайдеггера, что это не та тавтология, которая не говорит ничего, а та тавтология, которая говорит всё.

Согласно негативной интерпретации, отрицание сообщает нам о несуществовании, отсутствии чего-либо (объекта, свойства, отношения, положения дел и т.д.). Такой взгляд характерен как для классической логики, так и для большинства неклассических логических систем. В символической логике он предстаёт в двух формах, в зависимости от способа приписывания значений переменным. Если значением переменных считаются различные положения дел в «реальности», то отрицание переменной понимается именно как несуществование в этой самой «реальности» обозначаемого ей (переменной) положения дел. Если же переменные сопоставляются с множеством значений истинности (для классической логики это множество двух элементов – «истина» и «ложь»), то отрицание обычно подразумевает ложность высказывания, представленного переменной.

В этом случае «*не-А*» рекомендуется читать как «Неверно, что *А*». Но, по сути, это идентично предыдущему случаю, так как ложность высказывания в общем случае принято понимать, как отсутствие в «реальности» положения дел, обозначенного данным высказыванием.

К негативной интерпретации примыкает и третий случай, когда в логике классов «*не-А*» рассматривается как дополнение «*А*» до универсального класса. Именно в этом случае и появляется указанный выше смысловой аспект: «*не-А*» можно понимать как «всё, кроме *А*». При таком понимании «*не-А*», может даже возникнуть ощущение «позитивности» отрицания. Но это всего лишь иллюзия. «Всё, кроме *А*», конечно, может включать в себя «позитивные» *В*, *С* и т.д., как, например, «не-белое» включает в себя «чёрное», «синее» и т.д. Однако в «*не-А*» все эти «позитивные» варианты сливаются до неразличимости, в силу чего мы не можем сказать, чем *является* «*не-А*», зная лишь то, чем «*не-А*» *не является*.

(2)

Впрочем, попытки пересмотреть природу отрицания, так или иначе пытаясь свести его к утверждению, также имеют давнюю традицию. Уже основатель символической логики английский учёный Д. Буль заявляет, что отрицание не существует без утверждения, и наоборот, а, значит, во всяком утверждении содержится отрицание, и во всяком отрицании содержится утверждение [1. С. 354]. Немецкий логик и математик Э. Шрёдер считает, что отрицание в рамках простого суждения следует относить к предикату, а не к связке. Так суждение «Ни один лев не является травоядным», по его представлениям, должно иметь вид: «Все львы являются нетравоядными». Следовательно, отрицание говорит не о несуществовании чего-либо (не включении одного класса в другой), а, напротив, о существовании чего-то альтернативного по отношению к выделенному (включении данного класса в класс, альтернативный выделенному классу). Тот же принцип Э. Шрёдер применяет и при анализе сложных суждений [1. С. 355]. Согласно взглядам Н. А. Васильева, основанием логического отрицания является несовместимость двух признаков. Из того факта, рассуждает мыслитель, что чёрное и белое несовместимо и того факта, что данная вещь является белой, мы умозаключаем, что данная вещь не является чёрной. Это позволило русскому логiku, вслед за Э.Шрёдером, выдвинуть предположение, что отрицательное суждение основано на скрытом утверждении и может иметь два варианта: 1) *S* есть non-*P*; 2) *S* не есть *P*. В первом случае, оно является утвердительным уже по самой логической форме, а во втором – указывает на предполагаемую ложность суждения [2. С. 94-123].

Однако все указанные попытки пересмотреть сущность логического отрицания не имели особого успеха. «Позитивное» истолкование отрица-

ния оставалось на периферии логической мысли. Впервые концепцию, пересматривающую взгляд на отрицание в логике, которая имела действительно большой резонанс, и важные следствия для развития этой науки, предложил один из основателей интуиционизма А. Гейтинг.

Он ввёл различие между «фактическим» и «математическим» отрицаниями. *Фактическое* отрицание, используемое в обыденных рассуждениях на естественном языке, говорит о несуществовании объекта или, точнее, о невыполнении мыслительного действия по его построению. Однако «невыполнение» не является конструктивным процессом. Поэтому фактическое отрицание не должно использоваться в математике и логике.

С математическим отрицанием (мы будем называть его *логическим*) дело обстоит иначе. Утверждение в математике и логике, согласно А.Гейтингу, говорит об осуществлении какого-либо конструктивного процесса. Так, утверждение о существовании объекта *A* выражается в форме: «Я выполнил в уме построение *A*». Следовательно, логическое отрицание соответствующего утверждения имеет вид: «Я выполнил в уме такое построение *B*, которое приводит к противоречию предположение, что можно довести до конца построение *A*» [3. С. 28]. Понятие же противоречия, по мнению учёного, является «первоначальным» и «интуитивно ясным». Его нельзя свести к более простым понятиям. Противоречие «всегда легко распознать», поскольку можно свести к форме $1 = 2$ [3, С. 123].

И всё же А. Гейтингу так и не удаётся довести идею конструктивности отрицания «до ума», хотя он и называет отрицание конструктивным процессом. Критериальным свойством конструктивного процесса является порождение им (процессом) некоторого конструктивного объекта. Но у самого А. Гейтинга отрицание не завершается образованием конструктивного объекта, а всего лишь «мешает» завершиться другому конструктивному процессу. Поэтому такое понимание сущности логического отрицания мы будем называть *квазиконструктивной* интерпретацией.

Действительная *«конструктивистская»* интерпретация логического отрицания предполагает, что оно порождает некий объект, альтернативный данному объекту. Примем следующие определения. Утверждение *A* означает: «Я выполнил мысленное построение, в результате которого был сконструирован объект *A*». Отрицание *A* будет означать: «Я выполнил на основе общепринятого метода преобразование *A*, результатом которого является некий объект *X*, причём такой, что *X* отлично от *A* ($A \neq X$)». Под «общепринятым методом» здесь понимается алгоритм процедуры отрицания, который в формальных системах задаётся посредством системы равенств или табличным способом. Следовательно, отрицание не «запрещает» конструктивный процесс *A*, а *преобразует* объект *A* в альтернативный по отношению к *A* объект *X*. Отличие отрицания от первого конструктивного процесса состоит в том, что на момент его осуществления мы уже

должны иметь некий исходный объект A , в то время как первый конструктивный процесс порождает A из «ничего».

(3)

Из принятой интерпретации логического отрицания вытекает ряд важных следствий для класса *чётких экстенциональных логик с отрицанием*, которые здесь мы можем изложить лишь кратко. Начнём с тех из них, которые относятся к компетенции логики высказываний (ЛВ).

Уровень контрадикторности логических систем определяется тем обстоятельством, что отрицание может породить не только одну, но также две, три и т.д. противоположности по отношению к исходному варианту. По указанному критерию логики с отрицанием могут быть разделены на *бинарные, тернарные, тетрарные* и т.д. В бинарных логиках можно выделить только два альтернативных варианта (A и $не-A$), в тернарных – три (A , $не-A$ и $не-не-A$) и т.д. Чисто умозрительно можно предполагать также и возможность бесконечноконтрадикторных логик.

Логическое противоречие предстаёт как сложный конструктивный объект, состоящий из (любого количества) противоположностей и отношений между ними. Поэтому оно также может быть бинарным, тернарным, тетрарным и т.д. Но не всегда противоположности, выделяемые в данной системе, образуют противоречие. Противоречие – это определённое отношение между противоположностями данной логической системы, а именно отношения *несовместимости*. Не каждая логическая система содержит противоречие. Так, в логике Лукасевича 1920 г. противоречие не может быть представлено, так как там могут быть выделены лишь две противоположности A и $не-A$, которые не являются несовместимыми (их конъюнкция в этой системе не является невыполнимым выражением). Вместе с тем, в некоторых системах могут присутствовать противоречия разных уровней контрадикторности. Так, в логике Гейтинга 1930 г. представимы одновременно и бинарное и тернарное противоречие – « $a/\sim a$ », « $a/\sim a/\sim\sim a$ » (здесь « $\sim$ » – знак отрицания, а « $/$ » – обозначение конъюнкции).

По **характеру контрадикторности** логики с отрицанием могут быть разделены на три группы. **Строгие** логики – это логические системы, отрицание которых позволяют «породить» только несовместимые противоположности, например, классическая логика высказываний для бинарного уровня контрадикторности. **Нестрогие** логики – это логические системы, которые не содержат ни одной пары (тройки, четвёрки и т.д.) *несовместимых* противоположностей, например, уже упомянутая трёхзначная логика Лукасевича. **Полунестрогие** логики – это логические системы, которые «содержат» хотя бы одну пару несовместимых противоположностей, и хотя бы одну пару «пересекающихся» противоположностей, например,

логика Гейтинга 1930 г. Определить отношения между противоположностями для конечнозначных логик можно по таблице отрицания. Если две противоположности не имеют одинаковых значений истинности ни в одной строке, то они являются несовместимыми. Если две противоположности имеют совпадение значений хотя бы в одной строке таблицы истинности, и имеют несовпадение значений хотя бы в одной строке, то они находятся в отношениях пересечения, или частичной совместимости. Если же у двух противоположностей совпадают значения во всех строках, то они тождественны. В последнем случае одна из противоположностей является избыточной [Подробнее см.: 4.].

Закон недопустимости противоречия также имеет уровни: закон недопустимости бинарного противоречия, закон недопустимости тернарного противоречия и т.д. Поэтому в одной логической системе могут существовать несколько законов непротиворечия различного уровня конрадикторности. Вместе с тем, существуют логические системы, где нет закона непротиворечия, поскольку противоречие там не представимо («отсутствует»), например, в уже упоминавшейся логике Лукасевича, где нет *несовместимых* противоположностей.

Паранепротиворечивая логика является таковой не вообще, а лишь по отношению к определённом уровню конрадикторности. Система может быть паранепротиворечивой относительно бинарного, тернарного, тетрарного и т.д. уровня конрадикторности. Для бинарного уровня она, по-прежнему, будет пониматься как одновременная выводимость (доказуемость) формул A и $\sim A$, для тернарного – формул A , $\sim A$ и $\sim\sim A$, для тетрарного – формул A , $\sim A$, $\sim\sim A$ и $\sim\sim\sim A$ и т. д. Следовательно, паранепротиворечивой относительно данного уровня конрадикторности будет логика, которая «допускает» одновременное появление соответствующего набора формул. Но это не означает, что логическая система, как это принято думать, может «допускать противоречие». Закон недопустимости противоречия отсутствует лишь в тех логиках, где конъюнкция противоположностей не является невыполнимым выражением, поскольку соответствующие наборы противоположностей *не образуют* противоречия.

Доказательства от противного осуществляется через демонстрацию ложности (посредством «выведения противоречия») не только не- A , но *всех альтернативных по отношению к A противоположностей*, которые может выделить данная логическая система. Аналогичным образом происходит косвенное опровержение методом «сведения к абсурду». Из этого, среди прочего, следует, что в логике Гейтинга 1930 г., вопреки мнению её создателя, благополучно действует закон доказательства от противного. Поскольку в этой системе можно выделить три альтернативных варианта – A , не- A , не-не- A , то выведение противоречия из двух последних вариантов доказывает истинность A , о чём свидетельствует общезначимость в

системе Гейтинга формулы « $[(\sim a \rightarrow (b \wedge \sim b)) \wedge (\sim a \rightarrow (b \wedge \sim b))] \rightarrow a$ ». Это было доказано [5].

Предыдущий аспект позволяет переосмыслить основания интуиционизма, точнее, **критерии формализации интуиционистской логики**. Считается, что в интуиционистском исчислении не должно быть методов косвенного доказательства, закона исключения третьего и закона снятия двойного отрицания. Отсутствие косвенного доказательства как неэффективного способа рассуждения считается сутью интуиционизма, а отсутствие двух других законов – необходимыми условиями этого. Однако закон исключения третьего является лишь частным случаем **закона исключения лишнего**. В логических системах может действовать закон исключения четвёртого, пятого, шестого и т.д., в том числе и несколько таких законов одновременно. В нестрогих логиках, впрочем, закон исключения лишнего отсутствует. Аналогичным образом, закон снятия двойного отрицания является частным случаем **закона снятия отрицания (отрицаний)**, который, помимо этого, может иметь такие формы как закон снятия тройного, «четверного» и т.д. отрицаний в зависимости от уровня противоречивости логической системы. Отсюда, интуиционистским будет лишь то исчисление, где отсутствуют: 1) закон доказательства от противного в любой его форме (См. выше); 2) закон исключения лишнего; 3) закон снятия отрицаний.

(4)

Принятая интерпретация логического отрицания влияет и на наши представления о логике предикатов (ЛП), в частности, на проблему многообразия логико-предикатных систем [См. также: 6, С. 37-41].

Традиционный взгляд на эту проблему предполагает выделение, по меньшей мере, классической и интуиционистской ЛП по одному критерию, разграничение одноместной и многоместной ЛП по другому критерию, а также различение ЛП первого порядка, второго порядка и т.д. – по третьему критерию.

Однако, помимо этого, можно разграничивать логико-предикатные системы также по *уровню и характеру противоречивости*.

В основе ЛП всегда лежит та или иная ЛВ. При этом решающее значение имеет характер операции отрицания и вытекающий из него характер противоречивой конструкции данной логической системы. Будем считать установленным, что бинарная ЛВ даёт бинарную же ЛП, тернарная ЛВ – тернарную ЛП и т.д. Кроме того, на одном и том же уровне противоречивости могут существовать различные варианты ЛП, что объясняется *различием* противоречивых конструкций логических систем даже одного и того же уровня противоречивости. Так, на бинарном уровне мы можем выделить привычную для нас классическую ЛП, основанную на классиче-

ском исчислении высказываний, и гипотетическую (т.е. ещё не созданную, но могущую быть созданной) ЛП, основанную на трёхзначном исчислении Лукасевича. Первая из них презентует случай, когда две противоположности являются несовместимыми (не пересекаются), вторая – случай двух пересекающихся противоположностей. Иначе говоря, классическая ЛП имеет строгую контрадикторную конструкцию, а ЛП Лукасевича (так мы будем её условно называть), соответственно, нестрогую.

При переходе на тернарный уровень мы сталкиваемся с ещё большей вариативностью. Здесь, по меньшей мере, могут существовать строгая, нестрогая и полунестрогая тернарные ЛП, основанные на соответствующих системах логики высказываний. При этом полунестрогая тернарная ЛП уже существует под названием ЛП Гейтинга 1930 г.

Указанными обстоятельствами и обуславливается вариативность логико-предикативных систем. Но отчего зависит данная вариативность?

Наш ответ состоит в следующем. Прежде всего, соответствующие друг другу ЛВ и ЛП объединяет операция отрицания. Как уже было сказано, отрицание задаёт контрадикторный уровень данных систем, т.е. способность выражать то или иное количество «противоположностей». Последнее, в свою очередь, фактически означает *выделение того или иного количества видов суждения по «качеству»*. При переходе к ЛП эта классификация дополняется выделением видов суждений по «количеству». При совмещении критериев получаем так называемую объединённую классификацию суждений.

Выделенные классы суждений, имеющие одинаковые субъект и предикат, образуют определённую логическую фигуру. В классической логике – это знаменитый логический квадрат Пселла. Понятно, что в других системах и «логические фигуры» будут иными. Например, для ЛП Лукасевича эту роль будет выполнять логический четырёхугольник Лукасевича, отличающийся по своим свойствам от логического квадрата Пселла. В целом, для бинарных логик эту роль будет играть четырёхугольник, для тернарных логик – шестиугольник, для тетрарных логик – восьмиугольник и т.д. Вообще говоря, в этом качестве может выступать любой «чётноугольник». Впрочем, и чётность данных логических фигур, строго говоря, не является безусловной. Здесь она связана лишь с тем, что мы по допущению приняли, что разделение суждений по «количеству» на общие (универсальные) и частные (экзистенциальные), а также само определение этих видов суждений является неизменным для всех логико-предикатных систем.

Таким образом, *в основе определённых ЛВ и ЛП явно или неявно лежит некоторое неформализованное учение о видах суждений и отношениях между ними по истинности, а формализация этих отношений как раз и должна быть представлена в данных системах.*

Поэтому, с позиций нашей концепции, в каждой логико-предикатной системе должны наличествовать правила, которые возникают в результате

формализации отношений по истинности между классами суждений в рамках данной системы. Или, иначе, эти правила являются формализацией отношений между классами простых суждений в рамках определённой логической фигуры.

Мы рассматриваем ЛП как инструмент для анализа естественных рассуждений, понимая под таковыми рассуждения на естественном языке, которые, впрочем, могут включать в себя фрагменты специализированных научных языков. При этом, ЛП, по нашим представлениям, анализирует рассуждения на естественном языке не только в том виде, в каком они реально существуют, но и в том виде, в каком они могут существовать в принципе, оставаясь, однако, естественными рассуждениями.

А поскольку мы рассматриваем ЛП как инструмент формализации естественных рассуждений, а неформализованное учение о видах суждений является опосредующим звеном между ними (ЛП и естественными рассуждениями), то эти правила следует называть *системообразующими* для данной ЛП. Согласно нашим представлениям, дело обстоит не так, что мы должны ввести аксиомы и правила вывода, и лишь затем проверять, будут ли доказуемыми данные формулы, а так, что *сначала мы объявляем эти теоремы обязательными в данной системе из «содержательных» соображений, и лишь затем подбираем нужные аксиомы и правила вывода.*

(5)

Логике, основанную на негативном понимании отрицания, мы в своих предыдущих работах обозначили как бинарную, а логику, основанную на конструктивном интерпретации отрицания – как небинарную [4. С. 140–141]. Сейчас приходится признать, что данные термины были подобраны крайне неудачно. Дело в том, что даже на бинарном уровне логика с негативной интерпретацией понимания и логика с конструктивным пониманием отрицания не имеют точек соприкосновения. Это можно видеть хотя бы из того примера, с которого мы начали наши рассуждения. При негативном понимании отрицания мы имеем дело с одним положительным вариантом, которому противопоставляется *отсутствие* этого же варианта. При конструктивистской интерпретации даже на бинарном уровне мы имеем два именно *положительных* варианта, что впервые создаёт возможность выбора и, вообще говоря, информативность.

Поэтому в дальнейшем мы будем называть логику с негативной интерпретацией отрицания *дихотомической*, или авторитарной логикой. Соответственно, ей будет противопоставлена *недихотомическая*, «либеральная», плюралистическая логика. На использование этих терминов нас натолкнули некоторые высказывания А.П. Назаретяна, которые будут приведены ниже. Здесь же заметим, что такое употребление терминов согласу-

ется и со словоупотреблением в самой формальной логике. Как известно, в формальной логике принято выделять два вида деления (объёма) понятий: дихотомическое и недихотомическое (по другому, деление по видоизменяющемуся признаку). В первом случае объём исходного понятия делится на два видовых понятия, в содержании одного из которых говорится о наличии какого-либо признака, а в содержании другого речь идёт об отсутствии того же самого признака. Проще говоря, одно из них положительное, другое отрицательное. Это касается и тех случаев, когда данное множество по данному основанию делится на два и только на два класса. Так, «человек» по половому признаку делится на «мужчин» и «не-мужчин» (или «женщин» и «неженщин»). Но деление на «мужчин» и «женщин» при дихотомическом делении будет некорректным. Лишь при «недихотомическом» делении мы можем делить объём исходного понятия на два, три и т.д. положительных видовых понятия.

До сих пор мы употребляли термин «логика» для обозначения специально созданных логических систем, т.е. логики как науки. Помимо этого, можно говорить и об *имманентной логике*. Имманентной логикой некоторого вида дискурса называется набор принципов, которым по факту подчиняются рассуждения в рамках этого вида дискурса.

Своя имманентная логика есть, пожалуй, у всех видов дискурса и сфер интеллектуальной активности – от математики и теоретического естествознания до морали и, по некоторым утверждениям, даже мифологии. Так, уже упоминавшейся А.П. Назаретян говорит об имманентной логике морали: «В прежние эпохи нравственное сознание строилось преимущественно в авторитарной логике, дихотомичной по своей структуре» [7, С. 244]. И здесь, заметим от себя, разграничение дихотомической и недихотомической логики выходит далеко за рамки чисто академического интереса.

Зачастую имманентная логика не осознаётся или осознаётся частично, смутно, неточно даже самими «носителями» дискурса. Для её экспликации требуется проведения специализированных исследований и создание уточнённых научных концепций. Отсюда, в историческом плане развитие имманентной логики и развитие логики как науки не совпадает. Поэтому, несмотря на тотальное господство вплоть до настоящего времени дихотомического понимания отрицания логики в рамках формальной логики как науки, можно высказать осторожное предположение: недихотомическая имманентная логика по факту развивается уже многие столетия, оставаясь, однако, незамеченной на уровне теоретической рефлексии, роль которой играет, как очевидно, всё та же формальная логика и, в последнее время, так называемая философия логики. Многие системы представлений и социальные институты по факту основаны на недихотомической логике. Здесь достаточно вспомнить многопартийную систему, разумеется, реальную, а не декоративную.

В пользу этого свидетельствуют и рассуждения всё того А.П. Назаретяна. Он указывает, что альтернативная по отношению к авторитарной морали критическая мораль зародилась ещё в осевое время и восходит к учениям Конфуция и Сократа. Однако долгое время она оставалась на периферии человеческой культуры «как элемент избыточного разнообразия», так как невысокая когнитивная сложность человеческого сознания прошлых эпох отдавала приоритет авторитарной форме морального сознания. Однако в современных условиях, рассуждает учёный, возросла когнитивная сложность сознания и, одновременно, возникла потребность в принципиально иных механизмах регулирования отношений между людьми. И здесь исследователь высказывает осторожное предположение, что в новых условиях именно критическая мораль займет доминирующее положение: «...авторитарные регуляторы имеют, по меньшей мере, два существенных порока, которые делают их дисфункциональными при изменившихся условиях. Имманентно дихотомический характер не позволяет обойтись без образа врага и непременно ограничивает применимость моральных норм. Столь же имманентно присущая им статичность исключает оперативную ориентировку в качественно возросшем по «размерности» пространстве возможностей и жизненно важных задач» [7, С. 244-245].

Мы все прекрасно знаем образчики авторитарного мышления. «Кто не со мной – тот против меня», «Если враг не сдаётся, его уничтожают», «Пусть погибнет мир, но восторжествует право», «Коммунизм неизбежен» – всё это арии из одной оперы, несмотря на их содержательное различие.

Авторитарная логика безальтернативна. Она всегда видит лишь один позитивный вариант, альтернативой которому якобы является только упадок, хаос, катастрофа. Человеку с авторитарным мышлением почему-то не приходит в голову, что возможны несколько позитивных вариантов, позволяющих избежать катастрофы. Лишь недихотомическая логика показывает, что из затруднительной ситуации может вывести несколько позитивных сценариев. Конечно, эти сценарии можно сравнивать по степени оптимальности, но это уже другой вопрос. Здесь, по крайней мере, есть действительный, а не фиктивный выбор. И теперь мы знаем, что это имеет, в том числе, и формально-логическое обоснование.

Список литературы:

1. Гетманова А. Д. Логика: учебник для студентов учебных вузов / А. Д. Гетманова. – 12-е изд., стер. – М.: Омега-Л, 2007.
2. Васильев Н.А. Воображаемая логика. Избранные труды. – М.: Наука, 1989.
3. Гейтинг А. Интуиционизм. – М.: Мир, 1965.

4. Горюнов А.В. Как возможно небинарное мышление? // Философское сообщество в России: проблемы исследования / Под ред. Н.Г. Баранец. – Ульяновск: Издательство «Вектор-С», 2007(а). – С. 140-164.

5. Горюнов А.В. Проблема косвенного доказательства в логике и так называемое интуиционистское исчисление А. Гейтинга 1930 года // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2007(б). – № 3. – С. 76-89.

6. Горюнов А.В. О неединственности логики предикатов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 1. – С. 37-49.

7. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. (Синергетика – психология – прогнозирование): 2-е изд. – М.: Мир, 2004.

КАТЕГОРИЯ ТЕЛЕСНОСТИ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

© Матюшко А.В.¹

Амурский гуманитарно-педагогический
государственный университет,
г. Комсомольск-на-Амуре

В данной работе рассматривается многообразие подходов к феномену телесности в отечественной и зарубежной гуманитаристике.

Категория телесность была введена в общенаучный дискурс представителями неклассической философии. По мнению А.А. Иванова Ф. Ницше являлся одним из первых идеологов философии иррационализма, применивших концепт «тело» и поднявших в своих работах проблему телесности и форм ее репрезентации в культуре [1, С. 5]. В работе «Воля к власти» им была выдвинута идея что объяснение и изменение телесного бытия не может быть интерпретирована только с позиций сознательной целлеполагательной деятельности, то есть вводился еще один сегмент человеческой реальности – телесный. «Человеческое тело, в котором снова оживает и воплощается как самое отдаленное, так и ближайшее прошлое всего органического развития, далеко разливаясь за его пределы, – это тело есть идея более поразительная, чем старая «душа»» [2, С. 306].

Бергсон А., представитель интуитивизма и философии жизни, выступая против механицизма и догматического рационализма, утверждает в качестве первичной реальности и объекта мировоззрения не мир в целом, а собственно жизнь, трактуемой как некая целостность, не сводимая ни к духу, ни к материи. Его концепция сформировалась под большим влиянием бурно развивавшейся в первые десятилетия 20 века биологии (особенно дарвинистической ее ветви) что дало основание Г. Риккерт у отнести ее к течению названным им «биологизмом» [3, С. 68]. Однако, на наш взгляд, представления А. Бергсона, основу которых составляет «жизнь» в ее экспрессивно–иррациональной интерпретации, «жизнь» понималось как обозначение реальности, являющейся по сути своей иррациональной, недоступной рассудочному, научно-рациональному постижению, и следует говорить о своеобразном «антибиологизе». Понятие жизни у А. Бергсона, по универсальности и широте своего содержания было вполне сопоставимо с такими понятиями классических философских систем, как космос, субстанция, материя, субъект и так далее. Понятие «жизнь» преподносилось как выражающее самую суть мира и человека и, следовательно, способное

¹ Аспирант кафедры Философии

стать стержнем нового целостного мировоззрения. Такое понятие жизни не может быть заимствовано из науки, в том числе и из биологической науки. Напротив, оно могло быть сконструировано во многом как раз в противовес тому пониманию жизни, которое принималось в биологии. По этому же пути и идет трактовка тела как неспособного ни порождать, ни обуславливать ментальные состояния [4, С. 273], что на наш взгляд не соответствует истине.

Фрейд З., анализируя в культурном поле различные телесные феномены такие как, сексуальность, неврозы, аффекты пришел к выводам, что телесные проявления детерминированы неосознаваемыми пластами человеческой психики. В этом отношении воззрения классика психоанализа на телесность коррелируют с идеями Ф. Ницше, что впрочем, как уже неоднократно отмечалось свойственно фрейдизму и философии жизни в целом.

В психоаналитическом ключе Ж. Батай исследовал проблему формирования образа физического «я» человека в структуре его самосознания и самооценки, проблему «телесность и культура». В работе «Слезы Эроса», проводя анализ трансгрессивной природы религии Диониса, он пришел к выводу о релятивистской природе дионисийских телесных практик: не локализуясь в пределах нормативов поведения, они вместе с тем маркированы их границей, порогом, внешним по отношению к аполлонийскому телу пространством [5].

Гуссерль в антитезу фрейдизму позиционирует тело как пассивное начало, находящегося под довлеющим влиянием субъекта [6, С. 104]. Абсолютизация духовности снимает оппозицию тело-дух, но телесность при таком подходе становится не просто пассивным знаком, а знаком без денотата.

На качественно новый теоретический уровень представлений о человеческой телесности подняли работы учеников и последователей Э. Дюркгейма. В своих исследованиях М. Мосс и Р. Херц «вывели» тело в социум и с этих позиций осмысливали значения и функции тела как благоприобретенные и обусловленные социокультурными практиками [7, С. 35].

Представитель феноменологии М. Мерло-Понти, рассматривавшего телесный опыт как первичный для организации мира, в своих рассуждениях идет еще дальше. Для него человеческое тело не просто присутствует в мире наряду с другими объектами, а присоединяет себя к миру и в известном смысле творит его: потребности и желания человека создают значения, а, следовательно, именно тело «проектирует вокруг себя культурный мир» [8, С. 13]. Рассуждения о феномене зеркала в работе «Око и дух» выступают как методологический базис у многих исследователей [9]. «Призрак зеркала выволакивает наружу мою плоть, и тем самым то невидимое, что было и есть в моем теле, сразу же обретает возможность наде-

лять собой другие видимые мной тела. С этого момента мое тело может содержать сегменты, заимствованные у тел других людей, так же как моя субстанция может переходить в них: человек для человека оказывается зеркалом. Само же зеркало оборачивается инструментом универсальной магии, который превращает вещи в зримые представления, зримые представления вещи, меня – в Другого, и Другого в меня» [10, С. 22-23].

Лакан Ж., занимаясь проблемой формирования образа физического «я» человека в контексте «телесность и культура». Совершенно справедливо выступает его представление о принципиальной нетождественности телесности с природным началом и истоками ее формирования он видит в функционировании символического – в традиции, культуре, языке. Становление телесного субъекта Ж. Лакан рассматривает через сопряжение с понятием потребность, с помощью которого высвечиваются трансцендентально-феноменологические предпосылки обуславливающие возможность личностного становления. В его концепции телесность аппроксимируется социокультурной матрицей заполненной знаками и шифрами, динамически коррелирующей с определенными нормами и закономерностями. Телесный образ структурирован социальными смыслами, имеющими центристское значение для интеграции «раздробленного тела» в законченную данность [11, С. 11].

Основоположник католического экзистенциализма Г. Марсель дифференцирует мир объективности и мир существования, где преодолевается дуализм субъекта и объекта и все отношения с миром выступают как личные. В связи с этим действительность предстает разделенной на подлинный мир бытия и неподлинный мир обладания. Телесность, при таком подходе, трактуется как «пограничная зона между «быть» и «иметь» [12, С. 1059].

Фуко М., представитель французского структурализма, в своих работах исследовал текстуально-семиотические формы присутствия тела в культуре. Для обозначения механизмов семиотической артикуляции тела в культуре М. Фуко был применен термин «дискурсивные практики» в значении логико-аналитические процедуры исследования, обусловленной субъект-объектной парадигмой. Противопоставление дискурсивных и недискурсивных стратегий в культуре разрабатывается М. Фуко в «Археологии знания» [13] и понимается как два типа практических формаций: одни из которых дискурсивны – высказывания, другие недискурсивны – среды. Анализируя телесные практики в работе «Надзирать и наказывать» [14], М. Фуко говорит о теле как маркированным системой карательных и дисциплинарных анатомий в целях власти и господства. Дисциплина заменяет грубые формы насилия позитивным принуждением, действующим в каждом движении окультуренного тела: «Человеческое тело входит в машину власти, которая его изыскивает, расчленяет и воссоздает» [15,

С. 487]. Анализируя проблему власти во взаимосвязи с различными аспектами социальности, рассмотрел эти отношения применительно к телесности человека в контексте сексуальной жизни [16, С. 288]. Отталкиваясь от идей М. Фуко П. Хаттон, приходит к выводу что Я – это абстрактная конструкция, которая постоянно заново создается в текущем процессе событий, генерируемом императивами политической деятельности; модели личности – это часть того процесса, посредством которого власть формирует наше знание о себе и эти модели включают также и образы тела, превращающиеся таким способом в то средство, благодаря которому власть добирается до тела через его идеализацию [17, С. 163].

У представителей постмодернизма логика анализа подразумевает определенную смену ракурсов во взгляде на отношения между сознанием, телом и языком. В этом отношении очень показательным является мнение Ортега-и-Гассета, который считал, что смысловую целостность телесности можно постичь, лишь используя метафоры как средства передачи невоспроизводимого становления [18, С. 248]. Постмодернизм не признает статичности смысла, а лучшим выражением изменчивости оказывается метафора. Однако это приводит к тому, что в рамках данного течения оказывается почти невозможным четкие терминологические построения. По мнению Ж. Бодрийера тело – это место первичных процессов место бессознательного как не место субъекта [19, С. 221-222]. Созвучно этому тезису выступают идеи Ж. Делеза и Р. Гваттари [20], у которых тело это производящие желания машины бессознательного. В центре внимания авторов оказывается взаимодействие «машин желания» и «тела без органов», а также «перверсивное шизотело». Перверсивное тело не находится в пределах нормативной телесности, вследствие своего психомиметического генеза, оно существует в пороговом поле. Нанси Ж.Л. интерпретирует такую телесность как инаковую, противопоставленную смыслу. Это семантическое смещение, переходящее «из места в место, в пересечение всех мест» [21, С. 52], из одного состояния в другое, из аффекта в аффект. Последним штрихом к портрету могло бы служить высказывание В.Л. Иноземцева о том, что идеи постмодернизма с особой силой способны проявиться только в краткий период становления основ нового общества, тогда как в дальнейшем они обречены на то, чтобы оставаться банальными, и не могут являться фундаментом комплексного научного построения [22, С. 32]. Однако нельзя не признать нетривиальность некоторых идей выдвинутых представителями этого направления таких как: телесность включена в культуру, она присваивает семантический механизм различных культурных дискурсов и потому артикулируется как сфера разворачивания социальных и дискурсивных кодов («социальное тело» у Ж. Делеза и Р. Гваттари, «текстуальное тело» у Р. Барта); телесность «являет себя в форме «невозможного присутствия» (Ж. Бодрийер) и в силу этого представляет собой апофатический текст. Значительно более продуктивны, на наш взгляд, идеи вы-

двинутые представителями отечественной гуманитаристики (исследователи, рассматривающие тело как пространство, артикулированное социокультурными смыслами, в данной работе условно определяются как представители социокультурного направления). Одна из первых концепций о социокультурном смысле человеческой телесности была задана М.М. Бахтиным. Изучение культуры, – писал он, – необходимо должно включать анализ «проблемы тела как ценности», проблемы, которая «строго отграничивается от естественнонаучной точки зрения: от биологической проблемы организма, психофизиологической проблемы отношения психологического и телесного и от соответствующих натур философских проблем» [23, С. 44]. Ядром его концепции служило разграничение внешнего тела, как носителя этических и эстетических категорий и внутреннее тело, как совокупность потребностей и желаний. Данная дихотомия изучалась на материале средневековой культуры в противопоставлении официальной и карнавальной культур. К сожалению, данный подход в отечественной гуманитаристике имел большой прерыв непрерывности и получил развитие только в течение последних десятилетий. Отрадно отметить, что данное направление, в своих работах, развивает И.М. Быховская – один из наиболее цитируемых авторов в поле данной проблематики. Дабы не отвлекаться на перечисление авторов и их концепций, в сущности базирующихся на сходных представлениях, попытаемся вычленить смысловое ядро, определяющее воззрения представителей данного течения и придти к определению интересующего нас феномена.

Телесность – многослойный феномен, подразумевающий различные границы описания: онтологические, онтические и виртуальные [24, С. 166] или природные, социальные и культурные [7, С. 109] или физиологические, социологические и психологические [25, С. 66] или, наконец, пространственные, временные и смысловые [26, С. 165]. Телесность, кроме того, конкретно-исторична, то есть детерминирована постоянно меняющимися социокультурными установками. Отсюда следует, что анализ репрезентаций телесности нужно начинать не с самого феномена, а с тех причин, которые их вызвали, артикулировали, дали смысл и вписали в аксиологическую шкалу. Таким образом, телесность может быть определена как интегральное образование, социально-культурный феномен, формирующийся в процессе развития и самоидентификации личности, причем человек постигает свою телесность не путем осмысления состояний воспринимаемого тела, а путем применения некоей социокультурной матрицы.

Список литературы:

1. Иванов А.А. Телесность в структуре культурных универсалий аполлонийского и дионисийского (на материале культуры русской творческой

интеллигенции начала 20 века). – Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии. – Комсомольск-на-Амуре, 2004.

2. Ницше Ф. Воля к власти. – М., 1994.

3. Риккерт Г. Философия жизни. Изложение и критика модных течений философии нашего времени. – СПб., 1922.

4. Бергсон А. Материя и память // Собр. соч. – М., 1992. – Т.1.

5. Танатография Эроса: Ж. Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: Нифрил, 1994.

6. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – Новочеркасск, 1994.

7. Быховская И.М. Homo somaticos: аксиология человеческого тела. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.

8. Лохов С.А. Феномен тела как проблема философской антропологии. Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. – М. 2003.

9. Маслов Р.В. Философия телесности: зеркальная сущность человека. – Саратов, 2004.

10. Мерло-Понти М. Око и дух. – М., 1992.

11. Лакан Ж. «Стадия зеркала» и другие тексты. – Париж, 1992.

12. Всемирная энциклопедия: Философия. – М.: АСТ, 2001.

13. Фуко М. Археология знания. – Киев, 1996.

14. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М., 1999.

15. Культурология. Учеб. пособие. – Ростов-н/Д: «Феникс», 1995.

16. Фуко М. История сексуальности: Забота о себе. – М: Рефл-бук, 1998.

17. Быховская И.М. Homo somaticos: аксиология человеческого тела. – М.: Эдиториал УРСС, 2000.

18. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Самосознание европейской культуры 20 века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – М.: Политиздат, 1991.

19. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: «Добросвет», 2000.

20. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения, Анти-Эдип. – М.: ИНИОН, 1990.

21. Нанси Ж. Corpus. – М.: Ad Marginem, 1999.

22. Иноземцев В.Л. Современный постмодернизм: конец социального или вырождение социологии? // Вопросы философии. – № 9.

23. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1965.

24. Детенюк М.М. Телесность как событийная форма присутствия. Рекурсивное и дискурсивное в структуре смыслообразования / Под ред. В.А. Сакутина. – М.: Смысл, 2004.

25. Быховская И.М. Человеческая телесность как объект социокультурного анализа (история проблемы и методологические принципы ее анализа) // Труды ученых ГЦОЛИФКа: 75 лет: Ежегодник. – М., 1993.

26. Круткин В. Л. Онтология человеческой телесности (Философские очерки). – Ижевск, 1993. – С. 165.

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПАРАДИГМЕ В ФИЛОСОФИИ НАУКИ

© Тюплина И.А.¹

Магнитогорский государственный университет,
г. Магнитогорск

Статья посвящена категориальному анализу понятия «парадигма» в философии и социологии науки. Рассматриваются взгляды Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда, представителей отечественной философии и методологии науки. Сопоставляются понятия парадигмы, теории, методологии, модели.

Неоднозначность понятия парадигмы при повсеместном его использовании, а также утверждения отдельных философов о том, что философия внепарадигмальна, так как, во-первых, философское мышление рефлексивно, философия соприкасается со смыслами, выводимыми из действительности, а не с моделями этой действительности; во-вторых, философия плюралистична, в философии никогда не было единой парадигмы, поэтому она предстаёт как совокупность философских систем, течений, школ; – всё это обусловило необходимость следующего категориального анализа.

Термин «парадигма» (*paradeigma*) в переводе с греческого означает пример, образец. В Древнем мире и Средневековье это понятие использовалось в философии для характеристики взаимоотношения духовного и реального мира. Так, Платон рассматривал идею как парадигму, то есть прообраз вещи. По его мнению, прообразы вещей (парадигмы) обладают подлинным существованием: демиург создаёт всё сущее как первообраз, определяющий принципы упорядочивания и рациональной организации природных тел.

В XX веке понятие «парадигма» было введено в философию науки позитивистом Г. Бергманом для характеристики нормативности методологии. Наиболее широкое распространение это понятие получило в работах представителей критического рационализма. Кун Т., разрабатывая теорию научных революций, предложил систему понятий, среди которых понятие парадигмы было центральным. В обсуждении этого понятия приняли участие И. Лакатос, П. Фейерабенд и др.

Кун Т., считая понятие парадигмы неоднозначным, в своей работе «Структура научных революций» приводит собственное определение: «Парадигмы – признанные всеми научные достижения, которые в течение

¹ Заведующая кафедрой Политологии и социологии, заместитель декана исторического факультета по отделению социологии, кандидат философских наук, доцент

определённого времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу» [1, С. 11]. В этом значении понятие парадигмы выступает более высоким уровнем организации научного знания, метатеоретическим феноменом, поскольку на её основе возникают разные теории. По мнению Т. Куна, существенный момент его взглядов состоит не в дефиниции понятия парадигмы, а в том, что парадигма определяет этап экстенсивного развития знания любой науки. Парадигма конституирует науку, объединяет сообщество учёных на основе единого стиля мышления, фундаментальных теоретических положений и методов исследования. В развитии любой науки, считает Т. Кун, можно выделить два этапа: допарадигмальный и парадигмальный. *Допарадигмальный этап* характеризуется тем, что не отдифференцирован предмет данной науки от других дисциплин, поэтому нельзя говорить о её самостоятельности: науки как таковой нет. *Парадигмальный этап* начинается с появления парадигмы, признанной научным сообществом. Парадигма конструируется только на основе обобщения и систематизации накопленных знаний по данной проблеме. Развитие науки на этом этапе проходит четыре стадии: 1) нормальная стадия, 2) аномальная стадия, 3) кризис (стадия кризиса парадигмы), 4) научная революция.

Нормальная стадия связана с безраздельным господством парадигмы, способной разрешать возникающие проблемы. Основная задача «нормальной науки» состоит в том, чтобы выявить весь потенциал, который заложен в новых идеях, определяющих видение реальности и способов её изучения. Наука в лице парадигмы диктует учёному свою волю, выступая как некая безликая сила, а учёный – лишь выразитель требований своего времени. Но любая наука кумулятивна, то есть накапливает новые знания. Этот процесс объективен, учёный «не ищет» новаций. Он, действуя по заданным правилам, непреднамеренно, то есть случайным и побочным образом наталкивается на такие факты и явления, которые требуют изменения самих этих правил. Аккумуляция знаний приводит к появлению «аномалий» (проблем, неразрешимых в рамках парадигмы). Аномалия – это расхождение между эмпирическими данными и схемой, заданной парадигмой; это явление, к восприятию которого парадигма не подготовила исследователя. Нормальная стадия сменяется *аномальной*. Возрастание числа аномалий создаёт новую атмосферу в науке, осознанные аномалии выступают стимулами к изменению парадигмы. Появляются подозрения в её принципиальной неэффективности. Круг аномальных явлений расширяется за счёт того, что теперь видятся старые трудности теории, на которые раньше закрывались глаза. В этих условиях учёные начинают по-разному относиться к парадигме, и соответственно меняется характер их исследований. Увеличение конкурирующих вариантов, готовность опровергать что-то ещё, выражение явного недовольства, – всё это симптомы

перехода от нормального исследования к экстраординарному. Парадигма «взрывается» изнутри под давлением «аномалий». Наступает *кризис*, появляются новые парадигмы, оспаривающие первенство друг друга. Кризис разрешается победой одной из них. Некоторое время старая и новая парадигмы сосуществуют (ситуация парадигмального дуализма). Постепенно старая парадигма отбрасывается и утверждается новая, способная объяснить новую систему научных фактов. Происходит *научная революция*, то есть скачкообразное качественное изменение в стиле мышления, методологии и методике научного исследования. Начинается новый нормальный период, и всё повторяется. Как правило, зрелая наука мультипарадигмальна.

Кун Т. отвергает преемственность в эволюции науки, говорит о «несоизмеримости» парадигм: знания, накопленные предыдущей парадигмой, отбрасываются, а научные сообщества вытесняют друг друга. Несοизмеримые теории говорят об одних и тех же вещах, но по-разному. Поэтому одна и та же теория не может входить в разные парадигмы без предварительного серьёзного переосмысления. Это значит, что при смене парадигм невозможно осуществить преемственность теорий, то есть какие-то теории перенести из старых парадигм в новые. В контексте новых парадигм старые теории получают новое содержание, иную интерпретацию.

Позднее, конкретизируя своё представление о парадигме, Т. Кун вводит понятие дисциплинарной матрицы. Парадигмы дисциплинары, так как принуждают учёных к определённом поведении, стилю мышления в периоды между научными революциями, в периоды «нормальной науки». Парадигмы сравниваются с матрицами, так как в их структуре можно выделить следующие элементы [2]:

1. формализованные конструкции или символические обобщения типа второго закона Ньютона,
2. концептуальные модели, примером которых могут служить утверждения типа «теплота – кинетическая совокупность частей тела»,
3. ценностные установки, принятые в научном сообществе и проявляющие себя при выборе направлений исследования, при оценке полученных результатов и состояния науки в целом,
4. образцы решения конкретных задач и проблем.

Важно обратить внимание на то, что Т. Кун, отрицательно относясь к позитивистскому варианту интернализма, противопоставляет ему свою модификацию «имманентного» подхода к истории науки. Он не отвергает существование и влияние «внешних» факторов на внутренние механизмы науки. Более того, он уверен в том, что «внешние условия» как компоненты интеллектуальной истории могут оказывать серьёзное влияние на характер научных исследований. Имманентность научного процесса у Т. Куна неразрывно соединена с субъектом научной деятельности – научным сообществом, а переход к новой парадигме представляет собой соци-

альный процесс. История науки предстаёт как история конкурентной борьбы между научными коллективами с определёнными социальными интересами, между «консерваторами» и «новаторами» [3, С. 57-81]. Теория Т. Куна, таким образом, подчёркивая роль научного сообщества как агента получения нового знания и рассматривая процесс получения научного знания как процесс социального конструирования, дала толчок к осознанию социокультурной обусловленности процесса познания. Это значительно расширило контекст использования понятия «парадигма», оно стало рассматриваться Т. Куном не только как когнитивная модель, но и как социальная характеристика, обозначающая «согласие установок» учёных. Кун Т. отмечал, что у носителя новой парадигмы должна быть вера в неё, в её силу: «тот, кто принимает парадигму на ранней стадии, должен часто решаться на такой шаг, пренебрегая доказательством, которое обеспечивается решением проблемы. Другими словами, он должен верить, что новая парадигма достигнет успеха в решении большего круга проблем, с которыми она встретится, зная при этом, что старая парадигма потерпела неудачу при решении некоторых из них. Принятие решения такого типа может быть основано только на вере. Триумфу парадигмы должны предшествовать убеждения личного плана, пока не получены надёжные аргументы. Хотя и аргументы нельзя считать решающими. Нет такого аргумента, чтобы убедить всех. Стоит парадигме утвердиться, её оценивают как прогрессивную» [1, С. 207] и воспринимают как общеметодологическую установку.

Попытка Т. Куна найти объяснение смене парадигм в социально-психологических особенностях научных сообществ вызвала резкую критику со стороны представителей различных направлений, усмотревших в этой попытке отход от объективных критериев роста знания и уклон в сторону иррационализма. Так, И. Лакатос, утверждая, что научная революция по Т. Куну иррациональна, развивает свою концепцию методологии научного познания, которую он называет методологией научно-исследовательских программ. Она применяется им не только для трактовки особенностей развития науки, но и для оценки различных конкурирующих логик научного исследования. Согласно И. Лакатосу [4], развитие науки представляет собой конкуренцию научно-исследовательских программ, которые соревнуются на основе их эвристической силы в объяснении эмпирических фактов. Сущность научной революции заключается в том, что одна исследовательская программа сменяет другую. В этом прослеживается близость к концепции Т. Куна, за исключением того, что фундаментальной единицей оценки процесса развития науки является не парадигма, а исследовательская программа. Структурная организация программы, по И. Лакатосу, такова:

- «жёсткое ядро» – совокупность неопровержимых суждений, которые являются теоретической основой данного стиля мышления;
- «запретный пояс» – совокупность суждений, связывающих программу с эмпирическими данными. Он предохраняет «жёсткое ядро» от опровержения, но при этом сам изменяется и совершенствуется;
- «негативная эвристика» указывает, каких путей исследования надо избегать;
- «позитивная эвристика» определяет проблемы для исследования, выдвигает гипотезы, рекомендует наиболее предпочтительные пути исследования.

В отличие от Т. Куна Лакатос не считает, что научно-исследовательская программа является завершённой и оформленной. Программа может развиваться в период «нормальной науки» как прогрессивно, так и регрессивно; при этом движущую силу развития И. Лакатос видит во внутреннем содержании науки. Признак прогрессивного развития программы – её способность предсказывать эмпирические факты (в том числе и те, которые могут вызвать аномалию). Регрессивное развитие программы проявляется в том, что она лишь объясняет новые факты, предсказанные конкурирующей программой.

К понятию парадигмы обращается и П. Фейерабенд, обосновывая методологический принцип пролиферации (размножения) теорий. Согласно этому принципу, учёные должны стремиться создавать теории, несовместимые с уже существующими и признанными. Создание таких альтернативных теорий способствует их взаимной критике и ускоряет развитие науки. По мнению П. Фейерабенда, Т. Кун внёс значительный вклад в философию науки. Тем не менее, П. Фейерабенд отмечает, что «своим понятием парадигмы Кун прежде всего поставил проблему, и, что парадигма – термин, ещё нуждающийся в экспликации» [5, С. 31]. Фейерабенд П., по сути дела, комментирует взгляды Т. Куна, не предлагая собственной дефиниции парадигмы и повторяя, что парадигмы направляют исследование, представляя собой некоторые традиции, содержащие наряду с легко устанавливаемыми особенностями тенденции и процедуры, которые неизвестны, однако обнаруживаются при сопоставлении с другими традициями. Соединение принципа пролиферации парадигм и теорий с тезисом об их несоизмеримости, считает П. Фейерабенд, позволяет говорить об иррациональном развитии науки, поскольку деятельность учёного не подчиняется никаким рациональным нормам, он может изобретать и разрабатывать свои собственные парадигмы, не обращая внимания на противоречия и критику. Кроме того, считает П. Фейерабенд, новые парадигмы побеждают и получают признание не вследствие рационально обоснованного выбора и не в силу того, что ближе к истине или лучше соответствуют

фактам, а благодаря либо пропагандистской деятельности их сторонников, либо уходу из жизни оппонентов, которые, умирая, дают дорогу новому поколению [5, С. 36-37].

В отечественной философии проблемы научной рациональности разрабатываются в рамках исследовательских программ философии и методологии научного познания М.А. Розовым, В.С. Стёпиным, В.С. Швырёвым и др. Они подчёркивают большое эвристическое значение научной рациональности и анализируют её с позиций концепции «оснований науки». Эта концепция является модификацией учения Т. Куна о парадигме, так как основания науки организуют все разнородные знания в некоторую целостность и определяют стратегию научного поиска данной эпохи. В.С. Стёпин использует понятие «методологическая парадигма» для характеристики изменений научной рациональности [6, С. 140]. По его мнению, каждому периоду в развитии науки соответствует особая методологическая парадигма. Классическая парадигма была распространена с XVII века до середины XIX века и связана с поисками «правильной» методологии научного исследования. Субъект познания при таком рассмотрении как бы выносился за скобки. Но уже к середине XIX века стала очевидной ограниченность и неадекватность этой парадигмы. Неклассическая парадигма исходила из представления, что нет какого-то «абсолютного» научного метода и что знания об объектах должны учитывать характер методов и средств исследования, то есть рациональность толковалась более операционально. Постнеклассическая парадигма, концентрируя своё внимание на особых типах объектов – сложных саморазвивающихся системах, в которые включён человек, учитывает социальные и аксиологические факторы научного поиска. По словам В.С. Стёпина, в недрах современной науки формируются новые стратегии исследования, меняется приоритет научной рациональности: вместо нацеленности на покорение природы ставка делается на коэволюцию человека, общества и природы. В результате формирования новой методологической парадигмы произойдёт переход к четвёртому периоду в развитии научного способа освоения мира.

В современной социологии науки понятие парадигмы употребляется как основание разграничения знания. С этой точки зрения выделяют три вида парадигм [7, С. 70-71]:

1. парадигмы, обосновывающие самостоятельный статус той или иной науки, отграничивающие на качественном уровне одно знание от другого (например, философию от социологии, психологии и т.д.);
2. парадигмы, характеризующие различные стадии в развитии данной науки (например, позитивизм, неопозитивизм, постпозитивизм в социологии);
3. парадигмы, дифференцирующие научные сообщества в рамках одной и той же науки на одном и том же историческом этапе её разви-

тия (например, структурные, интерпретативные и интегративные парадигмы современной зарубежной социологии).

Итак, с лёгкой руки Т. Куна термин «парадигма» стал одним из самых употребительных терминов философии и социологии науки, несмотря на отсутствие чёткого и ясного определения его сущности. Если попытаться выделить наиболее устойчивое и специфическое в этом понятии, то парадигма – методологическое основание решения научной задачи в периоды между научными революциями, в периоды «нормальной науки». В качестве парадигмы может выступать общепринятая теория, либо общепринятый тип постановки и решения проблемы. Парадигмы имеют как познавательную, так и нормативную функции. Они дают ученым основные принципы их познавательной деятельности и формы реализации этих принципов. Парадигмы являются источником методов, проблемных ситуаций, стандартов решения проблем, принятых в тех или иных сообществах учёных, выступая, по сути дела, общеметодологической установкой познания. Понятие парадигмы часто используется в различных отраслях научного знания. При этом формулировки «парадигмы» могут несколько отличаться от определения Т. Куна. Понятие парадигмы применяется в социальном познании как система общепринятых идеалов, норм и стереотипов в интерпретации социальных фактов. В условиях расширения контекста использования понятия парадигмы (напомним, что Т. Кун говорил о парадигме только применительно к естественнонаучному знанию), а также отсутствия его однозначного определения считаем возможным предложить собственную дефиницию парадигмы через сопоставление этого понятия с понятиями теории, методологии, модели. На наш взгляд, *парадигма представляет собой исходную концептуальную схему постановки и решения познавательной проблемы*. В этом значении понятие парадигмы применимо к любой теории или философской концепции, так как характеризует логику движения мысли, образует логический прообраз будущей теории (философской концепции). Конструирование любой теории должно начинаться с конструирования её парадигмы. «Теория» – иное понятие, так как содержит подробности, факты, иллюстрации и т.д. Понятие парадигмы, таким образом, не обязательно связывать только с научной революцией. Парадигма способна произвести революцию в науке или другом способе освоения действительности в том случае, если станет общеметодологической установкой. Но парадигма может быть, а может и не быть общепризнанной методологией научного поиска. В первом случае справедливо говорить, используя терминологию В.С. Стёпина, о методологической парадигме. Именно к методологической парадигме, на наш взгляд, применимы основные положения теории Т. Куна. Неудачным, по всей видимости, следует признать и определение понятия парадигмы через понятие модели из-за многозначности этого слова. В словарях приводится до восьми различных значений, из которых наиболее распространены два:

модель как аналог объекта и модель как образец. Модель, как мысленный репрезентант объекта, предполагает неполноту, незавершённость: при моделировании мы отбираем только то, что нужно для решения задачи. Модель – упрощённое знание, несущее вполне определённую, ограниченную информацию о явлении, отражающее те или иные его свойства. Поэтому в предлагаемом нами определении понятие парадигмы не соотносится с понятием модели. Определяя парадигму как исходную концептуальную схему, как логический «скелет» теории, отметим, что к анализу парадигмы следует подходить конкретно, не может быть парадигмы на все случаи жизни, парадигма конструируется в зависимости от отрасли знания.

Список литературы:

1. Кун Т. Структура научных революций. / Т. Кун. Пер. с англ. – М., 1975.
2. Стёпин В.С. Философия науки и техники / В.С. Стёпин, В.Г. Горохов, М.А. Розов. – М., 1995.
3. Маркова Л.А. Общие модели истории науки / Л.А. Маркова // Философия и методология науки. Ч.2. – М., 1994.
4. Лакатос И. Фальсификация и методология программ научного исследования / И. Лакатос. – М., 1970; Лакатос И. История науки и её рациональные конструкции / И. Лакатос // Структура и развитие науки. – М., 1978.
5. Фейерабенд П. Наука в свободном обществе / П. Фейерабенд // Избранные труды по философии науки. – М., 1986.
6. Стёпин В.С. Философия естествознания и современная наука. – Доклад на международной конференции «Философия естествознания XX в.: итоги и перспективы» / В.С. Стёпин // Вопросы философии. – 1997. – № 10.
7. Парадигма, метатеория и макросоциология // Социология Основы общей теории / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичёв. – М., 2002.

Раздел десятый

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ

ОСНОВЫ МЕТОДИКИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

© Гришина С.В.¹

Астраханский государственный технический университет,
г. Астрахань

Настоящая статья освещает теоретические и практические основы методики стратегического анализа хозяйственной деятельности предприятия. Научная новизна статьи заключается в разработке универсального алгоритма построения методики стратегического анализа и предложении рекомендаций по созданию рационального потока экономической информации.

Наблюдаемое в наши дни усиление конкуренции требует принятия научно обоснованных управленческих решений, в т.ч. стратегического характера. Методику стратегического анализа следует строить с учетом шести основных направлений [1, С. 34-37]:

1. *Масштабирование решений («масштаб решения» [1])* – выделение организационных уровней принятия управленческих решений:

1. *стратегические решения* – принимаются высшим руководством; устанавливают долгосрочные стратегические цели и задачи; задают общее направление деятельности организации, вследствие чего слабо структурированы и формализованы; пересматриваются по мере необходимости, но достаточно редко; оказывают потенциальный эффект на позиционирование организации на рынке;
2. *тактические решения* – принимаются менеджерами среднего звена; представляют собой решение стратегических задач на уровне отдельных управленческих функций (маркетинг, бухгалтерский учет, управление персоналом, служба внутреннего контроля и т.д.), структурных единиц (филиалы, отделы) или видов товаров и услуг; имеют более продолжительное воздействие, чем операционные решения; структурированы в большей степени, чем стратегические, но в меньшей степени, чем операционные решения;
3. *операционные решения* – принимаются менеджерами низшего звена; являются систематическими, обязательными, поддерживают ежедневные решения; высоко структурированы, для их принятия установлены четкие процедуры и математические формулы; имеют непродолжительный период воздействия в течение нескольких ча-

¹ Доцент, кандидат экономических наук, доцент

сов или недель; оказывают прямое воздействие на функционирование организации.

Уровень принятия решения задает информационные и организационные потребности, степень обработки входящей и выходящей информации, что влияет на методы, приемы и способы анализа.

2. *Географическое масштабирование («географический масштаб» [1])* – разделение рынка по географическому / национальному признаку: территория, национальность, страна, мировой рынок. Проводится с целью индивидуализации условий и способов конкурентной борьбы и аналитических потребностей организации для каждого конкретного географического сегмента.

3. *Сегментация окружающей среды («секторы окружающей среды» [1])* – выделение сегментов окружающей среды для более четкой идентификации потребностей организации. Монтгомери и Вайнберг [2, С. 44-52; 1, С. 36] выделяют шесть секторов окружающей среды:

1. *конкурентный* – текущие и потенциальные конкуренты;
2. *технологический* – устаревшие, текущие и внедряемые технологии, инновации, условия научных исследований и разработок;
3. *покупательский* – текущие, потенциальные (не определившиеся в выборе) покупатели и покупатели конкурентов;
4. *экономический* – экономические показатели, такие как ВВП, ВНП, ВРП, инфляция, курс валют, ставка рефинансирования и т.п.;
5. *политический и регулятивный* – политические тенденции, нормативно-законодательное регулирование, контролирующие органы и службы;
6. *социальный* – демографическое состояние, социальные отношения и проблемы, культура.

4. *Временной аспект* – упорядочение событий и действий в хронологическом порядке (построение временной цепи), установление причинно-следственных зависимостей, выявление случайностей и закономерностей, установление тенденций, оценка связи между событиями прошлого и настоящего, а также того, в какой степени события прошлого и настоящего перейдут в будущее. Позволяет скорректировать потребности организации, оценить объем и качество информации, подтвердить или опровергнуть надежность информационных источников.

5. *«Позиция принимающего решение» [1]* – обеспечение того, чтобы результаты анализа удовлетворяли информационные потребности внутренних специалистов, принимающих решения всех масштабов.

6. *Масштабирование технологии товара («масштаб технологии товара» [1]* – построение по каждому товару и услуге цепочки «критических» [1, С. 37] действий от технологических операций и издержек производства до действий по передаче товара покупателю и послегарантийному обслуживанию.

Как показывает практика, невозможно разработать единую методику стратегического анализа, дающую наилучшие результаты на любом предприятии. Тем не менее, можно предложить универсальные подходы к отбору информации, выбору аналитических методов и приемов, выработке и корректировке управленческих решений. В частности, один из таких *универсальных алгоритмов* можно выразить в виде серии последовательных вопросов, ответы на которые помогут разработать методику стратегического анализа на конкретном предприятии:

1. *Что необходимо узнать?*
2. Где об этом надо собрать информацию? Как это надо делать? Кто должен собирать информацию? Куда, кому, в какой форме и в какие сроки надо предоставить собранную информацию для первичной обработки? Кто и в какой форме осуществляет контроль на этом этапе?
3. *Что надо получить в результате первичной обработки информации?*
4. Как собранную информацию надо обработать? Каков механизм этой обработки? Какие технические средства надо для этого применить? Кто будет обрабатывать информацию? Куда, кому, в какой форме и в какие сроки надо передать обработанную информацию для ее последующего анализа? Кто и в какой форме осуществляет контроль на этом этапе?
5. *Что надо понять, анализируя полученную информацию?*
6. Какие именно данные надо анализировать? Сколько этапов включает анализ этих данных? Какие методы надо применить для анализа? Как именно и на каких этапах анализа их надо использовать? Какие технические средства надо для этого применить? Кто должен проводить анализ? Куда, кому, в какой форме и в какие сроки надо предоставить результаты анализа для формулировки выводов? Кто и в какой форме осуществляет контроль на этом этапе?
7. *Какие выводы надо сделать на основе результатов анализа?*
8. Какие конкретно результаты анализа надо использовать для формулировки выводов? Чем надо руководствоваться при формулировке выводов помимо результатов анализа? Кто должен делать выводы? Куда, кому, в какой форме и в какие сроки надо предоставить результаты анализа и сформулированные выводы для принятия решений? Кто и в какой форме осуществляет контроль на этом этапе?
9. *Какое управленческое решение надо принять на основе результатов анализа и выводов из него?*
10. Решение какого уровня надо принять? Как принимать решение на основе результатов анализа и выводов из него? Чем надо руково-

дствоваться при принятии решения помимо результатов анализа и выводов из него? Кто и в какие сроки должен принимать решение? Кто и в какой форме осуществляет контроль на этом этапе?

11. *Что надо получить от внедрения принятого управленческого решения?*
12. Как внедрить на практике принятое решение? Какие средства надо для этого использовать? Кто, в какой форме и в какие сроки должен разработать указания по внедрению управленческого решения? Кто и в какие сроки должен выполнить эти указания на практике? Куда, кому, в какой форме и в какие сроки надо предоставить информацию о результатах выполнения указаний? Кто и в какой форме осуществляет контроль на этом этапе?
13. *Что надо понять относительно эффективности системы управления?*
14. На этом этапе идет обработка и анализ информации о результатах выполнения указаний по внедрению управленческих решений – возврат к вопросам № 3-8.
15. *Какое управленческое решение надо принять для корректировки функционирования системы управления?*
16. Возврат к вопросам по двум направлениям: № 10-15 (экстенсивное управление предприятием) и № 1-15 (интенсивное управление предприятием). Автор считает, что оптимально сочетание экстенсивного и интенсивного пути.

Описанный выше алгоритм стратегического анализа и управления ориентирован на контроль его исполнения на всех этапах: от сбора и обработки информации до принятия управленческих решений. Система контроля призвана повысить надежность, достоверность и объективность принимаемых решений.

Результативность стратегического анализа в значительной степени определяется качеством используемой информации. В условиях наблюдаемого переизбытка информации основная задача аналитика – не потеряться в обилии данных и выбрать из них именно те сведения, на основе которых можно будет делать правильные и обоснованные выводы. Можно предложить следующие *этапы создания рационального потока информации*:

1. Выявление информационных потребностей принимающих решения и способов наиболее эффективного их удовлетворения.
2. Сбор информации и оценка ее качественных характеристик:
 - *точность, объективность, достоверность* – соответствие информации объективной действительности в ее полной мере;
 - *надежность* – имеется в виду надежность информационного источника, его репутация (для анализа используются данные только из надежных источников). Ненадежные первоисточники склонны по различным причинам сознательно или бессознательно исказить

информацию. Выявленные факты сознательной *фальсификации* (искажение информации в своих интересах) и *дезинформации* (распространение ложной информации с целью введения других пользователей в заблуждение) должны быть доведены до высшего руководства;

- *достаточность* – количественная мера информации, отражающая необходимость в объеме информации для принятия решений (информация может быть отсутствующая, фрагментарная, достаточная, избыточная);
- *полезность, релевантность* – собранные сведения должны отвечать информационным потребностям пользователей и не засорять взор аналитика (при этом особо следует выделить категорию потенциально полезной информации);
- *устойчивость* – степень изменчивости информации, отражающая потребность в ее актуализации.

Проверка указанных позиций повышает качество информационной базы анализа и сокращает ее объем.

3. Проверка согласованности информации, поступающей из различных источников, и устранение дублирования данных.

4. Ускорение процессов ввода, обработки и передачи информации за счет применения компьютерных технологий, новейших средств связи и методов дистанционной передачи данных.

5. Обеспечение конфиденциальности и сохранности информации и результатов анализа на всех его этапах.

Фляйшер К. и Бенсуссан Б. [1, С. 38] рекомендуют изучать вводимые данные и результаты анализа, следуя *анаграмме «АИД»* («AID»):

- *аномалии* – аномальные (не совпадающие с другими или, напротив, абсолютно правильные) данные требуют тщательной проверки, по результатам которой можно обнаружить неожиданный феномен или чью-то субъективную позицию;
- *индикаторы* – следует изучать наиболее конкретные, первичные, специфические проявления процессов, например, через оценку динамики ключевых экономических показателей (рентабельность продаж, доля валовой прибыли в расчете на рубль инвестиций, распределение прибыли и т.п.);
- *дезагрегирование* – обзор общей картины «с расстояния» и последовательный отброс не интересующих данных; то, что останется после отбрасывания, содержит основные позиции требуемых сведений.

В случае невозможности сбора достаточного объема информации М. Белкайн [3; 1, С. 38-39] советует воспользоваться одним из пяти приемов:

1. *аналогия* – использование вместо отсутствующих данных сведений, полученных из аналогичных случаев;
2. *дедукция* – формулирование частных выводов на основе анализа общего состояния явления или процесса (от общего к частному);
3. *индукция* – формулирование обобщенных выводов на основе анализа фрагментарных данных (от частного к общему через причинно-следственные связи);
4. *экстраполяция* – прогнозирование, в ходе которого данные объединяются в серии; широко используется в проецировании исторических тенденций на будущее, уязвима к событиям, «нарушающим систему» [1, С. 39];
5. *интерполяция* – нахождение недостающего звена в ряду данных, распределенных серийно.

Общество специалистов по конкурентной информации (Society of Competitive Intelligence Professionals) [1, С. 39-40] предлагает следующий перечень «умений», которыми должен овладеть специалист для успешного проведения анализа:

1. «Установить взаимосвязь между сбором данных и этапами анализа.
2. Работать творчески.
3. Применять как дедуктивное, так и индуктивное обоснование.
4. Использовать альтернативное мышление.
5. Понимать основные аналитические модели.
6. Представить увлекательные и привлекательные модели для выявления новаторского характера анализа, а не сухой, научный подход.
7. Знать, когда и зачем использовать различные инструменты анализа.
8. Учесть неизбежное существование противоречий и «слепых» зон.
9. Знать, когда прекратить анализ, чтобы избежать «паралича анализа».

Автор солидарен с мнением Общества специалистов по конкурентной информации, однако, считает, что «умение» № 6 сформулировано не вполне корректно. Анализ обязан опираться на научный подход, ибо научность – это основа методологии экономического анализа. По мнению автора, «увлекательность» и «привлекательность» анализа должна выражаться прежде всего в его наглядности, изложении результатов анализа в доступной для восприятия форме. Трудоемкость и использование сложного аналитического инструментария, в т.ч. статистических и математических приемов, не должны являться причиной отказа от тех или иных методов анализа.

Список литературы:

1. Фляйшер К., Бенсуссан Б. Стратегический и конкурентный анализ. Методы и средства конкурентного анализа в бизнесе / К. Фляйшер, Б. Бенсуссан. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2005. – 541 с.

2. Montgomery D.B., Weinberg C.B. Toward strategic intelligence systems // Marketing Management. – 1998. – № 6 (4).

3. Belkine M. «Intelligence analysis as part of collection and reporting». In B. Gilad (Eds.), The art and science of business intelligence analysis (pp. 151-164 of Part B). – Greenwich, CT: JAI Press, 1996.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ЗАТРАТАМИ С АНАЛИЗОМ ЗАТРАТ НА КАЧЕСТВО

© Класс Е.А.¹

**Пермский филиал Государственного Университета
Высшая Школа Экономики,
г.Пермь**

В современных условиях глобализации мировой экономики и ужесточения конкурентной борьбы между предприятиями, а также в период стабилизации экономики и национальной производственной базы России, все острее встает вопрос о значении показателей затрат предприятия.

В традиционном аспекте управленческого учета на предприятиях подход к управлению затратами был обусловлен самым простым решением: увеличение прибыли компании при снижении затрат любым способом. При таком подходе всегда вставал вопрос: какими затратами легче управлять – постоянными или переменными? И ответ был тоже однозначным. Если увеличивать производство продукции, оказание услуг и выполнение работ, то есть деловую активность предприятия, то будут снижаться постоянные затраты на единицу выпущенной продукции. А чтобы снизить переменные затраты, необходимо искать более дешевых поставщиков, снижая при этом еще и транспортные расходы, искать более дешевую рабочую силу, и т.д.

Такие меры носят краткосрочный характер и отражаются в снижении качества выпускаемой продукции, выполненных работ и оказанных услуг. При этом частенько менеджеры любого уровня управления считали главным для продажи продукции цену и сроки поставки, и совсем не обращали внимание на ценность продаваемого ими продукта. Тогда как всегда возникала необходимость рассмотрения повышения ценности продукции как одного из главнейших факторов в определении конкурентоспособности предприятия.

Стратегическая цель любого предприятия заключается в увеличении финансовых ресурсов компании, а также максимизации прибыли и максимизации стоимости предприятия в условиях неопределенности и возникающих рисков. Следовательно, показатели затрат всегда будут выступать в роли ограничителя прибыли и фактором формирования конкурентной стратегии и стратегического позиционирования предприятия.

Другими словами управление затратами предприятия перешло от традиционного в разряд стратегического. Традиционная модель управления затратами была основана на формировании добавленной стоимости, не

¹ Старший преподаватель кафедры Бухгалтерского учета и аудита

учитывая при этом внешние факторы, которые действуют на предприятие: конкурентная борьба, экономические кризисы и т.п.

Но каждая компания должна рассмотреть возможность управления затратами с точки зрения своего ресурсного потенциала и возможными угрозами внешней среды. Российские предприниматели все чаще задумываются о необходимости перехода на стратегическое управление затратами, на разработку миссии и стратегических целей предприятия, определение концепции цепочки ценностей.

Конечно, возникает встречный вопрос: насколько безболезненно может произойти указанный выше переход? Однозначно ответить не возможно. Предприятие, постоянно получая прибыль, не задумывается о ее наращивании своего экономического потенциала. Особенно, если это предприятие, которое давно заняло свою нишу на рынке. Вопрос о стратегическом управлении затратами возникает, когда финансовый результат неумолимо уменьшается, а в некоторых случаях вообще сходит на нет.

На каждом конкретном предприятии переход к стратегическому управлению затратами зависит от анализа следующих факторов:

1. Специфика отрасли.

В какой отрасли необходимо раньше внедрять стратегическое управление затратами? Конечно в сфере материального производства, так как отрасль является одной из самых развитых отраслей. В сфере услуг скорее всего этот процесс будет не эффективен, так как затраты на таких предприятиях не являются определяющими эффективность бизнеса.

2. Качество образования.

Без качественной подготовки кадров невозможно внедрение стратегического управления на предприятиях различных форм собственности. Это связано, в первую очередь, с основами управления предприятием – как частью стратегического менеджмента и во вторую очередь, это необходимость понимания и изучения опыта зарубежных стран в этом направлении с точки зрения предотвращения практических ошибок.

3. Руководитель компании.

Управление предприятиями в России в большинстве случаев не является эффективным. Причиной такого подхода является отсутствие управленческого опыта и нежелание кардинально развивать предприятие.

4. Менталитет персонала предприятия.

Для персонала внедрение всего нового всегда таит в себе опасность (потеря рабочих мест, необходимость повышения квалификации, увеличение объемов работ). Более того, чтобы внедрять стратегическое управление затратами необходима заинтересованность персонала в получении и постоянном увеличении финансового результата предприятия в целом. Но каждый работник, получая свою заработную плату в виде оклада с премией, не задумывается о том, чтобы собственник получил как можно больше прибыли. А это всегда повлечет за собой конфликт интересов.

5. Наличие свободных финансовых ресурсов.

Для внедрения стратегического управления затратами необходимы свободные финансовые вложения, значительная доля которых пойдет на исследование рынка, анализа конкурентной среды, приобретение новейших информационных технологий и компьютерных программ.

6. Экономическая стабильность.

Стратегическое управление затратами будет основополагающим, если наступит ситуация дезинфляции (снижение темпов инфляции) или дефляция (процесс противоположный инфляции, который характеризует снижение уровня цен или прекращение их роста).

Проводя анализ внешних факторов, можно определить, что на всех стадиях анализа остро встает вопрос качества – качества внешней среды, качества управления, качества обучения. Следовательно, возникает необходимость анализа управления затрат на качество на среднесрочную стратегическую перспективу. А это значит, что решения в области качества должны быть экономически обоснованы и необходимы компании любой сферы деятельности.

По словам одного из известных в мире специалистов в области менеджмента качества Дж. Шоттмиллера затраты на качество необходимо определять и анализировать потому, что «Руководители компаний говорят на «Языке денег». Система учета затрат на качество позволяет количественно выразить результаты выполняемых проектов и представляет собой измеритель качества, связанный с финансовыми показателями» [1, С. 57].

Следовательно, стратегическое управление затратами связано с анализом и управлением затрат на качество. Затраты на качество представляют собой «разность между фактической себестоимостью продукции или услуги и ее возможной стоимостью, определенной при условии отсутствия случаев предоставления услуг, не соответствующих стандарту, или возникновения дефектов, выявляемых в процессе изготовления или после поставки продукции потребителю» [2, С. 26].

Таким образом, затраты на качество рассматривают с двух сторон. Во-первых, как профилактическая мера по предотвращению дефектов и потерь. Во-вторых, как контрольное мероприятие на подтверждение уровня качества.

Понятие «анализ затрат на качество» может рассматриваться как метод исследования затрат на качество или как деятельность в системе качества. Такой анализ необходим каждому предприятию независимо от того, каким видом деятельности оно занимается. Во-первых, будет измерен уровень качества, а во-вторых, будут определены причины снижения уровня качества.

На сегодняшний день все большее количество российских компаний осознают необходимость анализа затрат на качество, хотя следует отметить, что процент компаний, реально осуществляющих полноценный ана-

лиз таких затрат, достаточно низок. В современных условиях анализом затрат на качество занимаются в основном крупные российские предприятия, у каждого из которых разработана собственная методика анализа, включающая определенные показатели.

Практически все показатели измеряются в относительных величинах, например в процентах или в долях. Это связано с тем, что объемы бизнеса, в компании в целом и на отдельных производственных или обслуживающих линиях колеблются во времени, а абсолютные значения затрат не всегда позволяют четко выявить тенденции, связанные с изменением качества и даже могут вводить в заблуждение.

Обычно для анализа затрат на качество используют различные индексы, т.е. величину суммарных затрат, связанных с качеством, отнесенную к некоторой базе. Практически во всех методиках для анализа долгосрочных тенденций за базу для вычисления индекса затрат принимаются чистые объемы продаж.

Следует отметить, что в тех отраслях, где показатели чистых объемов продаж продукции подвержены значительным колебаниями от одного периода наблюдений к другому (например, в строительной отрасли, где отсутствие финансирования заказчиком за отчетный период способно серьезно повлиять на объемы продаж этого периода), эти значения не могут считаться корректными для выявления краткосрочных тенденций и использоваться для расчета индекса затрат на качество. Для краткосрочных оценок базовые показатели вычисления относительных затрат на обеспечение качества, как правило, имеют непосредственное отношение к тем действиям, которые вызывают эти затраты, связывая эти затраты с объемом выполненной работы. Наиболее типичными в данном случае базами для российских предприятий являются следующие:

- Трудоемкость, т.е. величина затрат оплаты труда, непосредственно затраченного на производство продукции. Но эта база может использоваться только в краткосрочной перспективе, а не направлена на стратегическую цель предприятия.
- Себестоимость, т.е. целая категория факторов затрат, но в качестве базы все же может выступать один элемент: потери на брак.
- Добавленная стоимость, т.е. в качестве базы автоматически используется изменение объемов производства и продаж.

В целом, все наиболее часто встречающиеся базы, используемые российскими предприятиями для расчета различных индексов затрат на качество, можно разделить на следующие группы: трудовые базы, затратные базы, штучные базы.

Руководитель предприятия должен сам определить какие базы для расчета необходимо взять, чтобы полученные результаты объективно отражали реальную картину затрат на качество. Также необходимо, рассмотреть

применение этих баз на перспективу, т.е. на долгосрочный период времени.

Помимо использования различных индексов, затраты на качество анализируются в соответствии с предложенными классификациями. Анализ классификаций показывает, что в настоящее время на большинстве российских предприятий сложилась ситуация, характерная для промышленности Западной Европы и США 60-70-х годов прошлого века, когда в общих затратах на качество значительную часть составляют потери от брака, доля затрат на предупреждение и оценку незначительна. Примерное их соотношение выглядит следующим образом: затраты на предупреждение – 5 %, затраты на оценку качества – 25 %, потери от брака (внутренние и внешние) – 70 % [3, С. 32].

Для того чтобы увязать анализ затрат на качество и стратегическое управление затратами необходимо достигать стопроцентный выпуск готовой продукции повышенного качества. Но на сегодняшний день, данный подход невозможен на российских предприятиях. У персонала отсутствует мотивация выпуска годной продукции или продукции повышенного качества. Например, на мясокомбинате при производстве колбасных изделий молодой работник из-за звонка по сотовому телефону приводит в негодность целую партию продукции. Являются ли данными потери регулируемы? Кто должен возместить ущерб коммерческому предприятию? Ответ однозначный – работник. Но тут же включается сфера человеческого фактора (низкая заработная плата, тяжелое материальное положение, проблемы в семье). Затем, следует тяжелая работа по исправлению брака, но колбасные изделия невозможно исправить, что ж тогда принимается самое простое решение по выпуску колбасок к пиву. Простое решение вопроса. А не пострадает ли здесь имидж компании-производителя?

Стратегическая политика предприятия должна быть направлена на достижение повышенного уровня качества продукции, услуг или работ. Брак может возникнуть на любом предприятии, на любом рабочем месте. Поэтому возникает стратегическая задача анализа брака, которая будет связана с анализом затрат на качество.

Именно поэтому в проекте стандартов ИСО серии 9000 версии 2000 г. предусмотрено обязательное определение затрат на качество. К сожалению, на многих российских предприятиях, имеющих сертифицированную систему качества, экономические методы управления качеством практически не используются. Это обусловлено тем, что отсутствуют требования связи сертификации систем качества с планированием, учетом и анализом затрат и тем, что имеется сложность для экономического обоснования затрат на качество.

Следует заметить, что затрат на качество не удалось избежать не одному предприятию. У одних этот показатель достаточно высокий, а других

наоборот, достаточно низкий. В большинстве случаев, управление затратами на качество либо отсутствует либо сведено к минимуму затрат.

Можно ли избежать затрат на качество и тем самым перейти к традиционному управлению затратами, т.е. увеличить прибыль компании путем снижения затрат на качество? Избежать, наверное, все же не удастся, но возможно прийти к приемлемому уровню затрат.

Можно избежать таких затрат, как неиспользуемые материалы, доработка дефектов, дополнительные проверки качества для выявления дефектов, потери продаж из-за неудовлетворенности потребителя.

Совсем нельзя избежать затрат таких, как страховка, обучение персонала, минимальный уровень проверок качества.

Следовательно, затраты можно оптимизировать, но свести к нулю невозможно.

На предприятиях менеджеры по возможности занимаются тем, что рассматривают претензии покупателей и заказчиков, а потери от этих претензий относят на конкретных людей. Сложность проведения анализа затрат на качество пугает руководителей. Но в тоже время руководитель осознает то, что достигнуть на рынке определенного стратегического позиционирования, можно только в том случае, когда компания будет заботиться о своем потребителе и об улучшении потребительских свойств своей продукции.

Перед каждым руководителем стоит вопрос: кто должен заниматься сбором и анализом данных, составлением оперативного отчета по затратам на качество? Логичным бы было поручить это вопрос экономической службе предприятия, так как при этом необходима стыковка данных с бухгалтерским учетом, счетами затрат, финансовыми документами. Для того, что бы руководители могли оперативно реагировать на представленные материалы, на предприятии должна работать служба менеджеров по качеству.

На практике остается проблематичным получение даже приблизительной оценки затрат на качество, поскольку приходится учитывать большое количество переменных. Тем не менее анализ затрат на качество в соответствии со стратегическим управлением затратами является важной задачей управления предприятием. Многие руководители не имеют возможность получать наглядную информацию об уровне затрат на качество, так как в предприятиях отсутствует система сбора данной информации. А бухгалтерская служба не может дать такую информацию. Многие руководители не осознают значимость анализа затрат на качество и стратегическое позиционирование вверенного ему предприятия.

Цитируя высказывание, Г. Форда которое гласит: «Если в основу производства поставлена не прибыльность, а производительность и качество, то тогда организуется настоящее дело, в выгоды которого не придется

сомневаться» [4], следовательно от анализа затрат на качество зависят и финансовые показатели компании. Для этого необходимо, вместо стандартной системы учета, перейти к стратегическому управлению затратами.

Стратегическое управление затратами является составляющей частью стратегического менеджмента, представляя собой процесс принятия долгосрочных решений по затратам для создания конкурентного преимущества каждому предприятию на рынке. С другой стороны стратегическое управление затратами является информационной базой сбора данных для создания концепции цепочки ценностей предприятия.

Российские предприятия не обращают должного внимания на этот аспект менеджмента, поддерживая прибыльность компании за счет отпуска цен.

Стратегическое управление затратами не должно подменять стратегическую модель бизнеса, а должно быть основой для завоевания конкурентного преимущества, для занятия своей ниши на рынке.

Список литературы:

1. Глудкина О.П. Всеобщее управление качеством: Учебник для Вузов. – М.: Горячая линия – Телеком, 2001.
2. Дж. Кампанеллы / пер.с англ. А. Раскина / Науч.ред.Ю.П. Адлер и С.Е. Щепетова. Экономика качества. Основные принципы их применения. – М.: РИА «Стандарты и качество», 2005.
3. Робертсон А. Управление качеством / Пер.с англ. – М.: Прогресс, 2007.
4. Рахлин К. Принципы планирования и учета затрат на качество / К.Рахлин, Л.Скрипко. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://quality.eup.ru/ECONOM/ppzk.htm>.

КАПИТАЛЬНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА

© Копченко Ю.Е.¹

**Саратовский государственный социально-экономический
университет, г. Саратов**

Статья посвящена отдельным аспектам управления процессом капитального финансирования деятельности банка. Проводится сравнительная характеристика способов капитального финансирования исходя из регулятивных требований, предъявляемых к структуре источников собственного капитала.

Финансирование деятельности коммерческого банка представляет собой целенаправленный и управляемый процесс формирования финансовых ресурсов банка за счет соответствующих источников финансирования. Представление о финансировании деятельности банка как управляемой системе позволяет говорить о наличии соответствующего механизма, посредством которого банк аккумулирует источники финансирования (на входе в систему) и превращает их в финансовые ресурсы (на выходе из системы). В самом общем виде под механизмом финансирования понимается совокупность процедур финансирования, выражающихся в методах и инструментах реализации взаимоотношений банка с кредиторами, посредством которых деятельность банка обеспечивается соответствующими источниками формирования ресурсов.

В теории финансового менеджмента способы финансирования обобщены в пятиэлементную систему: самофинансирование за счет генерируемой прибыли; прямое финансирование через механизмы рынка капитала, в котором выделяют два основных варианта мобилизации ресурсов на рынке капитала: долевое (выпуск акций) и долговое (продажа срочных ценных бумаг, облигационные займы) финансирование; банковское кредитование; бюджетное финансирование; взаимное финансирование хозяйствующих субъектов, т.е. поставка продукции с отсрочкой платежа [1].

Бочаров В.В., придерживаясь общей структуры системы способов финансирования, но при этом выделяет: самофинансирование, акционирование (выпуск собственных акций), кредитное финансирование, финансовый лизинг, комбинированное (смешанное) финансирование [2].

Все перечисленные выше способы финансирования требуют адаптации применительно к деятельности банка, учитывая, что банк в отличие от других хозяйствующих субъектов имеет доступ к рынку капиталов и

¹ Доцент кафедры Денег и кредита, кандидат экономических наук, доцент

сам является его непосредственным участником, наделен исключительными правами по аккумулированию средств населения, а оказание услуг с отсрочкой платежа не получила распространения в банковской практике.

По нашему мнению способ финансирования представляет собой способ аккумулирования денежных средств. Исходя из этого можно выделить два основных способа финансирования:

1. Капитальное финансирование, при котором банк получает денежные средства для осуществления инвестиций в обмен на предоставление права долевого участия в собственности банка;

2. Финансированием путем получения займов, когда банк получает денежные средства для осуществления инвестиций в обмен на обязательство выплатить эти средства в будущем с оговоренным процентом, причем права на долю собственности кредитор не получает.

Капитальное финансирование – это способ формирования долгосрочных источников финансирования, целью которого является формирование собственного капитала банка путем выпуска акций, продажи долей в уставном капитале и капитализации прибыли, увеличивающей совокупное богатство участников банка.

Совокупность источников финансирования, аккумулируемых банком в процессе капитального финансирования, обобщается понятием собственного капитала банка. Функциональная роль собственного капитала заключается в специфике его участия в финансировании деятельности. Основное его назначение – постоянно участвовать в финансировании крупных инвестиций, вложений в ценные бумаги, кредитов акционерам (участникам) и инсайдерам; регулировать масштабы деятельности банка; ограничивать текущий и долгосрочный риск, присущий банковской деятельности; обеспечивать стратегические потребности банка путем создания резервного заемного потенциала, т.е. способности банка в случае необходимости привлечь заемный капитал в желаемых объемах и условиях.

На уровне экономики страны собственный капитал банков рассматривается как важный показатель устойчивости банковского сектора к системным рискам [3], а недостаточный уровень капитализации российских банков и фиктивный характер значительной части капитала отдельных банков относится к числу факторов сдерживающих развитие банковской системы [4]. На уровне задач, стоящих перед российскими банками, собственный капитал банка должен быть достаточным для того, чтобы сконцентрировать финансовые потоки крупнейших российских предприятий, а затем перераспределить их в виде займов или каких-то других инвестиционных операций [5].

С позиций финансирования принципиальное значение имеет структура собственного капитала банка, которая определяет методы и инструменты аккумулирования собственных источников финансирования. Необходимо отметить, что любая систематизация источников должна иметь не только теоретическое, но и практическое значение.

В теоретическом плане вопрос о структуре источников собственного капитала, равно как и о его понятии, является предметом дискуссий, суть которых состоит в попытке разграничить понятия собственные средства и собственный капитал банка и, соответственно, источники их формирования.

Одни авторы отождествляют собственные средства с собственным капиталом. Так финансово-кредитный словарь трактует «капитал банка» как сумму собственных средств банка, составляющих финансовую основу его деятельности и источник ресурсов [6]. Киселев В.В., в своей монографии «Управление банковским капиталом (теория и практика)», дает такое определение собственного капитала банка: «Капитал банка – это средства, внесенные владельцами банка и состоящие в основном из уставного и других фондов, резервов, а также нераспределенной прибыли» [7]. Аналогичное определение собственному капиталу дает и Питер Роуз [8].

С другой стороны, по мнению И.О. Лаврушина, понятие «собственные средства банка» – наиболее общее, включает все пассивы, образованные в процессе внутренней деятельности банка: уставный, резервный и другие фонды банка, все резервы, созданные банком, а также нераспределенную прибыль и прибыль текущего года. Собственный капитал банка – это величина, определяемая расчетным путем. Она включает те статьи собственных средств (и даже привлеченных средств), которые по экономическому смыслу могут выполнять функции капитала банка.

По нашему мнению последняя точка зрения является спорной по следующим причинам: уставный фонд банка не формируется в процессе внутренней деятельности банка, а поступает извне в процессе взаимодействия с кредиторами, для которых такая форма хранения средств является наиболее привлекательной; включение в состав собственного капитала части привлеченных средств, которые могут выполнять функции капитала банка, делает это понятие значительно шире, чем собственные средства.

Багдалов Р.Х. [9], определяет собственный капитал банка как стоимость банковского бизнеса, овеществленная в определенных группах собственных средств банка, обеспечивающих его функционирование как специфического предприятия, отвечающих определенным требованиям, а также способных выполнять специфические функции и приносить доход (или создавать предпосылки для его получения). Трактую собственный капитал как определенную группу собственных средств, но вводя обязательное условие о соответствии определенным требованиям, автор тем самым по сути тоже ставит знак равенства между ними.

На практике не делается различий между собственным капиталом и собственными средствами, а понятие «капитал» ставится в скобки сразу после понятия «собственные средства».

В зарубежной банковской практике термины «капитал», «акционерный капитал», «чистая стоимость», «собственный капитал», «собственный акционерный капитал» и «капитал и нетронутые резервы» вообще рассматриваются как эквивалентные понятия.

По нашему мнению, несмотря на расхождения, которые имеются в приведенных точках зрения, все исследователи схожи в том, что понятием собственный капитал обобщаются источники, обладающие следующими признаками: право собственности переходит к банку, выполнение функций капитала; наличие общих требований к их формированию. Все эти признаки в совокупности реализуются в рамках регулятивного подхода к структурированию источников собственного капитала, и следовательно, способам капитального финансирования.

Способы формирования отдельных видов источников собственного капитала всегда являлись объектом внешнего регулирования. Это, прежде всего, относится к уставному капиталу, субординированным обязательствам, резервному фонду и переоценке основных средств.

В соответствии с действующим законодательством уставный капитал банка может формироваться несколькими способами, в зависимости от которых определяется организационно-правовая форма банка. В настоящее время банк может иметь одну из следующих форм: общество с ограниченной ответственностью, когда уставный капитал банка формируется за счет взносов (долей) учредителей; открытое акционерное общество, когда уставный капитал формируется путем продажи акций банка неограниченному числу лиц; закрытое акционерное общество, когда уставный капитал формируется путем продажи акций банка заранее известному кругу лиц.

В зарубежной практике не существует подобного разнообразия форм функционирования банка и все банки создаются в форме акционерного общества, что связано, прежде всего, с историческими традициями развития банковских систем мира. Становление банковских систем стран Западной Европы и Америки происходило на протяжении десятилетий, когда методом естественного отбора выбиралась наиболее приемлемая форма существования банка, соответствующая уровню развития общественного производства и финансовых рынков, заинтересованных в постоянном отслеживании положения банка посредством биржевой котировки его акций. В России изначально был заложен принцип разнообразия форм собственности, рассчитанный на быстрый подъем и развитие банковской системы, однако по состоянию на 1 января 2008 г. 65,49 % коммерческих банков были акционированы [10].

Нормы, регулирующие формирование отдельных видов источников собственного капитала российских банков, можно разделить на общие - одинаковые для всех банков, независимо от их организационно правовой

формы, и специфические, применяющиеся к банкам, созданным в форме акционерного общества (табл. 1).

Таблица 1

Система регулятивных ограничений при формировании банками отдельных источников собственного капитала

Ограничение	Содержание ограничения
<i>Формирование уставного капитала:</i>	
1. Общие ограничения:	
Источники оплаты уставного капитала	В оплату уставного капитала не принимаются: ценные бумаги, нематериальные активы, а доля имущества (только недвижимость и банкоматы) не должна превышать 20% от размера уставного капитала.
Согласование с ЦБР состава участников	Уведомление - при приобретении более 1% акций или долей банка. Разрешение - при приобретении и 20% акций или долей
2. Специфические ограничения для банков - АО:	
Организация процесса выпуска акций	На основе проспекта эмиссии, подлежащего государственной регистрации сопровождающейся уплатой государственной пошлины
Механизм аккумулирования средств	Установлен. Средства аккумулируются на накопительном счете банка и не могут использоваться в обороте
Обязательность выплаты дохода	Только для привилегированных акций, размер которых не может превышать 25% от общего количества акций
Комбинирование с другими источниками	Одновременный выпуск кредитной организацией акций и облигаций запрещается
<i>Формирование субординированных обязательств:</i>	
1. Общие ограничения:	
Виды обязательств	Депозит, займ, облигационный займ
Срок погашения обязательства	Не менее 5-ти лет без права досрочного расторжения обязательств или изменения условий. Возможность досрочного погашения только по согласованию с ЦБР
Состав кредиторов	Только юридические лица, включая банки, резиденты и нерезиденты
Права кредиторов	При банкротстве банка удовлетворяются в последнюю очередь
Включение в состав собственного капитала	В течении первых 5-ти лет - в полной сумме, в последующие 5 лет - по остаточной стоимости
<i>Формирование резервного фонда:</i>	
1. Общие ограничения:	
Размер резервного фонда	Определяется уставом банка
2. Специфические ограничения для банков - АО:	
Размер резервного фонда	Не менее 5% от уставного капитала с обязательными ежегодными отчислениями в размере не менее 5% от чистой прибыли за отчетный год
<i>Формирование фонда переоценки</i>	
1. Общие требования	
Включение в состав собственного капитала	Не чаще одного раза в три года

Формирование собственного капитала банка в разрезе каждого источника сопряжено для банка с определенными преимуществами и недостатками (табл. 2).

Таблица 2

**Сравнительная характеристика способов
капитального финансирования**

Метод финансирования	Преимущества для банка	Недостатки для банка
Эмиссия акций на основе закрытой подписки	Неограниченный срок привлечения средств Безотзывность Относительная бесплатность средств Не требует предоставления обеспечения	Высокий уровень затрат на организацию эмиссии Сложная процедура подготовки эмиссии Риск нерасмещения акций в установленный срок
Эмиссия акций посредством публичного размещения (IPO)	Возможность получения эмиссионного дохода Доступ к значительному объему средств на рынке	«Распыление капитала» за счет участия в управлении банком новых и мелких акционеров Обязательная государственная регистрация выпуска
Эмиссия конвертируемых в акции ценных бумаг	Долгосрочный характер привлеченных средств Невмешательство кредиторов в деятельность банка Отсутствие риска долгосрочного изъятия Фиксированный объем процентных расходов банка	Высокий уровень затрат на организацию и оплату эмиссии Сложная процедура подготовки эмиссии Риск нерасмещения облигаций в установленный срок Требования к финансовому положению банка со стороны ЦБР
Субординированное заимствование	Долгосрочный характер привлеченных средств Невмешательство кредитора в деятельность банка Ограниченный риск долгосрочного изъятия Фиксированный объем и относительно низкий уровень процентных расходов банка	Необходимость согласования с ЦБР Ограниченность круга кредиторов
Внутренняя капитализация (накопление прибыли)	Условная бесплатность средств Отсутствие обязательств перед кредиторами Отсутствие ограничений по сроку и способу использования	Ограниченный объем средств, напрямую зависящий от эффективности деятельности банка

Таким образом, капитальное финансирование является объектом регулирования. Внешнее регулирование капитального финансирования является составной частью общего банковского регулирования, базируется на приоритетных целях экономического развития страны и включает в себя систему качественных требований и количественных ограничений в отношении способов и источников капитального финансирования. Нормы

внутреннего регулирования вытекают из стратегических целей деятельности банка, доступности отдельных видов источников и необходимости их аккумуляирования.

Основной тенденцией капитального финансирования на современном этапе является смещение акцентов с традиционных (и потому ограниченных и более дорогих) способов аккумуляирования средств (увеличение уставного капитала, капитализация прибыли, переоценка имущества) на более перспективные с позиций увеличения объемов финансирования и затрат на привлечения средств (продажа акций через IPO; облигационные займы, в том числе размещаемые на международном рынке; субординированное заимствование средств нерезидентов). При этом региональные банки ориентируются в большей степени на традиционные способы финансирования, а банки входящие в категорию крупнейших - на изыскание источников капитала на международных рынках.

Список литературы:

1. Финансы: Учебник / Под ред. В.В. Ковалева. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – С. 380.
2. Бочаров В.В. Финансовый инжиниринг. – СПб.: Питер, 2004. – С. 103.
3. Состояние банковского сектора РФ в 2002 г. // Вестник Банка России. – 2003. – № 30.
4. Стратегия развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2008 года.
5. Выступление Первого заместителя Председателя Банка России О.В. Вьюгина на V Всероссийской банковской конференции «Банковский капитал в экономике регионов России» в Москве, 19-20 марта 2003 г. // Вестник Банка России. – 2003. – № 18.
6. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / Под ред. А.Г. Грязновой. – М.: Финансы и статистика, 2002. – С. 386.
7. Киселев В.В. .Управление банковским капиталом (теория и практика). – М.: ОАО «Изд-во «Экономика», 1997. – С. 77.
8. Роуз Питер С. Банковский менеджмент. Пер. с англ. со 2-го изд. – М.: Дело, 1997. – С. 445.
9. Багдалов Р.Х. Собственный капитал банка и управление им / Дисс. на соискание ученой степени канд. экон. наук. – Саратов, 2003. – С. 24.
10. Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2007 г.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ

© Мартынова А.П.¹

Государственный Университет – Высшая Школа Экономики,
г. Москва

Ядром оценки эффективности государственных программ можно считать оценку воздействия, фокусирующуюся на причинно-следственных связях между реализацией программы и достигнутым в итоге результатом. В данной статье рассматриваются основные методы оценки эффективности программ через оценку воздействия. Также анализируются институциональные ограничения для проведения оценок эффективности государственной политики, связанные с отсутствием спроса на результаты со стороны органов государственной власти и существованием необходимых источников эмпирических данных.

Различные программы и услуги, направленные, прежде всего, на борьбу с безработицей, активно реализуются в рамках государственной политики на рынке труда, как за рубежом, так и в нашей стране. Однако, несмотря на широкое использование подобных программ и услуг, среди исследователей и политиков нет единой точки зрения относительно их эффективности. Сторонники активной политики государства утверждают, что это практически единственное средство, позволяющее сократить безработицу и защитить работников, в то время как противники подвергают сомнению значительную отдачу для отдельных индивидов и общества от данных программ и указывают на высокие издержки, с которыми связано проведение государственной политики на рынке труда. В свете подобных споров, вопрос об оценке эффективности государственных программ и услуг на рынке труда строит довольно остро. Однако исследований, посвященных оценке конкретных политических мер, в России проведено очень немного.

Под активной политикой государства на рынке труда обычно понимается та часть политики государства, которая осуществляется непосредственно на рынке труда и нацелена на содействие индивидам, имеющим проблемы с трудоустройством. Активная политика на рынке труда обычно включает два основных элемента. Во-первых, это мобилизация экономи-

¹ Аспирант кафедры Экономики труда и народонаселения

чески активного населения через различные схемы общественных работ, субсидирование рабочих мест и помощь безработным в открытии собственного дела. Во-вторых, это развитие профессиональных навыков необходимых для успешного поиска работы, программы обучения, повышения квалификации и переквалификации для безработных и для тех групп занятого населения, для которых наиболее велик риск остаться без работы. К активной политике на рынке труда содержательно близки меры, призванные способствовать развитию инфраструктуры рынка труда. В первую очередь здесь имеется в виду деятельность служб занятости по предоставлению безработным информации о рынке труда, рекомендаций, консультаций и т.д.

Оценка эффективности активной политики – это экспертиза государственных программ, направленная на анализ их работы, произведенного ими эффекта и сравнение полученных результатов с определенными критериями. Под программой в данном случае подразумевается система практических действий государства на рынке труда, результатом которой должно стать улучшение возможностей трудоустройства безработных граждан. Любой серьезный проект подразумевает анализ его исполнения и результатов. Оценочная деятельность, как методический инструмент и необходимый элемент проектной культуры начала развиваться в 60-70-х годах, прежде всего в США. По мере усложнения и расширения задач, а также роста практической значимости, оценка программ (program evaluation) выделилась в самостоятельную область знаний и профессиональной деятельности.

Эффективность государственной политики в широком понимании включает в себя выбор верных целей, направлений и мероприятий политики, а также достижение поставленных целей с максимальным соотношением выгод и затрат. Для целей оценки эффективности более полезным может быть более узкое определение, фокусирующееся на достижении поставленных целей и на соотношении выгод и затрат.

Оценка эффективности государственных программ на рынке труда в широком смысле включает в себя ряд блоков. Прежде всего, это мониторинг выполнения программ (performance monitoring), акцентирующий степень выполнения поставленных перед программой задач. Также это анализ затрат и выгод (cost-benefit evaluations), сравнивающий издержки реализации программы (желательно в сопоставлении с альтернативными возможностями использования затраченных ресурсов) с выгодами, полученными в результате реализации программы. Ядром оценки эффективности можно считать оценку воздействия (impact evaluations), фокусирующуюся на причинно-следственных связях между реализацией программы и достигнутым в итоге результатом.

*Оценка воздействия как метод оценки эффективности
государственных программ*

Существуют два подхода к рассмотрению эффективности активных программ на рынке труда. Первый подход заключается в измерении экономического и / или социального эффекта от рассматриваемой программы на микро-уровне для конкретного индивида. Второй подход подразумевает, что результаты программы оцениваются на макроуровне для общества в целом. Два подхода могут дополнять друг друга для достижения наибольшей точности и полноты оценки эффективности программ.

Для расчета индивидуального эффекта необходимо создание сравнительной ситуации, которая бы достаточно точно описывала то, что случилось бы в случае отсутствия программы. Для того чтобы определить эффект от программы, необходимо знать, что произошло бы с её участниками в случае, если бы они не участвовали в программе. Программа признается эффективной, если после ее прохождения состояние индивидов (их статус занятости, размер заработков и т.п.) улучшаются по сравнению с ситуацией, когда они не участвовали бы в программе. Создание сравнительной ситуации возможно двумя, так называемыми научными [11] методами: с использованием экспериментальных и квазиэкспериментальных структур оценки.

Под структурой оценки подразумевается логическая модель, в соответствии с которой собирается информация о результатах реализации программы [2]. Вышеназванные методы базируются на сравнении двух групп, экспериментальной и контрольной, одна из которых подвергалась воздействию определенной политической меры, участвовала в определенной программе, другая – нет. Различия между группами относятся на счет действия меры политики. Существуют также и так называемые ненаучные методы, среди которых можно выделить в частности интервью с участниками оцениваемых программ. Данные методы значительно менее надежны и могут использоваться, скорее в дополнение к научным методам, с целью получения некоторой дополнительной информации о результатах использования различных мер политики на рынке труда.

Экспериментальные и квазиэкспериментальные методы с использованием точного эконометрического инструментария, как правило, способны обеспечить наиболее надежные результаты в отношении установления причинно-следственной связи между программой и результатами. Точность, надежность и хорошая разработанность эконометрического инструментария оценки обуславливают широкое использование данных методов в научных исследованиях.

Экспериментальные структуры оценки формируются на основе эксперимента по анализу воздействия программы на две сравнительные группы целевой аудитории программы, одна из которых подвергается воз-

действию программы (экспериментальная группа), а другая – нет (контрольная группа). В случае экспериментальных структур оценки отбор в экспериментальную и контрольную группы обеспечивается методом случайной выборки. Использование случайной выборки подразумевает, что каждый член группы потенциальных участников программы мог с одинаковой вероятностью попасть либо в экспериментальную, либо в контрольную группу. Подобный подход предполагает, что обеспечивается эквивалентность сравниваемых групп [23].

Измерение различных показателей, характеризующих состояние участников сравниваемых групп (как правило, исследователей интересуют параметры занятости или заработков), производится как до, так и после проведения программы. Изменение показателей в контрольной группе демонстрирует существующий временной тренд, складывающийся в результате действия различных факторов, не связанных с программой. Изменение показателей в экспериментальной группе является результатом как действия программы, так и существования временного тренда. Вычитание из изменения показателей в экспериментальной группе изменений в контрольной группе позволяет получить чистый результат участия в программе:

$$\Delta Y = (Y_{It'} - Y_{0t'})_{D=1} - (Y_{0t''} - Y_{0t'})_{D=0}, \quad (1)$$

где t' – период времени до проведения программы;

t'' – период времени после проведения программы;

$Y_{0t'}$ – значение показателя, характеризующего состояние группы в отсутствие программы;

$Y_{It'}$ – значение показателя, характеризующего состояние группы при реализации программы;

$D = 1$, если индивид принадлежит к экспериментальной группе;

$D = 0$, если индивид принадлежит к контрольной группе.

Использование методов случайной выборки при формировании экспериментальной и контрольной групп в теории должно обеспечивать равенство значений показателей, характеризующих состояние экспериментальной и контрольной групп в начальный период времени, $Y_{It'}$ и $Y_{0t'}$. Однако на практике значения показателей могут быть различными, в силу действия разнообразных факторов. Измерение обоих показателей до начала реализации программы позволяет лучше оценить чистый результат программы, поскольку можно произвести поправку на фактическую разницу исходных показателей, если она возникает, несмотря на случайную выборку.

Выбор показателя, характеризующего результат эксперимента (оцениваемой программы), заслуживает отдельного рассмотрения. В исследова-

ниях эффективности политики на рынке труда на микро уровне встречаются два основных варианта: в качестве переменной результата выбирается либо некий параметр занятости, либо параметр заработков. Как правило, в работах американских авторов акцент делается на влиянии оцениваемой программы на заработки индивидов [26]. Например, анализируется изменение заработной платы работника в связи с прохождением профессионального обучения или вероятность трудоустройства безработного на рабочее место с более высокой заработной платой после участия в программах служб занятости. В то же время европейских исследователей чаще, чем их американских коллег, интересуют различные параметры занятости: вероятность трудоустройства безработного или, как в работе Фалка, Лаливе и Цвеймюллера [14], вероятность быть приглашенным на собеседование работодателем, время поиска работы после прохождения программы и т.п.

Применение методов случайной выборки должно обеспечивать отсутствие «классической» смещенности выборки (selection bias). Однако с экспериментальными структурами оценки связана специфическая проблема – смещенность случайной выборки (randomization bias) и эффект Готорна [23]. Эффект Готорна заключается в том, что индивиды, как в экспериментальной, так и в контрольной группах, в силу причин, прежде всего, психологического характера, изменяют свое поведение, зная о том, что являются участниками некоторого эксперимента. Возникающая смещенность называется смещенностью случайной выборки. Она может быть довольно значительной, что создает угрозу обоснованности причинно-следственной связи между программой и достигнутым результатом.

Для того чтобы избежать возможного искажения результатов в процессе эксперимента можно использовать структуру формирования контрольных групп методом случайной выборки только после реализации программы [2]. В данном случае измерение показателей, характеризующих состояние экспериментальной и контрольной групп до начала реализации программы не производится. Чистый результат участия в программе можно тогда определить как:

$$\Delta Y = (Y_{1t''})_{D=1} - (Y_{0t''})_{D=0} \quad (2)$$

Однако недостатком подобной структуры оценки является невозможность учесть исходные различия между сравниваемыми группами, если таковые существуют.

Характеризуя проблему более широко, можно говорить о существовании угрозы внутренней обоснованности применительно к экспериментальным структурам оценки. Внутренняя обоснованность показывает, насколько наблюдаемые изменения зависимой переменной вызваны воздействием независимых переменных, учтенных в исследовании. Наблюдае-

мые изменения зависимой переменной могут быть вызваны также влиянием ряда внешних переменных, не рассматриваемых в качестве независимых переменных в ходе исследования. Если наблюдаемые эффекты находятся под воздействием внешних переменных, очень сложно прийти к достоверным предположениям по поводу причины взаимоотношений между независимыми и зависимыми переменными. Без внутренней обоснованности экспериментальные результаты могут быть ошибочными. Контроль внешних переменных является необходимым условием для установления внутренней обоснованности.

В случае экспериментальных структур оценки основная угроза внутренней обоснованности заключается, во-первых, в уже упомянутой выше смещенности случайной выборки. Помимо этого существует опасность дифференцированной утечки – несопоставимого выхода индивидов из контрольной и экспериментальной групп, что может отрицательно сказаться на репрезентативности, обеспеченной в начале эксперимента применением метода случайной выборки. Иногда измерительный инструментарий модифицируются по ходу эксперимента, что также может исказить результаты оценки. Кроме того, если программа реализуется в течение длительного промежутка времени, накапливается совокупный эффект, обуславливающий различие между теми, кто принимать в ней участие (потенциальные члены экспериментальной группы) и теми, кто не принимал (потенциальные члены контрольной группы).

При использовании экспериментальных структур оценки есть и угроза внешней обоснованности. Под внешней обоснованностью понимается возможность обобщать обнаруженные в эксперименте причинно-следственные связи и делать выводы об эффективности программы применительно к многочисленным группам населения, а не только узко к экспериментальной группе. Для обеспечения внешней обоснованности совокупность индивидов, из которой формируются экспериментальная и контрольная группы, должна сама по себе формироваться методом случайной выборки из всех потенциальных участников программы. В противном случае результаты оценки не будут репрезентативны.

Важнейшим недостатком экспериментальных структур оценки можно считать сложность их использования на практике. Часто объективно невозможно использовать метод случайной выборки для формирования экспериментальной и контрольной групп. Возможны ситуации, когда не давать людям возможность участвовать в программе (в экспериментальной группе) просто неэтично. В любом случае, проведение экспериментов чрезвычайно трудоемко и сопряжено со значительными, часто запредельно высокими, издержками. Как следствие экспериментальные структуры оценки довольно редко используются на практике, хотя именно они способны обеспечить наиболее надежные результаты в отношении уста-

новления причинно-следственной связи между программой и результатами.

Квазиэкспериментальные структуры оценки используются, если невозможно обеспечить формирование эквивалентных экспериментальных и контрольных групп методами случайной выборки. В подобной ситуации возможным подходом является использование доступной информации для проведения оценки квазиэкспериментальными методами. Данные методы подразумевают, что формирование контрольной группы, максимально близкой к экспериментальной, производится с помощью особых методов, отличных от метода случайной выборки. Выводы о наличии причинно-следственной связи между программой и достигнутыми результатами делаются на основании сравнения контрольной и экспериментальной групп, что роднит квазиэкспериментальные структуры оценки с классическими экспериментальными структурами. В качестве контрольной группы может выступать как обособленная, специально сформированная группа, так и сама экспериментальная группа на момент до реализации программы.

Квазиэкспериментальные структуры оценки обычно легко использовать на практике. Во многих ситуациях они являются оптимальными для оценки эффективности программ. Квазиэкспериментальные структуры оценки обычно оказываются сопряжены с меньшими издержками, чем полномасштабные эксперименты. В то же время использование квазиэкспериментальных структур оценки связано с рядом специфических проблем. Необходимо уделять особое внимание нейтрализации возможных угроз обоснованности полученных в ходе оценки результатов, поскольку возникает проблема смещенности выборки и влияния на конечный результат ненаблюдаемых переменных. В этой связи применение квазиэкспериментальных структур оценки предполагает использование достаточно сложных, нетрадиционных эконометрических процедур, которые получили распространение в экономических исследованиях лишь в конце 90-х годов.

В литературе встречаются различные варианты выделения типов квазиэкспериментальных структур оценки. Стоит остановиться подробно на трех наиболее часто упоминаемых и распространенных при проведении практических оценок эффективности типах. Это одnogрупповые предпрограммные / постпрограммные структуры оценки (*before-after estimator*), предпрограммные / постпрограммные структуры оценки с неэквивалентными контрольными группами (*difference-in-differences estimator*) и постпрограммные кросс-секторальные структуры оценки (*cross-section estimator*) [23].

Одnogрупповые предпрограммные / постпрограммные структуры оценки достаточно просты и часто применяются на практике. При подобном подходе сравниваются показатели состояния одних и тех же индивидов до

и после реализации программы. Экспериментальная группа, по сути, совпадает с контрольной.

Одногрупповые предпрограммные/постпрограммные структуры оценки не обязательно требуют наличия лонгитюдных панельных данных для осуществления оценки. Могут использоваться и данные повторных раундов кросс-секторальных обследований. Не обязательно опрашивать одних и тех же индивидов до и после реализации программы. Необходимо только соблюдать условие принадлежности индивидов к одной заранее определенной совокупности.

Таблица 1

Схема одnogрупповой предпрограммной / постпрограммной структуры оценки

	Показатель состояния до программы	Участие в программе	Показатель состояния после программы
Экспериментальная группа = контрольная группа	$(Y_{0t'})_{D=1}$	X	$(Y_{1t'})_{D=1}$

Метод основывается на сильной предпосылке о неизменности показателей состояния экспериментальной группы в отсутствие реализации программы:

$$E(Y_{0t''} - Y_{0t'} | D = 1) = 0 \quad (3)$$

А чистый результат участия в программе определяется как:

$$\Delta Y = (Y_{1t''} - Y_{0t'})_{D=1} \quad (4)$$

Однако в предпосылке (3) скрывается угроза внутренней обоснованности оценки, поскольку в отсутствие реальной контрольной группы, исследователь не может быть уверен, что изменения, произошедшие с экспериментальной группой, были вызваны именно воздействием оцениваемой программы, а не рядом неучтенных ненаблюдаемых факторов, например, изменениями макроэкономической ситуации в стране или сменой фаз жизненного цикла когорты, составляющей экспериментальную группу. Известно, что произошло бы в ситуации без реализации программы.

Наиболее часто используемый подход к разрешению возникающей проблемы заключается в формировании так называемых исторических [2] структур оценки. В принципе к исторической структуре можно адаптировать и другие типы структур оценки, в первую очередь, предпрограммные/постпрограммные структуры оценки с неэквивалентными контрольными группами. Однако именно в случае одnogрупповых структур оценки подобный подход наиболее целесообразен. Исторические структуры оценки предусматривают проведение серии измерений показателей, ха-

рактически характеризующих состояние экспериментальной группы, до реализации программы.

Таблица 2

Схема одnogрупповой (базовой) исторической структуры оценки

	Показатель состояния до программы	Участие в программе	Показатель состояния после программы
Экспериментальная группа = контрольная группа	$(Y_{0i}^0)_{D=I},$ $(Y_{0i}^1)_{D=I},$ $(Y_{0i}^2)_{D=I},$ $(Y_{0i}^3)_{D=I}, \dots$	X	$(Y_{1i}^0)_{D=I}$ $(Y_{0i}^0)_{D=0}$

$(Y_{0i}^i)_{D=I}$ – показатель, характеризующий состояние экспериментальной группы в период времени i .

На основе полученных данных затем производится экстраполяция выявленных тенденций для формирования гипотетической информации о состоянии экспериментальной группы в случае отсутствия реализации программы. То есть путем экстраполяции мы получаем значение показателя $(Y_{0i}^0)_{D=0}$. Чем больше производится измерений, тем больше вероятность устранения угрозы внутренней обоснованности, поскольку можно более полно и адекватно проанализировать тенденции развития экспериментальной группы.

Пример использования одnogрупповой предпрограммной / постпрограммной структуры оценки можно найти в работе Фалка, Лаливе и Цвеймюллера [14]. Авторы оценивают эффективность программ дистанционного профессионального обучения безработных (на базе компьютерных курсов) в Швейцарии. Сравниваются вероятности приглашения безработных из рассматриваемой экспериментальной группы на собеседования работодателями до и после прохождения обучения.

Другой подход сводится к переходу от использования одnogрупповых предпрограммных / постпрограммных структуры оценки к предпрограммным / постпрограммным структурам оценки с неэквивалентными контрольными группами.

Предпрограммные / постпрограммные структуры оценки с неэквивалентными контрольными группами на практике используются чаще одnogрупповых структур. В целом данный метод напоминает классическую экспериментальную структуру оценки. Мы говорим о квазиэкспериментальных структурах оценки, поскольку в данном случае нет возможности использовать методы случайной выборки для формирования экспериментальной и контрольной групп, однако в остальном этот метод близок к классическим экспериментальным структурам оценки. Формируется экспериментальная группа и близкая к ней по характеристикам контрольная группа. Используются показатели состояния экспериментальной и кон-

трольной групп до и после программы. При этом предполагается, что в отсутствие программы состояние индивидов в контрольной и экспериментальной группах значимо не различалось бы:

$$E(Y_{0t''} - Y_{0t'} | D = 1) = E(Y_{0t''} - Y_{0t'} | D = 0) = 0 \quad (5)$$

Тогда чистый результат участия в программе можно определить как:

$$\Delta Y = (Y_{1t''} - Y_{0t'})_{D=1} - (Y_{0t''} - Y_{0t'})_{D=0} \quad (6)$$

Как и в классических экспериментальных структурах оценки из изменения показателей в экспериментальной группе вычитается изменение показателей в контрольной группе, что позволяет элиминировать возможные временные тренды. Именно поэтому в англоязычной литературе метод получил название *difference-in-differences estimator* (дословно: разность разностей).

Таблица 3

Схема предпрограммной / постпрограммной структуры оценки с неэквивалентными контрольными группами

	Показатель состояния до программы	Участие в программе	Показатель состояния после программы
Экспериментальная группа	$(Y_{0t'})_{D=1}$	X	$(Y_{1t'})_{D=1}$
Контрольная группа	$(Y_{0t'})_{D=0}$		$(Y_{0t''})_{D=0}$

Важной особенностью предпрограммных/постпрограммных структур оценки с неэквивалентными контрольными группами заключается в том, что данные для исследования, как и в случае одногрупповых предпрограммных / постпрограммных структур оценки, могут быть как лонгитудными панельными, так и состоять из данных повторных раундов кросс-секторальных обследований, проведенных до и после реализации программы.

На основе схемы предпрограммных/постпрограммных структур оценки с неэквивалентными контрольными группами также возможно формирование исторических структур оценки.

Исторические структуры оценки, в которых измерение показателей производится в течение длительного периода времени, могут нейтрализовать угрозы внутренней обоснованности полученных выводов, поскольку в них учитывается фактор динамики состояния экспериментальной и контрольной групп, на которую накладывается действие программы. Исторические структуры оценки можно использовать для анализа результатов программы, наступающих только с течением времени после ее реализации. Можно проанализировать, как изменяются результаты программ по прошествии определенного периода времени, сказываются ли они сразу

после реализации программы, или существует определенный временной лаг между реализацией программы и достижением результатов. Существенным недостатком исторических структур оценки может оказаться невозможность получения необходимых данных. На практике, как правило, оценки проводятся в течение более короткого времени, чем это необходимо для сбора данных для исторических структур оценки.

Таблица 4

Схема исторической структуры оценки с неэквивалентными контрольными группами

	Показатель состояния до программы	Участие в программе	Показатель состояния после программы
Экспериментальная группа	$(Y_{0t}^0)_{D=1}, (Y_{0t}^1)_{D=1}, (Y_{0t}^2)_{D=1},$ $(Y_{0t}^3)_{D=1} \dots$	X	$(Y_{1t}^{k+1})_{D=1}, (Y_{1t}^{k+2})_{D=1} \dots$
Контрольная группа	$(Y_{0t}^0)_{D=0}, (Y_{0t}^1)_{D=0}, (Y_{0t}^2)_{D=0},$ $(Y_{0t}^3)_{D=0} \dots$		$(Y_{0t}^{k+1})_{D=0}, (Y_{0t}^{k+2})_{D=0}, \dots$

k – период времени, в который реализуется программа.

Предпрограммные / постпрограммные структуры оценки с неэквивалентными контрольными группами в научных исследованиях используются довольно часто. Например, в работе Бланделла, Косты, Мегира и Ван Рейнена [10] оценивается эффективность программы для молодежи 19-24 лет «Новый курс», реализуемой на британском рынке труда. Программа имеет несколько этапов и включает комбинацию различных мер: интенсивное содействие в поиске работы, информирование, помощь в приобретении навыков поиска работы, различные тренинги, субсидии занятости, обучение, профессиональную подготовку и общественные работы. Оценка проводится на базе двух источников административных данных: данные об участниках программы NDED (New Deal Evaluation Dataset) используются для формирования экспериментальной группы. А для создания контрольной группы привлекаются данные о безработных, получающих пособие из национальной базы JUVOS. В качестве контрольной группы выступает безработная молодежь 25-30 лет (предполагается, что по всех характеристикам эта группа максимально близка к возрастной группе 19-24 лет). Сравниваются вероятности трудоустройства в двух группах до и после реализации программы.

Постпрограммные кросс-секторальные структуры оценки предусматривают измерение показателей, характеризующих состояние экспериментальной и контрольной групп, только после реализации программы. Сравниваются показатели для экспериментальной и контрольной групп в момент времени t'' после проведения программы.

Таблица 5

Схема постпрограммной кросс-секторальной структуры оценки с неэквивалентными контрольными группами

	Участие в программе	Показатель состояния после программы
Экспериментальная группа	X	$(Y_{it})_{D=1}$
Контрольная группа		$(Y_{0t})_{D=0}$

Предполагается, что в среднем показатели, характеризующие состояние экспериментальной и контрольной групп, были равны до реализации программы. То есть предполагается эквивалентность сравниваемых групп:

$$E(Y_{0t}' | D = 1) = E(Y_{0t}' | D = 0) \tag{7}$$

Тогда чистый результат участия в программе записывается как:

$$\Delta Y = (Y_{1t'})_{D=1} - (Y_{0t'})_{D=0} \tag{8}$$

На самом деле, поскольку измерения проводятся уже после реализации программы, невозможно сказать, были ли экспериментальная и контрольная группы действительно эквивалентны в начальный период времени. Разница показателей $(Y_{1t'})_{D=1}$ и $(Y_{0t'})_{D=0}$ может быть обусловлена как действием программы, так и исходными различиями групп. В последнем случае срабатывает так называемый эффект подбора участников программы [2]. Угроза обоснованности результатов в случае постпрограммных кросс-секторальных структур оценки сохраняется.

В исследовательской литературе упоминается особый тип постпрограммных кросс-секторальных структур оценки – структуры с различной степенью участия в программе [18]. Данный тип структуры оценки используется, если различные группы в разной степени вовлечены в оцениваемую программу. Например, это может быть оценка федеральных программ, имеющих региональные особенности реализации. При подобном подходе сопоставляются различные уровни реализации программы с полученными результатами в различных группах.

Таблица 6

Схема постпрограммной кросс-секторальной структуры оценки с различной степенью участия в программе

	Участие в программе	Показатель состояния после программы
Группа 1	X_1	$(Y_{1t'})_{D=1}$
Группа 2	X_2	$(Y_{1t'})_{D=2}$
Группа 3	X_3	$(Y_{1t'})_{D=3}$
.....		

Постпрограммные структуры оценки очень часто используются на практике в силу того, что получить необходимые кросс-секторальные дан-

ные сравнительно легко. Часто оценки проводятся на базе данных масштабных национальных исследований, находящихся в открытом доступе. Исследование с применением постпрограммных структур оценки можно найти, например, в работе Фролиха и Лечнера [18]. Авторы проводят оценку эффективности активных программ, реализуемых на швейцарском рынке труда. Используются административные данные об индивидах, безработных в течение длительного периода времени. Экспериментальные и контрольные группы для различных программ формируются на разных локальных рынках труда (в разных кантонах), где те или иные программы либо реализуются, либо нет. Сравниваются вероятности найти работу, найти хорошую (с высоким заработком и продолжительностью трудоустройства более 3 месяцев) работу и размер заработков после программы.

В силу объективной сложности формирования контрольной и экспериментальной групп методом случайной выборки исследователи сталкиваются с необходимостью использования квазиэкспериментальных методов. Эти методы сопряжены с проблемой смещенности выборки (selection bias), в свою очередь, возникающей как следствие отсутствия случайности в процессе формирования экспериментальной и контрольной групп. Объясняемые переменные, характеризующие результаты оцениваемой программы подвергаются воздействию неучтенных наблюдаемых (например, пол, возраст, уровень образования и т.д.) или ненаблюдаемых переменных (например, индивидуальные способности, уровень трудовой мотивации). Индивиды, обладающие определенными характеристиками, с большей вероятностью попадают в экспериментальную группу, и затем эти характеристики оказывают также влияние на результат прохождения программы. Типичным примером может быть эффект «снятия сливок» (creaming) [11], когда в экспериментальной группе оказываются более способные и активные индивиды, что не может не исказить результаты оценки программы в сторону завышения, поскольку в поиске работы данные индивиды также более активны и имеют больше шансов удачно трудоустроиться. Или, напротив, в ряде программ могут участвовать индивиды, не заинтересованные в активном поиске работы, что в отсутствие должного учета может занижить результаты программы.

Можно выделить два рода смещенности выборки [23]. Смещенность первого рода – «классическая» смещенность выборки – является следствием влияния на вероятность участия индивида в программе и на результаты прохождения программы ненаблюдаемых характеристик. В данном случае формально эквивалентные экспериментальная и контрольная группы, даже при полном совпадении наблюдаемых характеристик, фактически различаются, что искажает результаты оценки. Смещенность второго рода связана с тем, что у индивидов в двух группах не совпадают наблюдаемые характеристики. Может иметь место неодинаковое распределение характеристик внутри групп или «не пересечение» некоторых из характе-

ристик. Борьба со смещенностью второго рода, как правило, ведется на этапе формирования экспериментальной и контрольной группы, тогда как в случае смещенности первого рода необходима коррекция результатов оценки с использованием специальных эконометрических процедур.

Таким образом, проблема смещенности выборки ставит перед исследователем две взаимосвязанные задачи. Во-первых, необходимо адекватно сформировать экспериментальную и контрольную группы. Во-вторых, важен выбор адекватных эконометрических процедур оценки для конкретного типа структуры оценки и особенностей используемых данных. Выбор типа структуры оценки напрямую обуславливает выбор эконометрических процедур. Многие процедуры, применимые к классическим экспериментальным структурам оценки не годны для квазиэкспериментальных структур. Как только выбран тип структуры оценки и сформированы экспериментальная и контрольная группы, выбор эконометрических процедур ограничивается. Можно привести ряд примеров, более детально описывающих суть проблемы.

Часто при формировании экспериментальной и контрольной групп исследователи сталкиваются с тем, что сформировать контрольную группу и собрать данные об индивидах из этой группы значительно сложнее, чем выполнить аналогичные действия в отношении экспериментальной группы. Предполагается, что программа несет положительный эффект для индивидов, и иногда не давать им участвовать в программе просто неэтично. В любом случае, у исследователей могут возникнуть значительные издержки формирования контрольной группы. Результатом становится тенденция к тому, что потенциальная экспериментальная группа оказывается более многочисленной, чем потенциальная контрольная группа. В подобной ситуации для того, чтобы иметь возможность использовать общепринятые эконометрические методы, необходимо произвести взвешивание показателей с учетом размеров групп.

Второй пример связан с существованием так называемой смещенности загрязнения (*contamination bias*). Контрольная группа может включать в себя индивидов, которые в реальности участвовали в программе, но информация об этом не была зафиксирована. И снова эконометрические процедуры, годные для экспериментальных структур оценки, оказываются неприменимы.

Подходы к разрешению проблемы смещенности выборки могут быть различны. Выделяются три основные группы методов формирования экспериментальной и контрольной групп и последующего проведения эконометрических оценок с учетом возможной смещенности данных [24]. Первая группа включает кросс-секторальные методы с использованием сравнения по подобию. *Сравнение по подобию (matching)* было впервые предложено Фечнером [24] в 1960 году. Метод предполагает, что контрольная

группа формируется таким образом, чтоб максимально возможно совпадали наблюдаемые характеристики индивидов в контрольной и экспериментальной группах (пол, возраст, уровень образования, заработка или статус занятости до начала реализации программы и т.д.). Каждому индивиду или определенной подгруппе внутри экспериментальной группы должен в результате соответствовать индивид или подгруппа внутри контрольной группы. Так формируются «пары» (*matched pairs*).

Метод не учитывает возможное действие ненаблюдаемых характеристик: предполагается, что при одинаковых наблюдаемых характеристиках индивидов, ненаблюдаемые тоже примерно эквивалентны. Основная предпосылка, на которой базируется данный метод, заключается в том, что при условии равенства ключевых наблюдаемых характеристик в экспериментальной и контрольной группах, все различия между двумя группами после реализации программы можно отнести на счет эффекта от ее прохождения экспериментальной группой. И индивиды в обеих группах обладают одинаковой склонностью к прохождению программы. Участники программы отбираются случайным образом, и невозможна ситуация, когда в экспериментальную группу с большей вероятностью попадают индивиды, обладающие определенными характеристиками, которые потом могут повлиять на результат прохождения программы.

Существенная проблема, связанная с применением метода сравнения по подобию в его общем виде на практике, заключается в том, что при большом числе контролируемых переменных (учтенных наблюдаемых характеристик) метод может не давать устойчивых результатов [5]. Кроме того, контроль значительно числа переменных при отборе индивидов в контрольную группу достаточно сложно осуществлять технически. Для решения данной проблемы в 1983 году исследователями Розенбаумом и Рубиным была предложена вариация метода сравнения по подобию – *метод очков склонности* (*propensity score method*).

Очки склонности – это условная вероятность участия индивида в программе в зависимости от наблюдаемых характеристик, контролируемых исследователем [30]. Функция очков склонности суммирует информацию о наблюдаемых характеристиках индивидов в индексные значения. Очки склонности можно оценить с помощью любой стандартной вероятностной модели (например, с помощью логистической модели или пробит модели). Каждому набору значений наблюдаемых характеристик соответствует только одно оцененное значение вероятности участия индивида с этими характеристиками в программе. Распределения очков склонности в экспериментальной и контрольной группах должно совпадать, и в группы по возможности отбираются пары индивидов с совпадающими значениями очков склонности. Вместо того чтобы контролировать весь вектор наблюдаемых характеристик, исследователь контролирует только очки склонности.

Сравнение по подобию и, в частности, метод очков склонности являются наиболее популярными и часто применяемыми на практике методами. Данные методы могут использоваться не только при работе с кросс-секторальными данными, но и модифицироваться для работы с панельными данными. Однако серьезный недостаток сравнения по подобию заключается в том, что неучтенным остается смещение, вызванное действием ненаблюдаемых характеристик. По этой причине метод сравнения по подобию может применяться только в тех случаях, когда имеющиеся микро-данные таковы, что у исследователя есть основания предполагать незначительность или отсутствие влияния ненаблюдаемых характеристик на вероятность участия в программе и на результат от ее прохождения.

Решить проблему ненаблюдаемых характеристик позволяет следующая группа методов, включающая варианты классического *метода коррекции смещенности выборки Хекмана*. Метод Хекмана подразумевает представление смещения как функции от вероятности участия в программе, причем при оценке вероятности учитываются как наблюдаемые, так и ненаблюдаемые характеристики [24]. Функция смещения оценивается отдельно. Затем результаты оценки программы корректируются с учетом оцененного смещения.

Последняя группа объединяет в себе методы, расширяющие возможности применения сравнения по подобию для панельных данных и данных повторяющихся кросс-секторальных обследований. Методы заключаются в сочетании сравнения по подобию и предпрограммных/постпрограммных структуры оценки с неэквивалентными контрольными группами. Исследователи отмечают, что использование предпрограммных / постпрограммных структур оценки с неэквивалентными контрольными группами (difference-in-differences estimator), само по себе позволяет частично решить проблему смещения за счет элиминирования изменений в состоянии групп, возникающих под действием различных факторов, не связанных с программой [26]. Однако полностью проблема смещенности выборки не исчезает. Хекман, Ичимура, Смит и Тодд [24] предлагают контролировать наблюдаемые переменные, как в методе сравнения по подобию. Если предположить, что, когда контролируются наблюдаемые переменные, величина смещения остается постоянной во времени, вычитание показателей до и после реализации программы в обеих группах, позволяет его элиминировать.

При сравнении описанных выше методов в исследовательской литературе предпочтение часто отдается кросс-секторальным методам сравнения по подобию и их модификациям для работы с панельными данными. Аргументация, как правило, сводится к двум основным пунктам. Во-первых, данные процедуры, в силу минимизации различий между экспериментальной и контрольной группами, менее зависимы от выбора конкретной

функциональной формы эконометрического уравнения результатов программы. Во-вторых, методы достаточно просты и интуитивно понятны, а результаты, полученные с их использованием, сравнительно легче интерпретировать.

Завершая обзор экспериментальных и квазиэкспериментальных методов оценки эффективности государственных программ, можно заключить, что обе группы методов обладают рядом достоинств и недостатков. Итоговое сравнение экспериментальных и квазиэкспериментальных методов приведено в табл. 7.

На первый взгляд экспериментальные методы обладают лучшим балансом «плюсов» и «минусов», чем квазиэкспериментальные. Однако на практике один существенный недостаток – высокие издержки проведения эксперимента – часто делает использование экспериментальных структур оценки невозможным и обуславливает необходимость применения квазиэкспериментальных методов.

Таблица 7

**Основные достоинства и недостатки экспериментальных
и квазиэкспериментальных методов**

<i>Экспериментальные методы</i>	<i>Квазиэкспериментальные методы</i>
<i>Достоинства</i>	
+ Обеспечивают наиболее надежные результаты в отношении установления причинно-следственной связи между программой и ее эффектом.	+ Низкие издержки получения необходимых данных
+ Отсутствует проблема «классической» смещенности выборки	
<i>Недостатки</i>	
– Высокие издержки и иногда объективная невозможность проведения эксперимента и сбора необходимых данных	– Могут давать менее надежные результаты в отношении установления причинно-следственной связи между программой и ее эффектом, чем экспериментальные методы.
– Возникают проблемы смещенности случайной выборки, эффекта Готгорна и дифференцированной утечки из экспериментальной и контрольной групп.	– Возникает проблема «классической» смещенности выборки
	– Необходимость использовать сложный эконометрический инструментарий

Необходимо сделать одно важное замечание. Подходы к оценке эффективности на базе экспериментальных и квазиэкспериментальных структур в силу своей направленности на микроэкономические аспекты обладают одним существенным недостатком, еще не рассмотренным выше. Неучтенными оказываются косвенные эффект от реализации программ: эффекты замещения (substitution effect), перемещения (displacement effect), налогообложения (tax effect) и потери мертвого груза (deadweight losses) [11].

Первый эффект заключается в том, что выигрыш от государственных программ на рынке труда, получаемый их участниками, оказывается сопряжен с потерями тех индивидов, которые в программе не участвуют. Например, в случае субсидирования рабочих мест нанятым оказывается субсидируемый индивид, однако другой индивид остается без работы, хотя мог быть нанят в отсутствие программы. Чистый эффект для занятости равен нулю. Эффект перемещения можно проиллюстрировать, расширив приведенный пример. Фирмы, нанимающие субсидируемых работников, увеличивают свой выпуск при одновременном сокращении издержек, и вытесняют с товарного рынка конкурентов, не использующих услуги субсидируемых работников. Эффект налогообложения связан с необходимостью финансирования государственных программ на рынке труда за счет увеличения налогов, что влечет потери для граждан-налогоплательщиков. О потерях мертвого груза говорят в том случае, если в результате реализации программы достигается эффект, который в любом случае был бы достигнут и в ее отсутствие.

В итоге оценки эффективности мер государственной политики на рынке труда на базе оценки воздействия могут иметь тенденцию к завышению показателей эффективности, даже при условии адекватного применения выбранных структур оценки. Неотраженным остается макроэкономический эффект реализации программ.

Наиболее простой способ оценки макроэкономического эффекта реализации программ заключается в рассмотрении агрегированных показателей динамики уровней занятости и безработицы в масштабах всего государства или в отдельных регионах, отраслях промышленности и т.д. Однако подобный метод в лучшем случае может дать только самое общее и приближенное представление об эффективности той или иной программы. Существует также опасность отнесения на счет действия программы результатов, которые на самом деле могли быть достигнуты под действием совсем других факторов. В настоящее время разрабатываются более надежные методы оценки косвенных эффектов государственных программ, преимущественно основанные на использовании концепции общего равновесия.

Тот факт, что в исследовательской литературе макроэкономические оценки эффективности на базе концепции общего равновесия встречаются гораздо реже оценок индивидуального эффекта программ, можно объяснить, в первую очередь, необходимостью большого объема микро-данных об индивидах, проживающих в разных регионах и принадлежащих к различным группам населения. Подобного рода данные накоплены далеко не во всех странах и доступны не всем исследователям.

*Институциональные ограничения спроса на оценку
эффективности государственных программ*

Необходимыми институциональными условиями для проведения оценок эффективности государственной политики являются существование подходящих источников эмпирических данных и наличие спроса на результаты оценок со стороны органов государственной власти. Оценка эффективности программ на индивидуальном уровне методами оценки воздействия может быть осуществлена только с использованием микро-данных об индивидах, участвовавших в оцениваемых программах. Отсутствие или неполнота микро-данных, отвечающих задачам исследования, ставит под угрозу возможность проведения полноценной оценки. В современных российских условиях у исследователей, готовых заниматься оценками эффективности государственных программ на рынке труда, существует весьма ограниченный выбор эмпирических данных, позволяющих оценивать только отдельные программы в нескольких регионах. Накопление необходимых данных для оценки программ в масштабах всей страны и проведение регулярных оценок представляется возможным при условии поддержки со стороны органов государственной власти. Без заинтересованности властных структур в оценке эффективности программ, результаты оценок, проводимых в настоящее время экспертами из научных кругов, фактически не оказывают никакого влияния ни на выбор направлений и конкретных мер государственной политики, ни на оценку деятельности чиновников, ответственных за реализацию этой политики.

Оценка государственных программ с позиции оценки воздействия в российских условиях наталкивается на существенное препятствие в виде практически полного отсутствия подходящих для анализа микро-данных. Рассмотрим основные источники микро-данных, традиционно используемые западными исследователями, применительно к российской действительности.

Первым источником могли бы стать данные масштабных национальных исследований. Среди плюсов данных подобных исследований можно выделить следующее:

- Низкие издержки получения и обработки данных, поскольку, как правило, они находятся в открытом доступе и уже приведены к виду, удобному для проведения статистических и эконометрических расчетов.
- Большой размер и репрезентативность выборки.
- Большое число учтенных наблюдаемых переменных: подробный перечень социально-демографических характеристик индивидов, информация о профессиональной принадлежности, уровне образования, стаже индивидов и т.п.

- Возможность формирования экспериментальной и контрольной группы на базе одного источника данных. Важно, что все индивиды опрошены с использованием одной и той же процедуры таким образом, чтобы определения всех переменных идентичны.

Однако у данных масштабных национальных исследований есть и недостатки:

- Часто невозможно сформировать контрольную группу на том же локальном рынке труда, что и экспериментальную. Данные собираются таким образом, чтобы была достигнута репрезентативность в масштабах всей страны, и представленность в выборке индивидов из отдельно взятых локальных рынков труда может быть низкой.
- Проблема смещенности загрязнения (contamination bias) – контрольная группа может включать индивидов, которые в реальности участвовали в программе, но в силу различных причин информация об участии не была учтена.

Однако самым существенным препятствием использованию данных национальных исследований в российских условиях может стать полное отсутствие информации об участии респондентов в ряде программ. Если на западе практика оценок эффективности программ насчитывает несколько десятилетий, и вопросники национальных исследований составляются с учетом возможности проведения оценок эффективности на базе полученных данных, в России блок вопросов, связанных с участием респондентов в государственных программах, выпадает из рассмотрения.

Обратимся к Российскому Мониторингу Экономики и Здоровья населения (RLMS), являющемуся одним из основных источников информации для проведения исследований по проблемам рынка труда в России. Данные выборочных обследований RLMS практически не пригодны для оценки эффективности активной государственной политики на рынке труда. RLMS не содержит информации об участии респондентов в государственных программах, таких как общественные работы, субсидирование рабочих мест, профессиональное обучение, предоставляемое службами занятости и т.д.

Большим плюсом могло бы стать проведение исследований национального масштаба, подобных RLMS, усилиями официальных статистических органов, а не неофициальных исследовательских структур. Подобная практика давно имеет место во многих западных странах, в частности в США, где уже более 30 лет существуют базы данных The Panel Study of Income Dynamics (PSID) и The National Longitudinal Surveys (NLS). Участие государственных статистических органов позволяет обеспечить большой размер выборки, охват населения на всей территории страны и включение в рассмотрение большего числа вопросов.

Вторым возможным источником данных для оценки эффективности государственных программ на рынке труда являются административные данные различных государственных служб. Поскольку в России ответственность за реализацию государственных программ лежит на региональных службах занятости, прежде всего, интерес представляют именно данных, собираемые этими службами.

Основные достоинства данных служб занятости следующие:

- Детальное отражение в данных участия индивидов во всех программах служб занятости.
- Максимальная точность и минимизация ошибок как следствие сбора данных для целей организации социальных выплат.
- Респонденты находятся на одном локальном рынке труда.
- Часто присутствует подробная информация о трудовой биографии безработных, стаже и т.п.

Основная проблема, связанная с данными служб занятости в России – это практически полное их отсутствие в открытом доступе. Исследователи работают с данными всего трех региональных служб занятости: Ростова-на-Дону, Воронежа Челябинска. Причем даже эти данные доступны далеко не всем желающим. Кроме того, данные требуют длительной обработки для приведения их к виду, удобному для статистических и эконометрических расчетов.

Возможен еще один способ получения необходимых данных – проведение эксперимента, специально направленного на оценку эффективности некоторой программы. Самостоятельный сбор данных в принципе может иметь ряд преимуществ:

- Полный контроль исследователя над процессом сбора информации, широкие возможности варьирования набора переменных и т.п.
- Возможность сбора данных таким образом, чтобы затем использовать классическую экспериментальную структуру оценки, которая должна давать наиболее точные результаты.

Однако на практике подобный вариант трудно реализуем по причине запретительно-высоких издержек сбора информации, неизбежно возникающих при проведении подобных экспериментов. Эксперименты требуют опроса большого числа респондентов, причем, для достижения наилучшего качества данных опросы должны проводиться в два момента времени: до и после реализации программы. В отсутствие финансирования деятельности по оценке эффективности программ со стороны государства, проведение социальных экспериментов выглядит практически невозможным.

Подводя итог можно заключить, что оценка эффективности государственных программ в России затруднена ввиду недостатка необходимых для анализа микро-данных. Наиболее реальным представляется использова-

ние для оценки программ на рынке труда административных данных, накапливаемых в региональных службах занятости. Однако для наиболее эффективного использования данные должны быть приведены в удобный для анализа вид. В частности лучше не прибегать к текстовым записям, а кодировать информацию. При условии кодирования переменных с использованием общепринятых, а не созданных самой службой занятости, кодировок (например, кодировки профессий и специальностей ISCO-88), это значительно упростило бы исследователям задачу предварительной обработки данных. Важно также обеспечить открытый доступ исследователей к административным данным служб занятости различных регионов. В настоящее время свободный доступ к данным отсутствует.

Существенные ограничения на спрос на оценку эффективности государственных программ могут накладывать электоральные циклы. Введение термина «электоральный цикл» или «политический бизнес цикл» обычно приписывается Калеки [19]. Теория электоральных циклов предполагает, что в начале и середине срока своего правления представители выборных органов власти в большей степени склонны реализовывать политические меры, непопулярные среди населения, но в той или иной степени выгодные самим политикам, находящимся у власти. Значительный промежуток времени до очередных выборов позволяет представителям властных структур проводить политику с большей свободой, преследуя собственные интересы, и в меньшей степени ориентируясь на мнение потенциальных избирателей. В предвыборный период, напротив, реализация или как минимум обозначение курса на проведение популярных среди широких групп населения мер политики становится основой стратегии по завоеванию голосов на выборах. Многочисленные эмпирические исследования доказывают циклический характер проводимой государственными властными органами политики.

Можно выделить три основных направления теории электоральных циклов [19]. Направления различаются по предположениям относительно политических мотивов представителей власти и ожиданий избирателей. Модель чистых политических бизнес циклов (*pure political business cycles*) предполагает заинтересованность политиков только в поддержании своего положения у власти. Оппортунистическое преследование личных интересов представителей власти осуществляется путем манипулирования экономической политикой. Ожидания избирателей в модели считаются статичными, из чего следует, что на решение избирателей влияет лишь текущая политика, реализуемая органами власти. Модель рациональных политических бизнес циклов (*rational political business cycles*) также основывается на предположении, что основным интересом политиков является удержание власти. Однако изменяется предположение о характере ожиданий избирателей, который признаются рациональными. Циклы возникают

по причине асимметрии информации между избирателями и политиками. Партийные теории (*partisan theories*) утверждают, что помимо удержания власти политики, прежде всего, заинтересованы в следовании идеологии и интересам партий, к которым они принадлежат. Различия в идеологии и интересах партий обуславливают различные приоритеты при проведении политических мер. Поддержка электоратом различных партий на разных выборах является основной причиной существованию циклов.

В работе Трейсмана и Гимпельсона [32] на примере ряда национальных выборов (референдум 1993 года, парламентские выборы 1993 и 1995 годов, президентские выборы 1996 года) показывается существование электоральных циклов в России. Характерной чертой рассматриваемых электоральных циклов авторы считают использование различных инструментов государственной политики (например, сокращения ставки налогообложения, увеличения предложения денежной массы, повышения уровня минимальных заработных плат и социальных пособий) или их комбинаций в зависимости от изменения относительных цен этих инструментов и их воздействия на различные группы избирателей перед выборами разных лет. Рассмотрение различных экономических мер как субституты при проведении политики перед выборами, направленной на завоевание голосов избирателей, позволяет обнаружить цикличность политики, незаметную при рассмотрении какого-то одного инструмента.

Если говорить об оценке эффективности государственных программ, в начале электорального цикла спрос на оценку может быть относительно низким в силу того, что новые программы только начинают реализовываться, и должно пройти некоторое время, прежде чем будут достигнуты определенные результаты, и появится смысл в оценке эффективности. Смена власти в результате выборов может сделать неактуальной оценку эффективности программ, проводившихся предшественниками политиков, пришедших к власти. Похожая ситуация может возникнуть и в конце цикла, если, согласно теории чистых или рациональных политических бизнес циклов, набор реализуемых политических мер меняется (в сторону удовлетворения запросов потенциальных избирателей). Кроме того, политики могут быть не заинтересованы в получении результатов оценки эффективности проводимых программ перед выборами, если есть риск, что результаты будут негативными. Наилучшие условия для проведения оценок эффективности в теории должны достигаться при достаточной стабильности проводимой в стране политики, при постоянстве политического курса на протяжении продолжительного временного периода.

Ограничения на спрос на оценку эффективности государственной политики накладывает также отсутствие влияния на положение государственных служащих результатов оценки. Деятельность государства в сфере проведения экономической политики зависит не только от представителей законодательной власти, занимающих выборные должности, но и от чи-

новников, представителей исполнительной власти. Отношения между представителями исполнительной и законодательной власти могут быть рассмотрены в контексте теории агентских отношений (agency theory). Теория широко используется в анализе контрактов и иерархических отношений в различных областях: прежде всего внутри частных фирм и государственного аппарата. Органы исполнительной власти в целом и отдельные чиновники традиционно рассматриваются как агенты, тогда как представители законодательной власти, политики, выступают в качестве принципалов. В более широком смысле все общество, отдельные группы населения, общественные организации и т.п. также могут рассматриваться в качестве принципалов по отношению к государственным служащим. Агентские отношения подразумевают передачу определенных прав от принципала к агенту. Между двумя сторонами заключается явный или неявный контракт, согласно которому агент обязуется действовать в интересах принципала в обмен на установленное вознаграждение. Агент имеет и собственные интересы, вследствие чего возникает риск оппортунистического поведения агента, если его интересы расходятся с интересами принципала [4]. Неравномерное распределение информации между агентом и принципалом делает подобное оппортунистическое поведение возможным. Если бы принципал обладал полной информацией и мог точно оценить деятельность агента, для последнего рациональная стратегия поведения заключалась бы в добросовестном выполнении своих обязательств по контракту. Однако принципал чаще всего располагает менее полной, чем агент, информацией. Зачастую агенты, зная о высоких издержках измерения результатов своей деятельности и их оценки, представляют принципалу избирательную или заведомо неверную информацию о своей деятельности, уклоняясь от выполнения обязательств по контракту.

Применительно к представителям исполнительной власти, рациональное следование собственным интересам, как правило, заключается в максимизации объема ресурсов, финансовых и людских, выделяемых для решения определенных задач. Увеличение численности подчиненных помимо облегчения выполнения поставленных задач способствует повышению статуса чиновника, занимающего руководящую должность. Кроме того, чиновники могут действовать в интересах каких-либо групп специальных интересов либо преследовать цели извлечения собственной материальной выгоды. В любом случае, чиновник-агент, преследующий в своей деятельности цели, отличные от целей принципала, оказывается не заинтересован в обеспечении прозрачности своей работы и в адекватной оценке ее результатов. Оценка эффективности государственных программ может быть тесно сопряжена с оценкой эффективности деятельности самих органов исполнительной власти. Скажем, если для реализации неэффектив-

ной программы привлекаются значительные ресурсы, увеличивается финансирование органа исполнительной власти, ответственного за ее реализацию, «разбухает» штат работников, чиновникам невыгодно получение результатов оценки, которые укажут на неэффективность программы, и, следовательно, на неэффективное использование ресурсов ответственным органом. Отсутствие независимого оценивания эффективности реализуемых программ (на результаты которого чиновники не могли бы повлиять) и влияния результатов оценки на положение агентов (государственных служащих), агентам в определенной степени выгодно. Современные российские реалии таковы, что механизм, через который результаты оценок могли бы влиять на деятельность органов власти, ответственных за проведение государственной политики, отсутствует.

Список литературы:

1. Ниворожкина Л.И., Ниворожкин А.М., Профессиональное обучение и переподготовка безработных: статистическое оценивание эффекта активных программ на рынке труда // Вопросы статистики. – 2003. – № 6.
2. Прокопов Ф.Т. Безработица и эффективность государственной политики на рынке труда в переходной экономике России. – М.: Экономический факультет МГУ; ТЕИС, 1999.
3. Прокопов Ф.Т., Малеева Т.М. Политика противодействия безработице. – М.: БЭА, 1999.
4. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки и «отношенческая» контрактация. –СПб.: Лениздат, 1996.
5. Abadie A, Imbens G.W. Simple and Bias-Corrected Matching Estimators for Average Treatment Effects. NBER Technical Working Paper. – № 283.
6. Abbring J.H. Dynamic Econometric Program Evaluation. IZA Discussion Paper. – № 804.
7. Abbring J.H., Van den Berg G. Simple Procedure for the Evaluation of Treatment Effects on Duration Variables. IZA Discussion Paper. – №. 810.
8. Akhmedov A., Denisova I., Kartseva M. Active labor market policies in Russia: regional interpretation determines effectiveness? CEFIR Academic Paper. –2003. – № 36.
9. Benus J., Brinza R.C., Cuica V., Denisova I., Kartseva M. Re-training programs in Russia and Romania: impact evaluation study. CEFIR Policy Paper. – 2004. – № 32.
10. Blundell R., Costa M., Meghir D.C., Van Reenen J. Evaluating the Employment Impact of a Mandatory Job Search Assistance Program: The New Deal for Young People in the UK. IFS Working Papers W01/20, Institute for Fiscal Studies, 2002.
11. Dar A., Tzannatos Z. Active labor market programs: A review of the evidence from evaluations, 1999.

12. Dehejia R.H., Wahba S.. Causal Effects in Non-Experimental Studies: Re-Evaluating the Evaluation of Training Programs. NBER Working Paper. – № 6586.
13. Eichler M., Lechner M. An Evaluation of Public Employment Programmes in the East German State of Sachsen-Anhalt. IZA Discussion Paper. – № 94.
14. Falk A., Lalive R, Zweimüller J. The Success of Job Applications: A New Approach to Program Evaluation. IZA Discussion Paper. – № 1100.
15. Fertig M., Kluve J. A Conceptual Framework for the Evaluation of Comprehensive Labor Market Policy Reforms in Germany. IZA Discussion Paper. – № 1099.
16. Foley M. Determinants of employment duration in Russia. The William Davidson Institute. Working paper. – 1997. – № 81.
17. Frölich M. Program Evaluation with Multiple Treatments. IZA Discussion Paper. – № 542.
18. Frölich M., Lechner M. Regional Treatment Intensity as an Instrument for the Evaluation of Labour Market Policies. IZA Discussion Paper. – № 1095.
19. Garrat D. An Analysis Of Political Business Cycle Theory and its Relationship with the New Political Macroeconomics. Department of Economics, University of Leicester, Discussion Paper in Economics series, 1998.
20. Garrat D., Nowaihi A. The New Political Macroeconomics. Department of Economics, University of Leicester, Discussion Paper in Economics series, 1998.
21. Gerfin M., Lechner M. Microeconomic Evaluation of the Active Labour Market Policy in Switzerland. IZA Discussion Paper. – № 154.
22. Gerfin M., Lechner M., Steiger H. Does subsidized temporary employment get the unemployed back to work? An econometric analysis of two different schemes. LRR Centre for Employment Studies. IZA Discussion Paper. – № 606.
23. Heckman J., LaLonde R.J., Smith J. The Economics and Econometrics of Active Labor Market Programs. Handbook of Labour Economics, vol. 3, Edited by Ashenfelter A. and Card D. Elsevier Science, 1999.
24. Heckman J., Ichimura H., Smith J., Todd P. Characterizing Selection Bias Using Experimental Data. NBER Working Paper. – № 6699.
25. Heckman J., Smith J. The Sensitivity of Experimental Impact Estimates: Evidence from the National JTPA Study. NBER Working Paper. – № 6105.
26. Hujer R., Caliendo M. Evaluation of Active Labour Market Policy: Methodological Concepts and Empirical Estimates. IZA Discussion Paper. – № 236.
27. Hujer R., Blien U., Caliendo M., Zeiss C. Macroeconometric Evaluation of Active Labour Market Policies in Germany – A Dynamic Panel Approach Using Regional Data. IZA Discussion Paper. – № 616.

28. Manski C.F. The Mixing Problem in Program Evaluation. NBER Technical Working Paper. – № 148.
29. Nivorozhkin A. Evaluation of Active Labor Market Policies in Russia. Conference papers. The 16th Annual Conference EALE (European Association of Labour Economics), Lisbon, Portugal, 9-11 September 2004.
30. O'Becker S., Ichino A. Estimation of average treatment effects based on propensity scores. The Stata Journal, Vol.2. – 2002. – № 4.
31. Schmidt C.M. Knowing What Works The Case for Rigorous Program Evaluation. IZA Discussion Paper. – № 77.
32. Triesman D., Gimpelson V. Political Business Cycles and Russian Elections, or the Manipulations of 'Chudar'. University of California. 2001 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.polisci.ucla.edu>.
33. Triesman D., Gimpelson V. Fiscal Games and Public Employment: A Theory With Evidence From Russia. University of California. 2002 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.polisci.ucla.edu>.
34. Weber A, Hofer H. Are Job Search Programs a Promising Tool? A Microeconomic Evaluation for Austria. IZA Discussion Paper. – № 1075.
35. Закон Российской Федерации от 19 апреля 1991 г. N 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» (с изменениями 1992 г., 1995 г., 1999 г.).
36. Материалы сайта Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). <http://www.oecdmoscow.org/>
37. Материалы сайта American Evaluation Association. <http://www.eval.org>.
38. Материалы сайта UK Evaluation Society. <http://www.evaluation.org.uk>.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ СИСТЕМЫ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ

© Меринов А.Ю.¹

Российская экономическая академия им. Г. В. Плеханова,
г. Москва

В России в настоящее время начинается процесс выработки требований к системам корпоративного управления и внутреннего контроля. Многие зарубежные и российские инвесторы стали уделять большое внимание вопросам внутреннего контроля в тех компаниях, в которые они вкладывают средства. Чтобы убедиться в сохранности инвестиций и адекватности отдачи от инвестиций, они требуют от руководства компаний формализации системы внутреннего контроля, а от аудиторов – отчета о состоянии системы внутреннего контроля.

Само по себе, функционирование системы внутреннего контроля Компании не является гарантом достижения эффективного корпоративного управления, средством достижения заявленных целей организации.

Безусловно, всякий инструмент и механизм управления, должны оцениваться с точки зрения их эффективного функционирования. И система внутреннего контроля не является исключением [6].

В связи с тем, что модель COSO («Интегрированная концепция внутреннего контроля» (Internal Control – Integrated Framework). Кратко этот документ принято называть по наименованию комитета-организатора, концепцией COSO или моделью COSO) и системы внутреннего контроля, спроектированные в соответствии с ней (возможно, в чем-то дополняющие стандартную модель), являются наиболее распространенными и признанными в российской и мировой практике, представляется важным и актуальным выработать методологические основы по оценке эффективности системы внутреннего контроля применительно, базирующейся на принципах COSO [3].

Исходя, из того, что согласно COSO система внутреннего контроля включает пять основных элементов:

- Контрольная среда – представляет собой основу для всех других компонентов внутреннего контроля, включает честность, этические ценности, компетентность кадров, организационную структуру, распределение полномочий и ответственности;
- Оценка риска – включает выявление и анализ соответствующих рисков, внутренних и внешних, препятствующих достижению це-

¹ Аспирант кафедры Государственного и муниципального управления

- лей организации, формирует основу для определения того, как следует управлять этими рисками;
- Средства контроля – гарантируют, что в ответ на выявленные риски организация предпринимает необходимые действия;
 - Информация и коммуникация (информационная система) – обеспечивает выявление, сбор и передачу внутренней и внешней информации в такой форме и в такие сроки, чтобы сотрудники могли выполнять свои обязанности;
 - Мониторинг – включает проведение постоянного или периодического мониторинга и оценки качества системы внутреннего контроля, что необходимо для ее действенного функционирования.

Процесс оценки эффективности системы внутреннего контроля предлагается выстроить на базе оценки каждого из вышеперечисленных компонентов.

До стадии оценки системы внутреннего контроля необходимо осуществить процесс ее документации, который в свою очередь является частью процесса построения системы внутреннего контроля.

Результатами документации являются:

1. Определение задач. Под задачами понимается тот комплекс категорий, неисполнение и недостижение которого потенциально может привести к недостижению целей, которые стоят перед предприятием.

В целом же задачи можно разделить на «задачи на уровне организации», актуальные для всей организации, и «задачи на уровне бизнес-процессов», касающиеся действий и процедур меньшего масштаба. Задач на уровне организации в целом сравнительно немного, тогда как задач на уровне бизнес-процессов может быть сотни.

Для примера рассмотрим задачи основополагающего элемента системы внутреннего контроля, контрольной среды [2]:

- *руководство проявляет характер, добросовестность и приверженность этическим ценностям;*
- *компания стремится работать компетентно;*
- *аудиторский комитет и / или совет директоров активно участвуют во внутреннем контроле компании за финансовой отчетностью и имеют влияние на этот процесс.*

2. Выявление рисков. В данном случае под рисками понимаются угрозы или упущенные возможности, которые препятствует достижению поставленных целей и задач, соответственно.

В начале необходимо рассмотреть каждую задачу контроля. В начале «трансформации» задачи контроля в риск можно использовать вопрос типа: «Что, если?..», чтобы рассмотреть задачу контроля и составить список рисков, мешающих успешному решению этих задач. Вначале можно рассмотреть контрольную задачу, обратную поставленной (методом отрица-

ния). Например, если применительно к контрольной среде задача звучит так: «Компания стремится действовать компетентно». Связанный с этим риск может состоять в том, что «компания не стремится действовать компетентно». Однако это следует считать лишь начальной точкой, но никак не конечной. Затем следует спросить: «Каковы глубинные факторы риска, которые могут подорвать стремление компании действовать компетентно?» [5]. Ответы на этот вопрос можно найти в сферах лидерства, должностных инструкций, коммуникации, практики найма, аттестации работников и т.п. Каждую из этих зон рисков следует документировать.

3. Определение контрольных мероприятий (понятия «контрольных процедуры» и «средства контроля» в данной работе следует приравнять к понятию «контрольные мероприятия»). После обобщения задач контроля и определения рисков, которые могут затруднить выполнение этих задач, следует задать такой вопрос: «А что всё-таки можно сделать для минимизации этих рисков?» [5]. И именно здесь в дело вступают контрольные процедуры. Контрольные процедуры – это политика и процедуры, помогающие компании в смягчении риска и в выполнении задач. Контрольные процедуры могут рассматриваться как часть непрерывной работы: сначала необходимо определить задачи, затем риски по каждой из этих задач и затем соотнести контрольные процедуры с каждым отдельным риском.

В самом широком смысле слова средства контроля можно подразделить на две основные категории: средства контроля на уровне компании в целом (в том числе на уровне корпоративного управления) и процессные контрольные процедуры (на операционном уровне). Средства контроля на уровне компании обычно существуют и работают в рамках всей организации (что справедливо как для компаний, все подразделения которых территориально сосредоточены в одном месте, так и для компаний, подразделения которых находятся в разных местах). Эти средства контроля предназначены для отслеживания уместности и обоснованности информации, получаемой от находящихся в их основе процессов (и подразделений), а также для отслеживания эффективности средств контроля, работающих в рамках процесса (одновременно в нескольких местах). К примерам средств контроля на уровне компании относятся находящиеся на корпоративном уровне средства контроля за общими процессами и системами, централизованным финансовым процессингом и последовательными процедурами и процессами по составлению финансовой отчетности.

Процессные контрольные процедуры обычно работают на нескольких уровнях:

- На уровнях высшего руководства контрольные процедуры, вероятнее всего, будут выполняться самим руководством и, скорее всего, будут предусматривать более широкий охват данных, тогда как деталям будет уделяться менее пристальное внимание.

- На более низких уровнях в контрольных процедурах, вероятнее всего, будет уделяться более пристальное внимание отдельным группам данных с гораздо более высоким уровнем детализации.
- На самом низком уровне контрольные процедуры будут относиться к отдельным операциям (сделкам).

После того, как контрольные процедуры будут соотнесены с задачами, необходимо оценить эффективность построения средств контроля. В сущности, необходимо найти доказательства того, что средства контроля построены надлежащим образом для выполнения связанных с ними задач контроля.

Предлагается это назвать: «оценкой эффективности дизайна» контрольных процедур с целью определения того, насколько данный контроль может своевременно предотвратить или обнаружить существенный риск и обеспечить достижение целей компании. Такая оценка осуществляется в отношении 1) контролей на уровне компании 2) конкретных контрольных процедур на операционном уровне.

Дизайн контроля – описание контроля, представляющее собой последовательность определенных шагов, которые должен выполнять исполнитель контроля, и выполнение которых приведет к достижению эффективности контроля.

Эффективность дизайна контроля – соответствие описания контроля задачам, на который направлен контроль.

Чтобы продемонстрировать эффективность систем внутреннего контроля необходимо определить, насколько эффективно функционируют механизмы контроля в Компании – оценить операционную эффективность.

Операционное функционирование контроля – функционирование контроля, которое определяет, как контроль применяется в Компании.

Операционная эффективность контроля – соответствие выполняемых действий при осуществлении контроля дизайну контроля, отсутствие ненадлежащего распределения обязанностей.

Для оценки эффективности необходимо провести тестирование контролей, которое должно охватывать каждый из пяти компонентов внутреннего контроля (в данном конкретном примере уделяется особое внимание контрольной среде компании). Также тестирование должно охватывать области, связанные со специфическим риском на остальных объектах.

Одним из результатов выполняемой оценки эффективности систем внутреннего контроля является уровень разумной уверенности (вероятность того, что выявленные риски по достижению целей компании не будут своевременно предотвращены или выявлены, является ничтожной). Для достижения высокой степени уверенности руководству необходимо получить достаточные доказательства правильного дизайна и операцион-

ной эффективности контролей.

Процесс тестирования контролей можно четко разделить на несколько этапов:

- 1. Определение контролей, подлежащих тестированию;*
- 2. Определение лиц, которые проводят тестирование;*
- 3. Оценка эффективности дизайна контроля;*
- 4. Оценка операционной эффективности контроля;*
- 5. Документирование и хранение результатов тестирования;*
- 6. Оценка результатов тестирования;*
- 7. Разработка и реализация плана исправительных мероприятий;*
- 1. Определение контролей, подлежащих тестированию.*

При выборе контролей менеджмент должен руководствоваться профессиональным суждением, так как не существует универсальной формулы или утвержденного списка подлежащих тестам контролей. Необходимо протестировать контроли, относящиеся ко всем существенным рискам по всем ключевым бизнес-единицам (в случае холдинговой модели бизнес-организации).

При оценке эффективности контролей, относящихся к таким компонентам COSO как контрольная среда, оценка риска, обмен информацией, а также мониторинг, обычно требуется больше полагаться на профессиональные суждения и качественный анализ, чем при оценке контрольных процедур.

Решения, принятые на этапах определения объема работ по построению системы внутреннего контроля и их документирования, обуславливают выбор бизнес-единиц (регионы, подразделения и пр.) и выполняемое тестирование.

Для определения, какие объекты должны быть включены в оценку систем внутреннего контроля, необходимо оценить соответствующую финансовую значимость бизнес-единицы и соответствующие риски, связанные с этой бизнес-единицей. Как правило, финансовая значимость бизнес-единицы определяется на основании соответствующих финансовых показателей (например: ежегодная выручка, прибыль до налогообложения, активы, собственный капитал) по отношению к показателям консолидированных балансового отчета или отчета о прибылях и убытках.

2. Определение лиц, которые проводят тестирование.

Во всех случаях необходимо определить (1) обладает ли персонал, выполняющий тестирование контролей, необходимыми компетенцией и эффективностью, (2) обеспечивают ли проведенные процедуры тестирования получение доказательств, достаточных для обоснования оценки эффективности СВК [6].

Тестирование системы внутреннего контроля могут проводить любые сотрудники, способные сделать это, в том числе сотрудники отдела внут-

ренного контроля, отдела внутреннего аудита, руководители компании, сотрудники некоторых сторонних консалтинговых фирм под руководством руководителей компании или членов аудиторского комитета и даже сотрудники компании, отвечающие за внедрение системы внутреннего контроля (при этом, следует обратить особое внимание на принцип разделения обязанностей и наличия конфликта интересов).

3. Оценка эффективности дизайна контроля.

Тестирование дизайна контрольных процедур заключается в определении, способен ли контроль, в случае соответствующего исполнения, обеспечить своевременное предотвращение или обнаружение риска, препятствующего достижению целей компании.

Процедуры, которые обычно используются для проведения оценки дизайна контроля:

- изучение документов;
- интервью соответствующего персонала Компании;
- опыт предыдущих проверок.

При оценке эффективности дизайна следует сосредоточить внимание на следующих аспектах [1]:

- взаимосвязь контролей и выявленных рисков (т.е. являются ли бизнес-процессы и соответствующие им контроли эффективными в достижении поставленных руководством целей и покрытия, связанных с этим рисков);
- периодичность осуществления контроля – способность контроля своевременно предотвращать или обнаруживать риски;
- знания и опыт сотрудников, занимающихся осуществлением контроля (исполнители контроля);
- разграничение обязанностей в отношении процесса, находящегося под контролем;
- своевременность решения вопросов и несоответствий, которые являются в результате проведения контрольных процедур;
- надежность информации, используемой при осуществлении контроля;
- период времени, охватываемый контролем.

Не все контроли дают одинаковую степень уверенности в том, что контроль в полной мере достигает своей цели. При ее оценке необходимо рассматривать вопросы, связанные с характером контроля, способом и последовательностью его применения, определением исполнителей контроля.

Оценка эффективности дизайна контроля имеет большое значение, так как только надлежащим образом разработанный дизайн контроля может снизить риски.

Для оценки эффективности дизайна наряду с вышеперечисленными аспектами рекомендуется проводить процедуры сквозного тестирования

по контролям, так как они помогают увидеть взаимодействие с другими контролями и шагами процесса и оценить покрытие рисков.

Если на основании проведенной оценки дизайн контроля признан неэффективным, тестирование операционной эффективности не требуется и контроль в целом признается неэффективным, так как основная цель контроля – покрытие рисков – не достигается.

4. Оценка операционной эффективности контроля.

Тестирование операционной эффективности контроля предусматривает проверку того, как контроль применяется, насколько последовательно выполняется в течение периода, кем выполняется, и т.п.

Те же контрольные процедуры, которые были выбраны для оценки эффективности дизайна должны оцениваться на предмет их операционного функционирования.

При проведении тестирования операционной эффективности контроля необходимо определить: методы тестирования, которые будут использоваться для получения доказательств эффективности; характер и глубину тестирования (объем выборки); сроки проведения тестирования и период тестирования.

Для систематизации процесса тестирования, проведения тестирования, документирования ключевых элементов проводимых тестов, рассмотрения и утверждения результатов тестирования предлагается разрабатывать программы тестирования.

Программы тестирования формируются для всех контролей, отобранных для тестирования, они должны содержать необходимые данные для тестирования и отражают шаги, которые следует выполнить при тестировании.

Программа тестирования должна содержать следующие ключевые данные [1]:

- Методы тестирования – основные методы классифицируются как опрос, наблюдение, исследование, повторное выполнение.
- Объем тестирования (размер выборки) – указывается количество объектов, подлежащих тестированию, а также причины отбора этих объектов.
- Дата выполнения теста – указывается фактическая дата проведения тестирования.
- Период тестирования – указывается, какой период времени охватывается тестами.
- Описание теста – указываются процедуры и шаги, которые должны быть выполнены и подтверждения, которые должны быть обоснованы.
- Ключевые административные характеристики – в планах указывается, кто выполняет тест, и с кем проводится тестирование.

– Документация – описывается требуемая к проверке документация.

Предлагается использовать 4 основных метода тестирования: опрос, наблюдение, исследование или повторное выполнение. Одновременное использование двух и более из этих методов тестирования позволяет получить более высокую степень уверенности, чем использование только одного из них. Чем более существенным является бизнес-процесс, а также чем более значительным является риск, тем важнее обеспечить получение доказательств средствами, выходящими за рамки одного метода тестирования. Вид и тип контроля также влияют на выбор метода тестирования. Зависимость степени уверенности от используемого метода тестирования по мере возрастания – следующая: опрос, наблюдение, проверка, повторное исполнение.

Объем выборки для тестирования конкретного контроля зависит от целого ряда факторов, таких как вид тестирования (основное, уточняющее, самооценка), от вида контроля, типа контроля, частоты выполнения контроля. Предлагается использовать следующий размер минимальной рекомендованной выборки для тестирования:

- 1-3 случая за год – выборка составляет 1 позицию;
- 4-10 случаев за год – выборка составляет 2 позиции;
- 11-50 случаев за год – выборка составляет 3 позиции;
- 51-100 случаев за год – выборка составляет 10 позиций;
- 100-150 случаев за год – выборка составляет 15 позиций;
- Более 150 случаев за год – выборка составляет 25 позиций.

5. Документирование и хранение результатов тестирования.

После завершения процесса оценки эффективности контрольных процедур необходимо задокументировать результаты. Если та или иная контрольная процедура срабатывает, то необходимо представить документальные доказательства этого. В базе данных, в электронной таблице или в бумажных папках, доступных для проверки должны фиксироваться и сохраняться сведения, полностью описывающие:

- факт выполнения таких проверок и сведения, полученные в результате таких проверок;
- результаты проверок;
- выводы относительно эффективности каждой подвергнутой проверке контрольной процедуры.

Если та или иная контрольная процедура не срабатывает достаточно эффективно, необходимо задокументировать такой недостаток системы внутреннего контроля.

Следующим шагом необходимо определить первопричину и важность каждого выявленного недостатка системы внутреннего контроля.

6. Оценка результатов тестирования.

Цель оценки результатов тестирования заключается в том, чтобы опре-

делить, эффективно ли функционируют контроли по отношению к цели внутреннего контроля.

Требуется достаточно высокий уровень уверенности в отношении эффективности функционирования контролей. Для его обеспечения можно принимать только ничтожно малый уровень исключений (несоответствий).

Необходимо тщательно оценить каждый из выявленных недостатков проверяемого контроля и определить приоритетные действия по корректровке. Каждый исправленный контроль должен быть подвергнут повторному тестированию, чтобы подтвердить его операционную эффективность.

Для начала необходимо проанализировать конкретные обстоятельства возникновения такого недостатка и породившие его причины, задокументировать детали отдельных недостатков системы контроля, свести вместе и суммировать все выявленные недостатки этой системы.

Дальнейшие шаги по оценке результатов тестирования включает в себя классификацию, анализ и оценку недостатков, выявленных при тестировании СВК.

Принимая во внимание тот факт, что разные неэффективные контроли могут оказать различное влияние на систему внутреннего контроля необходимо осуществить анализ на предмет существенности того или иного недостатка СВК.

В основу классификации недостатков системы внутреннего контроля положены главным образом следующие факторы:

- вероятность того, что присущий системе внутреннего контроля недостаток (либо сам по себе, либо в сочетании с другими недостатками этой системы) может привести к непокрытию риска и, как результат, к недостижению целей компании;
- степень потенциального влияния на компанию вследствие наличия недостатка (недостатков) системы внутреннего контроля.

Следует отметить, что недостатки в системе внутреннего контроля выявляются при использовании различных источников и способов, включая следующие:

- С помощью осуществляемой оценки системы внутреннего контроля путем тестирования;
- В процессе самооценки, осуществляемой менеджментом;
- В процессе работы службы внутреннего аудита;
- В процессе работы внешних аудиторов;
- Проверки регулирующих органов.

На вероятность оказывают влияние следующие факторы:

- Природа бизнес-процессов;

- Подверженность соответствующих активов и обязательств риску убытка или мошенничества;
- Субъективность, сложность или уровень профессиональных суждений, необходимых и используемых в ходе бизнес-процессов;
- Причина и частота повторения уже известных или обнаруженных недостатков из-за неэффективности функционирования контроля;
- Взаимосвязь или взаимодействие различных видов контроля между собой;
- Взаимосвязь недостатков;
- Возможные будущие последствия наличия недостатка.

Недостатки в системе контроля первоначально следует оценить по отдельности или в совокупности и затем определить, являются ли они существенными или значительными недостатками с учетом влияния компенсирующих контролей. Компенсирующие контроли следует принимать во внимание при оценке вероятности возникновения неблагоприятных событий. Кроме этого, компенсирующие контроли могут ограничить потенциальную величину недостатка (например, в случае, когда компенсирующие контроли действуют только сверх заданной денежной суммы). Однако существование компенсирующих контролей не влияет на само наличие недостатка в системе контроля.

На основе оценки вероятности и значимости искажения данных в результате недостатков в системе внутреннего контроля следует определить, является ли данный недостаток существенным или значительным.

7. Разработка и реализация плана исправительных мероприятий.

После того, как оценены результаты тестирования системы внутреннего контроля и выявленные недостатки (в случае их наличия). Необходимо разработать план по их устранению. Разрабатывая конкретный процесс или принимая решение, призванное устранить недостатки системы внутреннего контроля, следует стремиться к тому, чтобы были достигнуты необходимые цели контрольных процедур, а выявленные при этом риски учтены. Безусловно, должен быть назначен ответственный за реализацию всего этого процесса или каждого такого плана, необходимо установить временные рамки устранения существующих недостатков, а также детально определить, какие силы и средства для этого потребуются.

Перед тем как начать претворять в жизнь план устранения недостатков, желательно заручиться поддержкой всех тех, кто будет так или иначе задействован в реализации такого плана или тех, кого он коснется. Особенно важно при этом не забыть поставить в известность о наличии такого плана руководителей высшего звена, членов аудиторского комитета компании, аудиторов компании.

Важно определить основные мероприятия и ключевые этапы достижения намеченных результатов и с соблюдением требуемых сроков. Необходи-

димо отслеживать то, как в компании продвигается работа на этих основных этапах и сообщать о результатах и решенных вопросах Комитету по аудиту.

Как только работа по обновлению и доработке процедур в рамках системы контроля будет закончена, необходимо провести их повторную проверку, чтобы быть уверенными, что устранение недостатков и слабых мест теперь, наконец, завершено, а новые контрольные процедуры действуют эффективно. При этом следует удостовериться, что в соответствующую документацию внесены должные изменения и обновления, отражающие факт устранения каждого из недостатков или слабых мест, а также факт наличия в ней вновь введенных контрольных процедур.

Список литературы:

1. Auditing Standard No. 5: An Audit of Internal Control Over Financial Reporting That Is Integrated with An Audit of Financial Statements [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.pcaob.org.

2. Guidance on Control and Guidance for Directors – Governance Processes for Control. By the Criteria of Control (CoCo) Board. Published by the Canadian Institute of Chartered Accountants (CICA). [Электронный ресурс] - Режим доступа: www.cica.ca.

3. Internal Control – Integrated Framework, Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission, copyright 1992, 1994. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.coso.org.

4. Review of the Turnbull guidance of internal control by Institute of Chartered Accountants in England & Wales («ICAEW») [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.icaew.org

5. Taking control. A guide to compliance with Section 404 of the Sarbanes-Oxley Act of 2002 [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.iasplus.com

6. Тихомиров А. Ориентируюсь на риски или как оценивать внутренний контроль [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.iaa-gu.ru

ОЦЕНКА СИЛЬНЫХ И СЛАБЫХ СТОРОН ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «РАЗВИТИЕ АПК» НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНА (ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ)

© Охотников О.И.¹

Омский государственный аграрный университет,
г. Омск

Дается характеристика деятельности национального проекта «Развитие АПК» в регионе, сильные и слабые стороны реализации проекта на территории Омской области.

Реализация приоритетного национального проекта «Развитие АПК» в Омской области началась в условиях развитого сельскохозяйственного производства. Так Омская область по объемам сельскохозяйственной продукции входит в десятку крупнейших регионов России. В Сибирском федеральном округе она занимает по объемам зерна и мяса – второе, молока – третье место. А в пересчете производства на душу населения Омская область по зерну и молоку является второй, по мясу – первой.

Основной механизм национального проекта «Развитие АПК», включает в себя 3 направления: «Ускоренное развитие животноводства», «Стимулирование развития малых форм хозяйствования» и «Обеспечение доступным жильем молодых специалистов (или их семей) на селе». С помощью SWOT-анализа были спрогнозированы сильные и слабые стороны проекта, а также исходя из них определены основные возможности и угрозы, которые могут возникнуть в результате реализации данного проекта.

По направлению «Ускоренное развитие животноводства» сильными сторонами проекта являются:

- доступность кредитных ресурсов на строительство, реконструкцию и модернизацию животноводческих комплексов (ферм);
- субсидирование 2/3 ставки рефинансирования Банка России по кредитам коммерческих банков на срок до 8 лет по кредиту;
- увеличение уставного капитала ОАО «Росагролизинг» за 2 года на 8 млрд. рублей;
- удешевление стоимости лизинга для сельхозпроизводителей;
- регулирование импортных поставок мяса и технологического оборудования для животноводства;
- применение квот и таможенных пошлин на мясо.

¹ Аспирант кафедры Финансового менеджмента

При этом исходя из анализа сильных сторон проекта вытекают следующие возможности данного направления:

- увеличение производства мяса, молока при стабилизации поголовья крупного рогатого скота;
- техническое перевооружение животноводства;
- создание новой инженерно-технической базы отрасли и использование техники и технологий нового поколения;
- обновление поголовья крупного рогатого скота и свиней за счет закупки высокопродуктивного племенного скота, новых пород с высоким генетическим потенциалом;
- развитие кредитно-финансовой системы АПК;
- повышение инвестиционной привлекательности аграрного сектора экономики.

Рассмотрев положительные стороны одного из основных направлений национального проекта АПК и одной из приоритетных отраслей сельского хозяйства можно увидеть достаточно большое количество положительных моментов данного направления национального проекта. Теперь на примере «Ускоренного развития животноводства» выделим слабые стороны этого направления и угрозы, которые могут возникнуть.

К слабым сторонам данного направления проекта следует отнести:

- главный и общий недостаток всего проекта по всем направлениям заключается в том, что он не предполагает никаких существенных изменений в агропродовольственной политике и направлен в основном на дополнительное финансирование существующих и самых неэффективных мер;
- программа «Ускоренного развития животноводства» предполагает довольно существенные вложения средств в импорт племенного скота из-за рубежа через закупку и передачу их в лизинг сельхозпроизводителям;
- национальный проект предполагает субсидирование процентных ставок по инвестиционным кредитам на строительство и модернизацию животноводческих комплексов на срок до 8 лет, хотя сам проект рассчитан на 2 года.

Исходя из «минусов» направления проекта можно спрогнозировать несколько угроз:

- завоз высокопродуктивных пород скота из-за рубежа не гарантирует высокой продуктивности в российских условиях, поскольку необходимы определенные технологические условия, реконструкции помещений, квалифицированный менеджмент;
- нет особой заинтересованности в эффективном использовании средств у ОАО «Росагролизинг», так как корпорация получает сред-

- ства не на лизинговые операции как таковые, а на пополнение уставного капитала, за что обязуется провести лизинговые операции;
- скоротечность проекта порождает крайне высокие риски для производителей, желающих участвовать в программе субсидирования, так как не конкретизирован вопрос о компенсации процентных ставок по восьмилетним кредитам по истечении двух лет реализации национального проекта;
 - исходя из предыдущей угрозы спрос на субсидированные инвестиционные кредиты может быть ниже, чем предполагается в проекте.

Помимо поддержки животноводства существует еще одно существенно важное направление – поддержка малых форм хозяйствования, а более точно направление называется «Стимулирование развития малых форм хозяйствования в агропромышленном комплексе».

По аналогии с первым направлением разберем основные положительные и отрицательные особенности данного направления.

Сильные стороны «Стимулирования развития малых форм хозяйствования в АПК»:

- субсидирование процентной ставки по кредитам, полученным в коммерческих банках, в размере 95 % ставки рефинансирования Банка России;
- модернизация и развитие инфраструктурной сети заготовительных, снабженческо-сбытовых сельскохозяйственных потребительских кооперативов, сельскохозяйственных потребительских кооперативов по переработке сельскохозяйственной продукции, сельскохозяйственных потребительских кредитных кооперативов;
- формирование инфраструктуры земельно-ипотечного кредитования позволит повысить доступность кредитных ресурсов для сельхозтоваропроизводителей за счет развития кредитования под залог земельных участков.

Возможности:

- увеличение и удешевление привлекаемых кредитных ресурсов личных подсобных и крестьянско-фермерских хозяйств и создаваемых ими сельскохозяйственными потребительскими кооперативами;
- увеличение объема реализации продукции личных подсобных и крестьянско-фермерских хозяйств;
- увеличение объема реализации в секторе малых форм хозяйствования путем налаженного гарантированного сбыта и переработки сельскохозяйственной продукции;
- доступность дешевых кредитных ресурсов для крестьянско-фермерских хозяйств, сельскохозяйственных потребительских кооперативов и граждан, ведущих личное подсобное хозяйство;
- развитие кредитно-финансовой системы АПК на селе, развитие ин-

формационного, юридического и финансового консалтинга;

- повышение инвестиционной привлекательности аграрного сектора экономики.

К слабым сторонам данного направления, применяемого на региональном уровне можно отнести:

- направлен на дополнительное финансирование существующих и самых неэффективных мер;
- суперльготные условия кредитования, то есть 95 % за счет федерального бюджета и 5 % за счет бюджетов субъектов РФ);
- развитие малых форм хозяйствования в аграрном секторе сдерживается некоторыми существующими законодательными положениями, в законодательстве содержится ряд ограничений, препятствующих развитию кооперативов (например, налоговым кодексом не отрегулирован механизм налогообложения ряда операций между пайщиками и сельскохозяйственными потребительскими кооперативами, включая кредитные кооперативы).

Поэтому, рассмотрев основные отрицательные моменты направления поддержки малых форм хозяйствования следует спрогнозировать ряд угроз, которые могут возникнуть, а именно:

- суперльготные условия кредитования могут привести к криминализации сектора, к массовым нарушениям, распылению средств, применение двойных стандартов (как было в 1992 году, хотя конечно сравнивать начало 90-х с настоящим временем абсурдно, но все же такая опасность есть);
- основным исполнителем проекта является Россельхозбанк, для которого создание некоммерческих организаций, коими являются кооперативы, не является главной целью деятельности, поэтому очень вероятна ситуация, при которой на его долю будет приходиться большая часть капитала, и, следовательно, он сможет оказывать чрезмерное воздействие на принятие решений, а это может привести к нарушению кооперативных принципов, снижению уровня доверия к кооперативам со стороны сельских жителей;
- снижение возможности паенакопления и препятствие диверсификации сельской экономики.

Национальный проект «Развитие АПК» предусматривает 3 направления поддержки сельского хозяйства. Первые два, что касаются животноводства и малых форм хозяйствования нами рассмотрены. Теперь проанализируем сильные и слабые стороны, а также попытаемся спрогнозировать основные возможности и угрозы третьего направления национального проекта «Развития АПК», это – «Обеспечение доступности жильем молодых специалистов (или их семей) на селе», то есть социальную сторону государственной поддержки сельского хозяйства.

Сильные стороны направления:

- улучшение жилищных условий молодых специалистов (или их семей) на селе;
- приобретение (строительство) жилья за счет субсидий из федерального бюджета (не более 30 %, бюджетов субъектов РФ (не менее 40 %) и собственных (заемных) средств работодателя;
- предоставления жилья молодым специалистам (или их семьям) на селе по договору коммерческого найма.

Возможности:

- условия для формирования эффективного кадрового потенциала агропромышленного комплекса;
- развитие рынка труда;
- рост уровня жизни граждан России, проживающих в сельской местности;
- повышение инвестиционной привлекательности аграрного сектора экономики;
- развитие земельно-ипотечного кредитования.

К слабым, отрицательным сторонам направления поддержки социального сектора агропромышленного комплекса региона следует отнести:

- недостаточный уровень как общего, так и кооперативного образования на селе.

Таким образом можно сделать определенные обобщающие выводы. Национальный проект в первую очередь способствует инвестиционному развитию АПК. Он краткосрочен и его финансирование на федеральном уровне составляет 35 млрд.руб. и составляет порядка 20 % всех федеральных расходов на аграрный сектор. В тоже время существует ряд недостатков, которые мы рассмотрели выше как во-общем для всего проекта, так в частности по основным его направлениям. Но все-таки положительных моментов гораздо больше в национальном проекте. Для того он и создан был, и для того он является национальным приоритетным, главным образом направлен на рост основных социально-экономических показателей сельского хозяйства.

Список литературы:

1. Габдуалиева Р.С. Экономический механизм государственного регулирования сельского хозяйства региона. Монография. – М.: Изд-во РГАУ – МСХА, 2006.
2. Кондратьева О.В. Система мониторинга государственной поддержки в региональном АПК // Омский научный вестник. – 2006. – № 3. – С. 196-200

3. Серова Е., Мелюхина О. Оценка уровня государственной поддержки сельского хозяйства: применимость стандартных методов в переходной экономике. – М., 2005. – 326 с.

4. Эльдиева Т.М. Система Государственного регулирования и поддержки АПК // Экономика сельского хозяйства России. – 2006. – № 6.

5. Эльдиева Т.М. Кредитование сельскохозяйственных предприятий – одно из направлений государственной поддержки АПК. – В. Новгород, 2006.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЛОГОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА НА ПРЕДПРИЯТИИ

© Стукова Н.С.¹

Южно-Уральский профессиональный институт,
г. Челябинск

Статья посвящена налоговому менеджменту как системе управления налоговыми обязательствами на уровне хозяйствующего субъекта, а также существующим проблемам, с которыми сталкиваются предприятия при внедрении данной системы налогового планирования.

На современном этапе развития предпринимательства трудно представить руководителя и ведущих специалистов современного предприятия без детального знания механизмов уплаты налогов.

Налоговый менеджмент – новая для России теоретическая и практическая область знаний, появившаяся на рубеже веков. По аналогии с финансовым менеджментом налоговый менеджмент возник первоначально в хозяйственной среде, т.е. в практической действительности, и лишь впоследствии появились попытки теоретического обобщения и развития этой области знаний.

Вместе с тем до настоящего времени публикации по налоговому менеджменту в большинстве своем сводятся к способам ухода от налогов, а налоговый менеджмент – к налоговому планированию, что заведомо сужает сферу его действия [6]. Широко распространена точка зрения, сводящая налоговый менеджмент к операциям с оффшорами, означающая лишь нелегальный или полулегальный варианты развития этой управленческой функции. И, наконец, налоговый менеджмент в ряде публикаций ограничивается задачей минимизации налогообложения, причем любыми средствами, что также неприемлемо, так как уменьшение одних налогов зачастую означает увеличение других, а минимизация налогов любыми средствами приводит к административным санкциям и даже уголовной ответственности.

Сравнительная молодость для нашей страны этой теоретической и практической области знаний, а также специфика национального налогового законодательства и обусловленная этим невозможность трансформации в отечественную экономику зарубежного опыта в области налогового менеджмента объясняют недостаток экономической литературы по дан-

¹ Преподаватель кафедры «Бухгалтерский учет, аудит и налогообложение», преподаватель высшей категории

ному кругу проблем, отсутствие единого подхода к этой функции внутрифирменного управления в имеющихся публикациях и не сложившийся еще понятийный аппарат дисциплины.

Налоговый менеджмент выполняет специфическую функцию в системе управления хозяйствующего субъекта, и являются в силу этого одной из подсистем внутрифирменного (корпоративного) менеджмента. Его можно охарактеризовать как управление налогами предприятий-налогоплательщиков, регулирующее их финансовые взаимоотношения с государством в процессе перераспределения доходов хозяйствующих субъектов и формирования доходов бюджета. Предметом налогового менеджмента являются налоговая политика, определяющая уровень налогообложения, и ее практическая реализация. Основным объектом налогового менеджмента являются хозяйствующие субъекты – налогоплательщики. Информационная база налогового менеджмента формируется в системе финансового, налогового и управленческого учета. Это, в частности, обуславливает тесную взаимосвязь налогового менеджмента с такими подсистемами, как финансовый менеджмент, бухгалтерский учет, управление затратами.

Данный аспект объясняется рядом обстоятельств.

Во-первых, большинство российских налоговых реалий не являются отечественным изобретением ввиду относительной молодости федеральной налоговой системы. Вместе с тем в налоговом менеджменте меньше, чем в какой-либо другой области, возможно заимствование зарубежных способов и приемов.

Во-вторых, молодость отечественной налоговой практики отражается на деятельности российских судов, которые в спорных ситуациях принимают решения на основе анализа законодательства и конкретных норм узкого действия, в то время как зарубежные суды (например, в США и Великобритании) чаще анализируют сущность отношений, операций, бизнеса в целом.

В-третьих, эта область знаний чрезвычайно изменчива, что связано с изменчивостью налогового законодательства.

В-четвертых, сложившиеся налоговые реалии (двусмысленность и противоречивость правовых норм, а также практика обратной силы, заметно утерявшие в последние годы свои позиции, но не истребленные полностью) не способствуют стабильности предпринимательской деятельности, в то же время создают большое поле деятельности для налогового менеджмента.

В-пятых, парадоксы российской деловой культуры обуславливают противоречивость отечественного налогового менеджмента: с одной стороны, целью бизнеса является прибыль, с другой стороны, в отечественной

практике предпринимаются немалые усилия для минимизации прибыли с целью минимизации налоговых издержек.

В-шестых, налоговый менеджмент должен исходить из тесной взаимосвязи налогов и учитывать их сбалансированность: уменьшение одних налогов зачастую приводит к увеличению других и наоборот (например, уменьшение НДС способствует увеличению налогооблагаемой базы по прибыли).

Действующее налоговое законодательство объемно, противоречиво и переменчиво. В таких условиях у бухгалтеров и собственников компаний возникает множество вопросов, касающихся оптимизации налогообложения и составления эффективной налоговой политики предприятия.

На практике управление налогами на уровне хозяйствующего субъекта включает три ступени:

- организацию надежного налогового учета;
- контроль за правильностью расчетов налогов;
- минимизацию налогов в рамках действующего законодательства.

Причем работы на первых двух ступенях могут быть выполнены силами самого предприятия, тогда как минимизация налогов требует, как правило, привлечения квалифицированных сторонних специалистов.

Ошибки в налоговых расчетах, которые со стороны налоговых органов караются огромными финансовыми санкциями, происходят в основном из-за недостаточного грамотной работы специалистов бухгалтерских и экономических служб предприятия.

Причинами налоговых ошибок, возникающих в практической деятельности предприятий, являются:

- отсутствие либо неправильное оформление первичных документов;
- ошибки, обусловленные неверным толкованием действующего налогового законодательства;
- несвоевременное реагирование на изменения в налогообложении;
- арифметические и счетные ошибки;
- несвоевременное представление отчетной налоговой документации;
- просрочка уплаты налогов.

Поэтому, на предприятиях необходимо создание отдела внутреннего контроля налоговых расчетов (внутренний аудит). Одним из важных факторов эффективности налогового планирования является первичный контроль, осуществляемый на уровне работников бухгалтерских и финансовых служб организации [2]. Такой контроль предусматривает достоверность учета налогооблагаемых объектов, качественное составление налоговых расчетов, а также соблюдение сроков уплаты в бюджет налогов и сборов.

К основополагающим принципам технологии внутреннего налогового контроля можно отнести следующие:

В рамках технологии все решения по налогам принимаются с помощью определенных процедур, что позволяет исключить субъективизм;

- все налоговые решения уже зафиксированы на этапе внедрения технологий, и никакой субъект (включая руководителя и главного бухгалтера) не может принять ни одного решения; при изменении ситуации налоговое заключение принимает группа экспертов (комиссия);
- организация должна обозначить круг лиц, имеющих право выполнять определенные действия и процедуры в отношении налогов;
- любая финансово-хозяйственная операция должна сопровождаться письменным документом определенного образца;
- для уменьшения риска возникновения налоговой ошибки максимально используются стандартизованные документы; при этом ни один документ не должен существовать в одном экземпляре: должна быть хотя бы еще одна его копия;
- повседневному контролю подлежит обоснованность применения налоговых льгот к каждой сделке;
- все бухгалтерские проводки и налоговые расчеты производятся лишь на основе таблицы типовых хозяйственных операций (ситуаций); в первичных документах и бухгалтерских проводках делается ссылка на номер операции этой таблицы;
- нетипичная ситуация требует оформления карты налоговых решений, которую заполняет только специальная экспертная комиссия по налогообложению.

Налоговое планирование можно определить как совокупность плановых действий, направленных на увеличение финансовых ресурсов предприятия, регулирующих величину и структуру налоговой базы, воздействующих на эффективность управленческих решений и обеспечивающих своевременные расчеты с бюджетом. Налоговое планирование надо осуществлять не после осуществления какой либо хозяйственной операции или прошествии налогового периода, а до него, то есть заранее. Налоговое планирование как минимум должно начинаться на стадии подготовки к заключению договора, поскольку фирма уже тогда должна учитывать, какие налоги и сколько ей придется заплатить впоследствии.

Инструментами налогового планирования являются налоговые льготы, специальные налоговые режимы, зоны льготного налогообложения на территории Российской Федерации и за рубежом, соглашения об избежании двойного налогообложения и т.д., позволяющие практически реализовать предусмотренные законодательством наиболее выгодные с позиции возникающих налоговых последствий условия хозяйствования [5].

К числу основных и наиболее широко применяемых инструментов налогового планирования относятся:

- предусмотренные налоговым законодательством налоговые льготы;
- оптимальная с позиции налоговых последствий форма договорных отношений применительно к осуществляемым видам деятельности;
- цены сделок;
- дифференциация налоговых ставок по видам налогов;
- специальные налоговые режимы и системы налогообложения;
- льготы, предусмотренные соглашениями об избежании двойного налогообложения и иными международными договорами и соглашениями;
- методы определения налогооблагаемой базы по конкретным налогам.

Основной задачей для предприятий является организация системы правильного и своевременного применения инструментов налогового планирования как индивидуально, так и взаимосвязано. В рамках этой системы должны быть разработаны схемы оптимальной структуры организации хозяйственной деятельности с учетом требований законодательства, одновременного использования предоставленных в рамках его действия возможностей, а также тенденций к изменению действующего законодательства и вероятности его изменения.

Налоговый фактор играет колоссальную роль в бизнесе, и все предпринимательские решения от того, какую компанию создать и каким бизнесом заниматься, до капитального инвестирования на многолетний период – учитывают это. Однако налоговый менеджмент не существует отдельно как цель или инструмент управления бизнесом [1], а является лишь неотъемлемой частью всего корпоративного менеджмента.

Руководители предприятия постоянно сталкиваются с проблемой минимизации тех затрат, которые сопутствуют извлечению прибыли. Даже при увеличении прибыли путем найма новых работников (сезонных или занятых неполный день), либо роста объема закупок исходных материалов или товаров, используемых для производства конечного продукта и т.д., предприятие неизменно будет стремиться сократить свои расходы, связанные с получением добавочной прибыли. Одними из этих расходов являются налоги.

Следовательно, сокращение налоговых выплат должно вести к увеличению размера прибыли предприятия, а значит, и отвечать интересам владельцев, руководителей и работников предприятия. Однако эта зависимость не всегда бывает такой прямой и непосредственной. Наиболее эффективным способом увеличения прибыльности является не механическое сокращение налогов, а построение эффективной системы управления предприятием и принятия решений таким образом, чтобы оптимальной (в том числе и по налогам) была вся структура бизнеса [3]. Иными словами, речь идет не о тактике сокращения налогов, а о стратегии оптимального

управления предприятием. Как показывает практика, такой подход обеспечивает более значительное и устойчивое сокращение налоговых потерь на долгосрочную перспективу.

Хотя многие предприниматели, руководители, работники (да и «рядовые» налогоплательщики) действительно рассматривают налоги как «потери» для бизнеса, эти платежи, по словам Франклина Делано Рузвельта, являются платой за цивилизованное общество (ему же приписывают замечание о том, что на свете существуют две неизбежные вещи: смерть и налоги; однако, как добавляют остроловы, смерть, в отличие от налогов, безболезненна) [1]. Именно налоги, как взнос в «общий котел» позволяют обществу бороться с врожденными недостатками капитализма, так называемыми провалами рынка, обеспечивают поддержку экономического развития в периоды кризиса и сдерживают инфляцию в периоды интенсивного подъема; финансируют капиталовложения в те сферы, куда частный бизнес не устремляется из-за длительного периода окупаемости проекта.

Однако с подобным объединением ресурсов для общего блага связаны серьезные проблемы. Они и заставляют искать различные пути минимизации налогов. Во-первых, очень сложно создать справедливую налоговую систему, т.е. обеспечить, чтобы все те, кто пользуются благами общественных товаров и услуг, вносили свою справедливую лепту. Во-вторых, практически ни одно государство не смогло добиться точного и справедливого распределения ресурсов из «общего котла». Бюджетные расходы – их цели, размеры, направления по адресатам – вызывают серьезнейшие разногласия, практически среди всех, без исключения налогоплательщиков. Особым стимулом сокращать налоги становится подозрение в том, что правительство не использует налоговые средства по назначению.

Даже в отсутствие указанных выше проблем налоги, как некое «неизбежное зло» (хотя теоретически в целом полезное для общества), несут в себе крайне важное качество: они оказывают колоссальное влияние на экономические и предпринимательские решения [5]. Наличие или отсутствие того или иного налога, размер ставки, вычетов и освобождений, те или иные положения налогового учета, – все это в большинстве случаев изменяет или корректирует решение, которое было бы принято в отсутствие налогов.

Бизнес не ведется ради налогов; его целью является прибыль. В идеале корпоративные менеджеры для акционеров стремятся увеличить размер чистой прибыли. И не является ли парадоксом то, что эти же менеджеры с помощью юристов, бухгалтеров и финансовых консультантов прилагают значительные усилия для того, чтобы для целей налогообложения уменьшить размер чистой прибыли? Это вопрос – лишь малая часть тех проблем, которые в значительной степени возникают из-за присутствия такого мощнейшего фактора, влияющего на бизнес – решения, как налоги.

Естественно, в процессе налогового менеджмента приходится опираться на положения действующего законодательства. Однако ни одна отрасль законодательства не обладает такой изменчивостью, как налоги. Не имеет смысла строить анализ и принимать решения только на положениях и нормах, которые могут измениться до окончания планируемой сделки или отчетного периода. Положения очередной инструкции могут обосновать лишь краткосрочные решения; понимание налогов как экономической категории не менее полезно для налогового менеджера [6]. Иными словами, транзакционный анализ налоговых последствий занимает очень важное, но все же не главное место; налоги необходимо не просто сокращать, используя освобождение от них, отнесение их на себестоимость, выбор тех или иных особенностей налогового учета, а планировать в общем контексте планирования бизнеса.

Учитывая, что предпринимательская деятельность осуществляется не ради налогов, а ради прибыли, результатом налогового менеджмента должна быть оптимизация общего уровня налоговых издержек. В мировой практике известны три возможных варианта налоговой политики предприятия:

- нелегальная, предполагающая уклонение от уплаты налогов на основе сознательного использования уголовно наказуемых методов учета доходов и имущества и намеренного искажения бухгалтерской и налоговой отчетности;
- легальная, основанная на корректировке хозяйственной деятельности и методов ведения учета и использовании возможностей, предоставленных законодательством;
- полуполегалная, использующая коллизии, недоработки и противоречия действующих законов и подзаконных актов [1].

Далеко не все хозяйствующие субъекты правильно и в полном объеме применяют льготы, устанавливаемые законодательством по большинству налогов, а также не используют возможность выбора системы налогообложения, специальных режимов налогообложения. Кроме того, необходим анализ возможных форм сделок (договоров) с учетом их налоговых последствий.

Налоговое планирование неотделимо от общей предпринимательской деятельности хозяйствующего субъекта. Оно является неперенным и непосредственным ее элементом и должно осуществляться на всех ее уровнях и этапах.

Список литературы:

1. Алексеева М.М. Планирование деятельности фирмы: Учебно-методическое пособие. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 248 с.

2. Брызгалин А.В. Налоговая оптимизация: принципы, методы, рекомендации, арбитражная практика. – Екб: Налоги и финансовое право, 2007. – 272 с.

3. Горбунов А.Р. Налоговое планирование и снижение финансовых потерь. – М.: Анкил, 2006. – 77 с.

4. Зарипов В. Законные способы налоговой экономии. – М.: ФБК–Пресс, 2006. – 176 с.

5. Злобина Л., Стяжкова М. Практика оптимизации налоговой нагрузки экономического субъекта: Учебное пособие. – М.: Академический проект, 2006. – 112 с.

6. Налоговый менеджмент: Учебник. / По ред. д.э.н. А.Г. Поршнева. – М.: ИНФРА – М, 2006 – 442 с.

Раздел одиннадцатый

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ИСТИНЫ И ЦЕЛИ СУДЕБНОГО УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

© Васин В.В.¹

Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан

На основе анализа традиций отечественного законодательства и сложившихся в литературе взглядов рассматривается проблема возможности и необходимости достижения истины в уголовном судопроизводстве России.

В науке уголовного процесса общепринятым является мнение о том, что целью уголовного судопроизводства является достижение истины. Споры, как в прошлом, так и в настоящее время, ведутся о характере истины: надо ли стремиться к достижению объективной, материальной истины или сделать это невозможно и следует ограничиться истиной формальной (юридической, процессуальной)?

Как правильно в свое время было замечено П.С. Элькинд: «... вопрос об истине ... утрачивает свое значение при постановке под сомнение возможности ее познания в уголовном судопроизводстве» [1].

Определенную сложность представляет проблема исходного пункта познания. «Во-первых, познание основывается на предметно-вещном типе человеческой деятельности. Его истоком является практический наглядно-действенный интеллект, сращенный с предметной активностью. Во-вторых, познание опирается на определенный наличный запас знаний и не может начинаться с «ничего». Есть лишь возможность продолжить его, отталкиваясь от исходных знаний. В-третьих, познание связано с определенным языком, различными знаковыми системами. В-четвертых, познание целенаправленно, оно избирательно» [2].

Уголовно-процессуальное познание характеризуется определенными признаками, которые отличают его от познания в собственно философском смысле.

Одним из существенных признаков уголовно-процессуального познания является его специфическая цель.

В науке уголовно-процессуального права сложились различные представления о целях уголовно-процессуального познания вообще и судебного в частности, начиная от необходимости полного раскрытия истины и

¹ Доцент кафедры Правоведения, кандидат юридических наук

заканчивая невозможностью, а иногда и необязательностью установления этой истины в уголовном судопроизводстве.

Нередко в литературе истине абсолютной противопоставлялась истина относительная, представления о которой, в свою очередь, смешивались с понятием вероятностного суждения.

Предприняты попытки объединить понятия относительной и абсолютной истины: «... если по отношению к вечно развивающейся материи, вечно развивающемуся миру объективная истина в уголовном судопроизводстве будет относительной, то по отношению к предмету судебного познания, т.е. к точно ограниченному кругу подлежащих установлению обстоятельств, она может и должна быть признана абсолютной» [3].

В традициях российской уголовно-процессуальной науки ответ на этот вопрос всегда был связан с необходимостью «... такого направления судебного разбирательства, который наиболее способствовал раскрытию истины по делу» (ст. 613 УУС 1864 г.). При этом закон не определял характера истины, что приводило к различным точкам зрения в кругу специалистов.

Так, И.В. Михайловский считал, что задачей суда «... должно быть не стремление к отысканию безусловной материальной истины, а стремление к истине юридической» [4].

По мнению В. Случевского, «... о полной несомненности не может быть и речи в области судебного исследования, и в делах судебных судья вынужден по несовершенству средств человеческого правосудия удовлетворяться по необходимости лишь более или менее высокой степенью вероятности» [5], а, по мнению И.Я. Фойницкого, в основе судебной деятельности лежит «практическая достоверность» как один из видов вероятности [6].

Интересным представляется суждение о том, что: «Уголовный суд имеет своим предметом ... обнаружить материальную истину, под которой разумеется полное соответствие между нашими идеями, с одной стороны, и фактами – с другой, совершеннейшее, по возможности, тождество наших представлений о предмете с самим предметом, каков он есть в действительности, верное отражение действительности в человеческом сознании» [7].

Авторы судебной реформы 1864 года исходили из необходимости создания беспристрастного и уважаемого всеми слоями населения справедливого суда, которого, по мнению многих авторов того периода, в истории России никогда не было [8].

Анализ нормативных актов, принятых в ходе реформы, показывает, что главным приоритетом законодателя были интересы общества, публичные интересы: «Задача уголовного суда есть открытие в каждом деле безусловной истины, в стремлении к этой цели суд уголовный не может принимать в уважение интересы сторон ...» [9].

События октября 1917 года привели к новому этапу в развитии уголовно-процессуального законодательства России. Не считая необходимым подробно анализировать послеоктябрьский период, заметим только, что фактически уголовно-процессуальное законодательство РСФСР вплоть до 60-х годов прошлого века формировалось под влиянием политических пристрастий режима, считавшего разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную буржуазной выдумкой [10].

Судебная власть, подлинный суд этому режиму оказались не нужными, а поэтому вопрос об истине в уголовном судопроизводстве даже не ставился, а суд был инструментом подавления и расправы с инакомыслием.

В этом смысле показательно высказывание председателя Верховного суда СССР Винокурова: «Органы юстиции, с одной стороны, путем судебных репрессий, а с другой – путем мобилизации масс вокруг судебных процессов выполняют роль вспомогательных органов в деле соцстроительства» [11].

К развитию уголовно-процессуальной науки и уголовно-процессуального законодательства привели произошедшие в нашей стране изменения политического курса во второй половине 50-х годов прошлого века.

С принятием Основ уголовного судопроизводства СССР и Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 27.10.60 г. в СССР и РСФСР была введена единая система судопроизводства, которая не предусматривала никаких исключительных порядков, что было значительным шагом вперед.

Постепенно советская, а затем и российская уголовно-процессуальная наука и практика сформировали позицию, в соответствии с которой уголовно-процессуальное познание и судебное познание в частности обязано привести к установлению объективной истины по уголовному делу.

Анализ уголовно-процессуальных норм, регулировавших полномочия суда при рассмотрении уголовного дела по существу, показывает, что в первую очередь деятельность суда была направлена именно на обеспечение установления объективной истины по делу.

Огласив обвинительное заключение, суд фактически непосредственно вел судебное следствие, первым допрашивая подсудимого, потерпевшего, свидетелей, иных участников процесса. Исследование материалов уголовного дела, доказательств, добытых при производстве предварительного расследования, проводилось судом самостоятельно, в полном объеме и практически всегда по собственной инициативе.

В Магаданском городском суде и судах Магаданской области в последние несколько лет [12] действия УПК РСФСР 90 % всех вопросов участникам судебного разбирательства задавал именно суд, выясняя при этом все обстоятельства по делу. К числу таких обстоятельств относились данные о личности, как подсудимого, так и потерпевшего, смягчающие и отягчающие вину обстоятельства. Защитой, как правило, задавались во-

просы о раскаянии, намерении возместить причиненный ущерб и т.п., а прокурор нередко вопросов не имел вовсе.

Кроме того, при рассмотрении уголовного дела исключительно по инициативе суда назначалось более 90 % первичных и дополнительных экспертиз, в редких случаях это делалось по ходатайствам защитников, и практически не заявляли такие ходатайства прокуратуры.

Исследование материалов уголовного дела (письменных и вещественных доказательств) также становилось результатом инициативы самого суда.

В соответствии с нормами УПК РСФСР суд самостоятельно, иногда даже в отсутствие прокурора или защитника (а нередко и того, и другого), принимал меры к получению дополнительных данных по делу, при этом не был связан мнением сторон по этому вопросу. Даже в случае отказа прокурора от обвинения суд обязан был в соответствии со ст. 248 УПК РСФСР, продолжить разбирательство уголовного дела по существу.

Значительный интерес представляют полномочия и действия суда, по УПК РСФСР, при рассмотрении уголовного дела по существу в случае неполноты произведенного предварительного расследования (объем познания, необходимый суду для установления истины по делу, определялся самим судом).

В целях обеспечения возможности установления судом объективной истины по делу уголовно-процессуальное законодательство предусматривало институт возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования, при этом в качестве первого из оснований для такого решения закон предусматривал неполноту произведенного дознания или предварительного следствия, которая не может быть восполнена в судебном заседании.

На основе норм действовавшего в то время уголовно-процессуального законодательства в литературе советского периода некоторыми авторами были высказаны предложения об установлении единого процессуального режима для участия и суда, и органов расследования в уголовно-процессуальном познании, о необходимости наделить суд полномочиями по предъявлению обвинения, выполнению действий розыскного характера, изменению обвинения на более тяжкое [13].

В то же время, отстаивая необходимость развития состязательного начала в уголовном судопроизводстве и установления в таких условиях объективной истины, М.С. Строгович подчеркивал, что такая необходимость является одним из принципов отечественного уголовного процесса [14].

Соглашаясь с необходимостью лишения суда обвинительной функции, заметим, что полномочия суда по возвращению уголовного дела для производства дополнительного расследования в первую очередь позволяли решить вопрос о создании условий для более полного судебного познания по делу и установлении объективной истины по нему.

С позиций сегодняшнего дня, когда при рассмотрении уголовного дела в суде основой является состязательность, нет сомнений, что возвращение судом уголовного дела органу уголовного преследования, в том числе и по собственной инициативе, нельзя рассматривать как реализацию обвинительной функции по следующим основаниям.

Придя к выводу о необходимости возвращения уголовного дела прокурору для производства дополнительного расследования, в том числе и по своей инициативе, суд не руководствовался и не мог руководствоваться интересами стороны обвинения.

В данном случае необходимо говорить об интересах правосудия и возможности установления объективной истины по делу, а также об общественном интересе, который состоит в правильном применении уголовного закона.

Если в сфере правосудия истину понимать «... как соответствие выводов следствия и суда о фактических обстоятельствах дела тому, что произошло в действительности, трудно представить, как можно отрицать постановку такой цели» [15], то в уголовном процессе истина может и должна быть достигнута.

Обоснованным представляется мнение профессора Ф.Н. Фаткуллина, который подчеркивает конкретность истины в уголовном процессе: «Всякая истина конкретна, и она является объективной лишь тогда, когда абсолютно достоверно (хотя и неполно) отражает реальную действительность.

Нельзя проводить принципиальное различие между относительной истиной и достоверностью фактов, устанавливаемых в уголовном судопроизводстве, и пытаться таким образом обосновать вероятный, условный характер обстоятельств, устанавливаемых органами следствия и суда.

Объективная истина в уголовном судопроизводстве достигается только тогда, когда знания об искомых фактах и их признаках абсолютно достоверны, когда эти факты из «истины в себе» стали «истиной для нас». Никогда нельзя утверждать об истинности выводов, носящих вероятный характер» [16].

Таким образом, мнение о том, что в основе приговора должна лежать объективная истина, длительное время признавалось бесспорным и обуславливало особую роль суда в процессуальном познании. Только такой подход к проблеме объективной истины, возможности и необходимости её установления по каждому уголовному делу является неременной гарантией конституционных прав и свобод человека и гражданина [17].

Отход от этих позиций в действующем УПК РФ, обоснованный некоторыми авторами задолго до его принятия, вызывает справедливые возражения научной общественности: «Категория «истина» предана забвению» [18].

Появились настойчивые мнения об отсутствии у суда возможности и даже самой необходимости устанавливать материальную истину при рассмотрении уголовного дела.

Так, по мнению В.В. Никитаева, объективная (материальная) истина есть фикция, точнее юридическая фикция, позволяющая использовать Уголовный кодекс для постановления приговора, а потому её сохранение как средства уголовного процесса предполагает, что на первое место будет поставлена процессуальная истина [19]. В данном случае процессуальная истина автором понимается как соответствие судебного процесса (а значит и его результата) требованиям уголовно-процессуального права.

С тех же самых позиций С.А. Пашин замечает, что судье необходимо акцентировать внимание не на цели доказывания, а на процедуре доказывания, поскольку он отвечает не за обнаружение истины, а лишь за то, чтобы результат судебного разбирательства был достигнут определенным образом [20].

Обосновывая значение категории «процессуальной истины» по уголовному делу, В.В. Золотых полагает, что «... судьи при разрешении вопроса о допустимости доказательств не будут озабочены тем, будет ли достигнута истина в случае исключения того или иного доказательства, а сосредоточат все свое внимание лишь на одном – были ли допущены нарушения при получении этого доказательства или нет» [21].

Являясь одним из «идеологов» УПК РФ действующей редакции, Е.Б. Мизулина многие годы последовательно проводила в жизнь свою позицию о том, что «... уголовно-процессуальная деятельность всегда имеет дело с прошлым и вероятностным суждением о том, что имело место в действительности» [22].

Убеждения данного автора наглядно демонстрирует следующее: «Судью иногда сравнивают с историком, который тоже работает с прошлым. Истину судья, как историк, должен добыть, узрев за высказанным сторонами невысказанное. Как и историк, судья может прийти к своему выводу о рассматриваемом им событии лишь логическим путем, сопоставляя мнения, суждения, доказательства, проверить же его опытным путем он не в состоянии. В этом смысле «истина», добытая логическим путем и не лишенная, в силу своей непроверяемости, некоторой умозрительности, всегда остается уязвимой для критики и вряд ли может быть отнесена к разряду научных.

В лучшем случае такая судебная «истина», пусть и достаточно обоснованная и логически верная, может претендовать лишь на статус гипотезы. Спорить о том, устанавливает или нет суд истину, так же бессмысленно, как доказывать, что Бог не существует, ибо никто его не видел ...» [23].

Интересная постановка вопроса – нельзя проверить опытным путем, значит, не может быть истиной, а является гипотезой, и решение суда в этом случае не будет научным. По мнению автора, моментом истины в

уголовном процессе является не результат деятельности суда, а способ получения этого результата, что напоминает о былых временах – «ордалии», «Божий суд» – главное – соблюсти процедуру, а результат сам по себе и будет истинной.

Представляется, что подобные суждения основаны на взглядах, высказанных в свое время учеными – агностиками, полагавшими, что познание окружающей действительности человеку недоступно, в связи с чем, по их мнению, стремиться к достоверной истине нет необходимости.

Так, в работе «Введение в науку права» Г. Радбук писал, что: «Юрист – служитель формы, не существа, то есть справедливости» [24], а английский юрист Г. Ноукс, противопоставляя научное и практическое знание, категорически высказывался о недоступности для суда достоверного познания происшедшего в действительности: «Заменителем достоверности должна быть только вероятность» [25].

Авторы, обосновывающие невозможность установления объективной истины в уголовном процессе, за пределами анализа оставляют материальную основу истины. Эта основа выражается в соответствии между установленными судом обстоятельствами уголовного дела и реальными событиями (явлением) прошлого – совершенным преступлением.

Принимая решение по уголовному делу, суд должен фактически располагать таким знанием, которое правильно отражает существовавшую в прошлом (при совершении преступления) действительность, т. е. результатом судебного познания как процесса исследования выступает определенная совокупность знаний об обстоятельствах совершенного преступления, которая правильно отражает реальность, существовавшую независимо от сознания судьи. Поддерживаем в этом смысле профессора И.Л. Петрухина «... истина в уголовном процессе – это доказанное знание» [26].

Между тем в литературе высказаны мнения о приемлемости истины процессуальной: «В том случае, когда очевидно, что объективная истина достигнута быть не может, поскольку органами расследования и самим судом исчерпаны все предусмотренные законом меры по её установлению, – во всяком случае, должна быть достигнута истина процессуальная» [27].

Созвучным приведенной позиции представляется замечание профессора М.К. Свиридова о том, «... что в новом УПК РФ получили закрепление две тенденции: и потребность установления материальной истины, и возможность использовать формальную истину, – и далее, – соотношение между материальной и формальной (совсем отказаться от неё нельзя) истинами в современном российском уголовном процессе целесообразно изменить и сделать его таковым: суд должен стремиться к достижению материальной истины; формальная истина в итоговом судебном решении

допустима лишь в случаях, когда материальная истина оказывается недостижимой, несмотря на все принятые меры» [28].

Данная позиция представляется небесспорной, поскольку правила главы 39 УПК РФ формулируют единые требования к судебному приговору, и данный процессуальный акт должен объективно отражать произошедшее в прошлом событие – преступление.

Можно предположить, что анализируемая точка зрения предопределена случаями из судебной практики, когда суду не удалось в процессе познания восстановить и познать событие прошлого в полном объеме.

В реальной жизни такие случаи встречаются. Однако говорить о том, что в таких случаях достигнута формальная истина, и на ее основе принято судебное решение, мы не можем. *Это само решение будет формальным*, не отражающим реальное событие. В таких случаях, представляется, правомерно говорить о *результате* познания, а не о том, что достигнута формальная истина.

Знания, полученные судом в результате рассмотрения уголовного дела, могут быть истинными или могут истинными не быть, от этого форма истины не меняется, и объективная истина сама по себе существовать не перестает и не превращается в формальную истину. Формальным оказывается решение как результат познания.

По мнению В.А. Азарова, авторы современной судебной реформы устранили потребность достижения истины и полагают бесплодными споры о ней как цели уголовного процесса [29]. Обращая внимание на законодательное закрепление дуализма в этом принципиальном вопросе, автор обоснованно предостерегает об угрозе «двойных стандартов» в установлении предмета доказывания по уголовному делу.

Вполне разделяем позицию В.А. Азарова, понимая, что такая озабоченность вызвана конкретной новеллой уголовно-процессуального законодательства России.

Речь, конечно, идет о главе 40 УПК РФ, которая предусматривает возможность принятия судебного решения по делу в особом порядке.

Свое мнение по данному вопросу мы также высказывали [30], но считаем необходимым обратить внимание на то обстоятельство, что стадия судебного разбирательства, как стержень всего процесса, имеет своим назначением специфическую и только ей присущую задачу – ответить на вопрос о виновности или невиновности.

Ответ этот может быть получен на основе представленных и исследованных судом доказательств. В соответствии с ч. 4 ст. 302 УПК РФ, обвинительный приговор «... постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств».

Никаких изъятий из данного правила для «особого порядка» судебного разбирательства ст. 302 УПК РФ не содержит.

Кроме того, в соответствии с п. 2 ст. 307 УПК РФ, описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать: «... доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства ...».

Первый вопрос, который в соответствии с законом обязан разрешить суд в совещательной комнате – *доказано ли*, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, второй вопрос – *доказано ли*, что деяние совершил подсудимый (п. п. 1, 2 ч. 1 ст. 299 УПК РФ).

В п. 7 Комментария к УПК РФ (под редакцией Д.Н. Козака и Е.Б. Мизулиной) содержится предложение руководствоваться смыслом комментируемой главы, при этом авторы комментария утверждают, что «... анализ доказательств и их оценка судьей в приговоре содержаться не должны».

Кроме того, упомянутые авторы разъясняют, что применение «особого порядка» не связано с признанием подсудимым своей вины в совершении преступления, главное, чтобы он был согласен с предъявленным обвинением.

При таком подходе постановленный приговор становится еще более формальным. Возникает вопрос: а нужен ли в таком случае суд вообще? Ведь получается фактически внесудебный порядок (без судебного разбирательства и без исследования доказательств) признания виновным (поскольку приговор в этом случае может быть постановлен только обвинительный и суду это заранее ясно, равно как и сторонам) лица, которое вину в совершении преступления не признает.

Можно было бы рассматривать данный порядок как возможность «добровольного отказа от правосудия», но отказ от правосудия в уголовном процессе по своей внутренней сущности означает прекращение производства по уголовному делу, и допустим далеко не по всем категориям уголовных дел и, во всяком случае, не может быть реализован по делам публичного характера.

В соответствии с п. 73 Федерального закона ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 21 июня 2003 г., в ст. 314 УПК РФ внесены изменения, особый порядок судебного разбирательства может быть применен при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, наказание за которые не превышает 10 лет.

Таким образом, основной объем уголовных дел (за исключением подсудных суду с участием присяжных заседателей, а также – федеральным судам первого звена о преступлениях с санкцией свыше 10 лет) теперь могут быть «рассмотрены» таким образом.

Судейским сообществом такое нововведение вполне воспринято. Так судьями Магаданского городского суда с применением особого порядка постановляются приговоры практически по всем уголовным делам, по которым подсудимые не отрицают своей вины.

В литературе появились суждения об аналогии «особого порядка» с американской «сделкой о признании вины» [31], при этом одним из требований, предъявляемых к заключению сделки по Российскому уголовно-процессуальному законодательству, приведено признание вины обвиняемым.

Более того, в литературе появились мнения судей о необходимости дополнительного стимулирования и дополнительных гарантий для успешного функционирования нового «особого порядка».

Например, Н.П. Дубовик [32], сетуя на пока еще неэффективное функционирование особого порядка, предлагает ввести в закон дополнительный стимул в виде сокращения срока погашения судимости. При этом данный автор берет на себя смелость разъяснить суть закона, которая, по его мнению, заключается в том, что обвиняемый полностью признает свою вину: «На полном признании вины зиждется данный институт. Включение же в закон спорной формулировки, не отражающей сути института, на мой взгляд, объясняется тактическими соображениями разработчиков...» [33], хотя позиция самих разработчиков однозначна – признание вины не требуется, на чем они, как мы уже указали, настаивают.

Фактически речь идет уже не о возможности использования формальной истины, а о процессуальном упрощенчестве. Рассмотрение основного объема уголовных дел при таком «особом порядке» станет на «поток», а судебный приговор из процессуальной квинтэссенции превратится в справку ремесленника.

Прав А.Д. Бойков, говоря об отступлении от канонов правосудия, о его дискредитации [34].

Характеризуя правила применения «особого порядка» как основное упрощенное судебное производство, Ю.К. Якимович обоснованно, на наш взгляд, подчеркивает, что: «... ни о какой «сделке» в данном случае речь не идет», а «Целью российского уголовного процесса остается установление объективной (материальной) истины» [35].

Обосновывая необходимость установления в уголовном процессе истины объективной, авторы справедливо отмечают, что вопрос о характере истины, устанавливаемой в уголовном судопроизводстве, сугубо практический [36].

«В современных условиях истина в уголовном судопроизводстве оказалась невостребованной. В действующем уголовно-процессуальном законе она не упоминается, а в юридической литературе о ней стыдливо умалчивается» [37].

Высказывая справедливую критику в адрес американского профессора У. Бернама [38], В.И. Зажицкий обратил внимание на то обстоятельство, что в последнее время даже в американских законах все чаще признается необходимость установления «истины».

В известном решении Верховного Суда США (Соединенные Штаты против Лизи, 1974 г.) прямо указано, что судья, рассматривающий дело по первой инстанции, должен, прежде всего, руководствоваться интересами правосудия и истины, а не представлять себя в роли беспристрастного арбитра, как на спортивном матче [39].

Развивая свою мысль о существенном упущении законодателя по этому вопросу, профессор В.И. Зажицкий обоснованно настаивает, что «... истину в уголовном судопроизводстве нельзя объявлять недостижимой. В противном случае она перестает быть целью доказывания. Такую цель заменяет вероятность, которая представляет собой не что иное, как простое подозрение» [40].

Открывая научно-практическую конференцию «Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ», профессор В.В. Лунеев заметил: «Как бы ни относились мы к процессуальным проблемам, процедура никогда не может быть выше искомой истины по делу... Если объективно и системно анализировать последние тенденции, то нельзя не заметить агрессивных стремлений поставить процедуру выше поиска истины, «телегу впереди лошади» [41].

Таким образом, история становления и развития русского (а в дальнейшем и Российского) уголовного процесса показывает, что по вопросу о характере истины, устанавливаемой в уголовном судопроизводстве, сформировалось по существу ряд позиций: приверженцы одной полагают, что достижение объективной (материальной) истины в уголовном процессе невозможно, а порой и ненужно. Сторонники второй настаивают, что только ради достижения материальной истины и существует уголовный процесс и, в частности, судебное познание. Некоторые авторы пришли к выводу о приемлемости истины формальной в том случае, если для достижения объективной истины все меры исчерпаны и достичь её не представляется возможным.

На разногласиях, разных мнениях и позициях основано движение вперед. Благодаря такому движению люди осознали необходимость отказа от формальной теории доказательств и перехода к материальной основе процесса. Именно представления об истине в уголовном процессе многие годы были и остаются основным «двигателем» для движения науки уголовного процесса вперед.

Определившись с характером истины, которая должна быть установлена в процессе судебного познания, полагаем возможным не ограничиться

этими рассуждениями и выводами и рассмотреть еще один важный аспект цели уголовного судопроизводства.

Учитывая, что уголовный процесс – это «форма жизни» уголовного права, то правильная уголовно-правовая квалификация на протяжении всего процесса является основной задачей всей процессуальной деятельности от начала и до его завершения. Именно квалификация преступления и является материальным выражением объективной истины по делу, которую познать необходимо, поскольку: «Суд или судья принимают решения (акты) в развитие положений закона, которые имеют правовое значение для реализации норм материального права ...» [42].

Безотносительно к материальному выражению в виде конкретной нормы уголовного права истина в уголовном процессе теряет свое назначение.

Для того чтобы процесс познания был окончен, мы с неизбежностью должны выполнить еще одно действие – принять соответствующее установленной истине решение. Именно принятие процессуального решения на основе постигнутой истины и будет моментом окончания процесса познания. Истина, как результат познания, нам нужна не сама по себе, а только для того, чтобы мы смогли принять законное и обоснованное, единственно правильное решение по уголовному делу в виде уголовно-правовой оценки содеянного, а также – решение о применении или неприменении санкции за нарушение уголовно-правового запрета. Такое решение вполне будет соответствовать назначению уголовного судопроизводства – правильному применению норм материального права.

Думаем, что будет правильным согласиться по этому вопросу с мнением профессора З.З. Зинатуллина, который пишет, что: «Достижимая по уголовному делу истина не может быть охарактеризована только как истина абсолютная в силу неполноты, ограниченности её предмета. Мы должны считаться с тем, что предметом исследования в судопроизводстве является конкретное событие с определенными свойствами, связями, сторонами. Задача такого исследования имеет достаточно ясные пределы, которые определены законом» [43].

Таким образом, познание истины по уголовному делу является предпосылкой (необходимым условием) достижения цели уголовного процесса. Сама же цель судебного познания – постановление справедливого приговора [44].

Список литературы:

1. Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1976. – С. 33.
2. Левченко О.В. Уголовно-процессуальное познание и его роль в установлении истины по делу. // Государство и право. – 2003. – № 4. – С. 68.

3. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. – М., 1955. – С. 74.
4. Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда. – Томск, 1905. – С. 93. По этому же вопросу см.: Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. – Пг., 1914. – С. 30.
5. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. – СПб., 1913. – С. 397. По этому же вопросу см.: Викторский С.И. Русский уголовный процесс. – М., 1912. – С. 53-54.
6. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб., 1910. Т. 2. – С. 176.
7. Терновский Н.А. Юридические основания к суждению о силе доказательств и мысли из речей Председательствующего по уголовным делам. Пособие для юристов-практиков и присяжных заседателей. – Тула: Типография В.Н. Соколова, 1901. – С. 3.
8. Михайлов М.М. Судебные Уставы 1864 г. Общий университетский курс лекций. – СПб., 1871. – С. 22-23.
9. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией, ч. ч. 1-4. – СПб., 1866.
10. Стецовский Ю.И. Судебная власть. – М., 2000. – С. 5.
11. Советская юстиция. – 1934. – № 13.
12. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией, ч. ч. 1-4. – СПб., 1866.
13. Стецовский Ю.И. Судебная власть. – М., 2000. – С. 5.
14. Советская юстиция. – 1934. – № 13.
15. Строгович М.С. Уголовный процесс. – М., 1946. – С. 73,74; Он же. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. – М., 1955. – С. 19-53.
16. Кореневский Ю.В. Доказывание в уголовном процессе. Традиции и современность. / Под. ред. В.А. Власихина. – М., 2000. – С. 143, 152.
17. Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. – Казань, 1976. – С. 27.
18. Зинатуллин З.З., Егорова Т.З., Зинатуллин Т.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Концептуальные основы. – Ижевск, 2002. – С. 66.
19. Там же, С.66.
20. Никитаев В.В. Проблемные ситуации уголовного процесса и юридическое мышление// Состязательное правосудие. Труды научно-практ. лаб. – М., 1996. – С. 37.
21. Пашин С.А. Проблемы доказательственного права// Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии. – М., 1995. – С. 312.

22. Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств уголовном процессе. – М., 1999. – С. 37.
23. Мизулина Е.Б. Независимость суда еще не есть гарантия правосудия// Государство и право. – 1992. – № 4. – С. 53.
24. Там же, С. 55.
25. Цит. по: Теория доказательств в советском уголовном процессе / Под. ред. Н.В. Жогина. – М., 1973. – С. 38.
26. Петрухин И.Л. Истина, достоверность и вероятность в суде. С. 19.
27. Балакшин В. Истина в уголовном процессе// Росс. юстиция. – 1998. – № 2. – С. 21.
28. Свиридов М.К. Установление истины и активность суда состязательном уголовном процессе. / Материалы научно-практической конференции. Томск, ТГУ, 29-31 января 2004 г. – Томск: Изд-во ТГУ, 2004. – С. 183-187.
29. Азаров В.А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: двойные стандарты в установлении истины? / Вестник Томского государственного университета. – 2003. – № 4, февраль. – С. 14.
30. Васин В.В. К вопросу о новеллах современного уголовно-процессуального законодательства. Модернизация политико-правовой системы России: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции. – Волгоград: Изд-во Волгоградского госун-та, 2004. – С. 181-183.
31. Титов К.Л. Особый порядок судопроизводства в Российском уголовном процессе (Сравнительный анализ, актуальные проблемы, возникающие в практической деятельности). / Вестник Томского государственного университета. – 2003. – № 4, февраль. – С. 85.
32. Дубовик Н.П. Законодательное закрепление дополнительного стимула и дополнительных гарантий – залог успешного функционирования особого порядка судебного разбирательства. Материалы научно-практической конференции (Томск, ТГУ, 29-31 января 2004 г.). С. 222-227.
33. Дубовик Н.П. Обоснование необходимости совершенствования норм, регулирующих особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. / Вестник Томского государственного университета. – 2003. – № 4, февраль. – С. 88.
34. Бойков А.Д. Суд. Скорый, да не очень. Правый, но не совсем. Милостивый, равный для всех? ... // Российский судья. – 2002. – №9. – С. 12.
35. Якимович Ю.К. Особенности уголовного судопроизводства по отдельным категориям дел. – Томск, 2005. – С. 4.
36. Азаров В.А. Указ. соч., С. 15.
37. Зажицкий В.И. О направлениях совершенствования уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. // Государство и право. – 2004. – № 4. – С. 33.

38. Цит. по Божьев. «Тихая революция» Конституционного Суда в уголовном процессе Российской Федерации. / Российская юстиция. – 2000. – № 10. – С. 10.

39. Зажицкий В.И. Указ. Соч. – С. 34.

40. См.: Государство и право. – 2002. – № 9. – С. 90.

41. Лось С.Л. Судебное разбирательство уголовных дел: назначение, задачи, элемент регулирования социальных отношений / Социальное и пенсионное право. – 2006. – № 3. – С. 41.

42. Зинатуллин З.З., Егорова Т.З., Зинатуллин Т.З. Уголовно-процессуальное доказывание. Концептуальные основы. – Ижевск, 2002. – С. 67.

43. Попов А.П. Целеполагание в современном отечественном уголовном судопроизводстве. – Пятигорск, 2005. – С. 66.

О РОЛИ СУДА ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ В ДОКАЗЫВАНИИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО СУЩЕСТВУ

© Васин В.В.¹

Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан

В работе рассматривается вопрос о степени активности суда первой инстанции в доказывании при рассмотрении уголовного дела по существу, с учетом его положения, как руководителя процесса.

Одним из аспектов участия суда в доказывании при рассмотрении уголовного дела является реализация им руководящего начала в ходе судебного разбирательства. Руководящее начало основано на том, что суд является единственным субъектом в процессе, отвечающим за приговор. Как «хозяин» процесса, суд должен одновременно выполнить организационно-распорядительные полномочия: обеспечение порядка в зале судебного заседания, реализацию всеми участниками процесса предусмотренных законом прав, а также, являясь активным субъектом доказывания, обязан обеспечить в полном объеме процесс получения знаний об обстоятельствах дела. При этом его активность должна проявляться и в воздействии на стороны в деле предоставления необходимых суду сведений.

Процессуальное положение суда при рассмотрении уголовного дела однозначно определено ч. 3 ст. 15 УПК РФ, в соответствии с которой суд не выступает на стороне обвинения или защиты, а создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. При осуществлении своих прав стороны пользуются равными пред судом возможностями.

Анализ норм, регулирующих порядок судебного следствия, показывает, что, по замыслу законодателя, суд максимально лишен возможности активного поведения в ходе рассмотрения уголовного дела и может непосредственно (лично) исследовать доказательства только тогда, когда исчерпана активность сторон.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 273 УПК РФ, судебное следствие начинается с изложения обвинения, предъявленного подсудимому обвинителем, а, на основании ч. 2 ст. 274 УПК РФ, сторона обвинения первой представляет суду доказательства. Подсудимого, потерпевшего, свидетелей сначала допрашивают стороны, и только после этого вопросы может задавать суд (ст. ст. 275, 277, 278 УПК РФ).

¹ Доцент кафедры Правоведения, кандидат юридических наук

Положение «хозяина» процесса и руководство судом ходом судебного следствия предусматривает обязанность суда обеспечить сторонам такие условия в судебном заседании, чтобы стороны могли в полном объеме реализовать свои процессуальные права по отстаиванию позиций всеми предусмотренными законом способами.

Такое обеспечение условий для сторон самому суду позволит выполнить главную «стратегическую» задачу – на основе всестороннего, полного и объективного исследования представленных сведений принять единственно правильное решение по делу.

Мы разделяем позиции авторов, которые рассматривают судебную активность при рассмотрении уголовного дела по существу с двух сторон: с одной стороны – направленную на формирование доказательств и, с другой стороны – организацию процесса познания [1, С. 173-174].

Одно только дополнение в эту позицию мы полагаем возможным внести. Наши представления по данному вопросу основаны на том, что, как мы уже отмечали ранее, начинается судебное познание с исследования уже представленных в суд материалов уголовного дела, а не с формирования доказательств как таковых.

В то же время в процессе такого познания мы вполне признаем необходимость такой активности суда, при которой он мог бы в определенных случаях самостоятельно дополнять доказательственную базу.

Полномочия суда по действующему УПК РФ представляются нам дискреционными, в то время как по УУС 1864 года и, особенно, по УПК РСФСР суд самостоятельно определял и направлял ход исследования обстоятельств дела. Правильно было замечено, что «До введения в действие УПК РФ у нас вообще не было уголовного суда в прямом понимании этого слова. Был не суд, а судебный следователь. ... Квалифицированному и добросовестному судье не нужны были по большому счету ни адвокат, ни прокурор» [2, С. 11, 12].

Проект УПК РФ, принятый во втором чтении, предусматривал, что председательствующий руководит судебным заседанием, сохраняя объективность и беспристрастность, создает необходимые условия для всестороннего и полного исследования материалов дела (ст. 283 Проекта УПК РФ).

Однако действующая редакция УПК РФ содержит указание только на то, что председательствующий руководит судебным заседанием, принимает все, предусмотренные Кодексом, меры по обеспечению состязательности и равноправия сторон.

По существу руководящее начало председательствующего, предусмотренное действующим законом, выражается в том, что суд может разрешить подсудимому и потерпевшему давать показания в любой момент судебного следствия (ч. 3 ст. 274 и ч. 2 ст. 277 УПК РФ). Кроме того, он

также может отклонить наводящие вопросы и вопросы, не имеющие отношения к делу, заданные подсудимому (ч. 1 ст. 275 УПК РФ).

Закон не предоставляет суду права вмешаться в допрос свидетеля, остановить его даже в том случае, если показания последнего не имеют никакого отношения к делу, однако в реальной жизни судьи фактически игнорируют это требование закона и очень часто отводят вопросы свидетелю, прерывают его показания и т.п.

Данное обстоятельство говорит не только о проявлении судьями некоего «инерционного» поведения, но и указывает на определенный недостаток уголовно-процессуального закона в части полномочий судьи в судебном заседании.

Признать удовлетворительным такое положение суда мы не можем и полагаем, что суд, во всяком случае, в любой момент судебного следствия должен иметь возможность непосредственно влиять на поведение сторон, связанное с представлением ими доказательств, в том числе и при допросе свидетеля.

Уместно будет обратить внимание на то, что в подавляющем большинстве уголовных дел показания свидетелей представляют значительный, если не основной, объем доказательств по делу.

Путем анализа этих показаний суд проверяет иные доказательства, формирует собственное убеждение по главному вопросу процесса.

Попытка законодателя активизировать поведение сторон путем лишения определенной самостоятельности суда в ходе судебного следствия не решает проблемы обеспечения подлинного режима состязательности, сущность которой состоит в обеспечении судом реальной возможности сторонам реализовать свое право на представление доказательств и участие в исследовании доказательств, представленных противной стороной.

В этой связи мы не можем согласиться с удовлетворительной оценкой, которая дается специалистами по вопросу участия суда в проверке и исследовании доказательств по делу только после того, как будет исчерпана активность сторон [3, С. 176].

Руководящая роль суда в доказывании при рассмотрении уголовного дела по существу обвинения не может быть ограничена и поставлена в зависимость от желания стороны проявить или не проявить определенную активность при исследовании и представлении доказательств по делу.

Поскольку активность стороны всегда основана на её процессуальных целях и связана с собственным интересом стороны, суд не может оставаться безучастным, когда сторона не проявляет активности только потому, что такая активность не будет отвечать процессуальным целям этой стороны.

Именно в такое опасное положение суд становится в соответствии с правилами о том, что *только с согласия сторон* в судебном следствии могут быть оглашены показания потерпевшего и свидетеля, данные на пред-

варительном следствии, и исследованы иные доказательства, добытые при этом (ч. 1 ст. 281 УПК РФ).

Из данного положения закона следует, что если показания свидетеля или потерпевшего, данные на предварительном следствии, не соответствуют показаниям, данным в судебном следствии, выяснить причины такого несоответствия или устранить это несоответствие суд может только тогда, когда стороны не возражают против этого. При этом возражений не должно поступить от всех участников процесса, которых закон относит к сторонам, в том числе и подсудимого.

Таким образом, если свидетель или потерпевший не явился в судебное заседание, то огласить его показания, данные на предварительном следствии, суд не может без соответствующего согласия сторон. Полагаем, что в данном случае суд поставлен в прямую зависимость от поведения сторон и уже не может быть процессуальным руководителем, постольку, поскольку решение не может принять самостоятельно. Это уже не руководство при исследовании доказательств по делу, а подчиненное и зависимое положение.

Кроме того, зависимость процессуального поведения суда, в данном случае от согласия сторон, приводит к ничтожности правила об уголовной ответственности как свидетеля, так и потерпевшего за дачу заведомо ложных показаний, поскольку эту заведомость можно установить только путем выяснения причины противоречий в показаниях, данных на предварительном и в судебном следствии.

Представляется, что вполне обоснованным будет предложение об изменении правила, установленного ч. 1 ст. 281 УПК РФ, и изложение его в следующей редакции: «Оглашение судом показаний потерпевшего и свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, ...допускается вне зависимости от мнения сторон в любой момент судебного следствия в случаях...» и далее по тексту.

С другой стороны, руководящее процессуальное положение суда в полной мере будет отвечать целям и задачам судебного познания по делу, если суд не сможет оставить без внимания активности стороны, выраженной заявленным ходатайством об исследовании или предоставлении какого-либо доказательства.

Конечно, вариант, когда стороны в полном объеме и качественно выполнили свои процессуальные функции, активно участвовали в исследовании представленных доказательств, и у суда не возникло потребности самостоятельно выяснять какие-либо обстоятельства по делу, можно представить как идеальный. В практической жизни такой вариант встречается крайне редко. Зачастую у суда остаются сомнения, в то время как стороны

могут полагать, что доказательства исследованы достаточно полно и обстоятельства дела установлены правильно.

Можно ли в таком случае суду как руководителю процесса ограничить деятельность сторон, и может ли он принять решение только на основе этой деятельности?

Некоторые авторы полагают, что действия суда, направленные на проверку представленных ему доказательств, являются собиранием доказательств самим судом [4, С. 78], при этом высказаны мнения, что «активность суда и активность сторон при исследовании доказательств – это взаимно исключающие друг друга правовые явления» [5, С. 60].

Мы полагаем, что инициативные действия суда, направленные на проверку уже представленных в суд доказательств не тождественны в полном смысле получению новых, не представленных в суд доказательств.

Отсутствие в законе указания на обязанность суда истребовать по своей инициативе доказательства, выполнять активные действия по выявлению и устранению противоречий по делу не означает, что суд может оставаться пассивным наблюдателем в процессе судебного следствия.

В соответствии с ч. 1 ст. 297 УПК РФ, приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым. При этом обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств (ч. 4 т. 302 УПК РФ).

В соответствии с требованиями закона (ч. ч. 3,4 ст. 305, ч. 2 ст. 307 УПК РФ), приговоры должны содержать доказательства, на которых основаны выводы суда о виновности или невиновности, а также мотивы, по которым суд отверг другие доказательства.

Принимая во внимание, что суд является единственным субъектом процесса, отвечающим за приговор, то действия суда, направленные на проверку представленных доказательств, являются не только вполне обоснованными, но и обеспечивают суду саму возможность принятия решения по делу.

В этой связи мы вполне разделяем мнение о том, что суд должен влиять на формирование необходимой для вынесения приговора доказательственной базы, а не быть почти полностью зависим в этом важном деле от сторон [6, С. 186].

Неприятие руководящего процессуального поведения суда при исследовании представленных сторонами доказательств основано на опасности утраты судом беспристрастности и объективности, но, как справедливо было отмечено, в этом случае должно ставить вопрос об ограничении активности суда, когда суд начинает работать за одну из сторон [3, С. 180].

Представляется, что примером решения этой проблемы могут стать Федеральные правила представления доказательств в США, ст. 614 кото-

рых устанавливает, что суд по своей инициативе может вызвать и допросить дополнительных свидетелей, назначить экспертизу, допросить эксперта. При этом суд обязан делать это *взвешенно и обоснованно*, а вызывать свидетеля только для «уточнения или разъяснения доказательств, представленных сторонами» [7, С. 257, 342, 379].

Такие полномочия и руководящие начала в процессуальном поведении суда не могут привести к утрате незаинтересованности и беспристрастности суда, а также к выводу о том, что суд, таким образом, по своей инициативе собирает доказательства по делу.

Таким образом, мы полагаем, что руководящее начало суда в ходе судебного следствия должно в первую очередь обеспечить возможность сторонам использовать все, предоставленные законом, средства для выполнения своих задач.

С другой стороны – обеспечить возможность для самого суда не оставаться безучастным наблюдателем, если стороны активности для проверки представленных в суд доказательств не проявляют. Суд должен располагать возможностью в любой момент судебного следствия выполнить любое следственное действие, направленное на проверку представленных ему доказательств. Выполняя такие действия, суд сможет составить свое убеждение по делу на основе всестороннего и объективного исследования доказательств, т. е. установить объективную истину по делу и принять единственно правильное решение.

Список литературы:

1. Семухина О.Б. Типология уголовного процесса и деятельность суда в рамках обвинительного и состязательного типов уголовного процесса. Дисс.... канд. юрид. наук. –Томск, ТГУ 2-002. – С. 54; Свиридов М.К. Установление Истины и активность суда в состязательном уголовном процессе// Материалы научно-практической конференции / Под ред. докт. юрид. наук., профессора М.К. Свиридова. – Томск: Изд-во НТЛ, 2004. – С. 184; Пиюк А.В. Роль суда в собирании доказательств по уголовному делу на стадии предварительного расследования и при рассмотрении дела в суде первой инстанции. Дисс. ... канд. юрид. наук. – Томск: ТГУ, 2004.
2. Якимович Ю.К. От обвинительного к инквизиционному досудебному уголовному процессу//Уголовная юстиция: состояние и пути развития. Тюменский госуниверситет. Институт государства и права. – Изд-во «Экспресс», 2003. – С. 11, 12.
3. Пиюк В.А. Роль суда в собирании доказательств по уголовному делу на стадии предварительного расследования и рассмотрении дела в суде первой инстанции. Дисс. ... канд. юр. наук. – Томск, 2004. – С. 176.
4. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе: Научно-практическое пособие. – М., 2000. – С. 78.

5. Смирнов В.П. Противоборство сторон как сущность принципа состязательности уголовного судопроизводства // Государство и право. – 1998. – № 3. – С. 60.

6. Свиридов М.К. Указ соч. С. 186.

7. Federal Criminal Code and Rules. Federal Rules of Criminal Procedure. West Group. St. Paul, Minn. 1997. p. 257, 342, 379.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТАПОВ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

© Кайзер Ю.В.¹

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск

Статья посвящена проблемам определения понятия этапов и элементов процессуального доказывания, проведения сравнительного анализа данных понятий, вопросам раскрытия доказательств в гражданском и арбитражном процессе как самостоятельного этапа судебного доказывания, а также проблемам правового регулирования обозначенного этапа доказательственной деятельности.

Наука гражданского процесса, посвященная проблемам судебного доказывания, выделяет несколько этапов доказательственной деятельности, которая, в свою очередь, занимает одно из центральных мест в гражданском судопроизводстве. Судебное доказывание представляет собой совокупность этапов (стадий), без прохождения каждой из которых невозможно объективно установить фактические обстоятельства дела и, соответственно, правильно разрешить возникший спор между участниками гражданских правоотношений.

Ряд авторов, например, О.В. Баулин [1, С. 22-23], рассматривают этапы доказательственной деятельности в качестве элементов доказывания. отождествление данных понятий проводит Л.А. Терехова [7, С. 161]. Элементы доказывания, по мнению О.В. Баулина, «можно рассматривать как этапы лишь применительно к исследованию одного конкретного доказательства и то условно, поскольку и его приобщение к делу, и исследование всегда сопровождаются предварительной оценкой, кроме того, всегда возможно его повторное исследование» [1, С. 23]. Таким образом, вывод указанного автора сводится к тому, что не могут рассматриваться как этап действия, которые могут совершаться в течение всего процесса.

В то же время доказывание – это определенный процесс, который имеет свой конечный результат. Все исследователи проблем доказывания едины во мнении относительно того, что действия по собиранию, оценке, исследованию доказательств представляют собой процесс. Процесс, как следует из содержания словаря С.И. Ожегова, – это «ход, развитие чего-нибудь явления, последовательная смена состояний в развитии чего-нибудь» [3, С. 626]. Данное понятие применимо и к доказательственной

¹ Ассистент кафедры Гражданского и арбитражного процесса

деятельности, которая представляет собой не просто совокупность элементов как составных частей сложного целого (набор конкретных действий), а именно последовательную смену периодов в развитии, то есть доказывание – это совокупность последовательных стадий (этапов).

Нельзя отказываться от использования понятия этапа доказательственной деятельности, обосновывая это тем, что данные действия совершаются в течение всего процесса. Действительно, можно усмотреть, что предварительная оценка доказательств происходит на этапе представления доказательств. В то же время процесс не предполагает собой совокупность набора статических элементов, доказывание характеризуется именно развитием, направленным на достижение определенного результата, а именно на установление фактических обстоятельств дела.

Стадия доказательственной деятельности – это процессуальная сторона доказывания. В связи с этим следует согласиться с позицией И.В. Решетниковой [5, С. 21-22], которая рассматривает собирание, исследование и оценку доказательств в качестве этапов доказательственной деятельности, а не ее элементов.

К числу этапов доказательственной деятельности относится установление фактов, подлежащих доказыванию, собирание, исследование, оценка доказательств. Раскрытие доказательств, как правило, не рассматривается представителями науки гражданского процесса в качестве самостоятельного этапа. В то же время считаем, что такая позиция не соответствует положениям действующего законодательства и разработанным теоретическим положениям в данной области. Содержанием принципа состязательности в гражданском и арбитражном процессе является обязанность сторон доказывать те обстоятельства, на которые они ссылаются как на основания своих требований и возражений. Принцип состязательности включает в себя не только права и обязанности сторон по представлению доказательств в подтверждение тех обстоятельств, на которые они ссылаются как на основание своих требований и возражений, но и обязанность раскрывать данные доказательства перед другими участниками процесса.

Заблаговременное представление копий документов участникам процесса связано именно с таким этапом доказательственной деятельности, как раскрытие доказательств. Терехова Л.А. рассматривает раскрытие доказательств как принцип арбитражного процесса, «поскольку на нем основаны порядок сбора доказательств, подготовка дела к судебному разбирательству, само судебное разбирательство и принятие итогового решения» [8, С. 61].

Под раскрытием доказательств следует понимать деятельность лиц, участвующих в деле, по заблаговременному, до начала судебного заседания, ознакомлению других лиц, участвующих в деле, с доказательствами, на которые они ссылаются как на основание своих требований и возражений, по представлению копий данных доказательств, а также, по нашему

мнению, и деятельность судебных органов по предоставлению возможности лицам, участвующим в деле, заблаговременно ознакомиться с имеющимися в материалах дела доказательствами.

Как и любой этап доказывания, раскрытие доказательств обладает определенными отличительными признаками, свидетельствующими о самостоятельности данного этапа доказательственной деятельности. К числу таких признаков относится следующее:

1. Раскрытие доказательств всегда происходит после определения круга доказательств, подлежащих доказыванию по делу, и их выявления.

2. Раскрытие доказательств возможно одновременно с осуществлением таких стадий, как собирание доказательств по делу и их исследование.

3. Раскрытие доказательств связано с заблаговременным, до начала судебного заседания, ознакомлением лиц, участвующих в деле, с представляемыми доказательствами, изготовлением копий данных доказательств и передачей их другим лицам, участвующим в деле. Это является одним из основных признаков описываемого этапа судебного доказывания. Указанное положение находит свое отражение в гражданском процессуальном законодательстве и связано прежде всего с обменом участниками процесса состязательными документами, с установлением временных рамок для представления документов другой стороне. Так, в соответствии со ст. 132 Гражданского процессуального кодекса РФ к исковому заявлению прилагаются копии документов, подтверждающих обстоятельства, на которых истец основывает свои требования, если копии у них отсутствуют. Если обратиться к положениям п. 1 ч. 1 ст. 149 Гражданского процессуального кодекса РФ, то истец при подготовке дела к судебному разбирательству передает ответчику копии доказательств, обосновывающих фактические основания иска. Согласно ч. 3 ст. 71 Гражданского процессуального кодекса РФ, копии письменных доказательств, представленных в суд лицом, участвующим в деле, направляются другим лицам, участвующим в деле. Аналогичные положения содержатся в Арбитражном процессуальном кодексе РФ. Например, ст. 131 данного Кодекса содержит правило о предоставлении ответчиком отзыва на иск лицам, участвующим в деле.

4. Раскрытие доказательств осуществляется не только сторонами по делу, но и иными лицами, участвующими в деле. Исключения не должны составлять прокурор, органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, обратившиеся в суд за защитой прав иных лиц.

5. К раскрытию доказательств имеют косвенное отношение и судебные органы, предоставляя лицам, участвующим в деле, возможность заблаговременного ознакомления с доказательствами, приобщенными к материалам дела.

6. Раскрытие доказательств должно происходить до момента разрешения судом вопроса об их приобщении к материалам дела. В то же время не все документы, предоставленные одним лицом другому участнику процесса, в последующем будут приняты судом в качестве доказательств и тем самым обладать свойством последних.

7. Раскрытие доказательств возможно как на этапе подготовки дела к судебному разбирательству, предварительного судебного заседания, так и на этапе судебного разбирательства.

8. Нарушение правил раскрытия доказательств влечет негативные последствия для лиц, участвующих в деле, носящих как материально-правовой, так и процессуально-правовой характер.

Исходя из описанных выше признаков, можно сделать вывод, что раскрытие доказательств является самостоятельным этапом доказательственной деятельности в гражданском и арбитражном процессе.

Если проводить сравнительный анализ правового регулирования раскрытия доказательств в гражданском и арбитражном процессе, то следует отметить, что арбитражно-процессуальное законодательство использует термин «раскрытие доказательств» в ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ. Это понятие для арбитражного процесса является новым. Но при всем при этом в законе не определяется содержание данного термина, детально не регламентируется порядок раскрытия доказательств в арбитражном процессе. Нельзя согласиться с позицией Е.В. Кудрявцевой о том, что «АПК впервые ввел обмен состязательными бумагами, под которыми следовало и следует понимать предъявление иска и направление его копии ответчику, а также представление ответчиком отзыва на исковое заявление» [2, С. 87]. Обмен состязательными документами был характерен и для гражданского процесса, который также предусматривал предъявление иска, представление доказательств, возражений на иск. Проблема заключается в том, что появление процедуры раскрытия доказательств в арбитражном процессе не имеет ее детального урегулирования, как и в гражданском процессе.

В соответствии с частью 2 статьи 41 Арбитражного процессуального кодекса РФ лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться принадлежащими им процессуальными правами; для лиц, допустивших злоупотребление процессуальными правами, наступают предусмотренные законодательством неблагоприятные последствия. Данные положения относятся также к вытекающему из принципа состязательности праву лиц, участвующих в деле, представлять доказательства арбитражному суду и другой стороне по делу и знакомиться с доказательствами, представленными другими лицами, участвующими в деле. Указанные права гарантируются обязанностью участников процесса раскрывать доказательства до начала судебного разбирательства.

Как следует из ч. 3 ст. 65 Арбитражного процессуального кодекса РФ, каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть доказательства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, до начала судебного заседания, если иное не установлено настоящим Кодексом. Аналогичная обязанность отсутствует в гражданском процессуальном законодательстве. В то же время, в отдельных положениях Гражданского процессуального кодекса РФ проявляются элементы раскрытия доказательств, характерные для гражданского процесса. Например, в статьях 71, 132, 149 Гражданского процессуального кодекса РФ. При этом следует обратить внимание, что согласно ст. 132 Гражданского процессуального кодекса РФ копии документов готовятся и представляются истцом при подаче иска только для ответчиков и третьих лиц. А как же быть с иными лицами, участвующими в деле, такими, как прокурор, лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц. Получается, что для иных участников процесса истец не должен представлять копии прилагаемых к исковому заявлению документов. В данном случае описанное исключение можно рассматривать как недостаток законодательного регулирования, что осложняет процесс правоприменения.

Правовое регулирование в таком состоянии, по нашему мнению, в полной мере не обеспечивает реализацию принципа состязательности. Кроме того, в Гражданском процессуальном кодексе РФ отсутствует элемент заблаговременности ознакомления лиц, участвующих в деле, с приобщаемыми к материалам дела доказательствами.

Законодательство не устанавливает применительно как к гражданскому, так и арбитражному процессу, сроков заблаговременного ознакомления участников процесса с доказательствами по делу. Это позволяет участникам процесса приобщать документы к материалам дела в рамках судебного заседания без предварительного ознакомления субъектов с данными документами. Тем самым существует ограничение в реализации права участников гражданского процесса своевременно, полно сформировать свою точку зрения относительно заявленного в рамках рассмотрения спора по существу ходатайства лица о приобщении к материалам дела доказательств. В свою очередь, подчас это влечет формирование доказательственной базы гражданского дела без учета таких принципов, как относимость, допустимость, достоверность доказательств. Лица, участвующие в деле, обладают правом оценить приобщенные к материалам дела доказательства только в рамках разрешения гражданско-правового спора, что подчас приводит к приобщению к материалам дела доказательств, не соответствующих требованиям закона, а также не относящихся к предмету спора.

С учетом сказанного относительно понимания раскрытия доказательств как этапа доказательственной деятельности, на наш взгляд, необходимо включить в Гражданский процессуальный кодекс РФ специальную статью, определяющую порядок и сроки раскрытия доказательств, а также меры гражданско-процессуальной ответственности за несоблюдение или несвоевременное совершение данных действий. Более детальной регламентации порядка раскрытия доказательств требует и арбитражно-процессуальное законодательство.

Так, в гражданском процессуальном законодательстве следует установить правило, согласно которому лица, участвующие в деле, во всех случаях обязаны заблаговременно, до начала судебного заседания вручить или направить иным участникам процесса копии приобщаемых к материалам дела доказательств. При этом возможно установить конкретный срок такого представления доказательств либо предоставить возможность судебным органам определять этот срок, закрепив ответственность за неисполнение возложенной на лицо, участвующее в деле, обязанности. С учетом специфики судебной деятельности в качестве варианта определения срока представления доказательств можно предложить ввести разумный срок по совершению указанных выше действий. Но и такая формулировка не может в полной мере способствовать реализации прав лиц, участвующих в деле, на своевременное ознакомление с доказательствами, поскольку носит достаточно субъективный характер. Особо следует обратить внимание, что сторона по делу должна не просто предоставить лицам, участвующим в деле, перечень доказательств, на которых она будет основывать свои требования или возражения, а непосредственно ознакомить участников процесса с самими доказательствами.

Терехова Л.А. полагает, что раскрытие доказательств должно обладать признаком ступенчатости, которое «предполагает последовательность в раскрытии: сначала лицам, участвующим в деле, предлагается перечень доказательств и лишь затем можно последовательно с ними знакомиться» [8, С. 61]. Это характерно для законодательства США и Англии. Так, вначале в русле состязательности идет обмен бумагами, где излагаются факты, на которых основывается сторона. По требованию стороны другая сторона должна объявить обо всех находящихся в ее распоряжении относящихся к делу доказательствах. Это требование выполняется путем составления списка всех относящихся к делу доказательств и принесения присяги в том, что список является исчерпывающим. Такой документ, заверенный под присягой, называется affidavitом, а порядок обмена affidavitами именуется предъявлением. Кроме того, каждая сторона должна предоставить своему противнику возможность ознакомиться со всеми документами, перечисленными в списке, и получить их копии, то есть раскрыть доказательства [Приводится по: 9].

Считаем, что с учетом реализации принципа состязательности принцип ступенчатости в раскрытии доказательств недопустим. Лица, участвующие в деле, обязаны непосредственно знакомить иных участников процесса с имеющимися доказательствами, предоставляя их копии. Безусловно, это правило применимо прежде всего к письменным доказательствам и объяснениям лиц, участвующих в деле. Невозможно заблаговременно ознакомить лиц со свидетельскими показаниями. В таком случае остальные участники процесса должны быть заблаговременно поставлены в известность относительно субъектов, о допросе которых намерена ходатайствовать сторона по делу, и относительно обстоятельств, которые может подтвердить лицо. Это позволит противоположной стороне подготовиться к допросу свидетеля, сформулировать вопросы к нему, а также опередиться со средствами доказывания с целью опровержения доводов другой стороны (например, решить вопрос о вызове свидетелей со своей стороны). С учетом сказанного правильнее было бы ввести процедуру досудебного ознакомления с имеющимися доказательствами, как предлагает И.В. Решетникова [5, С. 86].

Раскрытие доказательств как этап доказательственной деятельности тесно связан с реализацией принципа состязательности в гражданском и арбитражном процессе, направленным на защиту прав и законных интересов участников спора. В связи с этим в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения лицами, участвующими в деле, обязанности по заблаговременному ознакомлению участников процесса с имеющимися по делу доказательствами должны наступать санкции для виновной стороны.

В качестве санкций за неисполнение или несвоевременное исполнение обязанности по раскрытию доказательств можно предложить следующие меры:

1. Наложение штрафа на лиц, участвующих в деле, нарушивших порядок и (или) сроки раскрытия доказательств. При этом сразу возникает вопрос о размере штрафа, о соответствии данного размера последствиям нарушенных прав лиц, участвующих в деле. Будет ли это фиксированная сумма штрафа либо законодатель предоставит право суду устанавливать размер штрафа по своему усмотрению. Возможно, размер штрафа должен соотноситься с ценой иска, если он подлежит имущественной оценке, и исчисляться в процентном соотношении от цены иска. В то же время считаем, что такая мера ответственности, как штраф, не будет эффективной, поскольку подчас для лиц, участвующих в деле, выгоднее сокрыть доказательства до судебного разбирательства, уплатив сумму штрафа, чем заблаговременно ознакомить с доказательствами участников процесса.

2. Обязанность суда общей юрисдикции не принимать и не исследовать доказательства, не раскрытые лицами, участвующими в деле, до начала судебного заседания и представленные позднее на стадии исследования

доказательств, и право лиц, участвующих в деле, ссылаться в обоснование своей позиции по делу только на доказательства, с которыми другие участники процесса были ознакомлены заблаговременно. То есть нераскрытые доказательства не могут быть положены в основу судебного акта в подтверждение наличия или отсутствия юридически значимых фактов. Если суду будет предоставлено право исследовать доказательства, полученные в стадии судебного разбирательства без заблаговременного ознакомления лиц, участвующих в деле, с их содержанием и формой, то такая позиция повлечет злоупотребление субъектами гражданско-процессуальных отношений процессуальными правами, поскольку будет ставить одну из сторон спора в более выгодное положение. Такой вид санкций закреплён в настоящее время в ст. 65 Арбитражного процессуального законодательства РФ и характерен для законодательства Англии. В отличие от арбитражного процесса, санкции за несоблюдение правил раскрытия доказательств не установлены в гражданском процессуальном законодательстве.

3. Несоблюдение лицами, участвующими в деле, требований по раскрытию доказательств должно рассматриваться судами общей юрисдикции в качестве злоупотребления процессуальными правами и влечь возможность в соответствии со ст. 111 Арбитражного процессуального кодекса РФ отнесения на данное лицо судебных расходов. В связи с этим распределение судебных расходов в таком порядке можно также рассматривать в качестве санкции за несвоевременное раскрытие лицом, участвующим в деле, доказательств по делу. «Введение принципа раскрытия доказательств должно сопровождаться ...введением правил, которые страхуют от недобросовестного поведения. Такими правилами могли бы стать: ... наличие санкций в виде судебных расходов...» [8, С. 64]. Предлагая такой вид санкций, возникает вопрос, в каком размере будут судебные расходы возлагаться на виновную сторону, возможно ли такое возложение судебных расходов в какой-то части. Эти проблемы требуют своего разрешения и законодательного закрепления.

Предложенные меры гражданско-процессуальной ответственности могут сочетаться и применяться с учетом конкретных обстоятельств дела.

Если обратиться к зарубежному законодательству, то в английском процессе активный обмен состязательными документами приводит к сокращению фактов, подлежащих доказыванию: если ответчик не оспаривает факты, указанные истцом, то они считаются признанными, если стороны не указали какие-то факты, то он не включаются в предмет доказывания [4, С. 315]. Остается спорным вопрос, насколько возможно использовать в российском законодательстве аналогичное последствие нарушения порядка раскрытия доказательств. Считаем, что именно суд определяет предмет доказывания по делу, то есть факты, подлежащие доказыванию лицами, участвующими в деле. Судебные органы не должны быть связаны

бездействием сторон применительно к установлению фактических обстоятельств дела. Признание фактов должно быть связано с активной позицией стороны по делу. В противном случае невключение определенных фактов в предмет доказывания может привести к вынесению необоснованного судом решения по делу, что повлечет его последующую отмену.

Проанализировав положения законодательства, посвященного вопросам доказательственной деятельности, можно сделать вывод о том, что раскрытие доказательств является самостоятельным этапом доказательственной деятельности как в арбитражном, так и гражданском процессе. Введение порядка раскрытия доказательств будет способствовать более полному и правильному установлению фактических обстоятельств дела, а также своевременному рассмотрению дела. Арбитражно-процессуальное и гражданско-процессуальное законодательство требуют совершенствования в части установления более детальной процедуры раскрытия доказательств и последствий в случае ее нарушения лицами, участвующими в деле.

Список литературы:

1. Баулин О.В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. – М., 2004.
2. Кудрявцева Е.В. Гражданское судопроизводство Англии. – М.: Городец, 2008.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1989.
4. Решетникова И.В. Кодификация российского частного права/ Под ред. Д.А. Медведева. – М.: Статут, 2008.
5. Решетникова И.В. На пути от следствия к состязательности в гражданском процессе// Теоретические и прикладные проблемы реформы гражданской юрисдикции. – Екатеринбург, 1998.
6. Решетникова И.В. Справочник по доказыванию в гражданском процессе. – М., 2005.
7. Терехова Л.А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. – М., 2007.
8. Терехова Л.А. Принцип раскрытия доказательств в арбитражном процессе// Хозяйство и право. – 2007. – № 8.
9. Треушников М.К. Судебные доказательства. С. 69.

ПОРЯДОК ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ КОНТРОЛЯ ЗА ПОВЕДЕНИЕМ УСЛОВНО ОСУЖДЕННЫХ ПО УГОЛОВНОМУ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМУ ПРАВУ РОССИИ

© Попова Н.П.¹

Братский государственный университет,
г. Братск

В предлагаемой статье автором рассмотрены основные условия реализации испытательного срока; структура органов, на которые возложено осуществление контроля за условно осужденными. Помимо этого, в работе обозначены проблемы, остро стоящие, по мнению автора, перед уголовно-исполнительными инспекциями при осуществлении контроля и воспитания условно осужденных.

В целях реализации основного условия испытательного срока – примерным поведением доказать свое исправление (ч. 3 ст. 73 УК РФ) – на условно осужденного возлагается исполнение совокупности различного рода требований, основу которых составляет ряд ограничений.

В ст. 74 УК РФ отмечается, что условно осужденный не должен:

- уклоняться от исполнения возложенных на него судом обязанностей;
- допускать систематического или злостного их неисполнения;
- совершать нарушение общественного порядка, за которое на него может быть наложено административное взыскание.

По ранее действовавшему законодательству контроль за условно осужденными возлагался на органы внутренних дел, а в отношении несовершеннолетних также на комиссии по делам несовершеннолетних при местных органах власти. При условном осуждении, связанном с передачей виновного трудовому коллективу или общественной организации, контроль за его поведением, помимо органа внутренних дел, осуществляли члены указанных коллективов и организаций.

Сегодня в течение испытательного срока контроль за поведением условно осужденного согласно ч. 6 ст. 73 УК РФ осуществляется уполномоченным на то специализированным государственным органом, а в отношении военнослужащих – командованием воинских частей и учреждений. В ч. 1 ст. 187 УИК Российской Федерации законодатель уточняет, что вышеуказанным органом является уголовно-исполнительная инспекция по

¹ Доцент, кандидат юридических наук

месту жительства условно осужденного, а в отношении военнослужащих – командование их воинских частей.

Новое уголовное законодательство не допускает перекладывания этих обязанностей на общественные организации и трудовые коллективы. Однако это не препятствует общественности принимать участие в контроле за поведением осужденных. Ст. 23 УИК РФ прямо устанавливает, что общественные объединения оказывают содействие в работе учреждений и органов, исполняющих наказание, принимают участие в исправлении осужденных.

Автор данной статьи разделяет точку зрения Н.В. Ольховника и К.Н. Тараленко, согласно которой контроль за поведением условно осужденных имеет свою цель, состоящую в сокращении количества возможных рецидивов правонарушений и содействии такому включению правонарушителя в жизнь общества, который свел бы к минимуму вероятность повторного совершения преступления [1, С. 26].

В практической деятельности это трансформируется в необходимость тщательного учета совершаемых осужденными правонарушений и своевременной замены условного осуждения на реальное наказание.

Данный учёт ведется уголовно-исполнительными инспекциями по месту жительства осужденных. В настоящее время в России функционирует 2346 таких инспекций. Ежегодно по их учетам проходит свыше миллиона осужденных, в том числе более 100 тысяч несовершеннолетних. После передачи уголовно-исполнительных инспекций из МВД России в ведение Минюста России в интересах дальнейшего реформирования уголовно-исполнительной системы и в связи с повышением роли Уголовно-исполнительных инспекций в деле предупреждения преступности, а также многофункциональности решаемых ими задач, в структуре аппарата Федеральной службы исполнения наказаний России создано Управление исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы.

Следует отметить, что после объединения уголовно-исполнительных инспекций по России создано 395 межрайонных уголовно исполнительных инспекций [9, С. 2].

Сегодня на территории Иркутской области функционирует Главное управление Федеральной службы исполнения наказаний России по Иркутской области, в подведомстве которого после реформирования уголовно-исполнительной системы было зарегистрировано 10 межрайонных уголовно-исполнительных инспекций, а также 26 филиалов данных учреждений. Контроль по организации деятельности уголовно-исполнительных инспекций по Иркутской области возложен на отдел по руководству уголовно-исполнительными инспекциями [6, С. 5].

На территории муниципального образования г. Братска на сегодняшний день функционирует Государственное учреждение «Межрайонная

уголовно-исполнительная инспекция № 7 ГУФСИН России по Иркутской области», которая в августе 2005 года объединила три уголовно-исполнительных инспекции: № 5 по Центральному округу г. Братска, № 19 по Падунскому округу г. Братска и № 20 по Правобережному округу г. Братска. Уголовно-исполнительная инспекция осуществляет свою деятельность в соответствии с Положением об уголовно-исполнительных инспекциях, утвержденным постановлением Правительства РФ 16 июня 1997 г. № 729 [7], а при осуществлении контроля за поведением условно осужденных – в соответствии с приказом Минюста России от 12 апреля 2005 г. № 38 «Об утверждении Инструкции о порядке исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» [2].

Вышеуказанная инструкция конкретизирует понятие контроля уголовно-исполнительной инспекции за условно осужденными, который включает в себя:

- персональный учет условно осужденных в течение испытательного срока;
- контроль уголовно-исполнительной инспекции с участием работников органов внутренних дел за соблюдением осужденными общественного порядка и исполнением ими возложенных судом обязанностей;
- проведение первоначальных розыскных мероприятий;
- проведение иных мероприятий, предусмотренных действующим законодательством.

В день поступления в уголовно-исполнительную инспекцию копии приговора (определения, постановления) из суда и приложения к ней регистрируются в журнале входящих документов, а затем – в специальном журнале учёта осужденных. Одновременно с регистрацией заводится личное дело на осужденного, а также сторожевая и контрольно-срочовая карточки.

Затем инспектором должна быть проведена следующая работа: в день поступления копии приговора в суд, вынесший приговор, направляется извещение о принятии его к исполнению, после чего контрольно-срочовая карточка помещается в картотеку, а сторожевая карточка передается в паспортно-визовую службу. Затем о постановке осужденного на учет направляется сообщение начальнику органа внутренних дел для организации проведения участковым уполномоченным милиции профилактических мероприятий и участия в контроле за поведением осужденного, а в отношении несовершеннолетнего осужденного направляется сообщение начальнику органа внутренних дел для организации проведения сотрудником подразделения по делам несовершеннолетних индивидуальной профилактической работы. В случае постановки на учет осужденного при-

зывного возраста сообщение об этом направляется в соответствующий военкомат.

После проведения вышеуказанных мероприятий условно осужденный вызывается в уголовно-исполнительную инспекцию для беседы. В ходе беседы, после обязательного разъяснения порядка и условия отбывания наказания, прав и обязанностей, последствий их невыполнения, у осужденного отбирается подписка об ознакомлении с порядком и условиями отбывания испытательного срока. Кроме того, уточняются и проверяются анкетные данные, выясняются сведения о близких родственниках, друзьях, знакомых, то есть лицах, которые тем или иным образом могут повлиять на осужденного, а также другие вопросы, необходимые для осуществления эффективного контроля за условно осужденным. Составленная в ходе указанной беседы справка вместе с подпиской приобщается к личному делу данного осужденного. Все материалы, относящиеся к организации и осуществлению процесса исполнения наказания, а также копия приговора суда хранятся в личном деле осужденного до окончания испытательного срока [2].

В соответствии с ч. 4 ст. 188 УИК РФ условно осужденные обязаны отчитываться перед уголовно-исполнительными инспекциями о своем поведении, исполнять возложенные на них судом обязанности, незамедлительно являться по вызову в уголовно-исполнительную инспекцию. При неявке в инспекцию без уважительных причин осужденный может быть подвергнут приводу. В этих случаях инспекция выносит постановление о приводе.

Если осужденный различными способами уклоняется от контроля за его поведением, то в соответствии с ч. 5 ст. 188 УИК РФ на уголовно-исполнительную инспекцию возлагается обязанность по проведению первоначальных мероприятий по установлению его местонахождения и причин уклонения.

В Инструкции о порядке исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденной приказом Министерства юстиции РФ от 12 апреля 2005 г. № 38, в V разделе «Контроль за поведением условно осужденных» регламентированы действия уголовно-исполнительной инспекции, осуществляемые ею в период испытательного срока в целях контроля за поведением осужденных. К таковым относятся:

- ежеквартальные проверки условно осужденных по специальным учетам органа внутренних дел на предмет выявления новых правонарушений и привлечения к уголовной ответственности;
- принимают участие в профилактических мероприятиях, проводимых органами внутренних дел по проверке условно осужденных по месту жительства и в общественных местах;

- систематически (не реже одного раза в квартал) направляют в соответствующие подразделения органов внутренних дел списки условно осужденных, поставленных на учет инспекции;
- профилактические беседы о недопущении неисполнения возложенных судом обязанностей с осужденными, их родственниками, а также с лицами, которые могут оказать влияние на осужденных;
- проводят иные мероприятия, связанные с осуществлением контроля за поведением осужденных, их образом жизни и исполнением ими возложенных судом обязанностей [8].

Обо всех проведенных с условно осужденным мероприятиях составляются справки, которые приобщаются к его личному делу.

В соответствии с ч. 1 ст. 190 УИК РФ при уклонении условно осужденного от исполнения возложенных на него судом обязанностей либо при нарушении им общественного порядка, за которое было наложено административное взыскание, уголовно-исполнительная инспекция предупреждает его в письменной форме о возможности отмены условного осуждения.

В случае систематического или злостного неисполнения условно осужденным в течение испытательного срока возложенных на него судом обязанностей либо если условно осужденный скрылся от контроля, начальник уголовно-исполнительной инспекции направляет в суд представление об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда.

Кроме отмены условного осуждения уголовно-исполнительная инспекция обладает и другими мерами воздействия на условно осужденных. Так, если условно осужденный не отчитывается перед инспекцией о своем поведении, не исполняет возложенные судом обязанности, не является по вызову в инспекцию, а также при наличии иных обстоятельств, свидетельствующих о целесообразности дополнения имеющихся обязанностей, начальник инспекции вносит в суд представление о возложении на него дополнительных обязанностей. В случаях, когда условно осужденный уклоняется от исполнения возложенных на него судом обязанностей или совершает нарушение общественного порядка, за которое на него было наложено административное взыскание, инспекция направляет в суд представление о продлении испытательного срока не более чем на один год.

Таким образом, для того чтобы достичь положительного результата в воспитательно-исправительном процессе условно осужденного, необходимо, во-первых, полное взаимодействие всех причастных к этому процессу и организаций и отдельных лиц, а во-вторых, полная реализация всего комплекса воспитательных мер и мер по наблюдению за поведением условно осужденных, проверке исполнения ими возложенных судом обязанностей.

В прямой зависимости от поведения условно осужденного в период установленного судом испытательного срока находятся правовые последствия применения данного института. И поскольку они являются следствием того или иного поведения осужденного, то, исходя из содержания уголовного закона, и характер их будет соответствующим. Благоприятный характер они будут иметь при полном соблюдении условно осужденным условий испытания. И, наоборот, при невыполнении условно осужденным требований, предъявляемых к нему в период испытательного срока, законом предусмотрена определенная ответственность.

Среди благоприятных последствий можно выделить, во-первых, освобождение от наказания по окончании испытательного срока, во-вторых, досрочное освобождение от наказания (ч.1 ст. 74 УК РФ) и, в-третьих, погашение или снятие судимости [3, С. 442].

В соответствии с действующим законодательством, что осужденный будет полностью считаться освобожденным от наказания, определенного ему приговором суда, при выполнении главнейшего условия: он должен своим примерным поведением доказать, свое исправление. При выполнении этого условия по истечении установленного срока испытания условно осужденный освобождается от наказания автоматически, контроль за его поведением прекращается, и он снимается с учета.

По истечении испытательного срока снятие условно осужденного с учета производится по рапорту инспектора уголовно-исполнительной инспекции, утвержденному начальником инспекции. В том случае, если условно осужденный подлежит призыву на действительную военную службу, инспекция направляет в соответствующий военкомат сообщение. Сообщение о снятии с учета также направляется в паспортно-визовую службу.

В целях стимулирования правопослушного поведения и исправления осужденного законом предусмотрена отмена условного осуждения до истечения испытательного срока, что является новеллой. Необходимо отметить, что ранее действовавшее уголовное законодательство не предусматривало досрочного прекращения условного осуждения, а указывало только на возможность сокращения испытательного срока в ч. 5 ст. 44 УК РСФСР 1960 г. Сегодня в соответствии с ч. 1 ст. 74 УК РФ отмена условного осуждения и снятие с осужденного судимости возможна по истечении не менее половины установленного испытательного срока и в том случае, если условно осужденный своим поведением доказал, что он исправился. При наличии указанных условий уголовно-исполнительная инспекция, ходатайствуя об отмене условного осуждения, направляет в суд представление с изложением данных, характеризующих личность осужденного, его поведение и исполнение возложенных на него судом обязанностей. Кроме того, к представлению прилагаются характеристики с места

жительства, работы, учебы, рапорт участкового инспектора милиции о его поведении и образе жизни, а также другие документы, которые могут подтвердить исправление данного осужденного. Суд, проверив обоснованность поступившего представления, может постановить об отмене условного осуждения и снятии с осужденного судимости.

Снятие с учета условно осужденных в связи с отменой условного осуждения и снятия судимости производится на основании поступивших в инспекцию соответствующих документов (судебных решений) в день их получения.

Лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости, что определено на законодательном уровне в ч. 1 ст. 86 УК РФ.

Под судимостью принято понимать правовое последствие отбытия наказания за совершенное преступление, связанное с возложением на лицо определенных ограничений уголовно-правового и общего характера.

Уголовно-правовые последствия судимости проявляются в двух отношениях. Во-первых, судимость учитывается при установлении простого, опасного и особо опасного рецидива и при назначении наказания за эти виды рецидива в соответствии со ст.ст. 18 и 68 УК РФ. Во-вторых, наличие прежней судимости учитывается при назначении наказания, поскольку она являетсяотягчающим обстоятельством, что предусмотрено в п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Общие ограничения, связанные с судимостью, сводятся только к ограничениям в трудоустройстве, предусмотренным некоторыми ведомственными актами, в частности, в ограничении права поступления на работу в правоохранительные органы.

Очень важное для правового статуса граждан положение содержится в ч. 6 ст. 86 УК РФ: погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью. Следовательно, с этого момента она не учитывается ни при совершении нового преступления, ни в общегражданском смысле.

Следует различать понятия «погашение» и «снятие» судимости.

Судимость снимается с осужденного в связи с досрочной отменой условного осуждения, влекущей освобождение осужденного от реального отбывания назначенного судом лишения свободы, данное положение регламентировано ч. 1 ст. 74 УК РФ.

В соответствии с п. «а» ч. 3 ст. 86 УК РФ моментом погашения судимости при условном осуждении будет момент истечения испытательного срока и произойдет это автоматически, то есть для этого не потребуется вынесения какого-либо документа.

Помимо осуществления контроля за поведением условно осужденных уголовно-исполнительная инспекция, в соответствии с п. 1 Инструкции о

порядке исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, также исполняет альтернативные лишению свободы наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных и исправительных работ, а также осуществляет контроль за осужденными беременными женщинами и женщинами, имеющих детей до 14-летнего возраста, которым судом отсрочено исполнение наказания.

По словам заместителя директора Федеральной службы исполнения наказаний России генерал-майора внутренней службы В. Семенюка, в перспективе уголовно-исполнительные инспекции начнут исполнять наказание в виде ограничения свободы. Ч. 1 ст. 47 УИК РФ установлено, что осужденные к этому наказанию отбывают его в специальных учреждениях – исправительных центрах и оно не является альтернативным, поскольку оно отбывается в учреждениях закрытого типа. Однако в подготовленном Федеральной службой исполнения наказаний России проекте Федерального закона об ограничении свободы предусмотрено коренным образом изменить его сущность. Оно будет заключаться в исполнении осужденными установленных законом обязанностей под надзором уголовно-исполнительных инспекций. Это позволит увеличить перечень альтернативных наказаний, сэкономить бюджетные средства, сократить число осужденных к лишению свободы [9, С. 5].

Подводя итог, следует сказать, что одной из основных проблем, стоящих перед уголовно-исполнительными инспекциями при осуществлении контроля и воспитания условно осужденных, после передачи их из МВД России в ведение Минюста России [4], в соответствии с совместным приказом МВД России и Минюста России от 28 мая 1999 г. № 393/179 стало отсутствие законодательной базы взаимодействия данных министерств, что, в свою очередь, создает определенные трудности для плодотворной деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Последнее обстоятельство связано с тем, что при осуществлении контроля за поведением условно осужденных необходимы проверки данных лиц в общественных местах, по месту жительства и работы в целях предупреждения с их стороны правонарушений, а ведь силами одних инспекторов уголовно-исполнительных инспекций решить все эти вопросы, связанные с контролем за условно осужденными, не представляется возможным.

Помимо указанной проблемы, остро стоит вопрос розыска скрывшихся от контроля инспекции условно осужденных. На сегодняшний день в России нет единой поисковой системы данной категории лиц. Существует всего один ведомственный приказ Минюста России от 12 апреля 2005 г. № 38 «Об утверждении инструкции о порядке исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» [2], в кото-

ром затрагиваются лишь некоторые вопросы взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций со службами органов внутренних дел.

Таким образом, в настоящее время остро стоит проблема отсутствия нормативной базы, которая решила бы все накопившиеся вопросы по регламентации деятельности уголовно-исполнительных инспекций, которые, думается, должны быть решены не в ведомственном, а в межведомственном нормативном акте, то есть совместно Министерством внутренних дел и Министерством юстиции России.

Список литературы:

1. Деятельность уголовно-исполнительных инспекций: учебно-методический комплекс / Сост. Н.В. Ольховник, К.Н. Тараленко и др.; под общ. ред. В.А. Уткина. – М.: Penal Reform International, 2005.
2. Инструкция о порядке исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества: утв. приказом Министерства юстиции РФ от 12 апреля 2005 г. № 38 // Российская газ. – 2005. – 11 мая.
3. Комиссаров В.С. Российское уголовное право. Общая часть / В.С. Комиссаров. – СПб.: Питер, 2005.
4. О передаче уголовно-исполнительных инспекций в уголовно-исполнительную систему: приказ Министерства внутренних дел РФ и Министерства юстиции РФ от 28 мая 1999 г. № 393/179 // Архив межрайонной уголовно-исполнительной инспекции № 7 г. Братска.
5. Об организационно-штатных мероприятиях: приказ Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Иркутской области от 01 июля 2005 г. № 379 // Архив межрайонной уголовно-исполнительной инспекции № 7 г. Братска.
6. Об утверждении перечня уголовно-исполнительных инспекций, подлежащих государственной регистрации в качестве юридических лиц: приказ Министерства юстиции РФ от 09 июня 2006 г. № 84 // Архив межрайонной уголовно-исполнительной инспекции г. Братска.
7. Положение об уголовно-исполнительных инспекциях: утв. постановлением Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 729 // Российская газ. – 1997. – 25 июня.
8. Российская газета. – 2005. – 11 мая.
9. Семенюк В. Перспективы развития уголовно-исполнительных инспекций / В. Семенюк // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2005. – № 6.

ИСТОРИЯ ИНСТИТУТА ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИИ

© Семышева Т.В.¹

Уральская академия государственной службы,
г. Екатеринбург

История возникновения любого правового института представляет особый интерес для современного исследователя, поскольку позволяет сравнить нормы данного института в различные периоды развития в целях выявления и изучения положительного опыта их применения. Ювенальная юстиция в России, находящаяся сейчас в стадии восстановления, не является исключением.

Термин «ювенальная юстиция» является синтезом двух понятий и берет истоки из римского права: детство / молодость (от лат. *juvenalis* – юный, молодой) и юстиция (от лат. *justitia* – справедливость, правосудие). Следовательно, в буквальном переводе термин «ювенальная юстиция» обозначает «правосудие» (в более широком понимании – «осуществление справедливости») относительно детей и молодежи [9, С. 32].

Проблема защиты прав детей, формирования особого порядка судопроизводства в отношении несовершеннолетних совершивших противоправные действия не нова.

Уже в Римском праве, более поздних правовых актах средневековья и тем более законодательстве ряда Европейских стран XVIII-XIX вв. предпринимались попытки защитить права несовершеннолетних и оградить их от жестокой кары за совершенное деяние. В Средневековой Европе проблема защиты прав ребенка в различных отраслях права была практически не дискутировалась. Дети несли такую же ответственность как и взрослые и в отношении них могли применяться практически все виды уголовных наказаний.

Однако если говорить о том, что оставили нам античный мир и средневековье о преступлениях несовершеннолетних и об их ответственности за это перед судом, то в законах речь шла только о наказаниях детей и подростков. Процессуальный статус стал интересовать юристов значительно позднее.

В целом же отсутствие специальной правовой защиты несовершеннолетних можно было обнаружить в законах многих стран в начале и даже в середине XIX в.

¹ Аспирант

В России также долго оставались безразличными к участи несовершеннолетних, оказавшихся перед судом. Однако юридическая незащищенность детей и подростков проявлялась в довольно жестоких формах.

В качестве первого законодательного определения ответственности несовершеннолетних в России обычно ссылаются на Указ Сената от 23 августа 1742 года, поводом для которого послужило дело об убийстве 14-летней девочкой Прасковьей Федоровой двух крестьянских детей. Указом определено, что в уголовных делах период малолетства продолжается до 15-летнего возраста, лица этого возраста не могут быть подвергнуты ни пытке, ни сечению кнутом, ни смертной казни. Указом 1744 года период малолетства был распространён и на лиц, не достигших 17 лет.

Последующая систематизация российского законодательства привела к установлению полной невменяемости для лиц, не достигших 7, а затем Указом Екатерины II от 26 июня 1765 года была установлена полная невменяемость до 10 лет, а для лиц от 10 до 17 лет – смягчению наказания. В таком виде данные положения вошли во второе издание Свода законов 1842 года. По российскому Уложению 1845 г. лицам в возрасте с 10 до 14 лет необходимо было определить наличие или отсутствие разума (период условной вменяемости); для лиц в возрасте от 14 до 21 года действовало только положение о смягчении наказания. В Уставе уголовного судопроизводства условная вменяемость была распространена и на возраст 14 – 17 лет (ст. 759). При установлении разума наказания смягчались или заменялись на воспитательные меры; для лиц в возрасте от 17 до 21 года предусматривались смягчение и замена наказания [5, С.21].

Переход от равной уголовной ответственности со взрослыми к смягчению наказания и созданию специальных учреждений для исправления и воспитания несовершеннолетних можно считать периодом предыстории ювенальной юстиции. А собственно возникновение ее знаменует принципиальная смена подхода (парадигмы) в реагировании на правонарушающее поведение [2, С. 3].

Период непосредственной предыстории ювенальной юстиции можно отнести к XIX в. Именно в это время проявился интерес юстиции к ребенку. Как отмечали авторы того времени, отсутствие должного воспитания вело к «моральному одичанию» [4, С. 37]. В этот период формируются социологические концепции причин преступности, в которых ведущими признавались социальные и экономические детерминанты.

Последняя треть XIX в. ознаменована международным движением общественных организаций, тюремных деятелей, юристов, выступающих за особое положение детей в уголовном процессе и применение к юным правонарушителям воспитательных мер вместо карательных. Тем самым обе линии общественного и государственного реагирования стали «сходиться» в одном пространстве – попечения и воспитания.

Россия была включена в этот процесс. В каком-то смысле его итогом к концу XIX в. стал Закон от 2 июня 1897 г. «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений об их наказуемости», содержание которого составили дополнения и изменения в такие законодательные акты, как Уложение о наказаниях уголовных и исправительных; Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями; Учреждение судебных установлений; Устав уголовного судопроизводства [3, С. 39].

Закон существенно изменил институт уголовной ответственности несовершеннолетних. Был снижен репрессивный потенциал наказания, санкции дифференцировались для возрастных групп от 10 до 14 лет, от 14 до 17 и от 17 до 21 года. Предпочтение отдавалось отдаче под ответственный надзор родителей или других лиц. Если за совершенное деяние предусмотрено наказание в виде тюремного заключения, оно заменялось на помещение в исправительные приюты или колонии для несовершеннолетних, а при их отсутствии – особые помещения для несовершеннолетних при тюрьмах или монастыри их вероисповедания. Для лиц от 14 до 17 лет и от 17 до 21 года, совершивших серьезные преступления, за которые предусматривались смертная казнь, каторжные работы, тюремное заключение, ссылка на поселение и т.п., наказания смягчались. К основным процессуальным положениям, внесенным этим Законом, относятся: участие законных представителей (применявшееся, однако, по усмотрению суда); регламентация таких мер пресечения, как отдача под ответственный надзор законных представителей и лиц, изъявивших на то согласие; помещение в исправительные приюты и отделения при исправительных колониях, помещение в монастыри исповедания подсудимых; выделение в особое производство дел о соучастии несовершеннолетних; особое производство о разумении (т.е. о наличии у обвиняемого понимания свойства и значения совершаемого им деяния и умения руководить своими поступками) для лиц от 10 до 17 лет; обязательная защита.

Современниками этот Закон подвергался критике, прежде всего за то, что он все-таки коренным образом не изменил правосудие в отношении несовершеннолетних, ряд существенных для защиты интересов ребенка положений не стали гарантиями, а отданы на судейское усмотрение. Кроме того – это фактически относится к проведению Закона в жизнь – он оказался не обеспеченным механизмами реализации. Последнее обстоятельство привело, например, к тому, что такие меры пресечения и уголовные санкции, которые рассматривались законодателем как экстраординарные (помещение в особые отделения при тюрьмах или арестных домах), за недостаточностью исправительно-воспитательных учреждений на практике остались вполне ординарными. «Таким образом, мы видим, что именно то, что хотел устранить законодатель («чрезвычайно вредное и

растлевающее влияние предварительного содержания под стражей»), узаконяется вновь как чрезвычайная мера» [6, С.89]. Тем не менее, несмотря на некоторую половинчатость и нерешительность, Закон оказался серьезной новацией и обеспечил существенное продвижение становления ювенальной юстиции в России.

Первый особый суд по делам о малолетних в России стал действовать с января 1910 г. в Санкт-Петербурге. Он был создан в результате инициатив Санкт-Петербургского Общества патроната, сформировавшего специальную комиссию по вопросу о введении в России особого суда по делам о несовершеннолетних, руководил которой профессор И.Я. Фойницкий. По образцу Санкт-Петербургского были созданы детские суды в Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Саратове и других городах. Там, где выделить судью для специализации по делам несовершеннолетних было невозможно, предполагалось рассматривать указанные дела в особое время с соблюдением установленных для этого правил.

Дела в отношении несовершеннолетних были переданы в ведение особого добавочного мирового судьи, должность которого была создана специально для рассмотрения этой категории дел. Важнейшей составляющей новой системы была организация попечения над несовершеннолетними. Попечитель собирал для суда сведения о социальных условиях жизни ребенка, о его семье, выяснялись причины, приведшие к преступлению, с тем чтобы суд своим решением способствовал защите ребенка от влияния этих неблагоприятных факторов.

Был установлен особый порядок доставления детей в суд. Они не вызывались туда повестками, а приглашались лицом, в обязанности которого входило оповещение подростка о необходимости быть в суде. Лицу, приглашающему и препровождающему несовершеннолетнего в суд, предписывалось в таких случаях быть одетым в штатское платье. Подростков могли привести в суд и сами родители в случае непослушания, нежелания учиться, работать. И сам подросток мог обратиться к судье за защитой и помощью [5, С. 22].

Разбирательство проходило в особой комнате, в закрытом заседании, где присутствовали только родители, попечители. В суде все начиналось не с предъявления обвинения, а с заявления судьи или доклада попечителя о содеянном, оглашения полицейского протокола, опроса потерпевшего. Допрос носил характер беседы. Считалось важным пробудить веру в себя, чувство ответственности; побудить к полному раскрытию истины; убедить, что сказать правду важнее всего. Затем подростку разъяснялось, что он может быть отдан в колонию, в приют, наказан тюрьмой. Если он раскаивался, обещая вести себя хорошо, то дальнейшее разбирательство откладывалось на определенный срок, примерно на пять-шесть месяцев. В этот период надзор за несовершеннолетним осуществлял попечитель, определяемый судом. Если несовершеннолетний не допускал никаких от-

ступлений от требований, то через определенный срок дело вновь назначалось к разбору и оканчивалось отдачей под ответственный надзор. Если же подросток нарушал правила, тогда по сообщению попечителя судья мог вызвать нарушителя или без вызова решить вопрос о помещении его в приют. Из приюта можно было выйти через месяц-полтора при условии хорошего поведения или по просьбе родителей, которые обращались за помощью найти работу или определить задержанного на учебу. Такая помощь оказывалась, и делалась новая попытка оставить под наблюдением. Если несовершеннолетний вновь совершал проступки, то суд постановлял приговор о помещении в колонию, приют или тюрьму (в отделение для малолетних).

Таким образом, сначала устанавливался педагогический присмотр, затем, если он не имел успеха, осуществлялось личное задержание, окончательная мера определялась спустя пять-шесть месяцев после первого разбирательства. Главными же мерами, используемыми судами, были отдача под присмотр и помещение в воспитательно-исправительное заведение. При чем предпочтение отдавалось первому.

Сегодня одни считают, что в России была создана ювенальная юстиция, другие – что реализовались лишь ее элементы. Для нас интересно, что в России того времени не было никакого специального закона о ювенальной юстиции, детские суды были созданы «в порядке частной инициативы (городского самоуправления)» [8, С. 34] и действовали на основе упомянутого в первой части этой статьи Закона от 2 июня 1897 г. и правил, выработанных Комиссией по вопросу о введении в России особого суда по делам о несовершеннолетних.

Отсутствие специального законодательства ограничивало подсудность детских судов. Напомним, что Закон от 2 июня 1897 г. подвергался серьезной критике, поскольку он не создавал автономной системы детского правосудия. Но вспомним также, что в момент принятия Закона нигде в мире еще не было создано системы ювенальной юстиции (она появилась в США двумя годами позже), так что критика Закона в начале XX в. свидетельствовала скорее о наличии достаточно серьезной общественной дискуссии о детской юстиции, о том мощном влиянии, которое оказал на российскую общественность, в том числе юридическую, пример создания первых детских судов на Западе.

Практика деятельности новых судов интенсивно изучалась и обсуждалась, готовились законопроекты, было создано Общество правовой охраны малолетних, которое просуществовало недолго. Чтобы привлечь внимание общества, объединить усилия теоретиков и практиков, в 1914 году в Москве был учрежден специальный журнал «Особые суды для малолетних и борьба с детской беспризорностью» (редактор В. Шевелкин). Но процесс был прерван Первой мировой войной [3, С.36].

В январе 1918 году Декретом Совнаркома России судебное рассмотрение дел несовершеннолетних отменено и учреждены специальные комиссии по делам несовершеннолетних, которые и стали рассматриваться дела о преступлениях несовершеннолетних. Этот шаг рассматривался как дальнейшая гуманизация в обращении с детьми, совершившими правонарушения.

Постепенно в 20-е годы дела о преступлениях несовершеннолетних вернулись в орбиту уголовного правосудия, хотя роль комиссий оставалась достаточно активной, дела передавались в суд по их решению. Уголовный кодекс РСФСР (УК РСФСР) 1922 года определил возраст уголовной ответственности – 14 лет. Кроме того, в Кодекс были внесены изменения, которые устанавливали обязательное смягчение наказания несовершеннолетним: в возрасте от 14 до 16 лет – на половину от наивысшего предела, от 16 до 18 лет – на одну трет. Данные ограничения были сохранены и в УК 1926 года.

В апреле 1935 г. возраст уголовной ответственности по ряду преступлений был снижен до 12 лет; была восстановлена возможность применения к несовершеннолетним всех видов уголовного наказания. С 1935 по 1950 год карательная политика в отношении детской преступности была.

Лишь принятые в ходе правовой реформы конца 50-х – начала 60-х годов XX в. Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы уделили несовершеннолетним серьезное внимание. В УК РСФСР 1960 г. были введены нормы, смягчающие санкции в отношении несовершеннолетних, а также предусмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного характера. В эти годы вновь введены комиссии по делам несовершеннолетних, создан институт общественных воспитателей. В УПК РСФСР 1960 г. выделена специальная глава «Производство по делам несовершеннолетних».

Правовая реформа 90-х годов XX столетия утвердила общепризнанные принципы и нормы международного права в качестве составной части правовой системы Российской Федерации (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Это положение существенно повлияло на содержание новых законов, в частности Уголовного (1996 г.) и Уголовно-процессуального (2001 г.) кодексов.

Таким образом, анализируя отечественный опыт, нельзя не заметить, что решался этот вопрос без достаточного нормативного регулирования. Суды назывались по-разному: «суды для малолетних», «суды для детей», «детские суды», «суды для несовершеннолетних» [10, С. 98] и т.п. Их организация и деятельность основывалась на частной инициативе и общественной самодеятельности, откуда и проистекали недостатки: сказывалось отсутствие защитников, длительность рассмотрения дел.

Однако, с нашей точки зрения, есть и положительные моменты; несовершеннолетние подследственные отделялись от взрослых, решались пе-

дагогические задачи, попечителями велась индивидуальная работа с подростками. Да и само назначение попечителей быть другом, защитником, помощником детей и сейчас воспринимается вполне современно. Нельзя не заметить, что в уголовном законодательстве XIX в. постепенно прививались гуманистические идеи воспитания малолетних и несовершеннолетних. Правотворческая практика шла по пути смягчения карательного характера закона.

История ювенальной России свидетельствует о том, что ювенальная юстиция как система государственных органов имеет достаточно долгую историю, дающую возможность оценить её необходимость. Кроме того, различные варианты этой системы позволяют изучить каждую из них с точки зрения возможности её применения в конкретной сложившейся обстановке.

Поэтому неудивительно, что современный процесс внедрения элементов ювенальной юстиции происходит не с нуля, что привело бы к непредсказуемым последствиям, а за основу так или иначе берутся варианты построения системы ювенальной юстиции, доказавшие своё основательность и эффективность.

Будучи разрушенной у нас в стране в начале 20-х годов прошлого века, система ювенальной юстиции получила развитие во всем мире и полностью доказала свою состоятельность как способ предупреждения безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защиты их прав.

В настоящее время внимание специалистов и общественности снова обращено к проблеме ювенальной юстиции: появляются законопроекты о ювенальной юстиции, обсуждается создание самостоятельного ювенального права и т.д. Очевидно, не так просто воссоздать систему ювенальной юстиции в России, но в ряде субъектов Российской Федерации её элементы успешно внедряются. Вероятно, отечественный опыт в этой области может оказаться весьма полезным.

Список литературы:

1. Беляева Л.И. Первый съезд деятелей по вопросам суда для малолетних // Вопросы ювенальной юстиции. – 2005. – № 1. – С. 5-9.
2. Беляева Л.И. Размышления по поводу ювенальной юстиции // Вопросы ювенальной юстиции. – 2005. – №2. – С. 3-9.
3. Беляева Л.И. Ювенальная юстиция: история и современность. Преподавание ювенального права и ювенальной юстиции в Российских вузах. Материалы семинара. – М.: Статут, 2000. 149 с.
4. Бэйзмор Г. Три парадигмы ювенальной юстиции // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. 127 с.

5. Ведерникова О.Д. Ювенальная юстиция: исторический опыт и перспективы // Российская юстиция. – 2000. – №7. – С. 21-27.

6. Иванян Р. Права ребенка – декларации и реальность // Защита прав человека в Российской Федерации. Сборник работ стипендиатов Второго конкурса Г. Старовойтовой. – СПб.: Петрополис, 2001.

7. Максудов Р.Р., Флямер М.Г. Ответ государства и общества на правонарушения и отклоняющееся поведение несовершеннолетних (исторический экскурс и методологический анализ ювенальной юстиции) // Восстановительное правосудие для несовершеннолетних и социальная работа: Учеб. пособие / Под ред. Л.М. Карнозовой. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформ», 2001.

8. Мельникова Э.Б., Карнозова Л.М. Ювенальная юстиция – охранительная и восстановительная. – М.: Инфра-М, 2002. – 173 с.

9. Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция. Учебное пособие для студентов юридических высших образовательных учреждений. – М.: Фонд НАН, 2000. – 176 с.

10. Уинтер Р. Альтернативы // Правосудие по делам несовершеннолетних. Мировая мозаика и перспективы в России. Вып. 2. В 2 кн. Кн. 2 / Под ред. М.Г. Флямера. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2000.

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕЗИДЕНТСКОГО ПЛАНА БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

© Шишкин В.В.¹

Челябинский филиал Университета
Российской академии образования, г. Челябинск

В статье рассматриваются возможные последствия предлагаемого Президентом России плана борьбы с коррупцией.

Исходя из определения, данного А.А. Ивановым, частное право – совокупность отраслей права, которые выражают и защищают частные интересы отдельных лиц [1]. Никем и никогда не оспаривалась необходимость постоянного совершенствования норм частного права. Последние годы ознаменовались кардинальными изменениями в сфере частного права, причем изменения направлены на более действенную защиту прав и свобод личности. Вряд ли найдется юрист пытающийся доказать обратное.

То есть можно констатировать определенные положительные сдвиги в области защиты прав человека. Но, думается, рано хлопать в ладоши. Недостаточно принять хорошие законы, необходимо создать механизм реализации этих законов.

То, что в России сложилась негативная ситуация именно с реализацией подтверждается самой постановкой вопроса о борьбе с коррупцией на уровне национального проекта. Бесспорно, что коррупция является фактором, негативно воздействующим не только на развитие государства в целом, но и на реализацию прав человека. Бесспорно, что тема коррупции весьма актуальна для России и в настоящее время.

Данные социологических опросов проводимых аналитическим центром Юрия Левады с 1999 по 2006 годы свидетельствуют, что принимаемые в эти годы меры по борьбе с коррупцией привели к обратному результату. Количество россиян из числа участвовавших в опросах и указавших на борьбу с коррупцией как на первоочередную задачу государства возросло с 22 % в 1999 году до 41 % в 2006 году [2].

Почему россиян беспокоит рост коррупции? Очевидно, что мало кто из наших сограждан осознает прямую связь коррупции с безопасностью государства, что борьба с коррупцией для России не просто актуальна, а жизненно важна, от исхода этой борьбы зависит само существование России как суверенного государства.

¹ Старший преподаватель кафедры Права

Скорее всего, сограждан беспокоит влияние коррупции на уровень реализации их прав, то есть негативное воздействие коррупции на жизне-способность отраслей, относящихся к частному праву.

Проблема борьбы с коррупцией, возведенная Президентом России в ранг национального проекта, не нова. Практически во все исторические эпохи эта проблема так или иначе озвучивалась представителями высшей государственной власти. Не углубляясь в историю России, можно вспомнить примеры из нашей современности. Уже в третьем тысячелетии предлагалось принять федеральный закон «О борьбе с коррупцией».

В 2001 году А.В. Похмелкин по поводу проекта федерального закона «О борьбе с коррупцией» утверждал, что проект «представляет собой очередную бесплодную попытку решить острейшую социальную проблему ...». Более того, А.В. Похмелкин высказал мысль, что принятие такого закона без тщательного изучения проблемы и теоретической проработки предполагаемых мер борьбы, приведет только к дальнейшему расцвету коррупции [3]. За время прошедшее с 2001 года проект принят не был, но, к величайшему сожалению, и серьезных научных исследований в этой сфере проведено не было.

Уже в первых своих выступлениях проблема борьбы с коррупцией Президентом России Д. Медведевым была возведена в ранг важнейшей проблемы внутренней политики государства. С этим невозможно не согласиться и можно только одобрить провозглашенный политический курс. Для достижения этой цели, согласно плана Президента России Д. Медведева, необходимо решение трех задач: во-первых, модернизация законодательства; во-вторых, создание системы стимулов к антикоррупционному поведению; в-третьих, через правовое просвещение создание антикоррупционного стандарта поведения [4].

Все указанные составляющие президентского плана борьбы с коррупцией имеют право на существование, хотя главенствующая роль модернизации законодательства весьма сомнительна.

В развитие своего предложения Президентом России на обсуждение Совета законодателей по вопросам законодательного обеспечения противодействия коррупции был предложен проект национального плана противодействия коррупции, который содержал три раздела: один из них посвящён мерам по законодательному обеспечению противодействия коррупции; второй раздел посвящён мерам по совершенствованию государственного управления в целях предупреждения коррупции; третий раздел – это меры по повышению профессионального уровня юридических кадров и правовому просвещению [5].

На встрече с руководителями партий, представленных в Государственной Думе Президент России снова затрагивает проблему борьбы с коррупцией. И опять в том же контексте. Наиболее актуальной задачей Президент вновь называет совершенствование законодательства, направлен-

ного на противодействие коррупции, хотя сам же признает, что коррупцию «невозможно задавить при помощи уголовных мер или уголовно-процессуальных мер» [6].

Вскользь Президент России упоминает о необходимости разработки вопросов государственного устройства и административного законодательства.

И ни слова о первопричинах коррупционных проявлений в нашем обществе, о третьем разделе проекта национального плана противодействия коррупции.

Здесь видится нарушение баланса борьбы с причинами и условиями коррупции. К условиям коррупционного поведения можно и нужно отнести несовершенство законодательства, отсутствие связи между материальным благосостоянием и соблюдением законов. Эти условия (в комплексе с другими обстоятельствами) способствуют формированию следствия, в данном случае – коррупции, но не обязательны для формирования коррупционных связей. Внешние обстоятельства не приведут к правонарушению до тех пор, пока они не стали движущим мотивом поведения личности.

Причины же находятся в закономерной, необходимой связи со следствием, всегда вызывают его. Несовершенство российского законодательства, в том числе и антикоррупционной направленности, и отсутствие стимулов к антикоррупционному поведению являются условиями роста коррупции. А отсутствие антикоррупционного стандарта поведения в целом в обществе и у конкретной личности являются первопричиной коррупции с неизбежностью влекущей развитие и распространение данного явления. Несовершенство антикоррупционного законодательства, отсутствие системы стимулирования антикоррупционного поведения являются теми условиями, которые положительно влияют на благотворную для культивирования коррупции почву правового нигилизма.

Большую озабоченность вызывает то, что путаница в причинах и условиях коррупции характерна не только для Президента России. Заблуждение одного человека, хотя и занимающего высший государственный пост, не сложно исправить. Беда в том, что многие достойные уважения юристы с громкими именами и титулами также путают причины и условия, когда заходит речь о коррупции. Так, например, А.П. Войтович и В.И. Майоров среди причин коррупции совсем не называют низкий уровень правосознания и лишь в конце длинного перечня упоминают низкий уровень гражданского самосознания [7]. Петров А.Ю. перечисляя причины коррупции совсем не упоминает сознание ни в какой форме [8].

Путаница причин, условий и следствий коррупции чревата тяжелыми последствиями, которые мы и наблюдаем в настоящее время, а именно: несмотря на предпринимаемые меры по противодействию коррупции она

расширяется, захватывая практически все сферы жизни общества, прочно внедряясь в сознание человека уже не только как что-то допустимое, но и как необходимое для реализации норм частного права.

В прежних работах мною высказывалось мнение о том, что борьба с любым антиобщественным, антигосударственным явлением должна начинаться с формирования правосознания [9]. Это правило касается и борьбы с коррупцией.

Начиная с античности ученые главной задачей правителей, желающих создать прочное, устойчивое государство, видели не создание законов, а воспитание граждан; утверждали, что без правосознания право оказывается не нужным, а государство обречено на гибель.

Аналогичное мнение высказывалось И.В. Тепляшиным, который эффективность процесса становления правового государства ставит в зависимость от степени участия институтов гражданского общества и каждой отдельной личности в данном процессе, а степень участия связывает с уровнем правовой культуры. Продолжая свою мысль, И.В. Тепляшин говорит, что «правовая культура гражданина является источником устойчивой убежденности в высоком назначении права как главнейшего социального регулятора, способного изменить общественные отношения в позитивную сторону, что является достаточно актуальным для современного российского общества» [10].

Если все же придерживаться основных положений теории государства и права, то создание антикоррупционного стандарта поведения через правовое просвещение должно в президентском плане борьбы с коррупцией занять первое место.

Модернизация антикоррупционного закона в условиях правового нигилизма, получившего в России широчайшее распространение, действительно приведет к дальнейшему расцвету коррупции. И президент России осознает опасность того, что борьба с коррупцией может привести к углублению этого явления, если такое возможно вообще, учитывая мнение Президента о том, что «в нашей стране коррупция превратилась в способ существования огромного количества людей. По сути, она превратилась в норму, повседневную норму жизни» [5].

Выработать же устойчивый антикоррупционный стандарт поведения в обществе возможно только через индивидуальное правовое воспитание. Причем Президент России Д. Медведев сам в том же выступлении на совещании по проблемам противодействия коррупции говорит о необходимости заниматься правовым просвещением, называя структуры, обязанные им заниматься, но, к сожалению, не уточняя на кого должно быть направлено это просвещение [4].

Так к кому же применить это пресловутое правовое просвещение: к судьям, к государственным и муниципальным служащим, к избранному и ограниченному кругу из числа молодых людей?

Думается, что проводить юридический ликбез людям среднего возраста уже поздно (если рассматривать правовое просвещение как средство формирования правосознания и воспитания, в том числе и как средство создания антикоррупционного стандарта поведения). Если же, как объект такого воздействия рассматривать избранную молодежь, то возникает вопрос: а кто будет избирать достойных для правового просвещения? Те же коррумпированные чиновники. Если признать, что хотя бы часть чиновников поддерживают коррупционные связи, то необходимо признать, что и среди избранных, «достойных» юридического образования окажется молодежь, близкая к коррумпированным кругам.

Учитывая общий уровень коррупции в стране можно с определенной долей уверенности утверждать о том, что уже сейчас большая часть бюджетных мест в вузах, в том числе и юридических, распределяется не в зависимости от уровня знаний абитуриентов, а в зависимости от уровня финансовых возможностей или уровня влияния близких им людей.

Создание антикоррупционного стандарта поведения, как частного по отношению к правомерному поведению не может быть основано на низком уровне правовой культуры, правового сознания. В свою очередь правовая культура и уровень правосознания предполагают внутреннее убеждение в необходимости соблюдения законов, основанное, естественно же, на знании правовых норм.

Здесь будет уместно вспомнить один из законов, которые все мы в свое время изучали, но сейчас незаслуженно забыли. Речь идет о законе перехода количества в качество. Качественного юриста, также как и любого другого специалиста можно воспитать, только подготовив достаточно большое количество юристов посредственных. Также как для того, чтобы найти самородок нужно перевернуть горы пустой породы. И, следовательно, «подготовке юристов на потоке» нужно давать не негативную оценку, а исключительно позитивную (тем более, что большая часть этого потока движется за счет собственных средств, не получая ни гроша от государства).

А порядок нужно наводить не в вопросе подготовки юридических кадров, а в вопросе отбора квалифицированных кадров на государственные должности, в том числе и на судебские должности, что опять же упирается в коррупционные связи. Ведь зачастую решение квалификационной коллегии судей отражает не уровень профессиональной и моральной готовности кандидата выполнять обязанности судьи, а мнение председателя областного суда.

Все вышеизложенное служит основанием для вывода о невыполнимости предложенного плана борьбы с коррупцией, и, соответственно, в итоге мы обнаружим, что коррупция расцвела еще более махровым цветом.

Размышляя на тему борьбы с коррупцией, невольно возвращаемся к теме формирования гражданского общества. В недалеком прошлом в стране раздавались фанфары по этому поводу. Может, логично было бы поручить институтам гражданского общества разработать программу борьбы с коррупцией, а не поручать государевым людям создать действенную программу против их же противоправных действий.

В этом свете программа борьбы с коррупцией должна была бы принять следующий вид: формирование устойчивого антикоррупционного стандарта поведения через правовое воспитание граждан; формирование полноценных институтов гражданского общества; разработка институтами гражданского общества мер по противодействию коррупции; правовое закрепление соответствующими государственными органами мер по противодействию коррупции, предложенных институтами гражданского общества и под их контролем. Программа длительная и сложная, но реальная. А это лучше, чем с наскока попытаться данную проблему закидать шапками. И следует помнить, что провал национального проекта борьбы с коррупцией повлечет еще большее усиление этой самой коррупции, которая окончательно уничтожит государство, а, следовательно, под угрозой находятся и институты частного права.

Говоря о правах и свободах человека, защищенных частным правом нельзя забывать об угрозе исходящей не только от коррупции как явления, негативно влияющего на действенность частного права, но и об угрозе исходящей от неправильно спланированной и начатой борьбы с коррупцией. В этом вопросе недопустимо исполнение столь обычного для России принципа: хотели как лучше, а получилось как всегда.

Рассматривая проблему создания антикоррупционного стандарта поведения необходимо более подробно остановиться на позиции Президента по отношению к юридическим вузам страны. Оценивая публичные выступления Президента России по данному вопросу можно сделать вывод о негативной оценке Президентом состояния подготовки высшей школой юристов. На это же указывает намерение сократить количество вузов, осуществляющих подготовку специалистов данного профиля.

И вновь приходится возвращаться к основным постулатам теории государства и права – научной отрасли, которую изучал и обязан знать каждый юрист.

Правосознание это частное проявление сознания человека. Как и в общем сознание, так и правосознание формируется (исходя хотя бы из названия) только на базе определенного уровня знаний. Правосознание человека, не имеющего базовых правовых знаний, останется на обыденном уровне. Человек, обладающий правосознанием такого уровня, не будет относиться к законодательным запретам как к необходимому и оправданному. В лучшем случае он будет соблюдать закон из-за страха перед наказанием, а при наличии возможности избежать наказания, такой человек

будет руководствоваться не законом, а собственными интересами, даже если они противоречат интересам общественным.

В настоящее время в российском обществе сложилась именно такая ситуация: люди, понимая (а иногда и не понимая), что они нарушают закон, направленный на благо всего общества в целом, игнорируют свои интересы сегодняшние и будущие как члена этого общества, отдавая предпочтение удовлетворению своих частных сиюминутных интересов. Причем, если сравнить интересы человека, реализуемые через соблюдение общественных интересов, и интересы частные, то часто оказывается, что первые имеют гораздо большее значение. Чиновник, принимающий за мзду решение о зачислении, например, в медицинский вуз абитуриента не способного стать врачом, не может не понимать того, что в будущем в качестве пациентов этого «врача» может оказаться и он сам и его близкие. Но все-таки он делает это, исходя из своих частных сиюминутных интересов.

Почему это происходит? Ответ кроется в уровне правосознания. Самое простое, но не самое правильное решение этой проблемы – ознакомить данного чиновника с законодательством, предусматривающим ответственность за получение взятки, запугать его. Как показывает практика это не решит проблемы коррупции. Правильное решение в воспитании достаточного научного уровня правосознания. А этого невозможно добиться с помощью школьного курса «Основы права» или «Граждановедение», которые к тому же, чаще всего в школах ведут отнюдь не юристы. Необходимо изучение юриспруденции. Исходя из этого, государство должно приветствовать расширение числа вузов, осуществляющих подготовку специалистов в сфере права.

К проблеме вузов, готовящих специалистов данного профиля. Студентов, обучающихся по специальности «юриспруденция», на бюджетной основе, не так уж и много. На обучение студентов, поступивших в вуз на коммерческой основе, государство никаких средств не затрачивает. Почему же государство считает допустимым ограничивать своих граждан в праве на получение того или иного образования за свой счет? Государственные мужи часто говорят: необходимо решать проблему с рабочими кадрами. По аналогии можно привести такой пример: бороться с автомобильными пробками в городах можно через создание нормальных дорог, а можно ограничить количество образовательных учреждений, осуществляющих подготовку водителей автомобилей, а число людей, уже имеющих право на управление транспортными средствами сократить путем применения лишения прав на управление за мелкие нарушения правил дорожного движения.

Сокращение числа вузов, осуществляющих подготовку юристов, в итоге направлено против реализации борьбы с коррупцией.

Список литературы:

1. Иванов А.А. Справочник по теории государства и права: основные категории и понятия/ автор-составитель А.А. Иванов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Экзамен, 2007. – С. 382.
2. Крючков М. Взятки и цены. Режим доступа: <http://www.newizv.ru/news/2006-07-31/51134/>.
3. Похмелкин А.В. Заключение на проект федерального закона «О борьбе с коррупцией». Режим доступа: <http://hro.org/docs/expert/corrupt.php>.
4. Вступительное слово на совещании по проблемам противодействия коррупции. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appears/2008/05/19/1331_type63374type63378type82634_200940.shtml.
5. Вступительное слово на заседании Совета законодателей по вопросам законодательного обеспечения противодействия коррупции. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appears/2008/07/02/1749_type63376type63378type82634_203424.shtml.
6. Начало встречи с руководителями партий, представленных в Государственной Думе. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/appears/2008/07/12/1617_type63376_204022.shtml.
7. Войтович А.П., Майоров В.И. Актуальные вопросы противодействия коррупции.//Актуальные проблемы права России и стран СНГ-2008 г.: Материалы X международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Южно-Уральского государственного университета, 15-летию специальности «Юриспруденция» в Южно-Уральском государственном университете, посвященной 10му юбилейному выпуску сборника конференции, 5-летию Юридического факультета, 3-4 апреля 2008 г. – Челябинск, 2008. – Ч. I. – С. 293.
8. Петров А.Ю. Об административных процедурах, коррупции и антикоррупционной политике. // Там же. – С. 316.
9. Шишкин В.В. Борьба с преступностью: роль государства и общества.// Там же. – С. 188.
10. Тепляшин И.В. Правовое государство, гражданское общество и правовая активность личности: проблемы взаимодействия.// Личность и общество: проблемы взаимодействия: материалы международной научной конференции, 23 апреля 2008 г. – Челябинск: Издательство Марины Волковой, 2008. – С. 114-115.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ
(Выпуск 4)
Книга 2
СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Подписано в печать 13.10.2008. Формат 84×60X1/16. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 20,5 Печ. л. 17,2 Заказ 10-22-08

Отпечатано в типографии
ООО Издательство «СИБПРИНТ»
630099, г. Новосибирск, ул. Максима Горького, 39

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (г. Новосибирск) с целью оказания помощи в опубликовании результатов научно-исследовательских работ профессорско-преподавательского состава, молодых ученых, аспирантов и магистрантов готовит к выходу сборники научных трудов «АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ» (ВЫПУСК 5) по различным областям знаний:

1. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Принимаются материалы по радиобиологии, биофизике, молекулярной биологии, биохимии, ботанике, микробиологии, зоологии, физиологии, экологии, биотехнологии, почвоведению и др.

2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

Принимаются материалы по всем физическим и химическим наукам.

3. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

Принимаются материалы по отечественной истории, всеобщей истории, археологии, этнографии, этнологии и антропологии, историографии, источниковедению и методам исторического исследования, истории науки и техники, истории международных отношений и внешней политики, теории политики, методологии политической науки и др.

4. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Принимаются материалы по теории и истории культуры, музееведению, консервации и реставрации историко-культурных объектов и др.

5. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕНЕДЖМЕНТА И МАРКЕТИНГА

Принимаются материалы по теории управления, менеджменту, маркетингу, ценообразованию, управлению инновациями и др.

6. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ

Принимаются материалы по общей педагогике, истории педагогики и образования, теории и методики обучения и воспитания, коррекционной педагогике, теории и методики дошкольного и профессионального образования и др.

7. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ НАУК

Принимаются материалы по агрономии, зоотехнии, лесному хозяйству, экономике в АПК и др.

8. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ

Принимаются материалы по теории, методологии и истории социологии, экономической социологии и демографии, социальной структура, социальным институтам и процессам, социологии культуры и духовной жизни, социологии управления и др.

9. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК

Принимаются материалы по машиностроению и машиноведению, обработке конструкционных материалов в машиностроении, энергетическому, металлургическому и химическому машиностроению, транспортному, горному и строительному машиностроению, авиационной и ракетно-космической технике, кораблестроению, электротехнике, приборостроению, метрологии и информационно-измерительным приборам и системам, радиотехнике и связи, информатике, вычислительной технике и управлению, энергетике, металлургии, химическим технологиям, транспорту, строительству, электронике и др.

10. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ И ЛИНГВИСТИКИ

Принимаются материалы по русской литературе, теории литературы и текстологии, фольклористике, журналистике, русскому, славянскому и языкам народов зарубежья, типологическому и сопоставительному языкознанию, классической филологии, прикладной лингвистике и др.

11. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

Принимаются материалы по социальной философии, этике, эстетике, религиоведению, философской антропологии, философии культуры, философии науки и техники, онтологии и теории познания и др.

12. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ

Принимаются материалы по экономической теории, экономике и управлению народным хозяйством, финансам, денежному обращению и кредиту, бухгалтерскому учету, статистике, математическим и инструментальным методам экономики, мировой экономике и др.

13. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Принимаются материалы по теории и истории права и государства, предпринимательскому, конституционному, муниципальному, частному, трудовому, гражданскому, административному, уголовному, международному праву, судебной власти и прокурорскому надзору, адвокату-ре и организации правоохранительной деятельности и др.

**ДАТА ОКОНЧАНИЯ ПРИЕМА ЗАЯВОК
НА РАЗМЕЩЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ
В СБОРНИКЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ 26 ДЕКАБРЯ 2008 г.**

Информацию об условиях публикации результатов научных исследований и требования к оформлению материалов можно получить по телефонам Центра развития научного сотрудничества в г. Новосибирске:

8-383-291-79-01 Чернов Сергей Сергеевич, руководитель ЦРНС

8-913-749-05-30 Хвостенко Павел Викторович,
ведущий специалист ЦРНС

или по электронной почте: **monography@ngs.ru,**
monography@mail.ru

НАДЕЕМСЯ НА ПЛОДОТВОРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО!